

СОКРАЩЕННАЯ
КУЛЬТУРА

ДОМ АКАДЕМИКОВ

История и судьбы

ДОМ АКАДЕМИКОВ

История и судьбы

СОХРАНЕННАЯ
КУЛЬТУРА

Санкт-Петербург

2016

УДК 908
ББК 28.89
Д66

ISBN 978-5-9908957-9-9

Дом академиков. История и судьбы
2016. – 380 с., 294 ил.

Книга посвящена истории Дома академиков на углу набережной Лейтенанта Шмидта и 7-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге. В ней рассказывается о его возникновении, прочных связях с Академией наук и многовековой роли в развитии отечественной науки и культуры, города и страны. Книга состоит из исследований истории Дома академиков и воспоминаний его жителей, повествует о жизни в нем академика И. П. Павлова и музея, созданном в его квартире, а также рассказывает об ученых, деятелях культуры и гражданах страны, чьи судьбы были связаны с этим историческим местом.

Проект «Сохраненная культура»

Руководитель проекта и издатель, идея книги В. Б. Наумов, www.russianlaw.net

- © Жуков К. С., разделы I–III, 2016
- © Громова Л. И., раздел IV, 2016
- © Наумов В. Б., составление, введение, заключительная статья, 2016
- © Авторы статей, 2016
- © Коряков А.В., фотографии, 2016
- © Авторы фотографий. Аэрофотосъемка: Александр Петросян и Станислав Забурдаев, 2016
- © Цветкова И. А., оформление и дизайн, 2016

Экземпляры и электронная версия книги распространяются бесплатно. В случае ее использования в соответствии со ст. 1274 ГК РФ требуется указать ее автора, название, «Проект «Сохраненная культура» и ссылку www.russianlaw.net.

По вопросам иного использования просьба обращаться по адресу: naumov@russianlaw.net

Содержание

<i>Виктор Наумов</i> От составителя	9
<i>Константин Жуков</i> Место человека во вселенной.....	10
<i>Константин Жуков</i> I. Память места	13
<i>Константин Жуков</i> II. Память стен	47
<i>Константин Жуков</i> III. Память науки	91
<i>Людмила Громова</i> IV. И. П. Павлов и музей его памяти в Доме академиков	131
V. Память людей	227
<i>Ольга Толмачёва</i> Карпинские – Толмачёвы – Дом	229
<i>Марина Толмачёва</i> Четверть века в квартире президента	249
<i>Александр Билибин</i> История нашей семьи в истории дома на 7-й линии	275

<i>Вера Северинова</i> О жильцах, науке и творчестве в квартире № 9 Дома академиков в 1950–1970-е годы	285
<i>Борис Шилин</i> О квартире № 17	293
<i>Лия и Борис Шульманы</i> Наш Дом	297
<i>Екатерина Головачёва</i> Ольденбурги-Головачёвы в Доме академиков	315
<i>Елена Проскурина</i> Тропинка в космосе	321
<i>Лев Тоб</i> Теперь без грифа «Секретно»... ..	325
<i>Михаил Левшаков</i> Рассказы старого стола	329
<i>Наталья Мунштукова</i> Три поколения в Доме академиков	341
<i>Виктор Наумов</i> Сорок пять лет на берегах Невы	349
<i>Николай Тихомиров</i> Жизнь... чтобы жить... ..	359
Сведения об авторах	372
<i>Виктор Наумов</i> Развитие проекта «Сохраненная культура»	374

От составителя

Целую эпоху гордо смотрит на течение Невы Дом академиков. Дом, который для многих в Санкт-Петербурге (Ленинграде) олицетворял величие и благородство науки и с которым тесно связаны судьбы многих поколений российских и советских ученых.

Академик Д. С. Лихачев в одной из телевизионных передач (встреч в Останкино в середине 1990-х годов) рассказал, что дом из-за обилия на нем мемориальных досок иногда в быту называли «индийской гробницей». Все имена на этих досках — цвет отечественной науки. Но сколько еще людей, не искавших ни званий ни наград, но отдавших Родине свои таланты, творческие силы и жизни, не удостоены таких мемориальных досок, и не только на стенах этого дома, но по всей стране!

Стройный ряд досок на двух фасадах Дома академиков — это только начало почти бесконечных линий памяти, которые мы должны провести, чтобы не забывать о своей истории, о культурном и научном наследии, о достойных гражданах нашей страны.

Идея объединить исторические очерки и воспоминания, посвященные одному зданию, возникла весной 2016 года. Она получила отклик и у профессиональных историков, и у тех, кто жил или ныне живет в Доме академиков, кто бережно хранит память о родственниках и друзьях, с ним связанных.

Для его жителей этот дом многогранен и удивителен, жизнь немыслима без него и всюду и всегда его образ с нами — монументальный, знаменитый и благородный, с тайнами истории и впечатлениями из детства.

Многое в прошлом Дома академиков еще ждет своего открытия, но труды историков и краеведов и искренние воспоминания людей в этой книге уже подняли завесу тайны и представили читателю широкую картину жизни эпохи.

Мы надеемся, что эта книга поможет задуматься на тем, как сохранить для нашего будущего прошлое и как поделиться с миром историей ушедших поколений, чтобы их наследие и надежды стали для нас надежными ступенями в развитии культуры, науки, общества и государства.

Виктор Наумов

Место человека во вселенной

Люди, бывает, дают имена неодушевленным предметам. Всегда – кораблям. Иногда – самолетам. В древности рыцари давали имена своим мечам. А вот домам специальных имен не придумывают. Нет такого обычая. Но иногда, очень редко, имя у дома появляется само. Так случается, когда это сооружение – из кирпичей или из бревен, покрытое железом или черепицей, одноэтажное или чуть не до облаков – вдруг как будто обретает душу, становится живым. И странно уже называть его просто по адресу: улица такая-то, номер такой-то. Все начинают обращаться к этому дому по имени, с каким-то особенным чувством, как к старому знакомцу.

Дом, который уже не одно столетие стоит в Петербурге на углу 7-й линии Васильевского острова и набережной Невы, имеет имя. Это имя – Дом академиков. Никто не скажет, когда оно появилось, но члены Академии наук – Петербургской, Императорской, Российской, Академии наук СССР, а теперь снова Российской – живут в этом доме уже больше двух с половиной столетий.

Двадцати девяти мемориальных досок, укрепленных на его стенах, категорически мало. Выбор имен, запечатленных на них, почти случаен. Среди обитателей этого дома было не двадцать девять, а несколько десятков таких людей, чьими именами гордились бы целые города и страны, проживи они в них хотя бы год.

Эта книга посвящена не кому-нибудь из его жильцов, а самому дому. Мы, ее авторы, хотели рассказать о том, как случилось, что Ее превосходительство Российская Наука обрела здесь свой Дом, о том, какая атмосфера здесь царилла, как наука влияла на нее, и как она влияла на науку.

А атмосфера была действительно уникальная. Может быть, лучше других понимал ее ценность Теодор Адамович Шумовский, замечательный востоковед и переводчик, на долгих шестнадцать лет оторванный от нее заключением в сталинских лагерях. Вот как на склоне лет он вспоминал один из визитов в квартиру своего учителя Игнатия Юлиановича Крачковского: «И снова родная Университетская набережная, Румянцевский сквер, сфинксы. Неширокий двор старого академического дома, лестница, пробегаемая одним махом, дверь с именной дощечкой. И снова глядят в душу внимательные глаза на постаревшем лице».

Последняя и главная часть этой книги собрана из воспоминаний, очерков и заметок тех людей, кому довелось жить в Доме академиков, тех, чьи отцы, деды или прадеды составили славу российской науки. К сожалению, не со всеми мы смогли связаться, не у всех была возможность записать свои воспоминания. Многих, увы, мы уже не застали в живых. И тем не менее собранные вместе, эти очень разные по объему, стилю и откровенности произведения складываются, как кусочки смальты в мозаичной картине, в цельную панораму жизни Дома академиков в течение почти всего XX века.

Предваряют эту часть книги два очерка. Один из них, написанный краеведом Константином Жуковым, посвящен истории Дома академиков в XVIII и XIX веках. Другой, автором которого является Людмила Ивановна Громова, главный хранитель Мемориального музея-квартиры академика И. П. Павлова, рассказывает о жизни в Доме академиков этого великого ученого, создателя науки о высшей нервной деятельности, о его семье и о созданном в его квартире музее.

Дом академиков давно ждал книги о себе. Немногие статьи о нем, появившиеся в периодике или в сборниках, были краткими и неполными. А рассказать о нем подробно было необходимо. Ведь нет, кажется, в Петербурге другого дома, к которому точнее подходили бы строки Осипа Мандельштама:

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью бренной.
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.

Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны,
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари.

I. Память места

I. Память места

Сведения об авторе (I, II, III главы):
Жуков Константин Сергеевич (р. 1964) –
историк, краевед, писатель.

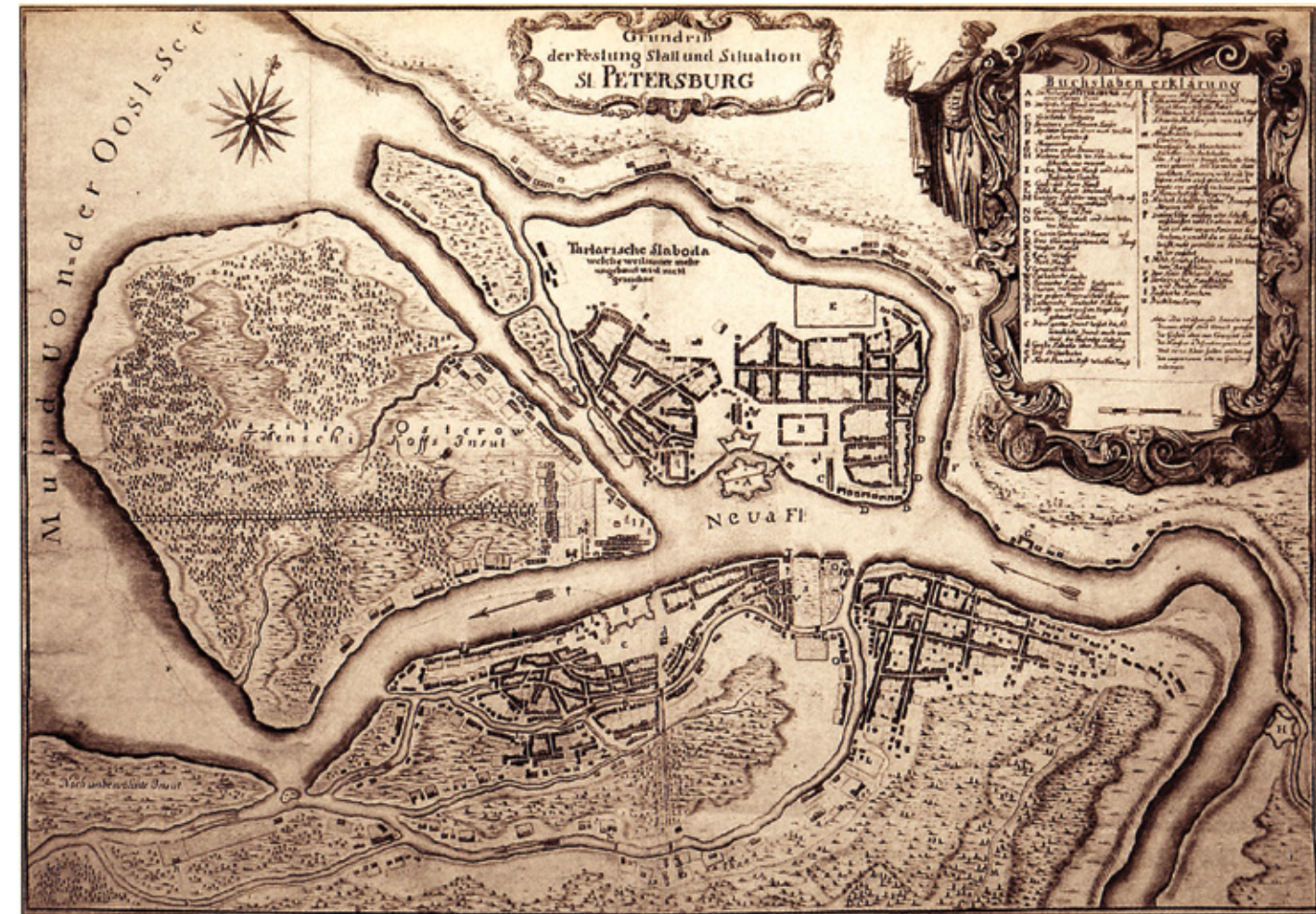
Удивительно интересное это занятие – рассматривать старинные карты Санкт-Петербурга! Это настоящие произведения искусства – не столько топографического, сколько изобразительного. Почти все они, особенно сделанные в Петровское время, богато украшены пышными фигурными картушами, хитро сплетенными рамками, аллегорическими композициями и прочим. А вот то самое, ради чего, казалось бы, карты и создаются – очертания берегов, взаимное расположение улиц и кварталов, площадей и каналов – все это довольно неточно, да к тому же почти всегда не соответствует тому, что было на самом деле: наносились на эти карты не только уже существующие объекты, но и те, которые только планировались, а зачастую так построены и не были.

А все дело в том, что нужны были эти карты вовсе не для того, чтобы узнавать по ним, где и что в этом городе находится. Нет, таких утилитарных целей при их изготовлении не ставилось. Их назначение было значительно возвышеннее: они должны были прославлять новый строящийся город, демонстрировать его великолепие, правильность, грандиозность и таким образом объяснять всему миру, что русский царь способен творить подлинные чудеса и что ни один правитель в мире не может сравниться с ним в могуществе и благодати. И адресованы были эти произведения гравировального искусства не местным жителям и не приезжим, а тем иностранцам, которые Петербург, может, вовсе и не собирались посещать, – в первую очередь монархам. Все надписи на этих листах делались на европейских языках. Да и изготавливались карты обычно не в России, а в лучших европейских печатнях по присланным от царя эскизам.

Вот таким эскизом, правда, все-таки выполненным уже не от руки, а отгравированным и отпечатанным, считается «Палибина гравюра» – чертеж, купленный в 1898 году русским купцом Михаилом Палибиным в Берлине. Оттисков этого плана сохранилось так мало, что хватит пальцев одной руки, чтоб их пересчитать. А любопытного на нем (оформлен он, кстати, довольно скромно по сравнению с другими планами того же времени) – чрезвычайно много.

Вот, скажем, Васильевский остров. На других, роскошных, планах 1710–1720-х годов он весь заполнен правильными прямоугольными кварталами, прорезан каналами да к тому же по всей береговой линии окружен валами с бастионами. А «Палибина гравюра» показывает, что в действительности ничего этого к 1717 году не было.

Кстати, кроме «Палибиной гравюры», есть еще некоторые редкие материалы, подтверждающие ее правдивость. Например, чертеж, выполненный

в 1714 году французским инженером С. Лепинасом и озаглавленный «План острова его высочества светлейшего господина князя Меншикова». Имелся в виду, конечно, Васильевский остров. Васильевским он назывался еще с XV века, когда владел им один из новгородских посадников по имени Василий. На шведских картах остров чаще обозначался по-фински – Хирвисаари (Лосинный остров). А в Петровское время фигурировал он как «Княжеский» или

План крепости, города и местоположения Санкт-Петербурга («Палибина гравюра»). По-видимому, этот план отражает состояние застройки Петербурга в конце 1716 г.

Юго-восточная часть Васильевского острова. Фрагмент «Плана острова его светлости господина князя Меншикова», выполненного инженером С. Лепинасом, 1714 г.

«Меншиков остров». В иностранных описаниях раннего Петербурга говорится, что был этот кусок суши подарен Петром своему любимцу, а затем, когда царь решил именно здесь разместить центр своей новой столицы (в связи с чем, вероятно, и был Лепинасу заказан топографический план), отобрал его. Однако, как считает современная исследовательница Татьяна Базарова, «возможно, подарка в привычном понимании этого слова и не было»¹. Просто Меншикову, которому Петр доверял самые важные, самые ответственные дела, было как бы вменено в обязанность обустроить этот, довольно пустынный по сравнению с другими частями будущей российской столицы, остров.

Действительно, если и на Городовом острове (он же Петербургский, Березовый или Фомин остров), и по левому берегу Невы, а выше по течению — и по правому, и вдоль Невки были в изобилии рассыпаны большие и маленькие поселения (в их числе и крупный город Ниен в устье Охты), то на Васильевском острове ко времени прихода сюда русской армии, лишь вдоль северного берега, примерно там, где сейчас находится здание Библиотеки Академии наук, располагалось около десятка крестьянских и рыбацких дворов, а также лоцманский дом и кабак². Низины, которых на острове было много, по-видимому, даже при небольших подъемах воды заливались — местность была сильно заболоченной.

Вот эти-то болота и предстояло осушить новому хозяину Васильевского острова, Санкт-Петербургскому генерал-губернатору Александру Даниловичу Меншикову. Одна из таких полузатопленных низин на «Палибиной гравюре» отмечена к западу от каменной резиденции светлейшего князя — всем известной просеки-аллеи, пересекающей остров в широтном направлении, — Перспективной дороги (нынешнего Большого проспекта). Начинаясь она тогда от улицы, превратившейся впоследствии во 2-ю и 3-ю линии, а в ту пору называвшейся Французской, поскольку была она отведена для приехавших в Петербург вслед за знаменитым архитектором Жаном Батистом Леблонном мастеров — резчиков, столяров, литейщиков, декораторов и прочих.

А вдоль южного края болота, на неширокой осушенной полосе, разделяющей его край и берег Невы, расположено несколько домов. Один из них, обозначенный на «Палибиной гравюре» латинской *I*, в экспликации назван Государственной канцелярией³. На самом деле находившееся здесь учреждение называлось Губернской канцелярией — это была контора, в частности, контролировавшая продажу и залог недвижимости⁴. Сюда, на Васильевский, поближе к дому самого генерал-губернатора, канцелярия переехала после

Васильевский остров на «Палибиной гравюре».

того, как в 1715 году ее здание на Городовом острове сгорело⁵. Впрочем, и тут оно простояло недолго: ганноверский резидент Фридрих Христиан Вебер в книге «Преображенная Россия» упоминает, что губернская канцелярия «на Княжеском острове зимой 1716 года сгорела до основания»⁶. Что было причиной столь печальной судьбы этих домов — дурные печи или, как предположил когда-то Петр Николаевич Петров, чье-то желание «уничтожить дела, сильно затрагивавшие многих важных лиц и частью князя Меншикова»⁷, — сказать сейчас затруднительно.

Так же затруднительно и определить, пользуясь одной только «Палибиной гравюрой», на каком точно месте относительно сегодняшней уличной сетки находилась сгоревшая канцелярия. Помогают другие планы петровского Петербурга, на которые эта сеть, еще только как проект, уже нанесена. На двух картах, одна из которых была выпущена в Нюрнберге в 1717–1718 годах

¹ Базарова Т. А. «Остров князя Меншикова» на планах петровского Санкт-Петербурга // Базарова Т. А. Создание «Парадиза». Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб.: Гийоль, 2014. С. 309. Косвенным подтверждением того, что формально остров Меншикову не принадлежал, может служить следующее обстоятельство: в бумагах, имевших значение официальных государственных актов, название «Меншиков остров», судя по всему, не употреблялось — только «Васильевский».

² Кенсу С. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб.: Европейский дом, 2000. С. 36–37.

³ Базарова Т. А. Указ. соч. С. 299.

⁴ Азеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» — град святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). СПб.: Блиц, 1999. С. 135.

⁵ Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. М.: Центрполиграф, 2004. С. 80.

⁶ Из книги Ф. Х. Вебера «Преображенная Россия» (ч. I): Приложение о городе Петербурге и относящихся к этому замечаниях // Беспятовых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л.: Наука, 1991. С. 114. То же самое, возможно, почерпнув сведение о пожаре губернской канцелярии у Вебера, сообщает Г. фон Реймерс (Реймерс Г. фон. Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 73).

⁷ Петров П. Н. Указ. соч. С. 80.

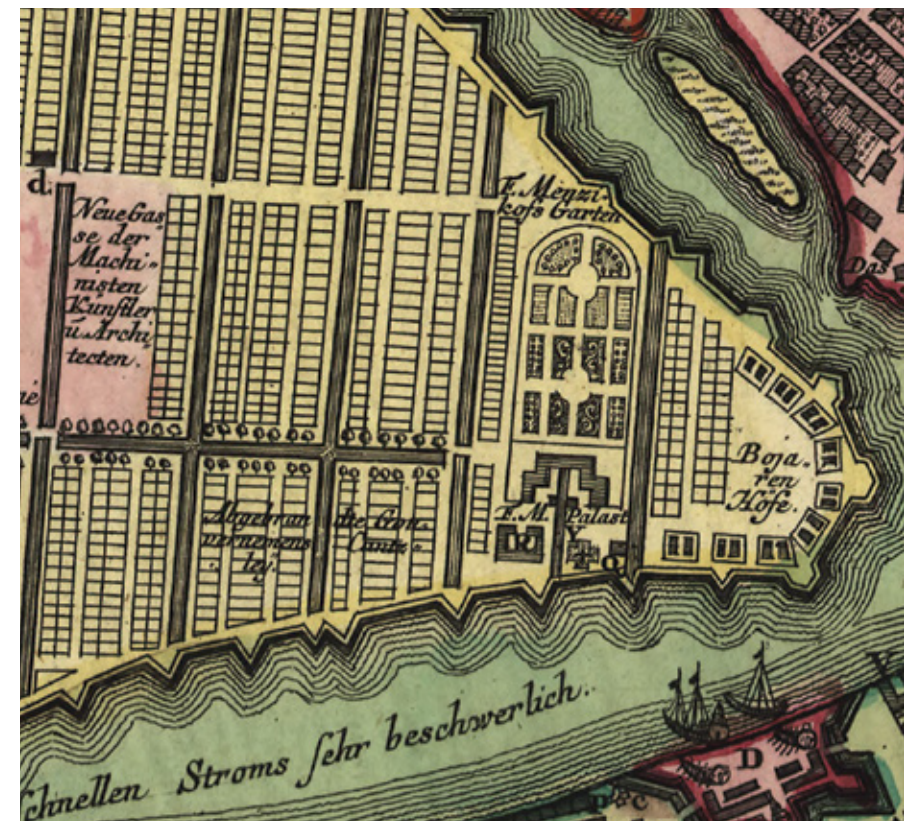
I. Память места

Иоганном Баптистом Хоманном, а другая – в Амстердаме в 1725 году братьями Оттенсами, имеется одна и та же надпись: «Abgebrandte Gouvernemens Cantzley», то есть «Сгоревшая губернская канцелярия». Помещена она в том месте, где от набережной Невы начинаются 6-я и 7-я линии Васильевского острова. Утверждать с абсолютной уверенностью, что Дом академиков, о котором пойдет рассказ в нашей книге, находится точно на месте уничтоженной пожаром конторы, можно было бы только по результатам археологических раскопок: грунт в этой части Васильевского острова сильно поднят, и, возможно, метрах в трех ниже уровня нынешней мостовой можно обнаружить остатки фундамента этого строения.

В общем, так или иначе, Александр Данилович Меншиков чувствовал себя в 1700–1710-е годы на Васильевском острове полновластным хозяином и действовал со свойственным ему размахом, который, кстати, вполне импонирует его порфириносному другу и покровителю.

Уже летом 1704 года здесь начинает строиться для князя обширный двухэтажный деревянный дом, П-образный в плане, заверченный в 1710 году⁸. Находились эти хоромы в некотором отдалении от берега Большой Невы – примерно там, где заканчивается здание манежа Кадетского корпуса, или чуть дальше. За домом был разбит сад, тянувшийся на северо-запад вплоть до противоположного берега острова. К парадному крыльцу из Невы был прокопан канал, справа от устья которого на набережной возвышалась мазанковая церковь Воскресения Христова – домовый храм Меншикова⁹, с колокольней, шпилем и курантами на башне. Рядом с церковью на набережной стоял дом меншиковского дворцового (которого величали «гофмаршалом князя Меншикова») – Федора Алексеевича Соловьева, бывшего крепостного, благоденствовавшего под крылом своего господина до 1716 года, когда стандартное обвинение в неуплате пошлин привело его на каторгу, а его имущество, включая дом, было изъято в казну¹⁰.

Вниз по течению Невы территория усадьбы «полудержавного властелина» продолжалась. Здесь сразу по завершении постройки деревянного дома был заложен еще один – каменный, обросший затем пристроенными корпусами и превратившийся в подлинный дворец (под этим именем он и известен всем сейчас). Это здание превосходило размерами и роскошью все существовавшие на ту пору в России представления о жилых постройках. Фигурные фронтоны по бокам дворца на Васильевском (как и макушка меншиковской резиденции в Ораниенбауме) были увенчаны огромными золочеными коронами. Короны эти – княжеские (титул князя Священной Римской империи был дарован Меншикову австрийским императором в 1705 году), но формой они

Восточная часть Васильевского острова. Фрагмент «Нового и достоверного плана города Санкт-Петербурга, основанного русским императором Петром Алексеевичем...». Издательство Рейнера и Йошуа Оттенсов. 1725 г.

напоминают императорские, и несведущие современники, конечно, видели в них символ монаршей власти.

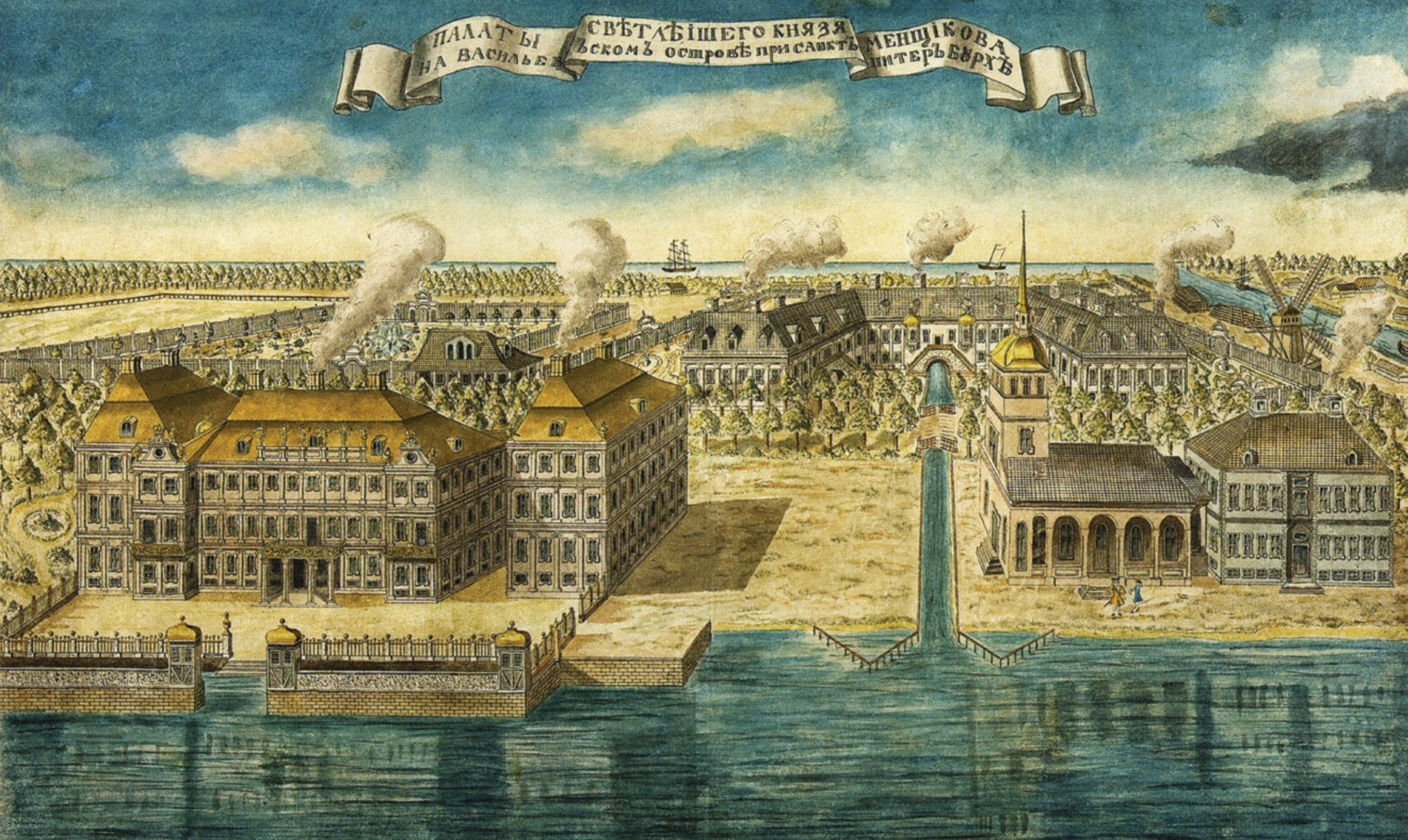
При этом царские Летний и Зимний дворцы, строившиеся приблизительно в то же время, значительно уступали меншиковским дворцам во всем. К тому же с самого раннего времени достопримечательностью города был тщательно оберегаемый маленький домик на Петербургской стороне, который демонстрировали гостям новой российской столицы как первое царское жилище в городе. Здесь на крыше были укреплены две вырезанные из дерева пылающие бомбы, а посредине – деревянная же мортира, что показывало: это дом бомбардира Преображенского полка.

Да если бы дело касалось только жилищ!

⁸ Малиновский К. В. Санкт-Петербург XVIII века. СПб.: Крига, 2008. С. 48–50.

⁹ Трубинов Ю. В. Первый домовый храм Петербурга (церковь Воскресения Христова в усадьбе Меншикова) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1998. М.: Наука, 1999. С. 504–527.

¹⁰ Ендольцев Ю. А. Дворец Петра II (Университетская набережная, 11). События и люди. СПб.: Искусство России, 2002. С. 4.

ПАЛАТЫ
НА ВАСИЛЬЕВ-
СКОМЪ ОСТРОВѢ ПРИ САНКТЪ-
ПЕТЕРЪБУРГѢ
СВѢТЛѢЙШЕГО КНЯЗЯ
МЕНШКОВА

Палаты светлейшего князя Меншикова на Васильевском острове при Санкт-Петербурге. Неизвестный художник по гравюре Алексея Зубова, созданной в первой четверти XVIII в. 1791 г. В глубине посредине – деревянный дворец светлейшего князя, к нему ведет узкий канал. Справа на переднем плане – Воскресенская церковь и дом Соловьева, слева – каменный Меншиковский дворец с отгороженной перед ним гаванью.

Светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Портрет работы неизвестного художника. 1716–1720 гг.

Меншиков и в официальной, и в повседневной обстановке одевался с невероятной роскошью: камзолы с золотым шитьем, кружева, бриллиантовые пуговицы, пышные парики и пр. и пр. Петр носил потертые и выцветшие мундиры, стоптанные башмаки, парика не надевал вовсе. Меншиков, став губернатором, собственноручно никакой физической работы не исполнял. Не сохранилось ни одной написанной им бумаги — это даже породило подозрения, что он был неграмотным. Петр не только писал очень много, но и лез во всякое несвойственное царскому званию дело: рубил корабли, ковал железо, драл зубы, точил паникадила и т. д.

Все это и многое другое как бы указывало: тот, кто живет на Васильевском острове, является подлинным царем, обладает царской властью, а обитатель маленьких домиков, если и был урожден монархом — отказался от власти, передал ее своему дружку, а сам занялся чем-то более для него интересным. Иногда даже можно встретить такие предположения: Петр-де был ненастоящим, подменным царем, а подлинным правителем России был тот, кто скрылся под псевдонимом Алексашка Меншиков. Это, конечно, совершенные домыслы. Разгадку столь парадоксальных отношений между царем и его фаворитом следует искать в особенностях той удивительной культуры, к которой оба они принадлежали — культуры барокко. А для нее характерно игровое поведение, восприятие жизни как карнавала, где каждый носит ту или иную маску. При этом, как пишет выдающийся культуролог Борис Успенский, «истинный, настоящий царь, снимая с себя в н е ш н и е знаки царского достоинства и заставляя другого фактически выступать в роли самозванца, как бы подчеркивает свое п о д л и н н о е право на царский престол, не обусловленное никакими формальными свойствами»¹¹.

Эта игра в «принца и нищего», заводилой в которой был, несомненно, Петр, сделала Меншикова «как бы царем»¹². Стало быть, при этом «как бы царе» должен был существовать и «как бы двор». Об одном из представителей этого псевдодвора — гофмаршале Соловьеве — мы уже упомянули («гофмаршал» в буквальном переводе означает «маршал двора»). Он был, конечно, не единственным. У князя было много приближенных, которых в его «юналах» так и называли «придворными»¹³. Для нас особенно интересны двое: его секретарь Алексей Яковлевич Волков и адъютант Илья Ерофеевич Лутковский.

Камер-фурьерские журналы Меншикова (а он, кажется, является единственным лицом не царской фамилии в русской истории, при котором велись такие журналы) день за днем фиксировали, чем его светлость занимался, где был,

с кем трапезничал и т. п. Имя Алексея Волкова встречается там едва ли не чаще всего. Он постоянно обедал у Меншикова, присутствовал при его встречах с посетителями, сам принимал его у себя дома. Волков был одним из тех, на кого Меншиков опирался, возводя после смерти Петра на престол Екатерину.

В «Биографиях российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского (издания 1840 года) Волков причислен к «почтенным людям, которых имена достойны быть переданными потомству»¹⁴. Современный историк Евгений Анисимов иначе оценивает этого деятеля, называя его «прихлебателем светлейшего»¹⁵. С последним мнением, пожалуй, можно согласиться, ибо не было случая, чтоб он проявил какую-нибудь самостоятельность в делах — нет, во всем и всегда он был послушным проводником воли и отстаивателем интересов «полудержавного властелина». И конечно, стремительным карьерным взлетом, пришедшимся на правление Екатерины I и первые месяцы правления Петра II (7 января 1726 года он был произведен в генерал-майоры, 15 мая 1727 года — в генерал-лейтенанты и пожалован деревнями и домом в Москве, прежде принадлежавшими Петру Толстому и Григорию Скорнякову-Писареву; кроме того, он получил орден Святого Андрея Первозванного), Волков был обязан не собственным выдающимся способностям. Его покровитель в то время был практически безраздельным правителем России, и только его протекция обеспечила ушлому администратору и незаслуженно высокий чин, и «кавалерию» (то есть награждение орденом); незаконность и того, и другого была позднее подтверждена специальным расследованием¹⁶.

Стоит привести фрагмент из письма Алексея Волкова его патрону, написанного как раз в период наибольшего могущества последнего — 30 октября 1725 года: «Светлейший князь, милостивый государь мой патрон! Ваша светлость милостиво напомнить изволите, что каким образом меня, почитаю, от самого младенчества в вашу милость милостиво принять и отчески воспитать и обучить и всегда содержать изволили, и помощью Божию и вашей светлости милостивым призрением дошел до такого состояния, что Его Божественною благостию и вашим отческим снабдением истинно доволен и должен всегда о здравии и благополучии вашей светлости и всего вашего высокопочтенного дому Бога молить и с моею обыкновенною верностию и прилежностью вашей светлости и всему дому вашему служить до кончины моей...»¹⁷

¹¹ Успенский Б. А. Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С. 166.

¹² Подробнее об игровых взаимоотношениях Петра и Меншикова см.: Жуков К. С. Принц и нищий по-русски // Ваш тайный советник. 2016. № 1 (19). С. 18–21.

¹³ Например: «В 20 день [января 1716 года]... изволил куш[ать] в своей квартире с придворными своими»; «в 7 день [апреля 1716 года]... изволил кушать з домашними и с придворными своими» и т. п. (Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой. М.: Российский фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Российский Архив, 2000. С. 23, 31 и др.).

¹⁴ Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. I. СПб., 1840. С. 109.

¹⁵ Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб.: Лениздат, 1994. С. 161.

¹⁶ Выписка о Алексее Волкове. Приложение к протоколу Верховного тайного совета от 6 ноября 1727 года // Сб. Императорского русского исторического общества. СПб., 1889. Т. 69. С. 717–720.

¹⁷ Письмо Алексея Волкова к кн. Меншикову 30 октября 1725 года // Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд. Кн. 4. Т. 16–20. СПб.: Общественная польза, 1895. Приложение к т. 18. Стлб. 933–936.

В общем, совершенно естественно, что каменный дом для себя Волков решил возводить поблизости от усадьбы Меншикова. Вполне возможно, тот сам указал своему протеже на место сгоревшей губернской канцелярии. Г. А. Богуславский относил получение Волковым участка под строительство к тому же 1716 году, когда случился злополучный пожар¹⁸, но возможно, это произошло несколько позже. Тут уже сомнений в том, где находился этот дом, быть не может: стены ныне стоящего на набережной Дома академиков — это частично те самые стены, которые в первой четверти XVIII века возводились для Алексея Волкова.

(В скобках заметим, что Волков не ограничился единственным домом: в 1718 году он взял под застройку еще один большой участок вдоль нынешней Кадетской линии, вплотную примыкавший к территории Меншиковского дворца¹⁹. То что два расположенные поблизости дома принадлежали одному хозяину, породило некоторую путаницу в работах современных краеведов, ведь в XVIII веке адресов в нашем понимании не существовало и оба дома назывались в документах совершенно одинаково: «дом Алексея Волкова на Васильевском острове».)

Итак, правая, если смотреть с набережной, часть той площадки, которую сейчас занимает Дом академиков, принадлежала Алексею Волкову; хозяином же левой с 1718 года²⁰ был еще один «птенец гнезда» светлейшего князя Меншикова — Илья Ерофеевич Лутковский (или, как было принято писать в то время, Лутковской). Скажем и об этом человеке несколько слов.

Начав службу стольником аж в 1717 году от сотворения мира (то есть в 1689 году по нашему летоисчислению) и поучаствовав в Азовских походах, *Илья Ерофеев сын Лутковской* был при организации Петром регулярного войска *взят в учение солдацкого строю* и приписан поручиком к Архангелогородскому полку. Он был в числе тех, кто в мае 1703 года штурмовал Канцы-Ниеншанц, и, таким образом, город Санкт-Петербург возник на его глазах. Позднее он рассказывал о том, как был произведен в капитаны: «...В 704-м году, в приход швецкого Генерала с полками к Канцам, посылан я был из Санкт Питер Бурха вверх по Неве реке на лотках в партию и с неприятельскими людьми была у меня на Неве реке потреба и по указу Царского Величества и по приказу светлейшего римского и российского Государств князя и герцога, его царского величества генерала Фелт Маршала и генерала губернатора Санкт Питер-бургского и кавалера славных ординов святого Андрея и Слона и государственных тайных дел министра Александра Даниловича Меншикова пожалован в Архангелогороцкой салдацкой полк в капитаны...»²¹. Достаточно сравнить ти-

тулатуры Петра и Меншикова в этом отрывке, чтобы понять, кому был обязан Лутковский своим повышением. «Генерал Фелт Маршал» и в дальнейшем не лишал его своего высокого покровительства. В 1709 году Лутковский сформировал и возглавил гренадерский полк, который позднее по месту дислокации стал называться Кексгольмским. Пять лет спустя Илья Ерофеевич был переведен в Петербург, стал полковником Белозерского полка, являвшегося частью Петербургского гарнизона и дислоцированного на Петербургской стороне. Примерно на 1716 год приходится наиболее тесное сближение Лутковского с Меншиковым. В этот период он часто с утра является в дом светлейшего, дабы «отправлять ардинальные дела»²². Дела эти, возможно, частично были связаны с тем, что бывший стольник завел на Выборгской стороне кирпичные заводы, продукция которых была столь необходима строящемуся Петербургу (действительно ли Лутковский владел этими заводами или он был лишь подставным лицом, прикрывавшим истинного хозяина, Меншикова, об этом история, как говорится, умалчивает). А партнером Лутковского стал не кто иной, как его сосед — Алексей Волков. В 1716 и 1718 годах по их челобитьям Санкт-Петербургская губернская канцелярия (та самая, не раз горевшая) отмежевала им «под кирпичные сараи и под селитьбу дворов и для бранья глины на дело кирпича, на их полатное строение и на продажу, на Выборгской стороне вверх по Неве реке по обе стороны речки Черной Грязи ис пустых порозжих земель» большой участок — пятьсот на семьсот сажень, да к нему участок лесу под рубку пятьсот на две тысячи триста сажень²³. Впрочем, заниматься устройством заводов было поручено лишь Лутковскому; Волков только числился их совладельцем.

В 1719 году Адмиралтейство через Канцелярию городских дел заключило договор с полковником Лутковским, который обязался в течение этого года поставить со своих заводов (из 10 печей) своими людьми и на своих судах миллион кирпичей²⁴ (в целом Петербургу требовалось в те годы не менее десяти миллионов штук в год)²⁵. В тот же год царским указом полковнику поручалось надзирать за строительством Адмиралтейской крепости и канала вокруг нее²⁶. Другой именной указ велел ему «на Васильевском острове строить новую библиотеку», то есть библиотечное крыло здания Кунсткамеры²⁷. Еще позднее он был приставлен к строительству корпуса Военной коллегии (канцлей-директором которой был Волков) в составе здания Двенадцати коллегий.

Как это часто случается и в наши дни, партнеры по бизнесу совместно занимались и строительством для себя. Судя по имеющимся документам, начало стройки на участках в углу между 7-й линией и набережной относится к 1720 году. В мае Лутковский заключает договор со служителем Новгородского митропо-

¹⁸ Богуславский Г. А. «Академический дом» // Богуславский Г. А. 100 очерков о Петербурге. Северная столица глазами москвича. М.; СПб.: Центрполиграф, 2013. С. 240.

¹⁹ Агеева О. Г. История домов У. Сениавина и А. Волкова на Васильевском острове (до их передачи Сухопутному шляхетному корпусу) // Петровское время в лицах — 2009. К 300-летию Полтавской победы (1709–2009). Материалы науч. конф. Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLVII. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. 2009. С. 11–17.

²⁰ Николаева М. В. Санкт-Петербург Петра I. История домовладений: застройка и застройщики. М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 135.

²¹ Сказка первого командира полка Илья Ерофеевича Лутковского // Адамович Б. А. Сборник военно-исторических материалов Лейб-гвардии Кексгольмского императора австрийского полка. Т. I. СПб., 1910. С. 100. Сказкой в данном случае названа биография Лутковского, записанная с его слов. Другие сведения о его военной карьере почерпнуты отсюда же.

²² Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. В журнале за 1716 год (с. 12–96 указанного издания) Лутковский упоминается 12 раз.

²³ Протокол Верховного тайного совета от 28 июня 1727 года и приложенная к нему челобитная вице-адмирала Наума Синавина // Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета / Под ред. Н. Ф. Дубровина. Т. III (январь–июнь 1727 г.) / Сб. Императорского русского исторического общества. Т. 63. СПб., 1888. С. 821–823.

²⁴ Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 73, 103.

²⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого. Т. I. СПб.: Изд-во АН, 1880. С. 6.

²⁶ Луппов С. П. Указ. соч. С. 72–73; Письма и доношения И. Е. Лутковского князю А. Д. Меншикову, 1719–1723. Письмо от 3 августа 1719 года // Адамович Б. А. Указ. соч. С. 151.

²⁷ Письма и доношения И. Е. Лутковского князю А. Д. Меншикову, 1719–1723. Письмо от 30 января 1720 года // Адамович Б. А. Указ. соч. С. 152.

I. Память места

Проспект Государственных коллегий. Гравюра Екима Внукова по рисунку Михайлы Махаева из альбома, посвященного 50-летию основания города. 1753 г. Слово «проспект» в названии гравюры означает «перспектива». В здании, которое сейчас занимает Санкт-Петербургский университет, располагалась в числе других коллегий и Военная, которую некоторое время возглавлял Алексей Волков. Помещения для нее строились под смотрением Ильи Лутковского.

лита Федором Леонтьевым сыном Падориним о поставке на участок на Васильевском острове полутора тысяч бочек извести «против пробы, какову отдал он, Федор, ему, полковнику, в мешке за печатью ево и з ярлыком, а весом во всякой бочке извести отдавать по дватцати пуд, а чтоб в той извести песку и камня не было»²⁸. Итак, известь для раствора есть, кирпич, надо думать, — с собственных заводов.

Три недели спустя, 7 июня, уже от имени обоих хозяев, подписывается другой контракт (приведем этот замечательный документ почти полностью):

«Ярославского уезду стольника князь Семена Федорова сына Бярятинского села Печалок деревни Новоселова крестьяня Матвей Иванов, деревни Еркина Михайла Иванов, Павел Алексеев, дали на себя они запись Белозерского полку полковнику Илье Ерофеевичю Лутковскому да Государственной военной коллегии канцлей-директору Алексею Яковлевичю Волкову в том, что сделать им, Матвею, Михайлу, Павлу, своими мастеравыми начальными людьми на Васильевском острове два дома каменные — дом полковника Ильи Ерофеевича Лутков-

²⁸ Запись подрядной служителя Новгородского митрополита Ф. Л. Падорина полковнику И. Е. Лутковскому на поставку 1500 бочек извести на Васильевский остров // Николаева М. В. Указ. соч. С. 736.

ского да дом канцлей-директора Алексея Яковлевича Волкова — самым добрым мастерством в два лета с сего числа впредь августа до первого числа семсот двадцат первого году; всю каменную работу против сей записи сделать из их, господцих, материалов, а имянно им, Матвею, Михайлу, Павлу, строить своими наемными людьми, где их, господцим, полатам быть, землю серую до удобного в творение извести песку всю носить.

Рвы вырыть, плитным и круглым камнем набутить и настобенить, кирпичем снизу до самого верху стены сделать, окна, двери и окошешные, дверные рамы вставить и обмазать, в погребях и в средних полатах своды свесть, и во всех полатах и погребях внутри вымазать и выбелить, также кругом все полатное строение известью выбелить самым добрым мастерством, чтоб все стены глатки были, а не шероховаты.

Все каменное вышеписанное их, полковника Ильи Ерофеевича Лутковского, канцлей-директора Алексея Яковлевича Волкова, строения строить не отъимаяся ничем, как архитектур повелит, так и делать. <...>

Сцена на строительстве Санкт-Петербурга. Рисунок на рукописной карте, выполненный шведским офицером-фортификатором Карлом Фредриком Койетом, находившимся долгое время в русском плену и участвовавшим в проектировании новой российской столицы. Предполагают, что один из изображенных в правой части рисунка господ — архитектор Доменико Трезини, надзиравший за строительством частных домов в Петербурге. Собственный дом Трезини возводил на той же набережной, что и Волков с Лутковским, через три дома от них.

Жан Дюплесси-Берто. Каменщики. Гравюра. XVIII в.

Да им же, Матвею, Михайлу, Павлу, леса к полатам ставить и подвязывать, и примащивать, и творила делать самим, да им же, Матвею, Михайлу, Павлу, на все полаты брусья положить и обмазать.

А плот[н]ишной и столярной, и штукоторной работы им, Матвею, Михайлу, Павлу, не делать.<...>

А за работу им, Матвею, Михайлу, Павлу, посажено и потысячно, коликое число сделают вышереченного их, полковника Ильи Ерофеевича да канцлей-директора Алексея Яковлевича, строения, а имянно за всякую сажень кубичную — с камня по три рубли, а за тысячу кирпичей — по штидесят алтын, а за протчие работы, про которые писано выше сего, делать за тую ж означенную цену, а сверх сего им, Матвею, Михайлу, Павлу, за работу цены не прибавливать, а им, полковнику Илье Ерофеевичю и канцлей-директору Алексею Яковлевичю, работы не накладывать.

А денги брать им, Матвею, Михайлу, Павлу, у них, полковника Ильи Ерофеевича и канцлей-директора Алексея Яковлевича, с роспискою как в дело положат пятьдесят тысяч кирпичей. А в предбудущем семсот двадесят первом году в февраля месяце им, полковнику Илье Ерофеевичю и канцлей-директору Алексею Яковлевичю, в Ярославле дать им, Матвею, Михайлу, Павлу, двести рублев денег на задаток каменщиком, а по заделке взятых рядных денег дать им вновь другую крепость от Крепостных дел для того, что верхняя работа пред исподней дороже.

А недоделав тех полат, к другим строениям и ни к каким работам им не сходить и не наниматца, а на вышереченное их, полковника Ильи Ерофеевича и канцлей-директора Алексея Яковлевича, строение по вся дни ставить им каменщиков нынешняго семсот двадесятого году по сороку человек, а меньше того, чтоб при той работе не было.

А делать им сентября до перваго числа нынешняго ж семсот двадесятого году а в предбудущем семсот двадесят первом году при[дти] им, Матвею, Михайлу и Павлу, и с собой привести шездесят человек каменщиков в марте месяце, а как Бог даст теплую весну, то им зачать делать, неиспущая времени без всякой отговорки, и на вышеписанной срок августа до перваго числа семсот двадесят перваго году их, полковника Ильи Ерофеевича и канцлей-директора Алексея Яковлевича, дома против той записи отделать.

А буде к вышереченному их, полковника Ильи Ерофеевича и канцлей-директора Алексея Яковлевича, к строению указом запрещено будет возить материалы

на барках, и им, Матвею, Михайлу, Павлу, за непоставку у того строения материалов прогульных денег на них, полковнике Илье Ерофеевиче и канцлей-директоре Алексее Яковлевиче, не спрашивать и учинить росчет, пока к тому строению на мореходных судах материалы изготовлены будут.

А как у них, полковника Ильи Ерофеевича и канцлей-директура Алексея Яковлевича, материалы готовы будут, и им, Матвею, Михайлу, Павлу, против той записи притить со всеми каменщиками и достроить их, полковника Ильи Ерофеевича и канцлей-директура Алексея Яковлевича, дома, а ежели указом на барках возить материалы не запрещено будет, а в материалах учинитца остановка, и им, Матвею, Михайлу, Павлу, за всякой прогульной день взять на них, полковнике Илье Ерофеевиче и канцлей-директоре Алексее Яковлевиче, по шти алтын по четыре денги человеку, а буде они, Матвей, Михайла, Павел, против той записи, что писано выше сего, в чем не устоят, и им, полковнику Илье Ерофеевичю Лутковскому и канцлей-директору Алексею Яковлевичю Волкову, и женам, и детям их взять на них, подрядчиках, и на порутчиках, и женах, и детях их, кто из них в лицах будет, данные денги и убытки все сполна да за неустойку триста рублев»²⁹.

Этот документ, хранящийся в Архиве древних актов в Москве, позволяет нам отметить следующее:

— до июня 1720 года строительство на участках Волкова и Лутковского не велось; возможно, расчищалась и выравнивалась площадка, убирались остатки сгоревшей Губернской канцелярии, но рыть траншеи под фундаменты еще не начинали;

— Волков и Лутковский рассчитывали, что построят дома (без внутренней отделки) за год с небольшим — к августу 1721 года;

— заказчики должны были обеспечить своевременный подвоз стройматериалов, в противном случае — платить подрядчикам неустойку.

Неизвестно, платилась ли эта неустойка или нет, но перечисленные работы не были выполнены. Из более поздних документов известно, что своды перекрытий подвального и первого этажей не были выложены, оконницы и двери не были вставлены, а к внутренним работам даже и не приступали.

Почему так случилось?

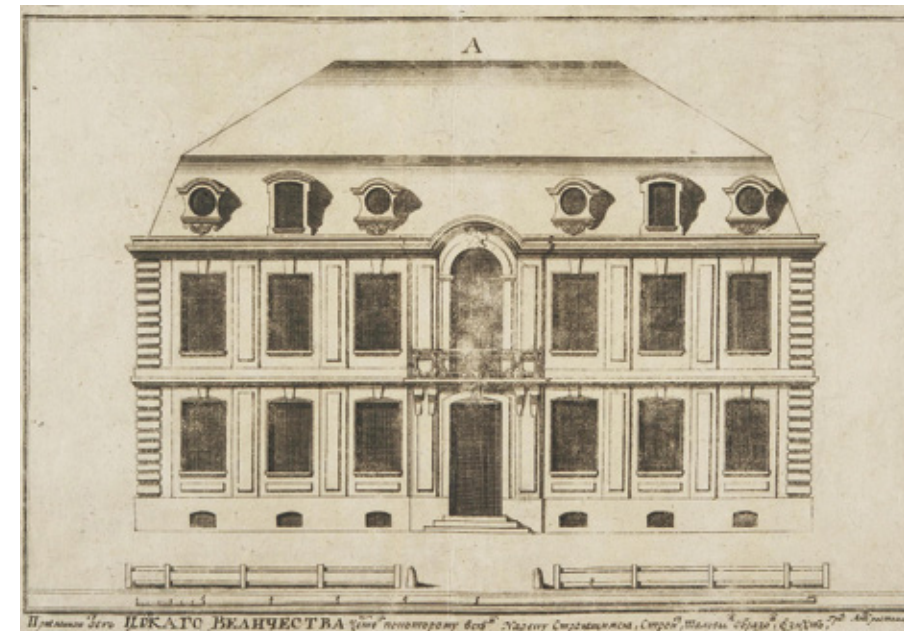
Вообще-то строить особняки на парадной стороне Васильевского острова (а Петр считал Неву главным проспектом своего города) было не столь-ко потребностью, сколько обязанностью наиболее состоятельных людей им-

²⁹ Запись подрядной крестьян села Печалки Ярославского уезда Матвея Иванова, Михаила Иванова и Павла Алексеева полковнику И. Е. Лутковскому и канцлей-директору Военной коллегии А. Я. Волкову на строительство двух каменных домов на Васильевском острове // Николаева М. В. Указ. соч. С. 737–739.

перии, переселившихся по воле монарха в новую столицу. Именной указ от 12 февраля 1719 года, регламентировавший застройку Васильевского острова, устанавливал соответствие между состоятельностью застройщика и длиной фасада дома, который ему надлежало за свой счет возвести: владельцам 450–500 крестьянских дворов полагалось строить каменные палаты в два жилья (то есть в два этажа), фасадом в 10 сажений по берегу Невы; тем, чье имущество составляло от 400 до 450 дворов, — тоже двухэтажный каменный дом по Неве, но в 8 сажений, владельцам менее 350 дворов — в 10 сажений, но не по Неве, а по каналам, и т. д.³⁰ Как следует из описи 1736 года, дом Волкова имел по фасаду 11½ сажений³¹, то есть относился к самым богатым и роскошным (вероятно, лишних 1½ сажени появилось у него из-за того, что это был угловой дом). Современные замеры Дома академиков показывают, что дом Лутковского был приблизительно 10 сажений в длину³². Выходит, для того чтобы завершить строительство своих домов, компаньоны должны были обладать очень большими доходами, которых у них, похоже, не было.

Что касается Волкова, он, по-видимому, пустил все имевшиеся средства на постройку другого дома, стоявшего на участке по нынешней Кадетской линии. Та стройка была благополучно завершена, Волков жил в этом доме с семьей, а в 1735 году наследники хозяина продали его Коллегии иностранных дел³³.

У Лутковского дела складывались не столь успешно. На поприще государственных подрядов он довольно скоро стал терпеть неудачи. Глины, подходящей для изготовления кирпича, было мало, заводы вскоре пришлось частью забросить, частью перенести на другое место. Кирпич, который он обязался поставить в столицу, приходилось закупать в отдаленных местах (в частности, в Ростове). Уже в 1720 году «генерал Фелт Маршал и ковалер князь Меншиков» потребовал, чтобы Лутковский вернул в казну оставшиеся от строительства канала вокруг Адмиралтейства 2054 рубля. Тот смог отдать лишь 1182³⁴. Как раз с 1720 года имя Лутковского в меншиковских поденных записках перестает встречаться. А по мере того как дело о взыскании с него недостачи продвигалось, росла и сама величина долга. Позднее обнаружилось, правда, что полковника подводили поставщики, не выполнявшие своих обязательств, но поскольку их разыскать не представлялось возможным, деньги продолжали требовать у незадачливого подрядчика. Конечно, тому было уже не до собственного дома, строительство которого остановилось, по-видимому, в 1721 году или немного позже.

Проект типового фасада двухэтажного дома для застройки набережной Невы. Гравюра Алексея Ростовцева по проекту Жана Батиста Леблона. 1717 г. Примерно такой вид имели бы дома Волкова и Лутковского, если бы их достроили.

Разобраться в хитросплетениях дела Лутковского и выяснить, в каком же точно году его дом был отписан в казну, сейчас мудрено.

Один из документов 1757 года, ссылаясь на рапорт конторы конфискации, указывает, что «[дом]³⁵ полковника Лутковского конфискован в 1724-ом году за доимку в непоставке им по подряду ево в Санкт Петербурге к строениям кирпича и плитного камня за взятые ис казны денги...»³⁶ Другой документ, 1727 года, сообщает, что в июне 1726 года главный магистрат распорядился «за непоставку к строению купецких домов кирпича 5 миллионов и плитного камня 200 сажен, и за взятые за оное денги за 9 000 рублей недвижимое ево [Лутковского] имение отписать на Его Императорское Величество все без остатку», но было ли это учинено, «о том в вотчинной коллегии не ведомо»³⁷. Чуть позже докладывалось: «А отписаны во объявленной платеж при санктпетербурхе дворы ево, Лутковского, а имянно: первой двор на Преображенском острове³⁸ в седмой линии с каменными полаты, другой на Санктпетербургском острове с малым деревянным строением...»³⁹ А еще четыре года спустя, в 1731 году, все начинается по новому кругу: «по присланному Ее Императорского Величества из Правительствующего Сената в военную коллегию

³⁰ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V (1713–1719). С. 665–666.

³¹ Оснер К. Репорт о дворе Волкова от 8 октября 1736 года // Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. III. СПб., 1886. С. 198–199.

³² Длина выходящего на набережную фасада нынешнего Дома академиков составляет приблизительно 47 метров, что соответствует 22 сажням. Если 11½ сажений приходилось на дом Волкова, на дом Лутковского остается 10½ сажений. По-видимому, это был стандартный 10-саженный участок.

³³ Агеева О. Г. История домов У. Сенявина и А. Волкова... С. 13.

³⁴ Промемория Адмиралтейств-коллегии от 3 января 1723 г. // Адамович Б. А. Указ. соч. С. 189–191.

³⁵ Здесь и далее вставки в цитатах, помещенные в квадратные скобки, принадлежат автору раздела.

³⁶ Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПФ АРАН). Ф. 5. Оп. 1. № 761. Л. 73.

³⁷ Приложение к протоколу Верховного тайного совета от 28 июня 1727 г. (Справка из вотчинной коллегии) // Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. III. С. 823.

³⁸ Указ о переименовании Васильевского острова в Преображенский был издан от имени Петра II 20 мая 1727 года (Полное собрание законов Российской империи. Т. VII (1723–1727). С. 793).

³⁹ Приложение к протоколу Верховного тайного совета от 28 июня 1727 г. С. 824.

Императрица Анна Иоанновна. Портрет работы Луи Каравака. 1730 г.

указу велено из той коллегии подать ведомость немедленно: полковник Илья Лутковской в Санкт Питербурхе на Преображенском острове каменной дом <...> в котором году и по какому указу строил и на данные ль из казны или на собственные свои деньги, буде на казенные — то сколько тех денег у него было в приходе и в расходе и в том он сочтен ли и по щету решение учинено ль и остаточные материалы и деньги у него приняты ль»⁴⁰.

В общем, судя по всем этим справкам, протоколам, промемориям и прочим бумагам, в течение примерно восьми лет дом Лутковского ему самому уже не принадлежал, но и, так сказать, на казенном балансе не числился. Скорее всего, дело затянулось из-за того, что как раз в этот период власть в стране была очень нестабильной: в конце января 1725 года умирает Петр I; два с небольшим года спустя — Екатерина I; фактическим правителем России при Петре II становится Меншиков, но через четыре с лишним месяца его арестовывают и ссылают; сам Петр II гибнет от оспы в январе 1730 года, воцаряется Анна Иоанновна, и только при ней дом все-таки поступает в государственное владение и составляется его описание⁴¹. Своего дома полковник лишился, не пожив в нем и дня, но жизнь и свободу сохранил (что по тем временам было даже и неплохо). Известно, что в 1737 году он жил в Москве⁴².

Что же касается Алексея Волкова, который, находясь при Меншикове, сделал значительно более успешную карьеру, чем сосед, — ему строительство второго дома показалось чересчур обременительным, и он решил от него избавиться. В апреле 1725 года, вскоре после смерти Петра I (который, конечно, не позволил бы своему чиновнику бросать строительство), Волков бил челом его преемнице, императрице Екатерине I, «что на Васильевском острове построил он каменный дом не с дворового числа [то есть не по обязанности строить дом в соответствии с размером своего состояния, которое определялось количеством находящихся в собственности крестьянских дворов], но по своей воле, который дом стал ему в 4 700 р., и дабы тот дом взять на Ея Императорское Величество, а ему, на оплату долгов, заплатить деньги, во что он стал...»⁴³ Деньги были Волкову уплачены сполна (правда, в два приема — сумма была по тем временам очень немалая), и недостроенный дом отошел в казну. А точнее — был передан Военной коллегии, в которой заправлял в то время (вот неожиданность-то!) его бывший владелец.

Впрочем, заправлять ему там оставалось совсем недолго. В сентябре 1727 года был арестован и вскоре сослан Александр Меншиков, а после того как, говоря словами Феофана Прокоповича, этот «колосс из пигмея, оставленный счастьем, которое довело его до опьянения, упал с великим шумом», была произведена

очистка государственного аппарата от его сторонников. Волков, разумеется, не мог не «попасть под раздачу». «1727 года ноября в 6 день, Его Императорское Величество⁴⁴ указал: понеже Алексей Волков, быв при князе Меншикове, явился во всех его, князя Меншикова, непорядочных и худых поступках согласник, и произвождением его противно указам получил себе чин воинский, как о том показано из военной коллегии, того ради, за таким подозрением, данную ему кавалерию Святого Александра от него отобрать и чинов его военных лишить, тако ж и данные ему в нынешнем 1727 году деревни и московский двор от него взять и отписать на Его Императорское Величество; и жить ему, Волкову, в деревнях своих»⁴⁵, — гласил приговор Верховного тайного совета⁴⁶.

После того как Волков исчез из Военной коллегии, там, по-видимому, сообразили, что недостроенный дом на набережной Васильевского им не очень-то нужен. 7 июня 1728 года Верховный тайный совет принимает решение: «построенный в С.-Петербурге, на Преображенском острове, Алексеем Волковым каменный двор, за который по указу блаженные и вечностойныя памяти Ея Императорского Величества выданы ему из Военной коллегии деньги, продать с торгу, по указу, а ежели купцов на тот двор не будет, то употреблять его на казенные поклажи [то есть, под казенный склад], и о том в Военную коллегию послать указ»⁴⁷. Купцов, то есть покупателей, на дом не сыскалось⁴⁸, а поскольку кровля из гонта на доме имела (это засвидетельствовано произведенной в 1736 году описью)⁴⁹, Военной коллегии оставалось забить досками недостающие окна и двери и использовать эти хоромы для хранения «казенного провианта». Что и было сделано⁵⁰.

Надо сказать, немудрено, что покупать дом Волкова никто не захотел. Молодой Петербург переживал в конце 1720-х годов трудный период. Юный царь Петр II, отправившийся в Москву для коронации, в невскую столицу возвращаться не собирался. Весь двор, все государственные органы, а за ними и большая часть именитого дворянства покинула Петербург. Оставшийся в городе за главного Бурхард Христофор фон Миних (проживавший, кстати, на той же самой василеостровской набережной немного ниже по течению Невы) — военный инженер, строитель Ладожского канала, в недалеком будущем генерал-фельдмаршал — делал все, чтобы сохранить у города столичный лоск, который ему старался придать покойный Петр I. Но средств у Миниха было немного: вместе с двором и частью жителей из столицы ушли и капиталы.

Так что, мирно разрушились бы бесхозные дома Волкова и Лутковского, если бы не возшла на престол Анна Иоанновна, не встретила бы она в Москве недружелюбный прием и не захотела бы вернуть столицу в блистательный город своей юности.

⁴⁰ Дело о полковнике Лутковском по постройке военной коллегии. 1721–1736. Выписки военной коллегии // Адамович Б. А. Указ. соч. С. 202.

⁴¹ Николаева М. В. Указ. соч. С. 139.

⁴² Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. Ч. I (А–Л) / Сб. Императорского русского исторического общества. Т. 60. СПб., 1887. С. 502.

⁴³ Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому всеподданнейшее доношение Военной коллегии // Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. V (январь–июнь 1728 г.) / Сб. Императорского русского исторического общества. Т. 79. СПб., 1889. С. 445–446.

⁴⁴ Его Императорскому Величеству, императору Петру II, тогда только-только исполнилось двенадцать лет; по сути, страной управлял от его имени Верховный тайный совет.

⁴⁵ Протокол Верховного тайного совета от 6 ноября 1727 года // Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. IV (июль–декабрь 1727 г.) / Сб. Императорского русского исторического общества. Т. 69. СПб., 1889. С. 716. Ср.: Там же. С. 708.

⁴⁶ После пяти лет ссылки Волков был возвращен в столицу именным указом императрицы Анны Иоанновны от 9 февраля 1732 года (Сб. Императорского русского исторического общества. Т. 104. С. 160), даже получил чин действительного тайного советника и место в Военной коллегии (там же, с. 194). Но, видно, опала не прошла для него даром: год с небольшим спустя, 19 мая 1733 года, он умер.

⁴⁷ Протокол Верховного тайного совета от 7 июня 1728 года // Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. V. С. 445.

⁴⁸ Указ ее императорского величества самодержцы всероссийской из Правительствующего сената Академии наук от 24 августа 1736 года // Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. III. С. 162.

⁴⁹ Опись полатам, имеющимся на Васильевском острове покойного Алексея Волкова... // Там же. С. 186.

⁵⁰ Промемория из Главной полицмейстерской канцелярии в Академию наук от 29 сентября 1736 года // Там же. С. 194.

Петр I.
Портрет работы Андрея Матвеева.
1720-е гг.

При новой государыне в городе произошли большие изменения, коснувшиеся и интересующих нас двух домов на берегу Большой Невы. В августе 1736 года появилась идея, в конечном счете определившая участь обеих построек на века: передать их Академии наук.

Но прежде чем перейти к разговору о главном периоде в истории двух домов с одинаковыми фасадами, объединенными в один и ставшими славнейшим местом в истории российской науки, вернемся немного назад и посмотрим на то, как завелся на Васильевском острове академический вирус и как он захватывал здесь все большее и большее пространство.

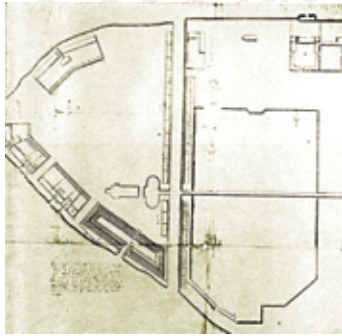
Итак, в 1710-е годы остров обживает первый генерал-губернатор Санкт-Петербурга Александр Данилович Меншиков, который неподалеку от своей резиденции селит приближенных. И вроде бы острову действительно впору было уже называться Меншиковым, но тут происходит перемена в отношении к нему со стороны самого царя.

Поначалу, когда Петр еще только осматривался в невоской дельте и прикидывал, где и как размещать кварталы задуманного им великолепного города, Васильевский остров, по-видимому, не занимал в его планах большого места: уж больно непривлекательно он выглядел, а средств для его осушения и освоения потребовалось бы слишком уж много (царь, конечно, порой ради исполнения своих замыслов шел на безумные траты, но все-таки был рачительным хозяином). Да и, надо сказать, интересовала монарха-корабеля не столько суша (а Васильевский является самым крупным из островов невоской дельты), сколько вода, ибо мечтал он увидеть свою столицу подобием любимого им Амстердама, где число каналов и рек немногим уступало числу улиц. Можно не сомневаться, что вид широкого разлива Невы между едва заметным островком Люст-Эйланд и усадьбой майора Конау вызывал у Петра такой же вздох восторга, какой в наши дни вырывается из груди у всякого, перед кем впервые открывается та же панорама с середины Троицкого моста.

В общем, приняв мысленно эту огромную акваторию за главную площадь будущей столицы, царь начал ее обстраивать: на Люст-Эйланде, или по-фински Янисаари (что, кажется, правильнее переводить не Заячий, а Иванов остров) поставил крепость, а в ней собор с невероятным, небывалым, тонким и длинным, как луч солнца сквозь низкие тучи, позолоченным шпирцем. На другом берегу – другую крепость (она же верфь) – Адмиралтейство, и тоже со шпирцем. Сад майора Конау превратил в регулярный парк с аллеями, фонтанами и назидательными скульптурами – Летний сад. На Выборгской стороне начал

Санкт-Питер-Бурх. Гравюра Алексея Зубова. 1716 г. Фрагмент. Показана акватория Невы – центральная площадь Санкт-Петербурга. Видны крепость с Петропавловским собором и Петровскими воротами, а левее, в глубине, – Стрелка Васильевского острова, Воскресенская церковь и Меншиковский дворец. Все строения показаны не в реальной перспективе, а развернуты в наиболее выгодном ракурсе.

Проект планировки Стрелки Васильевского острова, выполненный Доменико Трезини. 1723 г. Авторское повторение чертежа 1722 г. План ориентирован на юг.

строить длинный Сухопутный и Морской госпиталь, посередине которого планировался собор с двумя огромными башнями. И, конечно, в этом контексте без Васильевского острова было не обойтись. Более того, его Стрелка (по петербургской традиции будем писать это слово с большой буквы, как название), природой направленная в самую середину этой исполинской мизансцены, неизбежно должна была стать ее композиционным центром.

Думается, именно поэтому, отвергнув владевшую им некоторое время идею переноса центра города на Котлин, Петр выбрал для этого Стрелку Васильевского острова. Здесь он решил разместить все самые важные государственные и городские учреждения, несколько потеснив при этом вольготно раскинувшегося со своим хозяйством генерал-губернатора.

Верный трудяга Трезини подготовил проект. Оконечность Стрелки отделяется от острова каналом, вдоль него — почти полукилометровое здание, ныне известное как здание Двенадцати коллегий. Кроме коллегий — прообраза современных министерств — в нем отводилось место Правительствующему Сенату и Святейшему Синоду. В общем, здесь должны были сосредоточиться все главные управляющие органы империи. Вдоль крутой дуги невского берега (рассматриваем трезиниевский проект дальше) поставлена цепь зданий, среди которых — Кунсткамера, Гостиный двор, дворцы сестры царя Натальи Алексеевны и невестки Прасковьи Федоровны. А задними своими фасадами эти дома выходят на обширную площадь — главную сухопутную площадь города, повторяющую контур отрезанной от острова «краюшки». (Занятно: площадь, которая в конце концов стала главной площадью Петербурга — Дворцовая, — имеет почти такую же форму немного искаженного полукруга, как и планировавшаяся на Стрелке.) На площади расположен собор, и возле него овальный, барочных очертаний, бассейн, от которого в сторону залива через весь остров тянется канал.

Таков был план. При жизни первого российского императора он только начал осуществляться: строились Двенадцать коллегий, Кунсткамера, Гостиный двор. От Гостиного двора до наших дней в сильно перестроенном виде сохранилась лишь небольшая часть, выходящая на Тифлисскую улицу. Что же касается Кунсткамеры — об этом учреждении и об этом здании нужно рассказать особо, поскольку именно его нахождение здесь оказалось определяющим для судьбы всей этой части Васильевского острова.

Нет ничего удивительного в том, что это уникальное учреждение раннего Петербурга, объединявшее в одно целое музей, библиотеку, хранилище на-

учных и художественных коллекций, анатомический театр, планетарий (Готторпский глобус), обсерваторию, кабинеты и лаборатории для научной работы, было решено разместить на главной площади города. Кунсткамера была для Петра, пожалуй, не менее важна, чем органы государственного управления. Свою главную миссию царь-реформатор видел в том, чтобы просветить своих подданных светом европейской культуры, светом всех многообразных знаний о мире, накопленных человечеством. Его открытые для любого посетителя⁵¹ собрания редкостей, многие из которых были куплены за баснословные деньги в Европе, должны были стать и средством просвещения, и доказательством того, что Россия вовсе не дикая варварская страна, а один из мировых центров науки. Архитектура здания Кунсткамеры (в проектировании участвовали Г. И. Маттарнови, Н. Ф. Гербель, Г. Киавери, И. Я. Шумахер, М. Г. Земцов) являлась своеобразным манифестом стремления к познанию: ее центральная башня представляла собой как бы лестницу в небо, к вершине, увенчанной армиллярной сферой — моделью мироздания. К тому же внешний облик Кунсткамеры, вероятно, намекал на прославленное сооружение древности, одно из семи чудес света — Александрийский маяк. Согласно описаниям древних авторов, маяк, возведенный в III веке до н. э. в городе Александрии, в дельте Нила, представлял собой гигантскую башню, нижний ярус которой имел в основании квадрат, средний — восьмигранник, а верхний являлся цилиндром, покрытым куполом со статуей Посейдона на вершине. Возводя башню Кунсткамеры по сходному принципу, ее создатели, по всей вероятности, желали провести аналогию между размещившимися в ее боковых крыльях библиотекой и музеем и знаменитейшими александрийскими библиотекой и Мусейоном⁵². (Эта аналогия имела довольно печальное продолжение: и александрийская библиотека, и книгохранилище Кунсткамеры погибли в огне пожаров⁵³.)

И вот в этом удивительном и великолепном здании, достроенном уже после смерти его державного основателя, в 1728 году разместилась Санкт-Петербургская Академия наук (прежде она четыре года занимала дом П. П. Шафирова на Петербургской стороне), а Кунсткамера и Библиотека Петра I стали ее подразделениями. На используемом сегодня логотипе Российской Академии наук изображено здание Кунсткамеры.

Академия наук, созданная царским указом в 1724 году, была в ту пору значительно более универсальным заведением, чем сейчас. Во-первых, это было не только научное, но и образовательное учреждение: при нем были открыты Академический университет и гимназия; во-вторых, сфера деятельности

⁵¹ Когда новое здание для Кунсткамеры только строилось, а сама она располагалась в палатах казенного А. В. Кикина (современный адрес: Ставропольская ул., 9), Петр распорядился туда «всякого желающего пускать и водить, показывая и изъясняя вещи», а для привлечения посетителей с них не только не брали платы, но и в качестве поощрения предлагали рюмку водки и цукерброд (специально на это из казны выделялись деньги).

⁵² Мусейон — государственное учреждение, основанное одним из первых царей династии Птоломеев и представлявшее собой нечто вроде объединенных академии наук, университета, музея, анатомического кабинета, ботанического и зоологического садов и обсерватории. Современное слово «музей» происходит от названия этого учреждения.

⁵³ Подробнее о здании Кунсткамеры см.: Жуков К. С. История Невского края (с древнейших времен до конца XVIII века). СПб.: Искусство-СПб., 2010. С. 236–245.

Фасад Императорской библиотеки и Кунсткамеры на восток. Гравюра Григория Качалова. 1741 г.

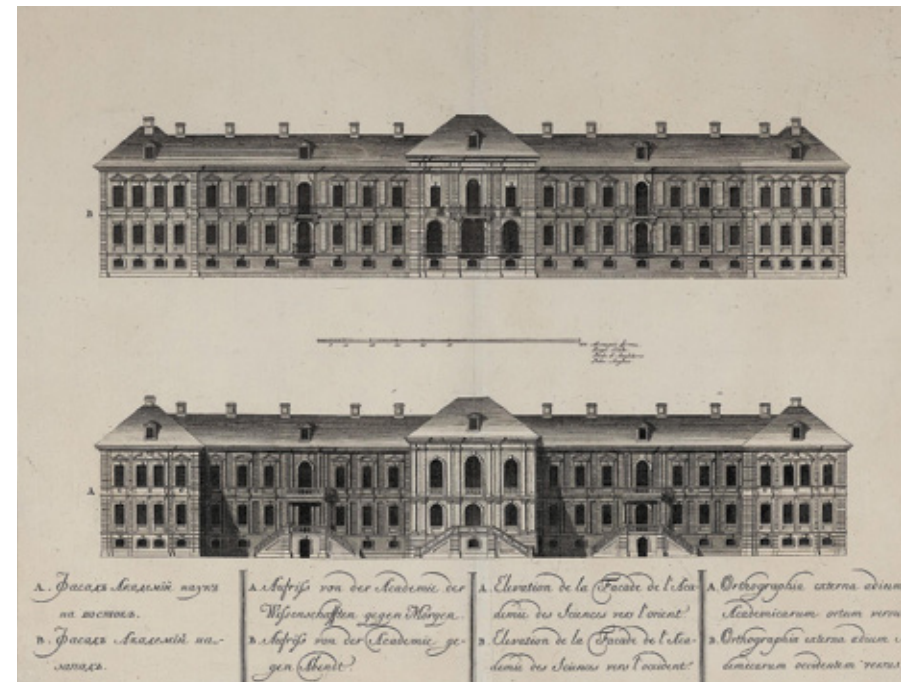

Академия распространялась не только на науку, но и на искусство (полное название — Академия наук и художеств); и в-третьих, Академия выполняла и музейно-просветительскую функцию.

И довольно скоро стало понятно, что одного здания для Академии будет мало. В придачу ей был отдан дворец скончавшейся в 1723 году царицы Прасковьи Федоровны — невестки императора Петра I. Дворец этот стоял справа от здания Кунсткамеры, на том месте, где сейчас в бывшем пакгаузе Петербургской таможни находится Зоологический музей. Передали Академии и еще некоторые постройки; в их числе, как мы уже знаем, — недостроенные дома Волкова и Лутковского.

Так Академия наук стала распространяться вширь, образуя на Васильевском острове свою уникальную среду — петербургский Латинский квартал.

Но все-таки академическое начало не сразу стало доминировать в этой части города.

Фасады здания Академии наук (бывшего дворца Прасковьи Федоровны). Гравюра Христиана Альбрехта Вортмана. 1741 г.

Хотя органы государственного управления работали в здании Двенадцати коллегий вплоть до начала XIX века, чиновничья братия на Васильевском острове так и не освоилась. Департаменты и канцелярии размещались по преимуществу в Адмиралтейской части. По всей вероятности, главное неудобство острова для административных органов заключалось в ненадежности его связи с материком: постоянных мостов еще не было, а наплавной Исакиевский мост не только разводили по ночам для пропуска судов, но и до 1779 года вовсе разбирали на зиму, и временами, пока лед на Неве не был достаточно надежным, остров оказывался полностью отрезанным от остальных частей города и страны.

Зато портово-торгово-таможенная суета здесь прописалась надолго. В 1728 году на Стрелке была построена деревянная корабельная пристань⁵⁴. Гостиный двор, строившийся на средства василеостровских (и не только) торговых людей, был закончен лишь в 1735 году, в одно из его помещений переехала из деревянного амбара Санкт-Петербургская биржа.

⁵⁴ Кочеданов В. И. Набережные Невы. М.: Госизд-во литературы по строительству и архитектуре, 1954. С. 96.

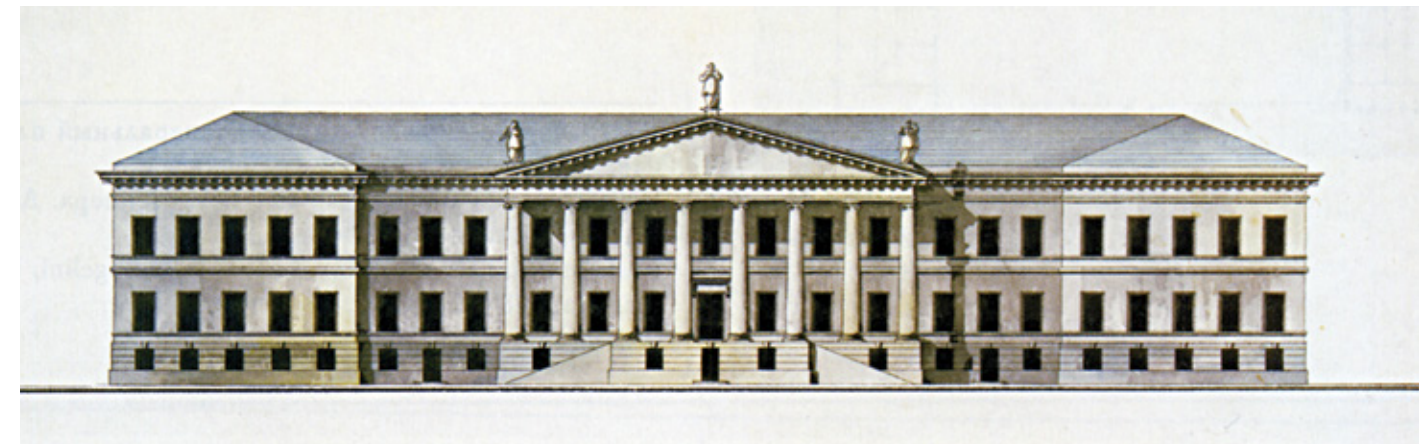

Биржа и Гостинный двор. Неизвестный художник XVIII в. по гравюре Ивана Елякова с рисунка Михайлы Махаева.

Иногда можно встретить указания на то, что биржа в нашем городе появилась чуть ли не в том самом 1703 году, когда была основана Петропавловская крепость⁵⁵. Это сомнительно: в то время в разоренном войной краю не то что биржи — вообще торговли почти что не было. А первый законодательный акт, предписывающий создавать в российских городах биржи, относится к 1721 году. Это Регламент, или Устав Главного магистрата, 18 глава которого выглядела так: «*Также надлежит в больших приморских и прочих купеческих знатных городах со временем же в удобных местах недалеко от Ратуши, по примеру иностранных купеческих городов, построить биржи, в которые б сходились торговые (люди) граждане для своих торгов и постановления векселей, також и для ведомостей о приходе и отпуске кораблей и коммерции: понеже в таком месте каждый купец и продавец в один час по вся дни тех может найти, с которыми ему нужда есть видетися*»⁵⁶. А непосредственно о Санкт-Петербургской бирже говорилось в царском указе от 8 ноября 1723 года: «*...На Васильевском острове на Гостине дворе биржу ж сделать каменную*»⁵⁷. Стало быть, есть все основания говорить, что биржа в нашем городе является не только старейшей в России (вторая появилась лишь в 1796 году в Одессе), но и одной из старейших в мире; она старше венской (открыта в 1771 году), берлинской (1805) и фактически ровесница парижской, которая официальный статус получила в 1724 году, но на деле существовала раньше⁵⁸.

Между тем площадь на Стрелке все еще не была парадно оформлена, а по всему ее пространству стояли деревянные сараи (один из них, по-видимому, и был тем самым амбаром, который до окончания постройки Гостиного двора занимала биржа), склады стройматериалов и поленницы дров. В 1737 году Сенат докладывал в Кабинет министров: «*А по рассуждению Сената для лучшего охранения и безопасности от пожара против Коллегий и Канцелярий надлежит сделать площадь, и для того имеющееся ныне на том месте деревянное строение, дрова и всякую поклажу для той площади снести и место очистить...*»⁵⁹ Неизвестно, насколько это рассуждение Сената было исполнено, однако каменная застройка площади продолжена не была. «*Первым и главным сего города местом*» образованная в том же 1737 году Комиссия о Санкт-Петербургском строении посчитала Адмиралтейскую часть, а Васильевский остров был «*для великого кошта и за многими затруднениями <...> обстроить оставлен и назначен предместьем города*»⁶⁰.

Только тридцать лет спустя, в 1767 году, та же Комиссия отменила свое прежнее постановление и включила часть острова, ограниченную 13-й линией и 3-й поперечной перспективой (нынешним Малым проспектом) в городскую

черту⁶¹. Тогда же было решено продолжить обустраивать Стрелку, в частности, доделать начатый еще в 1730 году⁶² канал вдоль здания Двенадцати коллегий, предназначавшийся «к обсушению того площадного места и к приезду к Коллегиям мелкими судами». Другие каналы, тоже давно стоявшие незаконченными, указывалось «закидать для того, что в них всегда бывает одна грязь и происходит дух, вредительный здоровью».

С этого времени вновь начинается активное строительство на Васильевском острове, в том числе и зданий, связанных с торговлей. Наиболее заметные из них — Биржа Тома де Томона, ставшая архитектурным центром не только Стрелки, но и всей Невской панорамы, пакгаузы, возводившиеся начиная с 1795 года по проектам Дж. Кваренги, А. Д. Захарова, И. Ф. Лукини, Кваренгиевский Новобиржевой Гостиный двор, таможня, сооруженная И. Ф. Лукини.

При этом научно-образовательно-музейная среда все более и более завоевывала себе пространство на Васильевском острове.

Описывать этот процесс в подробностях нет необходимости. Достаточно, пожалуй, отметить несколько особенно показательных случаев, когда здания, имевшие отношение к государственному управлению или к коммерции, отдавались под научные, образовательные или музейные цели. Происходило это на протяжении почти 300 лет, и, кажется, будет происходить и дальше.

— Меншиковский дворец, строившийся как резиденция генерал-губернатора, и в этом отношении являвшийся, несомненно, «правительственным» зданием,

Фасад и план первого этажа здания Академии наук. Проектный чертеж Джакомо Кваренги. Здание строилось в 1783–1789 гг. для размещения в нем лавки, типографии и квартир, но со временем стало главным зданием Академии наук.

⁶¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XVIII. С. 115

⁶² Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. СПб.: СПФ АРАН, 1997. С. 250.

⁵⁵ Любименко И. И. Торговля в Петербурге // Петербург Петровского времени / Под ред. А. В. Предтеченского. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1948. С. 85.

⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. VI (1720–1722). С. 301.

⁵⁷ Там же. Т. VII (1723–1727). С. 156.

⁵⁸ История С.-Петербургской Биржи / Сост. А. Г. Тимофеев. СПб.: С.-Петербургский Биржевой Комитет, 1903. С. 4.

⁵⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. X (1737–1739). С. 219–220.

⁶⁰ Там же. Т. XVIII (1767–1769). С. 115.

Вид Биржи с Большой Невы.
Гравюра Ивана Ческого
по рисунку Михаила Шотошников.
1816 г.

был в 1731 году передан Сухопутному шляхетскому корпусу (позднее он стал называться Первым Кадетским корпусом), который его занимал до 1917 года. В советские годы здесь также находилось учебное заведение – Военно-политическое училище им. Энгельса. С 1981 года во дворце работает музей.

– Дворец Бурхарда Христофора фон Миниха, генерал-губернатора Ингерманландии, был после ареста и ссылки владельца отведен под Морскую академию (Морской шляхетный кадетский корпус). С тех пор и до сегодняшнего времени в этом несколько раз перестраивавшемся здании находились только учебные заведения.

– В здании Двенадцати коллегий с 1804 года располагался Педагогический институт, с 1835 года – это главное здание Санкт-Петербургского университета.

– Дворец, возводившийся для императора Петра II, после завершения строительства принадлежал Сухопутному шляхетному корпусу, затем Императорскому историко-филологическому институту и гимназии при нем. Сейчас здесь находятся филологический и восточный факультеты Санкт-Петербургского университета.

– Здание Биржи в течение примерно семидесяти лет занимал Военно-морской музей; в настоящее время оно передано Государственному Эрмитажу.

– В бывших пакгаузах расположены Зоологический музей, Музей почвоведения и целый ряд научных учреждений.

– Новобиржевой Гостиный двор превратился в исторический и философский факультеты университета.

– В небольшом сохранившемся до наших дней кусочке трезиниевского Гостиного двора сейчас размещено книгохранилище Библиотеки Академии наук.

– Бывшая таможня отдана Институту русской литературы Академии наук (Пушкинскому Дому).

И это еще далеко не полный список зданий восточной части Васильевского острова, которые поменяли свое назначение с административного или торгового на научное, образовательное или просветительское. А кроме того, здесь же в разное время обосновались главное здание Академии наук, Академия художеств, Библиотека Академии наук, Академия тыла и транспорта, Институт акушерства и гинекологии, Государственный оптический институт...

Так, окидывая беглым взглядом градостроительную историю восточной части Васильевского острова, мы видим, словно при убыстренном прокручивании киноплёнки, как меняется назначение зданий в этом месте, как сам собою проявляется будто бы кем-то невидимым заранее заданный смысл этого городского района, его глубинная, почти метафизическая суть. И словно в капле воды, отражающей весь окрестный пейзаж, проявляется история всего Васильевского острова в судьбе одного домового участка – участка, на котором по сей день стоит приземистый дом № 1 по набережной Лейтенанта Шмидта. Дом, почти вся жизнь которого оказалась связанной с Академией наук. Дом, который в Петербурге все называют очень коротко: Дом академиков.

II. Память стен

II. Память стен

У книговедов есть такой термин — конволют. Если разные издания переплетены в одну обложку, это конволют. И иногда не сразу понимаешь, что держишь в руках не одну книгу, а сразу две или еще больше; только когда прочитаешь до конца первой, вдруг замечаешь, что дальше идет вторая.

Такие конволюты встречаются и в архитектуре. Бывает, два соседних дома перестраиваются и отделяются заново так, что выглядят снаружи единым зданием. И только при реставрации или при изучении старых планов и документов выясняется, что это — объединенные одним фасадом разные строения.

Таких домов в Петербурге довольно много (самый знаменитый, наверное, — кваренгиевский Эрмитажный театр, внутри которого в 1970-е годы обнаружили стены, комнаты и часть двора Зимнего дворца Петра I). И всегда, наталкиваясь на подобные незаметные стороннему глазу секреты, краеведы радуются, словно получают послание из прошлого. Так радуется археолог, замечая под раскопанным культурным слоем следы более древнего времени. Так радуется реставратор, находя под поздними росписями остатки старинных фресок. Так радуется палеограф, обнаруживая, что изученный вдоль и поперек манускрипт является палимпсестом, то есть написан поверх соскобленного текста, который, пользуясь рентгеновскими лучами, можно прочитать.

Дом, о котором идет наш рассказ, — как раз такой «конволют».

Как мы уже знаем, строительство двух домов на набережной Васильевского острова, начатое приближенными князя Меншикова, закончено ими не было. Оба недостроенных здания стали принадлежать казне, а точнее, Военной коллегии, которая пыталась в них хранить продовольствие. Пыталась, по-видимому, довольно безуспешно, поскольку о доме Волкова в 1736 году говорилось, что «онный дом для казенных поклаж неспособен»¹, а из описи дома Лутковского от 1732 года известно, что он как склад не использовался, а в его неогороженном дворе «от Правянской канцелярии кладетца правянт»².

И вот 24 августа 1736 года появляется указ императрицы Анны Иоанновны, в котором констатировалось, что дом Волкова Военной коллегии не нужен, что достраивать его денег нет и что «полицеймейстерская канцелярия требует, чтобы тот дом достроен был против протчих обывательских домов»³ (этими «обывательскими домами», живописную череду которых уродовал

неоштукатуренный, с забитыми досками проемами, долгострой, были особняки, принадлежавшие самым солидным людям империи, например, таким как контр-адмирал Конон Зотов, чей дом примыкал к дому Лутковского с запада). А дальше в указе шла речь о том, чтобы «для житья академических служителей вышеписанный, купленный у Волкова дом, отдать в ведомство Академии наук, и что надлежит в нем вычинить из положенной суммы на канцелярию от строений, дабы впредь к той академии для житья вышеписанных учеников особливых домов не нанимать». (Читателю, конечно, непросто пробиваться сквозь словесные нагромождения канцелярского стиля XVIII века, но зато как он передает колорит эпохи...)

Похоже, затея с передачей дома Волкова Академии наук принадлежала ее тогдашнему президенту (или, как называлась эта должность в документах, главному командиру Академии) барону Иоганну Альбрехту фон Корфу.

Оказался этот отпрыск старинного, но небогатого курляндского рода на столь высоком месте благодаря тому, что был приближенным императрицы (в прошлом — герцогини Курляндской) и успешно выполнял некоторые весьма деликатные ее поручения. В частности, именно он обеспечил фавориту Анны Иоанновны Эрнсту Иоганну Бирону избрание в герцоги. Впрочем, назначение на пост главы Академии было не столько наградой, сколько результатом стремления спесивого Бирона пристроить Корфа к какому-нибудь делу, требовавшему постоянных забот, дабы несколько удалить его от придворной жизни: новоявленный герцог подозревал в нем соперника. Но так или иначе, тридцатисемилетний барон, возглавив Академию наук, оказался вполне на своем месте. Он имел неплохое образование (окончил Иенский университет), не чуждался научных занятий, был страстным собирателем книг (его огромную библиотеку купила много лет спустя Екатерина II), а главное — был толковым администратором и сумел несколько обуздать те интриги, которыми, увы, отличалась академическая жизнь того времени⁴.

Одной из главных забот Корфа стала нехватка помещений для работы введенного ему учреждения и жилья для студентов и преподавателей. Например, в феврале 1736 года он хлопотал о покупке для анатомических занятий дома канцеляриста Соколова⁵, а в июне «Ее Императорскому Величеству словесно доносил и требовал под академию полат, в которых прежде имелся правительствующий сенат»⁶. И, надо думать, именно Корф затеял изъять дом Волкова (поначалу речь шла только о нем) из военного ведомства и передать его Академии. После издания указа императрицы об этом, он дает поручение

Иоганн Альбрехт фон Корф.
Портрет работы Ивана Тюриня. 1885 г.
по гравюре Ф. Л. Брадта (XVIII в.),
написанный для галереи портретов
президентов Академии наук.

⁴ Подробно биография Корфа изложена в книге: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1870. С. 516–535.

⁵ Распоряжение президента Академии наук фон Корфа от 23 февраля 1736 года // Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. III. С. 39.

⁶ Распоряжение президента Академии наук фон Корфа от 21 июня 1736 года // Там же. С. 98.

¹ Указ ее императорского величества самодержцы всероссийской из Правительствующего сената Академии наук от 24 августа 1736 года // Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. III. СПб., 1886. С. 162.

² Николаева М. В. Санкт-Петербург Петра I. История домовладений: застройка и застройщики. М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 139.

³ Указ ее императорского величества самодержцы всероссийской... С. 162.

досмотрщику Ягану Шмиту и копиисту Дмитрию Тимофееву описать состояние дома и прикинуть, что необходимо сделать для приведения его в пристойный вид⁷.

Шмит и Тимофеев представили 22 сентября свой «репорт»:

«Во оных полатах имеется: в нижнем департаменте шесть покоев, в верхнем департаменте шесть же, токмо полов нет, а одни брусья; в сенях имеется пол простой, досчатый, из сеней двери простые, створчатые, с надворной стороны — на железных петлях, тако ж и закладка железная с пробоями [то есть перекладина, которой запиралась дверь], а другие двери, с берегу Невы реки, досками простыми забраны. У оных полат имеется с Невы реки рундук [площадка, наподобие широкого крыльца] из пластин [то есть, вероятно, из каменных плит], со двора такой же рундук, из пластин же, с Невы реки и с погребя дверь деревянная, на крюках железных. Во оных полатах дверей и в окнах окончин, и ставней, и затворов в обоих апартаментях не имеется, кроме того, что оные окна досками простыми загорожены. Во оных палатах окон тридцать четыре; внизу, в погребях, девять решеток железных, а сводов во оных погребях не имеется; на оных полатах кровля крыта гонтом, на стропилах, без спусков [то есть водосточных труб] и без жолобов. Полы во оных полатах внизу деревянные, из простых досок»⁸. Кроме того, в рапорте указывалось, что позади дома имеются два амбара, бревенчатый и дощатый, но кто из хозяев их строил, Волков или Лутковский, определить было невозможно.

Кроме инспектора и писаря, для обследования дома Волкова требовался специалист-строитель. В этом качестве был привлечен резного дела мастер Кондрат Оснер, которому приказывалось *«что надлежит построить и починить — осмотреть, и по осмотру, для строения колико суммы надлежит, со мнением в академическую канцелярию подать репорт»*.

Этот Кондрат Оснер (сам-то он себя называл не Кондратом, а Конрадом) — личность в истории Петербурга примечательная (проживал он, кстати, на том же Васильевском острове, во Французской слободе, о которой упоминалось в первой главе). Умелый скульптор и резчик родом из Нюрнберга, Оснер приехал в Россию в 1703 году. Самая известная и единственная сохранившаяся его работа — барельеф «Низвержение Симона-волхва» на Петровских воротах Петропавловской крепости. А кроме того, его произведения украшали каскады, фонтаны и дворцы Петергофа, Летний сад, Александро-Невскую лавру, Летний и Зимний дворцы, здание Кунсткамеры⁹.

Набережная Васильевского острова на плане Санкт-Петербурга, выполненном в 1738 г. под руководством капитан-поручика Иоганна Фердинанда фон Зихгейма (копия второй половины XIX в.). Двор Волкова (№ 54 на плане) показан незастроенным, дом Лутковского (№ 55) — существующим. В глубине участков желтым цветом отмечены два деревянных строения — вероятно, упоминаемые в документах «анбары».

Оснер также представил свой рапорт:

«Сей дом стоит в ряду подле двора Лутковского и имеет в длину 11½, а в ширину 7 сажен; при том погребы на хорошем фундаменте, только без сводов и, сверх того, полны воды. В первом жилье [то есть на первом этаже] 6 камор [то есть жилых комнат] и двои сени, но весьма худыми досками намощены. В другом этаже полы и потолки только бревнами назначены, так что без стеллажей ничего сделать и притти не можно. Кровля очень плоха, и наверху, где было третьему жилью быть, стена не вся выведена, которую также, как и подле нее стоящую стену, сделать и кровлю наравне с соседнею совершить и покрыть надлежало. А протчее строение и стены сего дома не худы сделаны, к тому же еще ничего не обвалилось и не разломано, и на дворе каменный фундамент для строения заднего лица заложен; также старого строения, кроме двух ветхих анбаров нет»¹⁰.

И далее Оснер делает одно чрезвычайно любопытное замечание, имевшее очень важные последствия для судьбы домов Волкова и Лутковского:

⁷ Распоряжение президента Академии наук фон Корфа от 6 сентября 1736 года // Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. III. С. 172.

⁸ Опись полатам, имеющимся на Васильевском острову покойного Алексея Волкова... (приложение к репорту Шмита и Тимофеева в Императорскую Академию наук от 22 сентября 1736 года) // Там же. С. 186.

⁹ Юмангулов В. Я. «Честный человек старого покроя...» О петергофских работах скульптора и резчика Конрада Оснера // История Петербурга. 2010. № 1 (53). С. 45–48.

¹⁰ Оснер К. Репорт о дворе Волкова от 8 октября 1736 года // Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. III. С. 198–199.

II. Память стен

«И понеже оба сии начатые строения как снаружи, так и изнутри, одну форму имеют, то бы надлежало им в одном месте быть [мы бы сейчас сказали «быть вместе»], из чего академия не без пользы будет».

Из первой части этой фразы мы можем заключить, что строились дома обоих меншиковских «придворных» по одному и тому же проекту – разница между ними заключалась, по-видимому, лишь в том, что дом Волкова был угловым, и потому имел два лицевых фасада – на Неву и на 7-ю линию. Скорее всего, это был тот самый проект, который в конце 1716 года был предложен только что приехавшим в Россию Жаном Батистом Александром Леблонем. Проект с некоторыми оговорками был одобрен царем, находившимся тогда в Париже, прислан обратно в Россию, отгравирован Алексеем Ростовцевым и отпечатан с такой подписью: *«Присланной от Его Царского Величества чертеж, по которому всем на реку строящимся строить таковым образом езихт»*¹¹ [от нем. Gesicht – лицо, то есть лицевой фасад]». (См. иллюстрацию на с. 31) На реку строились в то время как раз больше всего на Васильевском острове, так что именно здесь типовой проект Леблона был неоднократно повторен. Об этих домах писал побывавший в Петербурге в 1736 году датчанин Педер фон Хавен: *«Когда плывешь из Кронштадта, то видишь по левую руку на Васильевском острове едва ли не на протяжении двух-трех верст прекрасные дворцы, выстроенные из камня в итальянской манере; их русские дворянские фамилии должны были возвести на свои средства, хотя теперь они стоят больше для красоты, так как их владельцы редко бывают в Петербурге»*¹². Впрочем, как мы знаем, недостроенные дома Волкова и Лутковского выбивались из этого парадного ряда своим непрезентабельным видом.

И вот, исходя из того, что оба здания возводились по одному проекту, а стало быть, у них совпадают высота этажей, размеры и ритм оконных проемов, Оснер предлагает объединить эти незаконченные строения в одно. По его заключению это обошлось бы казне в сумму от пяти до шести тысяч рублей.

Идея Оснера, видимо, сразу же пришлась по вкусу Корфу, ибо уже через три дня он доносил в Сенат:

*«А понеже весьма полезно б было, ежели Лутковского двор достроить вместе с двором Волкова и отдать под академию, ибо правительствующему сенату уже известно, что не малая нужда в квартирах и академическим профессорам и служителям обстоит, того ради требовать: по объявлению оногo Оснера, помянутого Лутковского двор под академию отдать, а на достройку дому Волкова сумму шесть тысяч рублей на шет канцелярии от строений отпустить в академию...»*¹³

¹¹ Цит. по: *Калязина Н. В.* Архитектор Леблон в России (1716–1719) // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX века. М.: Наука, 1984. С. 120.

¹² *Хавен П. фон.* Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: Блиц, 1997. С. 355–356.

¹³ Доношение фон Корфа в Правительствующий сенат от 11 октября 1736 года // Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. III. С. 200.

Ох, как от этих слов про немалую нужду в квартирах академическим профессорам веет чем-то очень знакомым, чем-то из времен значительно менее давних...

Вполне возможно, что шесть тысяч рублей для достройки дома Волкова и объединения его с домом Лутковского в казне нашлись бы. Но этого не случилось. И нетрудно догадаться, почему. В то время огромные средства пришлось отдать на восстановление города после пожаров.

Проспект вниз по Неве реке от Невского моста между Исаакиевской церковью и корпусом Кадетским. Раскрашенная гравюра Якова Васильева по рисунку Михайлы Махаева. 1753 г. Правая часть. В длинной череде особняков по берегу Васильевского острова свое место занимали и недостроенные дома Волкова и Лутковского. Однако на этой парадной гравюре все здания изображены завершенными, в полном блеске...

Пожар в Петербурге в 1737 г.
Немецкая гравюра. Конец 1730-х гг.

Летом 1737 года Петербург пережил серию катастрофических пожаров, практически уничтоживших застройку между Мойкой и Большой Невой. Считается, и не без оснований, что это был результат поджогов. Но нет худа без добра: территория в самом центре города, которая была застроена не очень-то планомерно и в основном деревянными домами, сама собой расчистилась. Специально созданная Комиссия о Санкт-Петербургском строении занялась упорядочением улиц и прокладкой новых — именно тогда оформилось знаменитое трехлучие, расходящееся от Адмиралтейства. Новая планировка потребовала сноса и тех домов, которые удалось спасти от пожара. И вот 25 апреля 1738 года генерал-фельдмаршал фон Миних от имени *Всепресвет-*

лейшей, Державнейшей, Великой Государыни Императрицы Анны Иоанновны объявил Комиссии о Санкт-Петербургском строении устный указ, которым, в частности, повелевалось «у Старого Дворцового канала [сейчас это Зимняя канавка] корабельного мастера Брауна деревянный двор сломать-же немедленно, а вместо того отдать ему, Брауну, на Васильевском острове, на берегу Большой Невы-реки, отписные [то есть, принадлежащие казне] Алексея Волкова каменные палаты»¹⁴.

Судя по всему, советники Анны Иоанновны рассудили так: коли денег на достройку дома Волкова нет, нужно от него избавиться — отдать кому-нибудь и пускай новый владелец приводит здание в порядок.

Корабельный мастер Ричард Браун (или Броун) был принят на работу Петром I в 1705 году. Этот англичанин был одним из самых авторитетных специалистов в своей области в России, спроектировал и построил множество разнообразных судов. Но при этом он обладал в высшей степени заносчивым, сварливым и неуживчивым характером¹⁵. И вполне возможно, что навязать ему хоть и каменный, но недостроенный дом взамен вполне пригодного деревянного, никак не удавалось.

Три месяца спустя Комиссия о строении пожелала, чтобы письменный указ о передаче дома был направлен из Кабинета императрицы в Сенат. Ее величеству было о сем доложено, а в ответ «велено решению по тому обождать»¹⁶. Трудно отделаться от ощущения, что сама судьба предназначала бывшее имущество генерала и полковника во владение Академии наук. Но до того времени, когда здание это начнет по-настоящему служить российской науке, оставалось еще без малого двадцать лет.

А пока правительство, в распоряжении которого оказались два недостроенных дома и не было денег на их окончание, придумывало, какую бы пользу извлечь из этой обузы. Для таких размышлений существовал в Российской империи специальный орган — Камер-коллегия (или, как ее именовали в документах XVIII века — Камор-коллегия). В октябре 1743 года, уже при Елизавете Петровне, в потаенных глубинах этого органа возникла идея хранить в подвалах домов Волкова и Лутковского бочки с казенным вином (вином тогда могли называть не только хмельные напитки из винограда, но и то, что мы теперь зовем водкой, — хлебное вино). «Понеже в привозе ныне в Санкт-Петербурх казеннаго и подряднаго вина многое число бочек, — жаловалась Камер-коллегия, — котораго, за неимением в Санктпетербурхской крепости порозжих казарм и на старом отдаточном дворе анбаров, поставить

Легенда на плане фон Зихгейма. Под № 54 обозначен «Волкова пустой двор», под № 55 — дом Лутковского (фамилия написана с ошибкой: «Луткова»).

¹⁴ Высочайшее... повеление о сломке деревянных зданий... с отдачею корабельному мастеру Брауну... отписных каменных палат Алексея Волкова // Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. / Под ред. А. Н. Филиппова. Т. VII / Сб. Императорского русского исторического общества. Т. 120. Юрьев, 1905. С. 381. Ср. также: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век / Сост. П. Баранов. Т. II. 1725–1740 гг. СПб., 1875. С. 540.

¹⁵ Быховский И. А. Петровские корабли. Л.: Судостроение, 1982. С. 93–94.

¹⁶ Запись в журнале [Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны] 27 июля 1738 года // Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. С. 92.

Андрей Константинович Нартов.
Портрет работы неизвестного
художника. Середина XVIII в.
(предположительно копия с более ранней
работы Ивана Никитина).

некуда, и стоит в барках, на воде, в чем от нынешних осенних от погоды на воде штормов не малое опасение, дабы тех с вином бочек как не повредило»¹⁷. Опасения, конечно, были не напрасны. Можно не сомневаться: после каждого шторма нескольких бочек с вином недосчитывались. Что поделаешь — стихия!

И вот в такой серьезной озабоченности и вспомнила Камер-коллегия про то, что в Академии наук, в здании Кунсткамеры, есть замечательные подвалы, куда можно припрятать казенный алкоголь. И про «Волкова и Лутковского полаты» вспомнила — дома пусть не готовы, но подвалы-то целы! Правда, в Академии не оценили находчивости чиновников: Андрей Нартов, гениальный токарь и механик, прославившийся еще при Петре, а теперь являвшийся секретарем Академии наук, фактически ее руководителем, отвечал, что «при академии наук под мастерскими полатами два погребца и есть, однако оные самой академии необходимо надобны, и отданы быть не могут, а бывших Волкова и Лутковского двор, за недачею на достройку и починку до шести тысяч рублей, в академии наук не принят и в ведомстве академии не имеется»¹⁸. Ну а раз дома эти за Академией не числились, препятствий к превращению их в винные склады не было. На следующий же день после получения письма Нартова вышел указ Правительствующего сената об употреблении этих погребов для «постановления казенного и подрядного вина»¹⁹. Видимо, для этого пришлось из подвалов выкачать воду, которой они, как мы помним из рапорта Оснера, были заполнены.

Есть также сведения, что во второй половине 1740-х годов в подвалах этого дома размещался анатомический театр.

Современному человеку трудно представить себе, что такое был анатомический театр в европейской культуре XVII–XVIII веков. Название «театр» публичному разрезанию трупов было дано отнюдь не случайно: демонстрации эти имели не только научно-просветительский, но и эстетически-философский смысл — они должны были давать наглядную пищу размышлениям о бренности телесного существования, о суетности жизни, об отношениях духа и плоти, живого и мертвого, о сложности и разнообразии мироустройства. Сеансы анатомирования сопровождалась музыкой, чтением научных или нравоучительных текстов, анатомы одевались в парадные костюмы, курились благовония, использовались вычурных форм хирургические инструменты и т. д.

В раннем Санкт-Петербурге действовало несколько анатомических театров, но для самого роскошного было отведено место в здании Кунсткамеры — в основании башни. Это был богато украшенный сферический зал, нижнюю

часть которого занимали расположенные амфитеатром скамьи для публики. В своде потолка были сделаны овальные окошки, через которые избранные персоны могли наблюдать сеансы сверху. По стенам за спинами зрителей стояли витрины с анатомическими экспонатами из коллекции Ф. Рюйша²⁰.

Рухнувшая во время страшного пожара 1747 года башня Кунсткамеры разрушила находившийся под ней зал анатомического театра. Георгий Алексеевич Князев — замечательный ученый, долгие годы возглавлявший архив Академии наук, — писал (основываясь, вероятно, на документах) в опубликованной посмертно статье, что после пожара анатомирование пришлось перенести в подвалы академического дома на углу 7-й линии²¹. Вряд ли это был полноценный анатомический театр, но демонстрационные вскрытия для студентов университета (пока не было подготовлено более удобное помещение в доме Строгановых на северной стороне Стрелки) вполне могли здесь производиться.

Других сведений о том, что дома Волкова и Лутковского как-либо использовались до их перестройки в 1757 году, найти не удалось. Однако существует еще один источник — не текстовый, а изобразительный, — к которому необходимо присмотреться повнимательнее.

В Национальном музее Швеции в Стокгольме хранится уникальная коллекция рисунков, изображающих фасады многих петербургских сооружений. Обычно это собрание называют коллекцией Берхгольца²², хотя современные изыскания доказывают, что камер-юнкер Фридрих Вильгельм фон Берхголец к нему не имел никакого отношения²³. То, каким путем эти чертежи попали в Европу, имеет принципиальную важность, ибо голштинский камер-юнкер покинул навсегда Россию в 1746 году, и если именно он вывез комплект петербургских архитектурных чертежей, значит, они были выполнены до этой даты. Если же их вывез кто-то другой, то по крайней мере часть этих графических листов может относиться к более позднему времени.

В числе сокровищ стокгольмской коллекции имеется длинная бумажная лента с изображением зданий, стоявших на Васильевском острове вдоль берега Большой Невы. Над одним из них помещена немецкая надпись: «Дом полковника Лутковского». Соседние особняки Конона Зотова, Никиты Салтыкова, Петра Салтыкова очень сходны по виду с леблоновским типовым проектом: два этажа на высоких погребках, мансарды, крыльцо, семь рядов окон по фасаду (семь осей, как говорят архитекторы). Дом же, названный на этом рисунке домом Лутковского, имеет не два, а три этажа; крыльцо и вообще

²⁰ Груздева Е. Н. Анатомический театр Академии наук (по документам СПФ АРАН) // URL: <http://ranar.spb.ru/rus/books6/id/570/> (дата обращения: 31.10.2016).

²¹ Князев Г. А. Дом академиков // Белые ночи. Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л.: Лениздат, 1973. С. 82. Сотрудница Архива РАН Елена Груздева пишет, что найти документы, подтверждающие переезд анатомического театра в подвалы дома Волкова ей не удалось. При этом она ошибочно относит этот переезд не к 1747 году, о чем писал Г. А. Князев, а на сорок один год позже, к 1788 году, когда, действительно, анатомирование производилось в другом месте (см.: Груздева Е. Н. Указ. соч.).

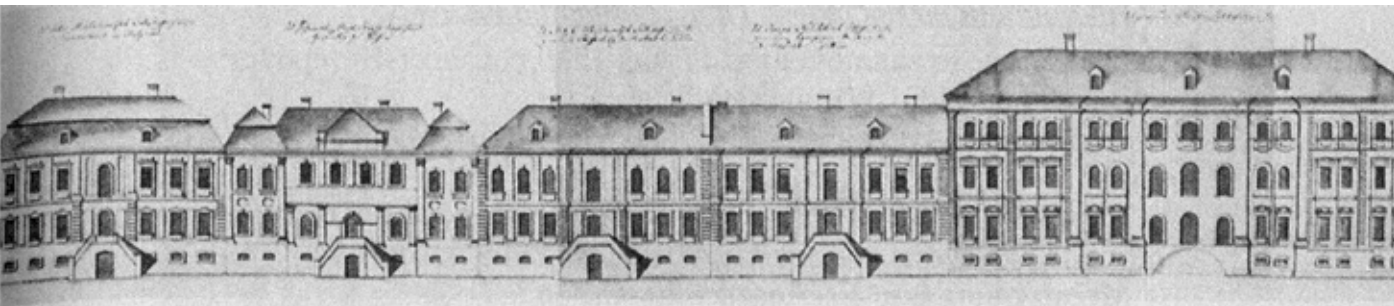
²² Барышникова Е. Ю. Санкт-Петербург XVIII века в чертежах из коллекции Берхгольца // Шведы на берегах Невы. Сб. ст. Стокгольм, 1998. С. 139–146.

²³ Малиновский К. В. Берхгольц (Берхгольц) Фридрих-Вильгельм // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. Кн. 1. М., СПб., 2001. С. 124.

¹⁷ Промемория государственной камер-коллегии из конторы в академию наук от 17 октября 1743 года // Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. V (1742–1743). СПб., 1889. С. 920.

¹⁸ Ответная промемория Андрея Нартова Камер-коллегии от 20 октября 1743 года // Там же. С. 926.

¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 761. Л. 28.

Фасады домов (справа налево) полковника Лутковского, экипажмейстера императорского флота Конона Никитича Зотова, сержанта Преображенской гвардии Никиты Васильевича Салтыкова, тайного советника, посланника в Саксонии Кейзерлинга, белгородского губернатора Петра Михайловича Салтыкова. Чертеж из стокгольмской коллекции. Вопреки распространенному мнению, изображение относится к периоду после 1757 г.

вход с набережной отсутствует, и по фасаду не семь, а пятнадцать осей! Совершенно очевидно, что перед нами уже соединенные и надстроенные два дома, прежде принадлежавшие Волкову и Лутковскому. «Судя по чертежу из шведской коллекции, — пишет в одной из своих статей историк Елена Станюкович-Денисова, сторонница того, что коллекцию графики вывез из России Берхгольц, — работы по объединению домов были начаты еще в 1740-х гг.»²⁴ Да еще как начаты! На рисунке — вполне законченный, полностью перестроенный дом. При этом, как мы помним по предварительным прикидкам Конрада Оснера, только доделывание и объединение домов, без надстройки этажа, должно было обойтись примерно в шесть тысяч рублей — сумму очень немалую. Если бы такие деньги были выделены из казны в пользу Академии наук, об этом, безусловно, сохранились бы какие-нибудь документы. Но, скажем, в многотомном издании «Материалы для истории Императорской Академии наук», где отражены даже столь незначительные события, как пьяная драка между двумя студентами Академии при праздновании Нового года, нет ни слова о перестройке домов Волкова и Лутковского ранее 1757 года. Не обнаружилось сведений об этом ни в других публикациях²⁵, ни в самом архиве Академии наук. И к тому же, если дом был перестроен примерно в середине 1740-х годов, зачем его перестраивать заново десять-двенадцать лет спустя, в 1757 году (об этой перестройке речь впереди)? И почему тогда в архивных документах 1750-х годов речь идет только об отдельных недостроенных домах Волкова и Лутковского, а не об одном доме, хотя бы и не до конца перестроенном?

Все это позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что на чертеже из шведского собрания изображен дом Волкова-Лутковского уже после того, как он был перестроен для нужд Академии наук в 1757 году, а стало быть, и архитектурная коллекция была вывезена из России после этой даты, и понятно, не камер-юнкером Берхгольцем. (Это, конечно, справедливо толь-

²⁴ Станюкович-Денисова Е. Ю. Архитектура набережных Васильевского острова в начале царствования Елизаветы Петровны (по материалам Тессин-Хорлеманской коллекции) // М. В. Ломоносов и Елизаветинское время: Сб. науч. ст. по материалам конференции «М. В. Ломоносов и Елизаветинское время». СПб., 2011. С. 130.

²⁵ Штелинов реестр официальных бумаг, относящихся к истории Академии с 1725 по 1749 г. // Ученые записки Императорской Академии наук. Т. II. Вып. 1. С. 156–173; Куник А. А. Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. I и II. СПб., 1865.

ко в том случае, если мы согласимся, что на стокгольмском чертеже отражена действительная, а не проектируемая застройка. Но об этом, кажется, специалисты не спорят.)

Кроме того, мы можем даже сделать робкое предположение о том, с какой целью мог быть выполнен этот чертеж. В 1765–1773 годах, вначале под руководством французского картографа П. А. де Сент-Илера, а затем российских специалистов, изготавливался знаменитый аксонометрический план Санкт-Петербурга — удивительное произведение графики, которое можно сравнить, пожалуй, лишь с фотографией огромного разрешения, сделанной со спутника. Конечно, для «сочинения» такого плана была необходима очень большая предварительная работа, в том числе и изготовление так называемых

Перспектив вверх по Неве реке к востоку между Галерной верфью и 13-й линией Васильевского острова. Левая часть. Раскрашенная гравюра Ивана Елякова по рисунку Михайлы Махаева. 1753 г.

Дома на набережной Васильевского острова между 7-й и 8-й линиями. Сильно увеличенный фрагмент предыдущей гравюры без акварельной раскраски. Изображение нельзя считать абсолютно точным. Например, этажность некоторых домов не соответствует той, которая была в реальности. По всей видимости, недостроенные дома Волкова и Лутковского здесь не изображены вовсе.

рых разверток улиц — как бы отпечатка фасадов стоящих друг за другом домов на длинном рулоне бумаги. Хранящийся в Швеции чертеж вполне может быть одной из таких разверток... Это тем более вероятно, что интересующий нас дом на аксонометрическом плане и на стокгольмском чертеже отображен практически одинаково (существенное отличие только одно: на плане Сент-Илера дом имеет четыре слуховых окна на крыше, на шведском рисунке — три).

Новый этап судьбе двух домов на углу набережной Невы и 7-й линии наступил в 1757 году. И приложил к этому руку не кто-нибудь, а советник канцелярии Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге коллежский советник Михайло Ломоносов.

В маленьком двухэтажном здании во дворе южного биржевого пакгауза, возле самого торца Кунсткамеры, находится замечательное учреждение — Архив Академии наук. В одном из хранящихся там переплетенных в желтую кожу огромных томов, толщину которых показать большим и указательным пальцами сможет не любая рука, содержатся документы строительных и ремонтных работ, проводившихся в Академии наук в 1757 году. В основном они связаны с восстановлением после пожара главного здания Академии — Кунсткамеры. Но есть и другие. Вот, например, лист 28 (толстая и плотная, напоминающая ватман, бумага; писарский почерк — начертание многих букв еще похоже больше на древнерусский полуустав, чем на петровский гражданский шрифт):

«Марта 4 дня 1757 году

Вторник

В академических полатах для помещения мастерских и распространения как типографии, так и других художественных департаментов находится крайней недостаток в покаях, так что из вышеписанных художеств инструментальная, словолитная, переплетная, столярная и магазин с бумагою и протчим по нужде находятся до сего времени в нижнем аптаменте [так!] погоревших полат библиотеки кунсткамеры».

И далее подробно рассказывается о том, что Академия вынуждена нанимать еще дополнительное помещение для книжной лавки, и что размещение мастерских на нижнем этаже погоревшего здания Кунсткамеры затрудняет ремонт самого этого здания, и что после окончания ремонта и возвращения на свое место музея и библиотеки мастерским все равно придется покинуть это здание... А при этом еще в 1736 году недостроенный дом Волкова был

отдан Академии наук, и было велено выделить деньги на его достройку, но их не выделили, и Академия дом не приняла. *«А понеже оной Волкова дом, — продолжает документ, — состоит наряду подле конфискованного двора Лутковскаго, и оба снаружи и изнутри строены по одном доме, и <...> ныне стоят праздно и ничего в них не имеется, а ко академии оные дома как близостью, так по выстройке покоев для расположения вышеписанных художественных департаментов, а особенно для распространения типографии и умножения чрез то печатания книг, також и учреждения академических магазейнов весма способны быть могут. Того ради приказали в правительствующий сенат внести доношение и просить для прежписанной крайнея нужды об отдании тех Волкова и Лутковскаго домов с принадлежащим ко оным дворовым местом в ведомство академической резолюции, сколько же на приведение в совершенное состояние потребно будет денег, о том по получении тех домов в ведомство академическое надлежащий осмотр и опись смет учинена и правительствующему сенату от академии представлена быть имеет в немедленном времени».*

И подписи: *Шумахер, Михайло Ломоносов, Иван Тауберт*²⁶.

И уже через три с половиной месяца (очень неплохая по тем временам скорость принятия административных решений) на основании указа Правительствующего сената Академия наук отряжает некоего прапорщика П. Н. Галла, занимавшего в Академии должность *«инспектора над магазейном, оба дома принять как надлежит, все описать, и с имеющимся на дворе деревянным строением»*, а другого своего сотрудника, комиссара И. Панкратьева, — в штатс-кантору Сената для получения выделенного на ремонт домов первого *«транша»* — двух тысяч рублей. Отдельным пунктом Панкратьеву предписывалось *«об отпуске тех денег иметь в той канторе старание»* (кажется, и в советские времена существовали на предприятиях специальные люди, выбивавшие финансирование в вышестоящих органах)²⁷.

Видимо, Панкратьев не очень старался, потому что еще через месяц, 22 июля 1757 года, новый документ сообщал, что, хоть и было *«велено из статс канторы на починку <...> отпустить до двух тысяч рублей, точию оные за неимением не отпущены»*. Но упускать благоприятного для строительных работ летнего времени в Академии не хотели и решили до той поры, когда деньги будут выделены, взять необходимую на первое время сумму заимообразно из иных доходов (налицо нецелевое использование средств!) и провести торги между желающими получить этот подряд. Победили в «тендере» столярный

²⁶СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 761. Л. 28.

²⁷ Там же. Л. 73–74.

Недостроенные дома Волкова и Лутковского (обведены красным) на плане Санкт-Петербурга 1753 г., выпущенном Академией наук к полувековому юбилею города.

мастер Иоганн Кинт и его партнер — плотник Иван Гаврилов, согласившиеся выполнить все работы за 2275 рублей, о чем с Кинтом и был заключен договор. В договоре самым подробным образом описывалось, что нужно сделать: разобрать пришедшую в негодность кровлю, снять стропила и бревна перекрытий и заменить это все на новое; обновить и дополнить обветшавшую кое-где кирпичную кладку, сделать полы и потолки, вставить окна и двери («из соснового лесу и с аглинскими петлями»), соорудить деревянные лестницы, крыльцо; сложить голландские изразцовые печи, устроив необходимые дымоходы с чистками и выюшками; оштукатурить и выбелить весь дом, а деревянные части, включая кровлю, — выкрасить. Вручалась Кинту авансом треть всей суммы, а остальное предполагалось выдавать по мере выполнения работ²⁸.

Дело, однако, зашло гораздо дальше, чем предусматривал этот договор. Дома Волкова и Лутковского были не просто достроены — фактически вместо них

появился новый дом, стены которого частично являлись теми, что были возведены сорок лет назад. Ушло на это менее полутора лет и затрачено было почти в три раза больше.

Ордер от 5 октября 1758 года (уже не из «Журнала по строению», а из подшивки протоколов канцелярии и ордеров президента Академии наук) констатировал, что «для приведения их [домов Волкова и Лутковского] к житью способными от правительствующего сената по представленной оному смете и денги шесть тысяч пять сот рублей отпустить велено от стат канторы, и из оных домов один — Волкова, уже выстройкою так исправлен, что в оном и жить можно, а другой тож в скорости окончатся»²⁹.

Этот содержащий очень много чрезвычайно важных для истории Дома академиком сведений документ был подписан президентом Академии наук Кириллом Разумовским — братом сладкоголосого фаворита (а возможно, и мужа) императрицы Елизаветы. Прыгнувшие, что называется, из грязи в князи (точнее в графы), распоряжавшиеся безграничными богатством и властью Разумовские сохраняли добродушие, щедрость и относились к своей фортуне с иронией. Не умевший лет до пятнадцати ни читать, ни писать, Кирилл Григорьевич в восемнадцать возглавил Российскую Академию наук и пробыл на этом посту 52 года (фактически, правда, гораздо меньше: после 1765 года он Академией не занимался). И надо сказать, это были не худшие для Академии годы. Именно благодаря поддержке Разумовского была построена фабрика цветного стекла в Усть-Рудице, начал издаваться первый в России научно-популярный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», снаряжались экспедиции в Сибирь и на Дальний Восток, и прочее, и прочее. В этом ряду свое место занимает и перестройка академического дома на углу 7-й линии и набережной.

Проект объединения двух домов составил один из лучших архитекторов того времени — Савва Чевакинский, создатель Никольского Морского собора, Фонтанного дома и Шуваловского дворца, в то время являвшийся штатным архитектором Академии наук³⁰.

Дом, перестроенный Чевакинским, мы, судя по всему, видим на чертеже из стокгольмской коллекции. Некоторые приемы, использованные мастером в оформлении этого здания, он применял и в других своих постройках. Например, делящие фасад здания по вертикали рустованные лопатки можно найти на его царскосельских постройках, на Шуваловском дворце, на зданиях Новой Голландии. А кроме того, заметно, что зодчий стремился, объединяя два

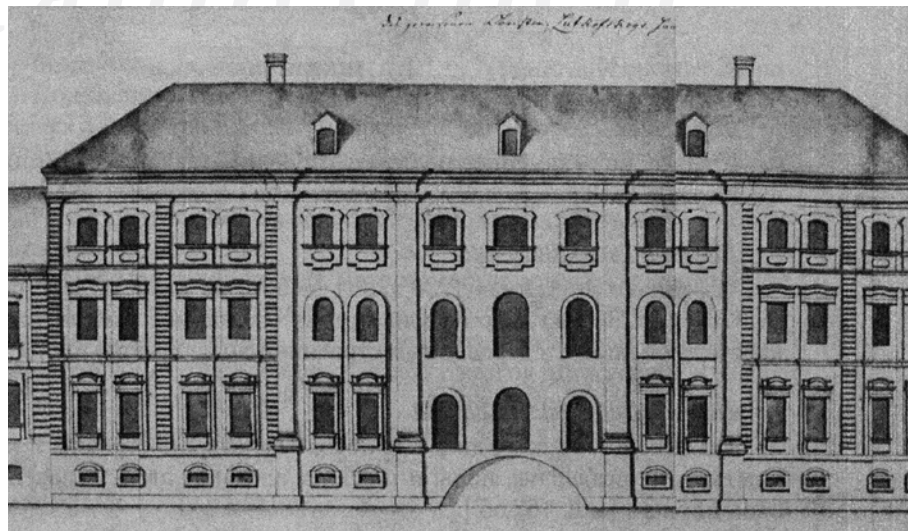
Граф Кирилл Григорьевич Разумовский.
Портрет работы Луи Токке. 1758 г.

²⁹ Там же. № 496. Л. 266.

³⁰ Петров А. Н. Савва Чевакинский. Л.: Лениздат, 1983. С. 99, 102.

²⁸ СПб АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 761.
Л. 102–104.

Дом полковника Лутковского. Чертеж из стокгольмской коллекции.

строения, придать новому зданию облик, не вступающий в диссонанс с окружением, состоявшим, как мы помним, из типовых домов Петровского времени.

Ордер президента Академии не только сообщал о ходе строительных работ, но и отдавал распоряжения об использовании уже готовых помещений. В них приказывалось разместить «*новозаводящуюся типографию, словолитную, переплетную, инструментальную, барометренную и токарную художества; також гридоровальщику Шмиту для житья по силе его контракта и для отправления работ состоящим под особливым его руководством гридоровальным подмастерьям и ученикам отвести покой*»³¹.

Вот опять мы сталкиваемся с улыбкой судьбы: Дом академиков начинает сейчас набережную лейтенанта Шмидта, а история Дома академиков начинается с человека по фамилии Шмидт...

Этот первый жилец Дома академиков являлся, кстати, самым настоящим академиком: в 1744 году его приняли в члены Парижской академии за исполненный им портрет художника XVII века Пьера Миньяра³². Был этот Шмидт гравером или, как говорили в XVIII веке, «гридоровальщиком». Искусство гравюры чрезвычайно высоко ценилось в то время. В Академии наук имелся целый Гридоровальный департамент, или Гридоровальная (Гравировальная) палата: мастер (обязательно выдающийся специалист) и несколько подма-

стерьев и учеников. С 1745 года возглавлял эту мастерскую замечательный гравер Иван Алексеевич Соколов — автор портретов императрицы Елизаветы, великого князя Петра Федоровича и многих других работ³³. Но в самом начале 1757 года Соколов умер.

И опять Разумовский не скупится. Якоб Штелин — еще один выдающийся деятель Академии того времени — рекомендует пригласить на вакантное место этого самого Георга Фридриха Шмидта. И президент не просто согласился выделять на зарплату зарубежному специалисту 1200 рублей в год, плюс 300 рублей на дорогу сюда и столько же на обратную, плюс бесплатное проживание; он даже был готов с умеренностью и прибавить³⁴.

Прибавить пришлось: в первом пункте контракта, заключенного со Шмидтом 25 сентября 1757 года, значилось: «*Оной господин Шмит определяется на службу ея императорского величества при Академии наук на пять лет членом Академии художеств и первым гридоровальщиком з жалованьем по тысячи по пятисот рублев, и притом готовая квартира, и сверх того на проезд сто червонных*»³⁵.

Свежеотделанная квартира в Волковом доме (с этого времени даже в официальных бумагах дом часто именуется именно так) подспела как раз вовремя. Здесь у Шмидта проходят обучение ставшие впоследствии отличными мастерами Алексей Греков, Яков Васильев, Ефим Виноградов, Дмитрий Герасимов и Иван Колпаков³⁶. Так что здание, известное ныне как Дом академиков, причастно к истории не только российской науки, но и изобразительного искусства, которое в XVIII веке еще не очень-то отделялось от науки — сама Академия полностью именовалась Императорской Академией наук и художеств³⁷.

А соседние с Гравировальной палатой помещения, как следует все из того же ордера, были отданы *новозаводящейся типографии*. Ей будет суждено сыграть важную роль не только в развитии отечественных науки и просвещения, но и в одном из ключевых событий российской истории.

Займемся вначале человеком, который этой типографией руководил. Имя его нам уже знакомо: оно стоит рядом с именем Ломоносова на всех документах Журнала по строению Академии наук за 1757 год. Звали его Иоганн Каспар Тауберт.

Родился он в Петербурге, в 1717 году, то есть как раз тогда, когда на немощенной еще набережной Невы начали возводиться те самые стены, в которых проидет немалая часть его жизни. После смерти Тауберта-отца, инженера-строителя

Георг Фридрих Шмидт. Автопортрет. 1758 г. Петербург

³³ Более подробно см.: Там же. Стлб. 621–628.

³⁴ Ордер президента Академии наук К. Г. Разумовского в канцелярию Академии наук от 12 апреля 1757 года // Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Л.: Наука, 1985. С. 123.

³⁵ Контракт гравера Г. Ф. Шмидта с Академией наук // Там же. С. 125.

³⁶ Самым талантливым из русских воспитанников Г. Ф. Шмидта был Евграф Петрович Чемесов, но он учился не в гравировальной палате Академии наук, а в Академии художеств.

³⁷ Как это ни удивительно, но в обстоятельном историческом очерке, предваряющем сборник документов «Гравировальная палата Академии наук XVIII века» (Л.: Наука, 1985), не назван ни один из адресов, по которым находилась Гравировальная палата; не упомянут и дом на углу 7-й линии и набережной.

³¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 496. Л. 266.

³² О Шмидте и его работе в России см.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравиров XVI–XIX вв. СПб., 1895. Стлб. 771–777.

Елисавета Первая, императрица и самодержица всероссийская. Гравюра Георга Фридриха Шмидта по оригиналу Луи Токке. 1761 г.

при Адмиралтействе, мать Иоганна Каспара вышла замуж за эконома Академии наук Матиаса Фельтена. (Сводный брат Тауберта Георг (Юрий) Фельтен стал знаменитым архитектором.) С юных лет Яган Тауберт (так он именовался в документах на русском языке) был связан с Академией наук: сперва он поступил в только что основанную Академическую гимназию и успешно ее окончил. В пятнадцатилетнем возрасте, продолжая обучение в качестве студента, зачислился в штат Академии переводчиком (в семье его, понятное дело, говорили по-немецки, так что этим языком он владел в совершенстве; но и с русским у него было все в порядке: впоследствии, к примеру, ему довелось редактировать столь важный документ, как описание коронации императрицы Елизаветы Петровны, и автор документа, князь Никита Трубецкой, был вынужден согласиться со всеми поправками, сделанными Таубертом). Русское книжное дело многим обязано Тауберту: он работал в особом учреждении, называвшемся «Российским собранием», которое разрабатывало правила русского правописания; занимался корректурой и редактированием книг, печатавшихся в единственной в ту пору российской типографии с гражданским шрифтом — типографии Академии наук, сам переводил и готовил к печати иностранные научные труды, наконец, он организовал еще одну академическую типографию — ту самую, для которой распоряжением президента Академии наук были отведены комнаты в доме Волкова–Лутковского³⁸.

«И как над всеми оными департаментами, — говорилось дальше в ордере графа Разумовского, — для [то есть по причине] отдаления их от академии [О, XVIII век! Пятнадцать минут неторопливой ходьбы — и это уже отдаление!] надлежит быть всегдашнему крепкому смотрению, и оное особливо поручено канцелярии советнику Гдну Тауберту; к тому ж не только для библиотеки и кунсткамеры, но и для всяких незапных случаев и по высочайшим повелениям ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА учрежденной при дворе конференции и правительствующаго сената часто в праздничные дни, а иногда и в nocturne время в самой скорости исправляемых и обыкновенно ему поручаемых дел должно ему быть почти безотлучно и жительство иметь непременно на Васильевском острове; того ради по вышеписанным резонам и дабы ни в чем медления последовать могло, определяется ему пристойная квартира в одном из объявленных домов Волкова и Лутковского в которой сверх расположения упомянутых департаментов еще довольно места остается»³⁹.

Забегая вперед, скажем, что Разумовский как в воду глядел: будет незапный случай, — будет такой случай, что заставит он Тауберта и его подчиненных не смыкать глаз целую ночь, трудясь над срочным сверхответственным заказом.

Типографское художество, или книгопечатание. Гравюра из книги «Зрелище природы и художеств». Т. I. СПб., издание Императорской Академии наук, 1784 г.

Но это произойдет без малого четыре года спустя, а пока «заведенная стараниями канцелярии советника Гдна Тауберта в нарочно отданных для того под академию домах Волкова и Лутковского новая типография с середины февраля мца сего 1759 Года уже в действие приведена», — сообщал в канцелярию Академии очередной ордер президента. И этот же документ распоряжался: «того ради в оной типографии и впредь быть в единственном ведении его же канцелярии советника, которому всячески стараться умножить во оной печатание книг как для удовольствия народного, так и для прибыли казенной». Тауберту давалось право самому выбирать книги для печати, делать заказы авторам или переводчикам и расплачиваться с ними, осуществлять цензуру, назначать жалование наборщикам и печатникам. О самом же канцелярии советнике господине Тауберте говорилось, что он *без награждения оставлен не будет*⁴⁰.

³⁸ Подробно биография Трауберта изложена в книге: Пекарский П. П. Указ. соч. С. 636–670.

³⁹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 496. Л. 266.

⁴⁰ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 470. Л. 187–188.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна.
Портрет работы Вигилиуса Эриксена.
До 1762 г.

Хотя типография и числилась при Академии наук, Тауберт не очень-то был озабочен выпуском научной литературы; он печатал пользовавшиеся спросом повести о разорении Иерусалима и о взятии Константинополя, переводные авантюрные романы, а также и русских авторов — Кантемира, Фонвизина, Новикова, Елагина... Но звездным часом Тауберта стала работа отнюдь не коммерческого характера.

Ранним утром 28 июня 1762 года бывшая принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, а в то время супруга императора Петра III Екатерина Алексеевна, произвела государственный переворот: свергла с трона своего венценосного мужа и заняла его место. Одним из шагов, которые ей необходимо было совершить на пути к престолу, было опубликование манифеста о произошедшей смене власти. Именно этим спешно занялась типография в доме на 7-й линии. Август Шлецер, немецкий историк, работавший в то время в Петербурге, писал в мемуарах: *«Тауберт принимал большое участие в этом великом деле: в подвалах занимаемого им академического дома ночью печатался манифест, который был роздан уже на рассвете. Я благодарил небо, что не удостоился играть роль в этом опасном событии; вероятно, я был оставлен в стороне потому, что был еще человеком слишком новым и неизвестным. Но как легко наш брат без всякого намерения может быть втянут в такой водоворот, показывает следующая история. Один служивший при Академии ученый немец был вечером позван к какому-то вельможе⁴¹, который объявил ему, что наборщики и печатники со своими приборами уже заперты там-то и там-то с тем, чтобы ночью печатать революционный манифест, а он, немец, должен отправляться туда же и держать там корректуру и тому подобное. Бедняк отказывался от поручения, умолял, просил на коленях избавить его от поручения. „Вы знаете уже слишком много, — отвечали ему, — вы и я отвечаем головою, если что откроется. Вы должны и не можете идти никуда, кроме вашего назначения“. Его потащили. И за это отчаянное дело, за смертельный страх вознаградили его несчастными пятьюдесятью рублями!»⁴²*

Деликатное поручение Тауберт выполнил как нельзя более аккуратно, точно и быстро, чего императрица, ценившая такого рода услуги, не забыла. Не прошло и месяца, как он был произведен в статские советники и *библиотекариусы ея императорского величества* с жалованием в полторы тысячи рублей в год⁴³. Ломоносову, находившемуся прежде в одном с ним чине коллежского советника и в одной должности (советника канцелярии с окладом

в 1200 рублей), не подвернулся случай так потрафить государыне, и он от Тауберта в карьере отстал, что еще более обострило их непростые взаимоотношения.

Эти двое, чьи подписи так мирно соседствуют на пожелтевших архивных листах, в жизни были злейшими врагами. В биографиях Ломоносова всегда уделяется внимание его борьбе с «немецким засильем» в Академии наук. Он действительно вел такую борьбу, и, действительно, подоплекой ее была национальная принадлежность деятелей Академии. Но, рассуждая об этом, нужно учитывать, что наш великий ученый обладал непростым характером; на протяжении всей жизни его не оставляло ощущение, что иноземцы стремятся всячески очернить и уязвить русских, показать с невыгодной стороны российскую историю, принизить способности его соотечественников к наукам. Одним из объектов его нападков был историк Герхард Фридрих Миллер, которого он уличал, например, в том, что тот *«пишет и печатает на немецком языке смутные времена Годуновы и Растрюгины, самую мрачную часть российской истории, из чего чужестранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе»*. «Или нет, — восклицал он далее, — других известий и дел российских, где бы по последней мере и добро с худом в равновесии видеть можно было?»⁴⁴

Это были, так сказать, идеологические обвинения. К Тауберту же претензии предъявлялись главным образом хозяйственно-финансовые, хотя, впрочем, и в них идеологическая нота звучала.

Вот в 1760 году, еще при императрице Елизавете, написал Михайло Васильевич жалобу (из уважения к его талантам не будем называть этот документ доносом), в которой, в частности, докладывал своему неустановленному высокопоставленному адресату, что столяры Бехер и Кинт, перестраивавшие дома Волкова и Лутковского, творили, по слухам, многие злоупотребления (один из них это тот самый Иоганн Кинт, который выиграл тремя годами ранее на торгах подряд на доделку дома Волкова). *«Однако, — добавлял Ломоносов, — слухом уверяться не должно»*. *«Только то известно, — продолжал он, — что из Канцелярии требуются репортами деньги на платеж за постройки, о которых в ней нет никакого определения, и без ведома Канцелярии против новой Типографии выстроена пристань»*. Произведенные якобы втайне от канцелярии Академии наук постройки, пристройки и перестройки в Волковом доме и возле него будут не раз еще фигурировать в донесениях Михайлы Васильевича в разные инстанции, не раз он будет требовать назначить над Таубертом следствие

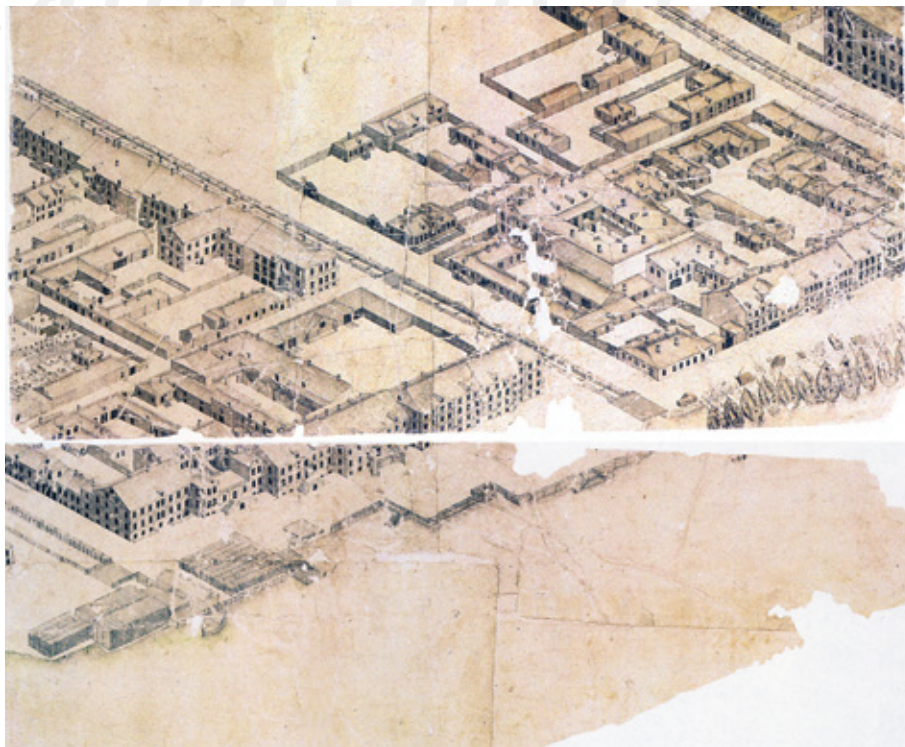
⁴¹ Как предположил П. П. Пекарский, этим вельможей был президент Академии наук Кирилл Разумовский (Пекарский П. П. Указ. соч. С. 659).

⁴² Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России, от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе / Пер. с немецкого с примечаниями и приложениями В. Кеневича // Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XIII. СПб., 1875. С. 98–99.

⁴³ Пекарский П. П. Указ. соч. С. 660.

⁴⁴ Ломоносов М. В. Представление президенту Академии наук о неправильных действиях Г.-Ф. Миллера и И. И. Тауберта // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1957. Т. X. С. 232–233.

Набережная Васильевского острова между 5-й и 8-й линиями на аксонометрическом плане П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова и других. 1765–1773 гг. На нижнем листе обозначена пристань со спуском к воде на две стороны.

и взять его под стражу. Тщетно! Руководитель новозаведенной типографии так и не будет по-настоящему уличен в злоупотреблениях.

А возмущившая Ломоносова пристань, кстати, хорошо видна на плане Сент-Илера. Такие же причалы сооружались в то время перед всеми выходящими к реке домами, ибо при недостатке мостов и сухопутных дорог в Петербурге активно пользовались водным транспортом. И если тогда Тауберт самовольно озаботился обустройством набережной возле Волкова дома, то в дальнейшем этой проблемой придется заниматься канцелярии Академии наук. К примеру, в феврале 1762 года она дала объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «На Васильевском острове против лежащих по берегу Большой Невы реки палат Академического корпуса и дому Волкова и Лутковскова желающим укрепить берег на несколько сажень в ширину и в длину битьем свай и насыпкою щебнем, и сделать так, как на Адмиралтейской стороне, из своих или

из казенных материалов своими работными людьми, возя щебень от зимняго дворца на своих подводах, явиться в Академической канцелярии немедленно»⁴⁵. То ли желающих вовсе не нашлось, то ли цены они назначали слишком высокие, но год спустя в тех же «Ведомостях» объявление публикуется снова, на этот раз с уточнением: «...Желающие укрепить берег насыпкою земли и взять ниже 2 руб. 25 коп. с кубической сажени»⁴⁶. Взятся за это дело петербургский купец Александр Орлов, но он «во исправлении оной работы явился не исправен»⁴⁷, и снова канцелярия через газету призывала подрядчиков завершить укрепление набережной.

Вернемся, однако, к письму Ломоносова.

«Сверх того, г. советник Тауберт занял многое число покоев, и еще есть порожжие, где бы бессемейному человеку, профессору Гришову, удобно жить можно было, которому ныне за квартиру платится триста рублей напрасно», — бросал он свои инвективы, отдающие коммунальной сварой. А главные его упреки Тауберту заключались в том, что тот нанял тех же Бехера и Кинта для изготовления касс под типографские наборы:

«А как явился русский столяр к сему подряду с товарищем, то г. советник Тауберт всякими мерами его от подряду отгонял, похлебствуя прежним и стоя за них, как бы за таких, кои все академические постройки на откуп взяли, к чему он употреблял к русским разные угрозы и неосновательные требования. Напротив того, немецкие столяры приходили иногда пьяны в Канцелярию и делали грубости, а особливо мне. Наконец, оные кассы остались за русским подрядчиком ниже 30-ти рублей, а проба от него дана лучше немецких.

Помянутые столяры, потому что они немцы, не имеют никакого перед российскими преимуществами, для того, что они сами своими руками не только за другое, но и за свое дело в подрядах не принимают, а работают все русские под их смотрением. А на такое смотрение над русскими есть в Академии архитектор Шумахер и столярный мастер Фрич, которые могут и должны смотреть над русскими столярами»⁴⁸.

В этих-то обвинениях и проглядывает идеологическая подоплека: ведь если дело было только в том, что Бехер и Кинт брали за работу больше, а делали хуже, чем их конкуренты, зачем тогда Ломоносов столь настойчиво подчеркивает немецкое происхождение одних, и русское других.

Портрет Михайлы Ломоносова. Гравюра Этьена Фессара и Христиана Альберта Вортмана, предположительно по оригиналу Георга Каспара Преннера. Фронтиспис книги Ломоносова «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе», 1759 г.

⁴⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1762. 22 февраля. № 16. С. 6.

⁴⁶ Там же. 1763. 28 февраля. № 17. С. 5.

⁴⁷ Там же. 1764. 15 июня. № 48. С. 6.

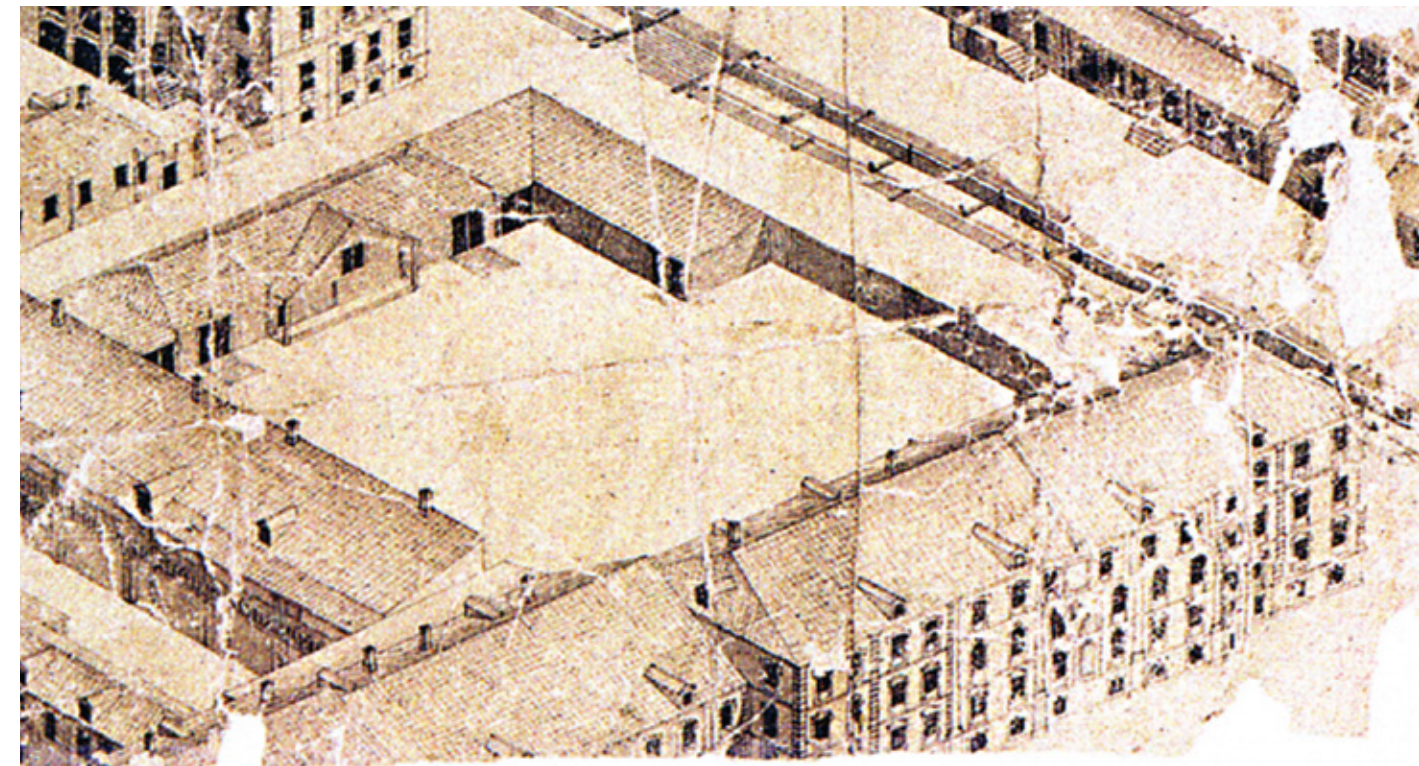
⁴⁸ Ломоносов М. В. Памятная записка о неправильностях, допущенных при сдаче подрядов на строительные и ремонтные работы // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. X. С. 221.

И такого рода писем в наследии нашего великого (без всяких оговорок) ученого немало. Не вызывает сомнений, что его конфликт с Таубертом развился не на пустом месте, и деятельность организатора новой академической типографии была далеко не безупречной. Но все-таки в целом это была полезная, созидательная деятельность, и то, что родившийся (и умерший) в Петербурге Тауберт не был *природным россиянином*, нисколько не умаляет его заслуг.

Один из антитаубертовских выпадов Ломоносова содержит сделанное вскользь замечание, которое представляет для нас некоторый интерес: «*Заняв в академическом Волковском и Лутковском доме сам лучшие покои, на кошт академический великолепно украшенные, роздал другие по своему расположению кварталы; и переплетчик Розенберг имеет столько простору, что можно бы уместить хорошего профессора, который терпит нужду, переезжая по наемным дорогим квартерам*»⁴⁹. На основании этого отрывка историк архитектуры Анатолий Петров сделал вывод, что в перестроенном Чевакинском доме Волкова–Лутковского «некоторые покои отличались великолепием отделки»⁵⁰. Думается, не следует настолько буквально понимать слова Ломоносова; в своем стремлении представить Тауберта в самом неприглядном виде он мог несколько сгустить краски, и, вполне возможно, апартаменты, занятые руководителем новой типографии, были декорированы не так уж богато.

А переплетчик Фридрих Розенберг, уроженец Штеттина, был, между прочим, не последним человеком в Академии. В 1742 году он возглавил переплетную палату, в которой прежде был подмастерьем, и руководил ею по меньшей мере 28 лет, обучив своему ремеслу многих молодых людей. Мастера-переплетчики в то время чрезвычайно ценились, их было немного, и знали они свое дело так, что и поныне сработанные ими книги, папки и футляры вызывают восхищение⁵¹.

При жизни Ломоносова Тауберт продолжал сохранять в Академии твердые позиции, но в дальнейшем его все-таки ждала опала. Освоившаяся на престоле Екатерина все более вникала в государственные дела; то, что Тауберт бесконтрольно распоряжался в типографии, книжной лавке и вообще подмял под себя всю хозяйственную деятельность в Академии, ей, судя по всему, не нравилось, и она стала отдалять его от дел, а в 1767 году, когда обе академические печатни были объединены, он был вовсе отстранен и от руководства своим детищем⁵², и от распоряжения финансами Академии⁵³. Однако, печатные станки и литерные кассы не покинули дом Волкова–Лутковского. К примеру, в мае 1778 года тогдашний директор Академии наук Сергей До-

машнев (обитавший, кстати, в том же доме) перечисляя в донесении императрице Екатерине все находящиеся в его распоряжении здания, упоминает дом «в Седьмой Линии, где Типография, Словолитная и Инструментальная»⁵⁴.

Стоит, между тем, обратить внимание на еще одно указание, содержащееся в ломоносовских бумагах: «*На нововыстроенных дворах Волкова и Лутковскаго делает оный Тауберт всякие пристройки и перестройки*»⁵⁵. Приобретение Академией наук нового дома не решило проблемы нехватки для нее помещений. Участки, некогда выделенные меншиковским протее, были довольно обширны: дома должны были занимать лишь небольшую их часть вдоль берега реки, а сзади вплоть до той черты, по которой проходит современный Академический переулок, располагался просторный двор. Вот на этом-то дворе и возводил Тауберт какие-то строения, но что именно это было, сказать трудно.

Новый академический дом на плане Сент-Илера. Приземистые постройки в его дворе, — вероятно, те самые, которые были построены Таубертом без ведома академической канцелярии.

⁵⁴ Домашнев С. Г. Донесения государыне императрице // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Октябрь–декабрь. Кн. 4. М., 1866. Отд. V «Смесь». С. 135.

⁵⁵ Ломоносов М. В. Представление президенту Академии наук о неправильных действиях Г.-Ф. Миллера и И. И. Тауберта. С. 237.

⁴⁹ Ломоносов М. В. Представление президенту Академии наук о неправильных действиях Г.-Ф. Миллера и И. И. Тауберта. С. 238.

⁵⁰ Петров А. Н. Указ. соч. С. 102.

⁵¹ Подробнее о Фридрихе Розенберге см.: Хотеев П. И. Немецкие переплетчики на службе в Петербургской Академии наук (1724–1770) // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб.: Росток, 2005. С. 83–84.

⁵² Пекарский П. П. Указ. соч. С. 669–670.

⁵³ Блок Г. П., Новлянская М. Г., Сулова Е. Н. Примечания к документу № 438 // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. X. С. 657.

Однако, как и в случае с пристанью, таубертовское начинание было Академией наук поддержано. «Санкт-Петербургские ведомости» 15 февраля 1765 года извещали: «На Васильевском острове в 7 линии на берегу большой Невы реки в Академическом доме, называемом Волкова и Лутковскаго, надлежит в линию [то есть вдоль 7-й линии] построить каменное строение, длиною 18, шириною на 6 сажен в два этажа и покрыть черепицею; желающие оное исправить из казенных или из своих материалов имеют явиться в канцелярии Академии Наук»⁵⁶. Неделю спустя — новое объявление: «К строению на Васильевском острове в 7 линии в казенном Академическом доме по линии каменных палат потребны материалы, а имянно кирпич, плита, известь Свинорецкая и пудожская⁵⁷, бревна, доски, черепица и прочее, также и работные люди; желающие помянутые материалы и работных людей поставить явиться могут для договору о цене в канцелярии Академии Наук»⁵⁸. Это же воззвание было повторено газетой еще дважды — 22 марта и 1 апреля. Для чего предназначалось задуманное Академией здание, по этим публикациям непонятно. По всей видимости в 1760-е годы корпус вдоль 7-й линии построен не был, а двадцать лет спустя на этом самом месте появилось крыло, предназначенное для Академической гимназии.

К истории этого замечательного учебного заведения мы еще обратимся, а пока уделим внимание еще нескольким жильцам дома, который, возможно, уже тогда называли Домом академиков, но чаще Академическим или Волковым домом.

В нем во второй половине XVIII века, кроме жилых квартир, размещались лаборатории и мастерские. Те, кто в них работали, обычно тут же и получали жилье. Здесь располагалась Гравировальная палата — и при ней жил руково-дивший ею Георг Фридрих Шмидт, здесь находилась Новозаведенная типография — и при ней была квартира ее создателя Иоганна Тауберта. Здесь, как мы помним, согласно ордеру 1758 года получило помещение *Инструментальное художество*, то есть мастерская, изготавливавшая для нужд Академии разнообразные приборы и инструменты. В 1764 году принималось решение перевести Инструментальную механическую лабораторию в другое купленное Академией здание — дом Строгановых⁵⁹ на Стрелке Васильевского острова, но переезд по каким-то причинам не состоялся. Мастерская осталась в доме Волкова. И вот 23 декабря 1769 года к поступившему в Комиссию Императорской Академии наук⁶⁰ прошению о приеме на службу прикладывается резолюция: «Для лучшего успеха находящихся в Волковом доме от Академии

наук зависящих художеств и мастерств принять в академическую службу на приложенных при сем кондициях нижегородского посадского Ивана Кулибина, который искусства своего показал уже опыты и привести его к присяге»⁶¹. Один из пунктов этих кондиций гласил: «В бытность его при Академии определяется ему жалование 350 рублей в год, начиная с 1-го января 1770-го года, и для удобнейшего отправления должности своей отвести ему при механической лаборатории квартиру»⁶².

Так в Волковом доме поселился Иван Петрович Кулибин, уже тогда снискавший себе славу механик-самоучка: им были созданы карманные часы-яйцо, служившие к тому же музыкальной шкатулкой и миниатюрным механическим театром, а также сконструирован удивительный, воспетый Державиным, фонарь; Кулибин придумал, как можно использовать энергию речных струй для того, чтобы плыть против течения; удивил петербургскую публику педальной самокаткой (далеким прообразом современных автомобилей) и многими другими необычайными для того времени изобретениями. Среди них и знаменитая модель деревянного однопролетного моста, смотреть на которую жители столицы собирались во двор Волкова дома.

«Должно припомнить Публице, — писали «Санкт-Петербургские ведомости» в феврале 1777 года, — что в здешних Ведомостях 1772 года было объявлено, что Л о н д о н с к а я Академия назначила дать знатное вознаграждение тому, кто зделает лучшую модель такому мосту, которой бы состоял из одной дуги или свода без свай, и утверждён бы был концами своими только на берегах реки. Сие объявление привлекало уже наше любопытство, но сколь бóльшее возбудило произведение в действо смелой и остроумной идеи Санктпетербургской Императорской Академии Наук Г. Механика Кулибина. Сей отменный Художник, коего природа произвела с сильным воображением, соединенным с справедливостью ума и весьма последовательным рассуждением, был изобретатель и исполнитель модели деревянного моста, каков может быть построен на 140ка саженьях, то есть на широте Н е в ы реки, в том месте, где обыкновенно чрез оную мост наводится. Сия модель, сделанная на 14ти саженьях, следственно содержащая в себе десятую часть предъизображаемого моста, была свидетельствована С а н к т п е т е р б у р г с к о ю Академиею Наук 27 декабря 1775 года и, к нежданному удовольствию Академии, найдена совершенно и доказательно верною для произведения оной в настоящем размере. Сложение и крепость ея частей столь надежны, что мост, построенный по ней на 140ка саженьях, может поднять без малейшаго

Иван Петрович Кулибин. Портрет работы Павла Венецкого. 1818 г.

⁵⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1765. 15 февраля. № 13. С. 6.

⁵⁷ Свинорецкая известь добывалась вблизи селения Свинорт — нынешней деревни Невское Солецкого района Новгородской области; Пудожская — в селе Пудость в современном Гатчинском районе Ленинградской области.

⁵⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1765. 22 февраля. № 15. С. 7.

⁵⁹ Определение канцелярии АН о переводе гимназии и университета в дом Строгановых // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. IX. С. 603.

⁶⁰ Это тот самый орган, который прежде назывался Канцелярией Академии наук.

⁶¹ Прошение И. П. Кулибина о приеме на службу в Академию наук // Рукописные материалы И. П. Кулибина в Архиве Академии наук СССР: Научное описание с приложением тестов и чертежей / Сост. Н. М. Раскин, Б. А. Малькевич. Труды Архива Академии наук СССР, Вып. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 480.

⁶² Кондиции, на которых нижегородский посадский Иван Кулибин поступает в академическую службу // Там же.

Проект моста через Неву, разработанный Иваном Кулибиным. Неизвестный гравёр по оригиналу Джозефа Хирна. 1790-е гг.

изменения более 50000 пуд, что далеко превосходит предполагаемую всякую тягость, какая может на мосту случиться. В прочем не лъзя было определить, какую тягостью мост сей поколебаться может, следственно справедливое о сем удивление еще могло бы умножиться, когда бы изследовано было все пространство его силы»⁶³. На модель было нагружено 2970 пудов полосного железа, потом еще 570, да в придачу взобрались на него 15 человек. Макет не просто выдержал — он стоял под нагрузкой 28 дней, и его грациозная, как хребет испуганной кошки, арка не прогнулась ни на вершок⁶⁴.

Но несмотря на то, что комиссия, которую возглавлял великий математик и механик Леонард Эйлер, одобрила конструкцию Кулибина, в оригинальном — не уменьшенном размере — она не была воплощена. Соображений

⁶³ Санкт-Петербургские ведомости. 1777. 10 февраля. № 12. С. 1–3.

⁶⁴ Пилуныров В. Н., Раскин Н. М. Иван Петрович Кулибин. Л.: Наука, 1986. С. 94.

против могло быть много: и крутизна подъема на мост, и его необычный с архитектурной точки зрения облик, и недолгий срок службы (20–30 лет), и (возможно, главное) его дороговизна (одна только модель стоила изрядно: 3244 рубля 96 копеек⁶⁵). Сооружение, 17 лет простоявшее в Волковом дворе, было перенесено в Таврический сад, где еще без малого 23 года служило пешеходным мостиком через пруд.

Незадолго до Кулибина поселился в Академическом доме выдающийся ученый, вклад которого в науку был оценен по достоинству только потомками, — Каспар Фридрих Вольф, анатом, физиолог, ботаник⁶⁶. Им были заложены основы эмбриологии и теории морфологии растений.

В отличие от некоторых других жильцов Академического дома, работавших там же, Вольфу приходилось ходить на службу: анатомический театр в то время находился в отдельном одноэтажном здании на лугу за Академией наук⁶⁷. А вот академику Вольфгангу Людвигу (или на русский манер Логину Юрьевичу) Крафту пришлось самому озаботиться обустройством своего рабочего места: он его устроил на чердаке прямо над своей квартирой в Волковом доме.

Логин Юрьевич был сыном академика Георга Вольфганга Крафта (физика, математика и популяризатора науки). Он родился в Петербурге, в семье одного из тех выходцев из Европы, которые верой и правдой служили российской науке, но по отношению к которым даже и в наши дни порой приходится слышать в высшей степени несправедливые слова о «немецком засилье» в Академии наук.

Крафт-младший, на третьем десятке вернувшийся в город, где родился, и ставший здесь признанным ученым, в начале 1770-х годов готовился завести Астрономическим кабинетом — собранием инструментов и приборов для наблюдений за светилами. Располагаться этот кабинет должен был, как это было принято в те времена, рядом с квартирой заведующего — в Волковом доме. Однако 8 апреля 1771 года в Академии состоялось присуждение научных степеней, и Крафт стал академиком по экспериментальной физике. Звание же академика астрономии было дано Андрею Ивановичу Лекселю⁶⁸. Крафту было заявлено, что, мол, раз он является академиком по физике — вот пускай физикой и занимается, а астрономию оставит астрономам⁶⁹. Лексель написал «Представление о зделании в Волкове доме в нижнем этаже Астрономического кабинета»⁷⁰ (он, по всей видимости, тоже жил в этом доме).

Каспар Фридрих Вольф. Силуэт работы Иоганна Фридриха Антинга. 1784 г.

⁶⁵ Кулибин И. П. Записка о стоимости изготовления и охраны моделей деревянного одноарочного моста, построенных до 1777 г. // Рукописные материалы И. П. Кулибина в Архиве Академии наук СССР. С. 161–162.

⁶⁶ Более подробно о жизни и деятельности Вольфа в Петербурге см.: Иодко О. В. Каспар Фридрих Вольф в Петербурге // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.). Биографический аспект. Вып. 5. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 81–91.

⁶⁷ Груздева Е. Н. Указ. соч.

⁶⁸ Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 2. СПб., 1875. С. 464, прим. 245.

⁶⁹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 20. № 19. Л. 2 об.

⁷⁰ Представление г. А. Лекселя о зделании в Волкове доме в нижнем этаже Астрономического Кабинета // Там же. Л. 4.

Андрей Иванович Лексель. Силуэт работы Иоганна Фридриха Антинга. 1784 г.

Логин Юрьевич Крафт. Силуэт работы Иоганна Фридриха Антинга. 1784 г.

Обескураженный Крафт пишет в Комиссию Академии наук письмо, в котором объясняет, что для занятий физикой тоже необходимы инструменты и приборы, а покуда они не изготовлены, он все-таки просит позволить ему заниматься астрономическими наблюдениями. «...Будучи в несомненной надежде, что высокоучрежденная Комиссия сию для меня милость учинит, покорнейше Прошу приказать архитектору, чтоб при перестройке кровли на волковом дворе, что в 7 линии, сделать по моему приказанию небольшое отверстие на полдень [то есть на юг], что учинить всяк может без малейшаго иждивения и безобразия кровли»⁷¹. Похоже, милость учинена не была, ибо пять дней спустя Крафт отправляет другое письмо, в котором повторяет свою просьбу, но с таким добавлением: «я потребные к тому малые издержки охотно возьму на свой щет»⁷². К этому начальство уже отнеслось снисходительно: «Требуемой академиком Лекселем для упражнения его в астрономической практике на обсерватории в нижнем этаже кабинет, который прежде назначен был академику Крафту, отдать ему, г. Лексель, и потребные ему к этому инструменты выдать с согласия академика Румовскаго из обсерватории от его же Румовскаго. <...> А г. академику Крафту для упражнения его в астрономических наблюдениях дозволить по желанию его пристроить в кровле на Волковом дворе, как он сам о том просил, собственным его иждивением небольшой кабинет...»⁷³ Чердачная обсерватория Крафта, по мнению современных астрономов, не должна быть забыта в истории нашей науки: «Наблюдения велись через отверстие в кровле с помощью „зрительной трубы Доллонда“, ахроматической с фокусным расстоянием в 10 футов. „Моменты контактов при схождении и расхождении дисков Солнца и Луны определялись с точностью до долей секунды“. Известно, что Крафт наблюдал в своей обсерватории затмение Солнца, происшедшее 12 марта 1773 г.»⁷⁴

Не следует думать, что Волков дом давал в ту пору приют только академикам или адъюнктам. Вовсе нет. Благодаря «Санкт-Петербургским ведомостям» мы имеем сведения о некоторых жильцах этого дома, имевших более скромные профессии. Тогда существовало правило: любой уезжавший из города был обязан заблаговременно дать в газету объявление о своем отбытии, чтобы, в том случае если за ним имелись долги, кредиторы могли предъявить их к оплате. И вот 6 июня 1763 года в числе покидающих Санкт-Петербург упоминался трубочист Иоган Бауер, искать которого заимодавцам предлагалось «на Васильевском острове по берегу Невы реки в седмой линии в Волковом доме у Академического трубочиста Геншеля»⁷⁵.

Этот академический трубочист Иоганн Каспар Геншель занимал тут квартиру (не лучшую, конечно, — скорее всего, в подвальном помещении) не меньше двенадцати лет — с 1763 по 1775 год. При нем жили его помощники или ученики, именно они время от времени покидали своего наставника и давали объявления в разделе «Отъезжающие»: «Христоф Горн, трубочистной подмастерье, живет в 7 линии в Волковом доме у трубочиста Геншеля» (июль 1768 года)⁷⁶, «Иоганн Рудольф Шпилер, трубочистный ученик, живет в 7 линии на Волковом дворе у трубочиста Иогана Каспара Геншеля» (апрель 1775 года)⁷⁷.

В общем, жильцы Волкова дома представляли все социальные уровни сотрудников Академии наук: от трубочиста до директора Академии. Директора, правда, тоже разные бывают. Такая вельможная персона, как граф Владимир Григорьевич Орлов (младший из братьев Орловых, столь заметных в окружении императрицы Екатерины II), директорствуя с 1766 по 1774 год, конечно, не нуждался в казенной квартире. Пренебрегала ею и княгиня Екатерина Романовна Дашкова, занимавшая тот же пост с 1783 по 1796 год. А вот поэт, писатель и филолог Сергей Герасимович Домашнев, чье имя находится в списке директоров Академии как раз между этими двумя, вполне был доволен тем, что вместе с должностью получил и очень неплохие апартаменты во втором этаже Волкова дома, тянувшиеся вдоль Невы от угла 7-й линии. Ходили слухи, что эту квартиру он отремонтировал на средства Академии⁷⁸.

Домашнева как главу Академии наук принято ругать — за бюрократизм, самоуправство, конфликты с академиками. Доставалось ему и при жизни — не только за это, но и, к примеру, за намерение убрать из русского правописания букву «ер» (ь) в конце слов. Сочинялись даже памфлеты, в которых эти планы подвергались язвительному осмеянию: «Ненавидящие ера, соберемса вкупе на попрание его, яко места многи в книгах занимает ер»⁷⁹. Но задумаемся: почти через полтора столетия, в 1918 году, была проведена реформа русской орфографии, подготовленная академиком Алексеем Шахматовым, одним из главных нововведений которой было как раз то, чего добивался Домашнев. Выходит, зря потешались современники над его предложением...

Нам очень мало известно о бытовой стороне жизни внутри Академического дома в XVIII веке. Некоторые свидетельства связаны с именем старшего сына великого математика Леонарда Эйлера — Иоганна Альбрехта. На протяжении

Телескоп. Германия, середина XVIII в. Подобными телескопами пользовался Логин Крафт в своей домашней обсерватории на чердаке Академического дома.

Сергей Герасимович Домашнев. Портрет работы Алексея Колпашникова. 1780-е гг.

⁷⁶ Там же. 1768. 4 июля. № 54. С. 8.

⁷⁷ Там же. 1775. 24 апреля. № 33. С. 8.

⁷⁸ Муненталлер Р. Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской Академии наук. XVIII век. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 100.

⁷⁹ На бывшего в Академии наук директором господина Домашнева // Русский архив. 1872. № 10. Стлб. 2034.

⁷¹ СПб АРАН. Ф. 3. Оп. 20. № 19. Л. 5.

⁷² Там же. Л. 7.

⁷³ Там же. Л. 2 об.

⁷⁴ Абалякин В. К., Карпеев Э. П., Положенцев Д. Д. Русская астрономия в «допулковский» период // 300 лет астрономии в Санкт-Петербурге: исторический очерк и каталог выставки. СПб., 2000. С. 12.

⁷⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1763. 6 июня. Прибавление к № 45. С. 10.

II. Память стен

многих лет он переписывался со своим дядей Иоганном Генрихом Самуэлем Формеем, жившим в Берлине. И вот 12 сентября (Пруссия в это время уже жила по григорианскому стилю, там было 23 сентября) 1788 года Иоганн Эйлер пишет: «*Советник канцелярии Ушаков, который жил в квартире экс-директора Домашнева на углу нашей линии со стороны Невы, скончался, и госпожа княгиня Дашкова передала эту квартиру мне в обмен на 200 рублей, которые я получал в год на мою квартиру. Так как своим хозяевам я платил 325 рублей, то я выиграл 125 рублей в дополнение к прекрасному виду на Неву и некоторым другим приятным мелочам: этажом выше живет проф. Крафт, а ниже – секретарь академической канцелярии*»⁸⁰.

А 29 апреля 1789 года в квартире Эйлера играли свадьбу: его дочь Шарлотта выходила за Якоба Бернулли, молодого академика, представителя знаменитой научной династии⁸¹. «Среди присутствующих – многочисленные родственники и знакомые, в том числе Николай (Никлаус) Фусс, женатый на сестре невесты. Начальники Бернулли, граф Ангальт, директор Кадетского корпуса, и директор Академии княгиня Дашкова прислали поздравления с извинениями за отсутствие. Праздник был не шумным, но очень веселым. Счастливый отец невесты не отказывает себе в удовольствии, угощая почти три десятка своих гостей всевозможными ликерами, изысканными винами, доставленными с юга Франции, и кулинарными деликатесами. В этой добропорядочной атмосфере венчание молодых проводит голландский священник, потому что немецкая реформатская община уже в который раз находится в состоянии поиска пастора. Вечером родственники провожают новобрачных домой. На следующий день праздник продолжается танцами в доме родителей жениха», – описывает это событие современный исследователь, основываясь на письме жениха родным в Базель⁸².

Нужно заметить, что и на свадьбе Шарлотты и Якоба, и вообще в Доме академиков в те годы звучала в основном немецкая речь. По большей части сотрудники Академии наук (не только преподаватели и ученые, но, как мы уже видели, и столяры, и трубочисты, и прочие служители) были выходцами из европейских стран, по преимуществу немецкоговорящих. Приняв приглашение приехать в Россию, многие из этих людей укоренялись здесь и уже не возвращались на родину, вступали в российское подданство, осваивали русский язык и становились если не подлинными россиянами, то уж точно подлинными петербуржцами – плотью от плоти этого разноязыкого «окна в Европу».

Среди тех, кто веселился на свадьбе в доме Эйлера, был наверняка и Иоганн Готтлиб Георги, друживший с хозяевами дома (правда, именно на это время приходится некоторое охлаждение в их отношениях)⁸³. Ставший академиком по химии, он много и плодотворно занимался не только этой наукой, но и медициной, ботаникой, геологией, этнографией. Георги так уважали в научном мире, что берлинский ботаник Карл Людвиг Вильденов назвал в честь него завезенное в Европу из Южной Америки растение георгиной. Перу Георги принадлежит подробнейшее описание Санкт-Петербурга конца XVIII века – бесценный источник по истории города. Упоминается в этом описании и хорошо знакомый автору дом на набережной Невы: «...Принадлежит Академии наук и занят Академиками большой каменный дом на берегу Невы у 7 линии, называющийся по прежнему своему хозяину Волковым двором»⁸⁴. А в другом месте, говоря об учебных заведениях российской столицы, Георги пишет: «В 1793 году начато строение знатного здания для Академической гимназии на месте, находящемся при так называемом Волковом дворе <...> принадлежащем также Академии...»⁸⁵

Академическая гимназия сыграла огромную роль в развитии российской науки. По сути, в XVIII веке это было единственное среднее учебное заведение в России, которое целенаправленно готовило своих учеников к научным занятиям⁸⁶. Основанная в одно время с Академией наук, гимназия вместе с ней страдала и от недостатка финансов, и от недостатка помещений.

«Поелику ж в академической гимназии воспитанники умножены и в занимаемом ими казенном доме учебные классы поместить порядочно не можно, да и самый тот дом пришел в такую ветхость, что когда одну половину оного исправляют починкою, тогда другая валится и угрожает опасностью; равномерно и состоящий на Васильевском острове по 2-й линии академический деревянный дом пришел в крайнюю ветхость и совершенную к починке негодность: осмеливаясь испросить все милостивейшего вашего императорского величества благоволения помянутые старые два дома продать, из коих за первый хорошие деньги получить можно по смежности его со вновь строящеюся биржею, а при том соблюдается интерес избежанием излишнего платежа за разломку оного; на вырученные же от продажи обоих тех домов деньги вновь построить порядочно будет можно, или подле принадлежащего Академии в 7-й линии называемого Волкова дома пристроить по лучшему расположению, к умножению учебных классов воспитывающихся, из которых со времени высочайше вверенного мне управления Академии вышло много достойных людей, кои в разных

Якоб Эмануэль Хандманн. Портрет Иоганна Альбрехта Эйлера. 1756 г.

⁸³ Там же. С. 187.

⁸⁴ Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб.: Лига, 1996. С. 127.

⁸⁵ Там же. С. 268.

⁸⁶ Подробнее об истории Академической гимназии см.: Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии. По рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885.

⁸⁰ Цит. по: Мументаллер Р. Указ. соч. С. 172.

⁸¹ Судьба его сложится трагически: через два месяца после свадьбы этот незаурядный ученый утонет во время купания в Неве.

⁸² Там же. С. 9.

Вид с Невы на набережную Васильевского острова. Гравюра Томаса Молтона II по рисунку Джозефа Хирна. 1789 г. После завершения в 1789 г. здания Академии художеств окрестности Дома академиком (на гравюре слева виден его угол) приобрели еще более импозантный вид, хотя часть набережной и 6-я линия еще загромождались деревянными строениями вроде сараев.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Портрет работы Дмитрия Левицкого. 1784 г.

государственных департаментах с отличием служат, а при том и просьбам для помещения в училище удовлетворить с пользою службе будет можно.

О сем прошу всемилостивейшего вашего императорского величества указа»⁸⁷, — обращалась глава двух академий, Академии наук и Российской академии, княгиня Екатерина Романовна Дашкова к своей «заклятой подруге» императрице Екатерине II в марте 1793 года. Указ был дан, новое здание для гимназии было построено. Обошелся этот «новый гимназический по 7-й линии дом о 4-х этажах», согласно рапорту Дашковой, в 48 719 рублей 92 1/2 копейки⁸⁸.

Это знатное здание было тем четырехэтажным (высокие подвалы считались за этаж) Гобразным корпусом, который встал вдоль 7-й линии и переулка, уже носившего к тому времени имя Академического, и отгородил от них двор Волкова дома. Одновременно в противоположном углу двора возводилась небольшая в плане пристройка к старой части дома, когда-то принадлежавшей полковнику Лутковскому⁸⁹. Весь комплекс после завершения строительства представлял собой прямоугольник (с западной стороны его замыкала стена соседнего дома, выросшего за домом Конона Зотова). Существовал разрыв между гимназическим корпусом и Волковым домом — в том месте, где сейчас подворотня, ведущая во двор. Этот разрыв был перегороджен забором с калиткой⁹⁰.

Ведал работами, а вероятно, и составлял проект, ученик Саввы Чевакин-ского архитектор Петр Гаврилович Гинц; при нем состояли архитекторский помощник Тимофей Зимин и экзекутор Гаврила Волков⁹¹.

В гимназии была устроена домовая церковь⁹², освященная во имя святителя Петра-митрополита; происходило освящение в день памяти этого святого — 21 декабря. Ему же была посвящена и церковь в прежнем здании гимназии — Строгановом доме⁹³. Это, конечно, не случайность. Хотя святитель Петр и считается прежде всего небесным покровителем Москвы, куда он по просьбе Ивана Калиты перенес митрополичью кафедру из Владимира, имеется в его жизнеописании эпизод, который делал его образцом для всех учащихся юнцов, отнюдь не только московских. Согласно написанному митрополитом Киприаном житию Петра Московского, он в семилетнем возрасте был отдан в учение, но наука ему давалась с трудом: «отроку же неспешно учение творяшеся, но косо и всячески неприлежно». Но однажды

Дионисий. Святой Петр-митрополит в житии. 1480-е гг. Одно из клейм (в верхнем ряду второе слева) изображает, как будущего митрополита отдают в учение.

⁸⁷ Дашкова Е. Р. Доклад Екатерине II о финансовом состоянии Академии наук 20 марта 1793 г. // Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения. Письма. Документы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 325.

⁸⁸ Дашкова Е. Р. Рапорт Екатерине II об экономическом положении Академии наук за 1783–1794 гг. // Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». С. 328.

⁸⁹ Костина Т. В. Пространство академических гимназий и университета: материалы к истории. 1724–1805 гг. // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 10 (82). С. 12.

⁹⁰ Там же. С. 13.

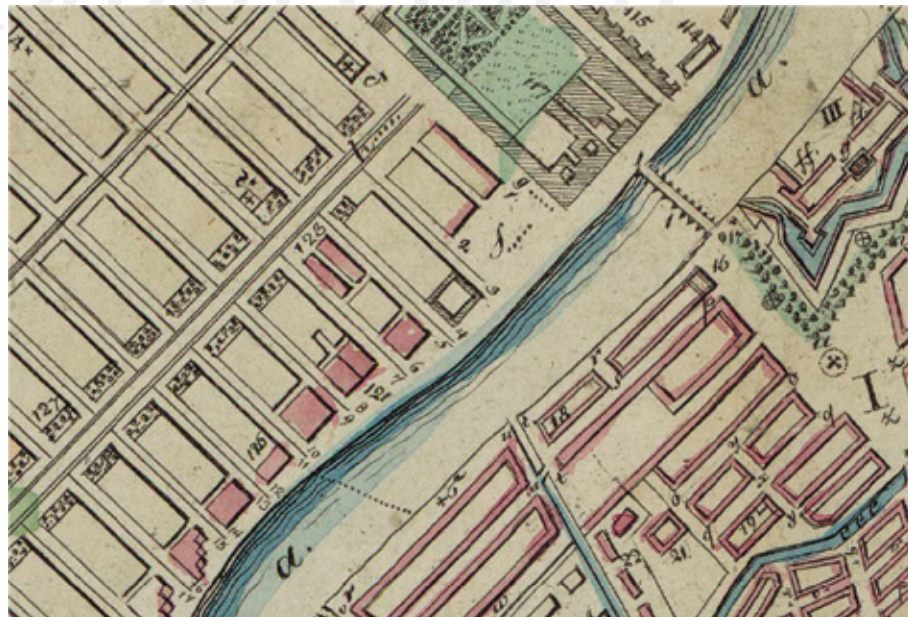
⁹¹ Там же. С. 12.

⁹² К сожалению, не найдено ни планов, ни словесных описаний внутреннего устройства здания гимназии; в каком именно месте находилась домовая церковь, определить невозможно.

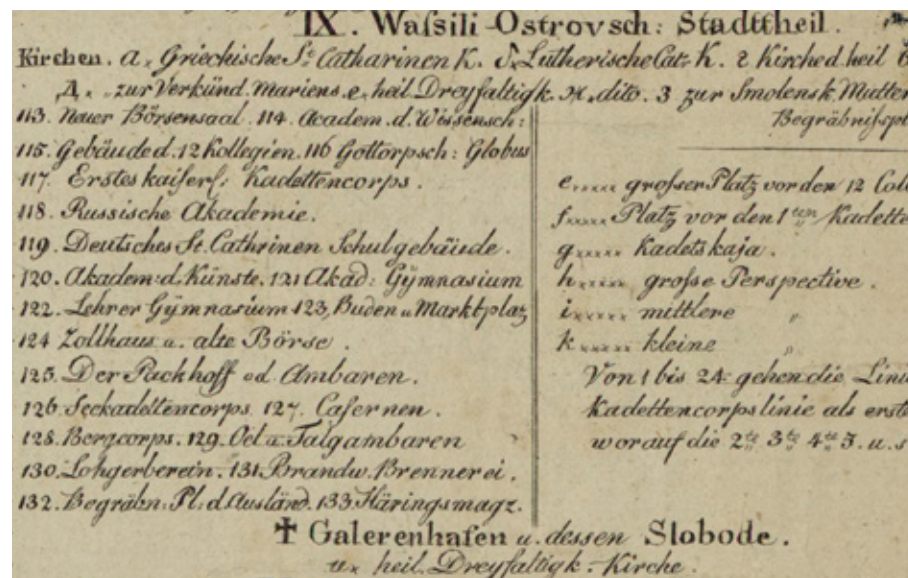
⁹³ Там же. С. 12 и 13.

II Память стен

Фрагмент плана Санкт-Петербурга, гравированного И. С. Петерманном в Лейпциге. 1805 г. Под № 121 отмечен Дом академиков. Квартал отображен на плане схематично.

Фрагмент легенды плана Санкт-Петербурга 1805 г. Под № 121 обозначена Академическая гимназия.

увидел он во сне «некоего мужа во святительских одеждах», который сказал ему: «Отверзи, чадо, уста своя», и прикоснулся к его языку, и благословил его. Гортань будущего митрополита наполнилась при этом сладостью. И с того дня стал он преуспевать в учебе и скоро превзошел всех своих сверстников⁹⁴.

Функцию этого явившегося отроку Петру старца и должна была выполнять Академическая гимназия. И, надо сказать, она с этим справлялась: среди ее выпускников мы находим таких замечательных ученых, как математики Василий Ададуров и Семен Котельников, астрономы Никита Попов, Степан Румовский, Петр Иноходцев, путешественники и естествоиспытатели Иван Лепехин и Николай Озерецковский, физик Михаил Головин, архитектор Василий Баженов и многие другие (включая, кстати, и знакомого нам Иоганна Тауберта). Все перечисленные, правда, учились в Академической гимназии еще в то время, когда она находилась в других зданиях. А вот незаслуженно забытый писатель и филолог (и при этом крупный чиновник) Василий Алексеевич Поленов⁹⁵ последние годы своей гимназической жизни провел в здании на 7-й линии.

Одиннадцать лет Академическая гимназия размещалась во флигеле Волкова дома. Таким образом, дом этот, который нам сейчас представляется единым строением, в те годы вновь представлял собой два независимых здания. Им уже в новом веке предстояло объединиться подобно тому, как прежде объединились дома Волкова и Лутковского.

К дому-конволюту оказалась подверстана еще одна крупная часть.

Василий Алексеевич Поленов. Портрет работы неизвестного художника. Первая половина XIX в.

⁹⁴ Киприан, митроп. Житие и подвизи и мало споведание от чудес, иже во святых отца нашего Петра, архиепископа Киевскаго и всеа Руси // Книга степенная царского родословия. Ч. 1 / Полное собрание русских летописей. Т. 21, первая половина. СПб., 1908. С. 322.

⁹⁵ Внук Поленова, замечательный художник, автор «Московского двора» и других шедевров, был назван Василием в честь деда.

III. Память науки

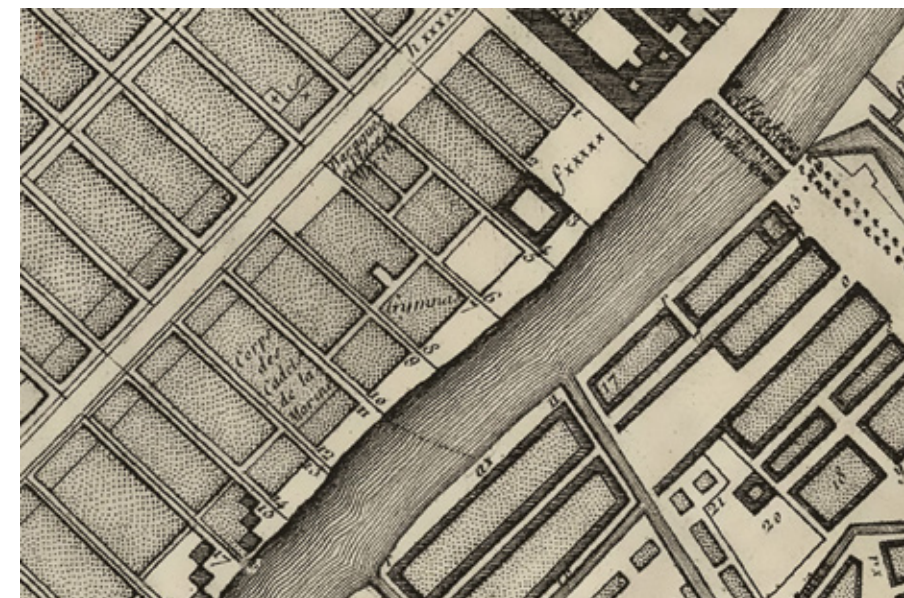
Николай Иванович Фусс. Силуэт работы Иоганна Фридриха Антинга. 1784 г.

16 мая 1803 года на Неве против памятника, который мы сейчас называем Медным всадником, стоял огромный стопушечный корабль, на палубу которого был помещен другой, несравнимо меньшего размера, — знаменитый ботик Петра I, «дедушка русского флота». Все это — и корабль, и ботик, и памятник — было украшено флагами и праздничной иллюминацией. Днем в Исаакиевском соборе (не в знакомом нам монферрановском гиганте, а в прежнем, который не удалось достроить Ринальди) в присутствии высочайших особ был отслужен благодарственный молебен, а на площади отгремел торжественный парад. Петербург праздновал свое столетие.

Вечером по Неве вокруг стоявшего на якоре линкора с ботиком маневрировали многочисленные корабли, баркасы и шлюпки, также великолепно расцвеченные. «Кровли домов, окна и балконы обременены были великим множеством любопытных зрителей», — говорится в описании праздника¹. Можно не сомневаться: у выходящих на Неву окон директорской квартиры во втором этаже Дома академиков тоже весь вечер было не протолкнуться². Занимала в то время эту квартиру семья Николая Ивановича Фусса.

Любимый ученик и многолетний секретарь великого Леонарда Эйлера, Николаус Фусс родился в Базеле, но в 17 лет переехал в Петербург — навсегда. Российская наука очень многим обязана ему не только как талантливому ученому, но и как замечательному организатору. Сменив своего тестя Иоганна Альбрехта Эйлера в должности конференц-секретаря Академии наук (позднее эта должность стала называться «непременный секретарь»), Николай Иванович в течение многих лет, вплоть до своей смерти в 1825 году, вел обширную переписку с европейскими научными центрами, писал историю Академии, заведовал ее архивом, рецензировал и готовил к изданию научные труды своих коллег, а в течение восьми лет, когда в Академии наук не было ни президента, ни вице-президента, фактически являлся ее руководителем³. В 1802 году Фуссу была предоставлена квартира в Доме академиков, которую прежде, до 1800 года, занимал И. А. Эйлер, до него — советник канцелярии Академии наук Василий Андреевич Ушаков, а еще раньше — директор Сергей Герасимович Домашнев.

Семья у Фусса была большой. Любимая супруга Альбертина родила ему тринадцать детей (в очень раннем возрасте умерли четверо). В день столетия Петербурга кораблями, освещенными сальными плашками, и фейерверками над рекой, должно быть, любовались Анна София, которой через два дня

Фрагмент «Нового плана Санкт-Петербурга», изданного в Париже в 1814 г. Несмотря на то, что план назван новым, на нем отражена не совсем свежая информация: дом на углу 7-й линии и набережной обозначен как «гимназия». На самом деле гимназия в этом доме была упразднена в 1805 г.

исполнялось восемнадцать, Шарлотта Маргарита, шестнадцатилетие которой приходилось на следующий день, десятилетняя Юлиана Катарина, шестилетняя Доротея Мария, пятилетний Пауль Генрих и трехлетний Александр⁴. Прокормить эту ораву отцу семейства было непросто, но карьера его складывалась неплохо. Как раз в начале 1803 года Александром I были утверждены разработанные при деятельном участии Николая Ивановича типовые уставы и программы для учебных заведений империи. Еще раньше в благодарность за успешную работу Фуссу было пожаловано кольцо с бриллиантом стоимостью 1500 рублей, а теперь он был назначен членом Главного правления училищ с годовым жалованием в 2000 рублей. Это позволило ему оставить чрезвычайно его обременявшее преподавание в кадетских корпусах и, как он сам выразился в одном из своих писем, «со спокойствием смотреть на приближающуюся осень своей жизни»⁵.

Реформа образования, в которой весьма значительную роль сыграл Николай Иванович Фусс, отозвалась и на судьбе дома, в котором он жил. Новый, утвержденный в том же 1803 году устав Академии наук⁶ не предусматривал существования при ней гимназии. «...По новому Академии наук регламенту гимназия при оной в сем месяце [в июне 1805 года] будет уничтожена и самой

¹ Срезневский В. И. Празднование столетия Петербурга // Русская старина. 1903. Т. 114. № 5. С. 363–378.

² Напомню читателю, что Благовещенского моста, заслоняющего сейчас вид от Дома академиков вверх по реке, в ту пору еще не существовало, а наплавной Исаакиевский мост совсем немного возвышался над поверхностью воды.

³ Лысенко В. И. Николай Иванович Фусс. М.: Наука, 1975. С. 23–25.

⁴ Амбургер Э. Н., Геккер И. Р., Михайлов Г. К. Родословная роспись потомков Леонарда Эйлера // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М.: Наука, 1988. С. 396.

⁵ Мументаллер Р. Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской Академии наук. XVIII век. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 149.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVII (1802–1803). С. 786–800.

Мемориальная доска на Доме академиком, сообщающая, что дом был построен архитектором А. Д. Захаровым.

дом <...> назначен в перестройку для помещения в оном Академиком...»⁷, — говорится в одном из документов архивного дела об упразднении Академической гимназии. Учеников определили в другие учебные заведения (главным образом в Санкт-Петербургскую губернскую гимназию), наименее способных возвратили в дома родителей⁸, учителей распустили (один из них, к примеру, потом пристроился корректором в академическую типографию⁹), «имеющиеся при Академической гимназии все казенные вещи и всякие надобья, как то: постели с надлежащими приборами, кровати, скамьи, столы, стулья, столовую и кухонную посуду, а равно старую одежду»¹⁰ распродали с публичного торгу, так же поступили с библиотекой, а церковную утварь и ризницу передали в соседний Андреевский собор¹¹. Освобождением здания гимназии занимались всю вторую половину 1805 года. «Для приведения к окончанию перестройки так называемого волкова дома к сроку, Его Превосходительством Господином Академии Наук президентом¹² назначенному, нужно по 7-й линии комнаты очистить теперь, а на набережную — к исходу Апреля месяца»¹³, — докладывал 8 января 1806 года в Комитет правления Академии наук архитектор Денис Филиппов.

Жившим в корпусе вдоль набережной (в их числе и академику Фуссу с его многочисленным семейством) было объявлено, «чтобы они занимаемые ими квартиры очистили к будущему февралю месяцу»¹⁴ (видимо, на дисциплинированность академиком не очень полагались, и срок назначили месяца на три раньше, чем было необходимо). Переселившимся на вольные квартиры для их аренды были выделены ссуды; оплачивались из бюджета Академии и дрова.

Перестройка гимназии под жилье должна была, безусловно, включать в себя внутреннюю перепланировку, но менять внешний облик здания, в общем-то, не требовалось. И тем не менее это было сделано. Корпус, стоящий вдоль набережной, был соединен с гимназическим флигелем (на месте разрыва между ними появилась ведущая с линии во двор подворотня) и оба здания получили новые фасады, оформленные в стиле зрелого классицизма. Дом академиком обрел облик, сохранившийся до наших дней. Но вот кто был автором проекта этой перестройки, до сих пор до конца не ясно.

Трудно сказать, по какой причине автором очередной перестройки Дома академиком часто называют Андреяна Дмитриевича Захарова, прославившего себя сооружением одного из самых значимых для Санкт-Петербурга зданий — Адмиралтейства. Документов, свидетельствующих о том, что именно этот выдающийся мастер превратил два академических дома в один, найти не удалось. Аккуратно выразился в своей не раз уже упоминавшейся статье Георгий Князев: «Распространено мнение, что эту реконструкцию проводил

ученик А. Д. Захарова архитектор А. Г. Бежанов по проекту самого Захарова»¹⁵. При этом сам исследователь считал автором архитектора Д. Е. Филиппова.

А все же для того, чтобы связывать имя Захарова с перестройкой и слиянием двух этих зданий, некоторые основания имеются. Правда, они не позволяют говорить, что Андреян Дмитриевич действительно занимался этим проектом. Можно лишь предположить, что от него могла исходить сама идея объединить оба здания и одеть их в новые, соответствующие духу эпохи одежды.

Дело в том, что ансамблевый принцип, который изначально, еще с трезниевских времен, определял характер застройки Петербурга, со временем становилось все труднее соблюдать из-за того, что менялась архитектурная мода. Барокко сменилось классицизмом, и воздвигнутые в Петровское и послепетровское время здания оказывались в инородном стилистическом окружении. Например, барочные Кунсткамера и дворец Прасковьи Федоровны (обе постройки принадлежали Академии наук) находились между классицистическими главным зданием Академии наук (архитектор Джакомо Кваренги) и Биржей (Тома де Томон). Привести парадную часть города к стилистическому единообразию — такую сверхзадачу ставили перед собой архитекторы начала XIX века, и, возможно, главным проводником этой стратегии выступал Андреян Захаров. В числе его крупных градостроительных работ был, к примеру, проект объединения трех зданий Академии наук (главного здания, Кунсткамеры и бывшего дворца Прасковьи Федоровны) в единый грандиозный комплекс — барочные фасады при этом должны были смениться классицистическими¹⁶.

Мысль объединить гимназический дом на 7-й линии со стоящим вдоль набережной Волковым домом и превратить всю восточную часть квартала в одно здание вполне соответствует духу того, что предлагал и осуществлял Захаров. К тому же с Академией наук у архитектора имелись, так сказать, родственные связи: его родной брат, химик Яков Дмитриевич, был академиком и, между прочим, надзирал за строительными работами в принадлежащих Академии зданиях. Сохранился документ от 13 декабря 1804 года, предписывающий всем мастерам палат не принимать «без ведома Комитета [правления Императорской Академии наук] или академика Захарова к производству работ»¹⁷. Сам академик Яков Захаров стал жильцом перестроенного гимназического корпуса (об этом чуть позже).

Итак, Андреяну Захарову интересующая нас идея действительно могла принадлежать. Другое дело, что воплощена она была без того блеска, которым

Андреян Захаров. Портрет работы Степана Щукина. Не ранее 1804 г.

¹⁵ Князев Г. А. Дом академиком // Белые ночи. Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л.: Лениздат, 1973. С. 84.

¹⁶ См. подробнее: Шуйский В. К. Андреян Захаров. Л.: Лениздат, 1989. С. 22–25.

¹⁷ СПб АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 1). № 71.

⁷ СПб АРАН. Ф. 4. Оп. 2. Л. 28.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Там же. № 124.

¹⁰ Там же. № 70. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 33 и др.

¹² Президентом Академии наук с 1803 года являлся один из ближайших сподвижников Александра I, член «Негласного комитета» Николай Николаевич Новосильцев.

¹³ СПб АРАН. Ф. 4. Оп. 2. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 5.

Вид на Стрелку Васильевского острова с Дворцовой набережной.
Гравюра Бенямина Патерсена. 1807 г.
Так выглядела бы набережная Большой Невы, если бы три здания Академии наук были перестроены по проекту А. Д. Захарова.

Дом академиков со стороны Невы.
Фотография. 2016 г.

отличается, скажем, проект Адмиралтейства. Не нужно быть знатоком, чтобы признать: Дом академиков шедевром зодчества не является. Это типичное и в общем-то вполне рядовое произведение архитектуры своей эпохи. И если выходящая на набережную его сторона выглядит довольно импозантно благодаря скупым, но умело использованным элементам — суровому четырехколонному портику, поддерживающему балкон, замковым камням, украшенным маскаронами, сандрикам над пятью окнами второго этажа, наконец, широкому фронтому, акцентирующему середину фасада, то со стороны 7-й линии и Академического переуллка здание смотрится, откровенно говоря, довольно заунывно.

Каких-либо примет творческого почерка Андреяна Захарова облик Дома академиков на себе не несет. Возможно, именно поэтому проект перестройки здания часто приписывают не самому мастеру, а его ученику Алексею Гавриловичу Бежанову, руководившему, кстати, после смерти наставника окончанием Адмиралтейства¹⁸. Но, опять же, не обнаружено прямых свидетельств того, что именно он был автором обновления Волкова дома.

Третий архитектор, имя которого называют в связи с реконструкцией дома на углу 7-й линии — Денис Евстигнеевич (Дионисий Евстигнеевич)¹⁹ Филиппов, служивший архитектором Академии наук с 1805 по 1846 год (41 год!)²⁰. Но и в этом случае мы имеем лишь многочисленные документы, свидетельствующие, что Филиппов руководил строительными работами, но не позволяющие однозначно сказать, что ему же принадлежал проект перестройки.

И вот что интересно: архитекторы Бежанов и Филиппов были не только ровесниками (1777 и 1778 года рождения соответственно), но и, вероятно, близкими друзьями (не исключено, что и родственниками). Об этом говорит следующее обстоятельство: Бежанов, умерший довольно рано, в 46-летнем возрасте, и его жена Наталья (урожденная Криштофовичева), скончавшаяся через две недели после мужа, были похоронены на Смоленском кладбище, на семейном участке Филипповых, где к тому времени уже покоились родители Дениса Евстигнеевича и где он сам будет погребен спустя тридцать с лишним лет. Сведения об этом содержатся в чрезвычайно ценном справочнике «Петербургский некрополь», составленном великим князем Николаем Михайловичем²¹.

Семейный участок Филипповых на Смоленском православном кладбище сейчас находится в крайне запущенном состоянии: в более или менее целом виде сохранилось лишь надгробие самого архитектора Филиппова, частично — его нескольких его близких. Памятник его отца разбит и валяется на земле. Могилу архитектора Бежанова найти не удалось, хотя возможно цокольная часть надгробного памятника еще существует.

Вполне вероятно, документальное подтверждение того, что автором проекта перестройки Волкова дома был один из двух друзей и коллег — Бежанов или Филиппов — еще будет найдено. Пока же мы можем с уверенностью сказать, что Дом академиков приобрел свой нынешний облик, под бдительным наблюдением архитектора Императорской Академии наук Дениса Евстигнеевича Филиппова. Именно его подпись стоит на большинстве листов довольно объемистого архивного дела 1806 года под названием «Относительно до построек и починок в принадлежащих Академии домах и о покупке на то разных материалов».

¹⁸ Шуйский В. К. Указ. соч. С. 161.

¹⁹ Именно так, Евстигнеевич, а не Евстигневич. На могильном камне отца архитектора обозначено: Евстигней Филиппович Филиппов.

²⁰ Сведения о жизни Д. Е. Филиппова собрала сотрудник Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук Елена Груздева. См. подготовленную ею справку в ссылке к статье «От царской „кунст-каморы“ до современной Кунсткамеры (по документам СПФ АРАН)» // URL: <http://ranar.spb.ru/files/visual/Kunstkamera/Filippov.pdf> (дата обращения: 01.11.2016).

²¹ О могиле А. Г. Бежанова и его жены Натальи см.: *Николай Михайлович, вел. кн. Петербургский некрополь*. Т. I. СПб., 1912. С. 171; о могилах Д. Е. Филиппова и членов его семьи: Там же. Т. IV., СПб., 1913. С. 359.

Могила Д. Е. Филипова на Смоленском кладбище. Надпись: «Здесь покоится прах Архитектора Императорской Академии Наук Коллежского Советника Діонісія Евсигнеевича Филипова Скончавшагося 6-го Сентября 1854 года на 76 году».

Один из первых документов в этом деле — договор на гербовой бумаге (ценой 30 копеек за лист!): «Я, нижеподписавшийся Петрозаводской Мещанин Афанасий Трифонов обязуюсь принять на себя разныя столярныя работы из собственного моего лесу для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Наук в так называемой волков дом в 7 линии на условиях следующих...», и далее следует подробнейшее описание на трех страницах оконных рам, дверей, плитусов и прочих необходимых вещей. «...Все изделия столярныя доставлять мне в сказанной Дом безпрекословно и без замедления к тому времени, которое Господин Архитектор Филипов мне назначит на сей год, а остальное число к Маю месяцу будущаго 1807 года и точно в таком качестве, как выше по статьям сказано; в противном случае вольно комитету²² подряжать других мастеров на счет мой, хотя бы то было и высшими ценами противу договоренных цен». И довольно символический конец документа: «К сему договору вместо мещанина Афанасия Трифонова по его прошению петрозаводской имянитой гражданин Алексей Яишников руку приложил»²³. Подобным же образом подписано большинство контрактов, связанных со строительными делами Академии. Вот так — обеспечивали существование молодой российской науки неграмотные предприниматели. И надо сказать, свои обязательства они всегда выполняли, и господин архитектор Филипов претензий к ним не имел.

А поставок требовалось великое множество. Целыми баржами уполномоченный Филиповым купчина Уполовинин покупал глину и песок (судно песка стоило двадцать пять рублей)²⁴, а также войлок, смолу, гарпиус (то есть канифоль), гвозди, боровицкую и тосненскую известь, кирпич, рижский алебастр, дверные замки, оконные задвижки и петли, проволоку, пудостский камень... К поставке последнего, кстати, имел отношение прославленный архитектор Андрей Воронихин. Как раз в это время облицовывался возводившийся под его руководством Казанский собор, для чего пудостский камень привозился в огромном количестве. К этим поставкам присовокупила свой заказ и Академия наук. «Камень пудовский, потребной для строения при Академии наук, — сообщал Воронихин в Комитет правления, — по воли Коммиссии он ныне оставляется там, где оной удобнее будет обрабатывать по рисунку, как следует, а к строению доставится в начале будущей весны уже готовым к положению на дело»²⁵. Именно из этого камня сложены колонны и пилястры портика Дома академиков, им отделаны цоколь и другие части здания, а «исправлял каменные работы в Волковом доме по апробированному его превосходительством Господином Президентом того дому плану и фасаду валдайский купец

²² Речь идет о Комитете правления — главном административном органе Академии наук в то время.

²³ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 135. Л. 26–27.

²⁴ Там же. Л. 36.

²⁵ Там же. Л. 217.

Андрей Тимофеев»²⁶. Воронихину снабжение материалом стройки, которой он непосредственно не занимался, доставило дополнительные заботы: Академия не торопилась расплатиться, и создатель Казанского собора был вынужден обращаться письменно с просьбой произвести расчет. Писал он, между прочим, брату своего коллеги — Якову Захарову, видимо, надеясь на знакомство²⁷.

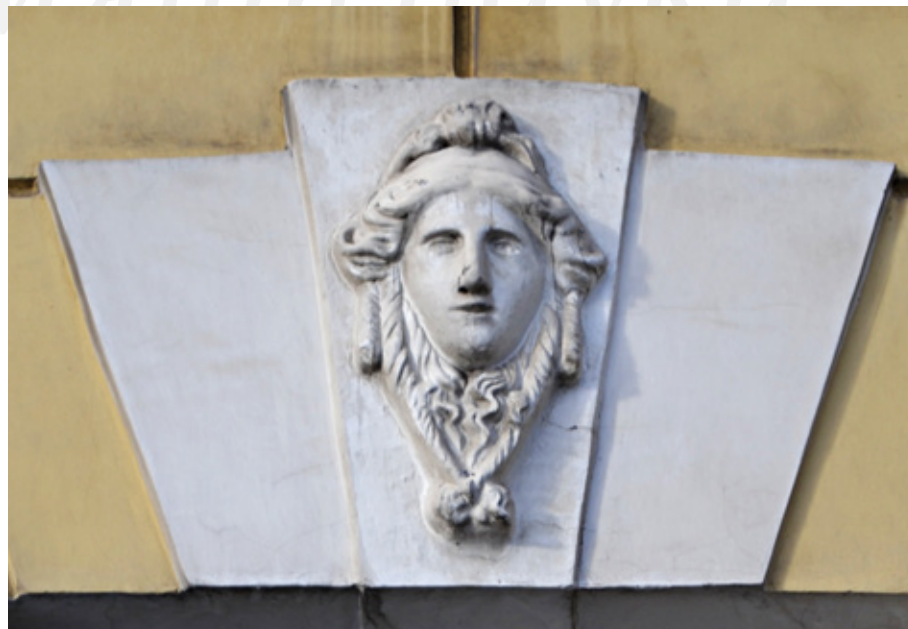
Четырехколонный портик перед Домом академиков сейчас выглядит довольно приземистым. Изначально было не так: как и положено по античному архитектурному канону, колонны не вырастали прямо из мостовой, а покои-

Фасад Дома академиков. Фиксационный чертеж. 1830 г. СПФ АРАН (Ф. 4. Оп. 22. № 56. Л. 4). Воспроизводится впервые.

²⁶ Там же. Л. 237.

²⁷ Там же. № 344. Л. 102–104.

Маскарон на Доме академиков.
Фотография. 2016 г.

лись на трехступенчатой платформе – стереобате; это хорошо видно на фикасационном чертеже фасада дома 1830 года. Из-за повышения мостовой все три ступени к нашему времени ушли под асфальт.

Портик поддерживает обширный балкон, окруженный балюстрадой. Рисунок ее самый что ни на есть классический; считается, что такие пузатые грушевидные балясины придумал Микеланджело. Неклассическим является материал, из которого это ограждение выполнено, – чугун. Выполнена была балюстрада на заводе, в ту пору еще довольно молодом, принадлежавшем выходцу из Шотландии Чарльзу (Карлу Николаевичу) Берду²⁸. Производил этот завод в начале XIX века утюги, сковородки, колосники и прочее, но уже был сделан первый шаг к дальнейшим его славным свершениям: здесь был изготовлен первый в России промышленный паровой двигатель. Вскоре Берд станет устанавливать такие машины на суда и откроет регулярное пароходное сообщение между Санкт-Петербургом и Кронштадтом. Но не будет забыто и литейное производство: многие петербургские мосты стоят на изготовленных заводом Берда конструкциях, здания и памятники украшают отлитые им скульптуры и декоративные элементы.

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 135. л. 212.

Назовем еще тех, кто приложил руки (в самом прямом смысле) к перестройке Волкова дома (будет ли еще когда-нибудь случай вспомнить добрым словом этих людей, чьи имена сохранились, кажется, лишь на пожелтевших страницах архивных документов?). Лепные работы внутри и снаружи дома подрядился выполнять некий Сергей Салин – «его людьми и его собственными материалами». Сандрики, к примеру, выходили заказчику по пять рублей за окно²⁹, а «44³⁰ головы над замками окон нижняго этажа» – по 80 копеек за штуку (правда, «за сделание модели для сей головы» мастер взял 25 рублей)³¹.

Другой документ сообщает, что «в квартире 2-на статского советника и кавалера Федора Ивановича Шуберта³² маляром Заворцевым раскрашены две комнаты с употреблением собственных его красок и клею за сорок пять рублей»³³. Но значительно больше росписей в Академическом доме было выполнено другим живописцем – Фридрихом Рихтером. В счете, представленном им к оплате, перечислено: «У 2-на Статского Советника Захарова шесть комнат хорошим искусством за условленную цену <...> голубые драпери³⁴ в гостиной сверх условия <...> поправка двух комнат у него ж, Г-на Захарова <...> расписание Большой перегородки с четырьмя пилястрами у Г-на Статского Советника Шторха³⁵ <...> у Г-на Гурьева³⁶ перекрыты во всех комнатах стены, и фризны поправлены <...> у Г-на Севастьянова³⁷ одна перегородка выкрашена, в одной комнате стены перекрашены и фриз поправлен, в другой комнате поправлены пилястры и стены <...> у Г-на Германа³⁸ выкрашены две перегородки и в трех комнатах поправлены стены»³⁹. Писал этот счет явно не сам мастер, поскольку русским письмом он, похоже, не владел: подписался по-немецки *F. Reihter*. Об этом человеке кое-что известно: родился он в Курляндии, которая в 1795 году была присоединена к России, и таким образом стал подданным российской короны⁴⁰. О его могиле на Волковом лютеранском кладбище справочник сообщает: «Фридрих Рихтер, академический художник. 10 ноября 1781 – 26 мая 1859»⁴¹. Возможно, оформление Дома академиков было его первым заказом в Петербурге. Этот опыт, вероятно, был признан удачным, потому что позднее под руководством академического архитектора Филиппова Рихтер декорировал помещения главного здания Академии наук⁴² и Кунсткамеры⁴³; также он работал в российском Сенате и Синоде и в Зимнем дворце, который восстанавливался после пожара⁴⁴. Многие его росписи сохранились. Его сын Федор Федорович Рихтер стал известным архитектором, преподавателем и реставратором, основателем реставрационной школы в России.

²⁹ Там же. л. 212.

³⁰ Сейчас на замковых камнях Дома академиков можно насчитать 39 маскаронов работы лепщика Сергея Салина (многие из них, несомненно, были за долгие годы повреждены и заменены копиями). Где находились недостающие пять, сказать трудно.

³¹ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 344. л. 1.

³² Шуберт Федор Иванович (Фридрих Теодор; 1758–1825) – математик, астроном, геодезист; академик; заведовал академической обсерваторией.

³³ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 135. л. 233.

³⁴ В современном написании – драпри, драпировка, занавеси со складками.

³⁵ Шторх Андрей Карлович (Генрих Фридрих; 1766–1835) – экономист, последователь Адама Смита, историк и библиограф, академик.

³⁶ Гурьев Семен Емельянович (1766–1813) – математик и механик, академик.

³⁷ Севастьянов Александр Федорович (1771–1824) – естествоиспытатель и переводчик научных трудов, академик.

³⁸ Герман Карл Федорович (Карл Теодор; 1767–1838) – статистик, историк, экономист, академик.

³⁹ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 344. л. 218.

⁴⁰ Трегубова Е. Л. Новые материалы о деятельности Ф. Ф. Рихтера // Забытый зодчий Ф. Ф. Рихтер. К 190-летию со дня рождения. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 117. М.: ГИМ, 2000. С. 17.

⁴¹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. III. СПб., 1912. С. 591.

⁴² Шедрова И. М. Главное здание Академии наук (по материалам СПФ АРАН) // URL: <http://gagarin.spb.ru/rus/books6/id/597/> (дата обращения: 01.11.2016).

⁴³ Моисеева Т. Первая российская обсерватория // Наука и жизнь. 2004. № 7. С. 73.

⁴⁴ Петров А. Н., Борисова Е. А., Науменко А. П., Ловелихина А. В. Памятники архитектуры Ленинграда. Л.: Стройиздат, 1972. С. 75, 95, 97.

III. Память науки

Но вернемся к дому, который по старой памяти все еще называли Волковым домом. Реконструкция под руководством Дениса Филиппова была сделана основательная. С набережной устроили новый парадный вход. Заменяли стропила и кровлю. Поскольку число жителей дома изрядно увеличивалось, соорудили и новые «удобства» (они, как и было положено в те времена, увы, располагались во дворе). «На дворе так называемого волкова дома построены по предписанию сего комитета два нужных места [попросту говоря, нужника] из казенного материала плотничным подрядчиком Степаном Комиссаровым с принадлежащими к ним галереями, двумя лестницами и прочим за двести рублей»⁴⁵.

К концу 1806 года академики, предвкушая переселение в обновленные квартиры, стали проявлять некоторое беспокойство. Николай Фусс, например, запросил администрацию Академии, продлевать ли ему заключенный до 10 апреля 1807 года контракт о найме частной квартиры, и если да, то на какой срок⁴⁶. Ему ответили, что «хотя передельваемая для него, г. Фусса, квартира и будет, конечно, в половине лета отделкою окончена, но для большей благонадежности и лучшего удобства для него просить, чтобы Его превосходительство продолжил бы с хозяином дома договор до 1-го Октября сего 1807 года, дабы тем временем передельваемые покои могли совершенно просушиться»⁴⁷.

Ну, с Фуссом ситуация была ясной: он был на таком счету, что ему обновленное жилье было обеспечено. «Моя старая, теперь полностью отремонтированная квартира, — писал он после новоселья своему отцу в Базель, — сделана с очень большим вкусом, почти роскошно. У меня 8 больших, с высокими потолками и красиво расписанных комнат с новыми полами, дверьми, окнами, латунной фурнитурой, собственным участком земли, ледником, теплым подвалом, кладовой, каретным двором, сараем для сена, конюшней, балконом на Неву. Короче, квартира, которую, если бы мне пришлось ее снимать, я не получил бы и за 2000 рублей. По крайней мере, я знаю квартиры за такую цену, которые с моей и сравнить нельзя. При этом еще 56 сажений дров в год, на которые также можно положить еще почти 300 рублей»⁴⁸.

Л. Ю. Крафту предложили на выбор две квартиры — на втором или на первом этаже. Он предпочел последнюю (разменявшему седьмой десяток академику уже было трудновато подниматься по лестнице), но попросил в придачу к квартире сарай, ледник, теплый погреб и часть чердака⁴⁹. Вернулся в свою квартиру замечательный математик Семен Емельянович Гурьев. Выделили апартамент географу, этнографу и путешественнику Николаю Яковлевичу Озерецков-

⁴⁵ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 135. Л. 3.

⁴⁶ Там же. № 275. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 2.

⁴⁸ Цит. по: Мументаллер Р. Указ. соч. С. 173.

⁴⁹ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 135.

Семейный портрет в интерьере за игрой в шахматы.

Картина Густава Фридриха Амалиуса Тауберта. 1830 г.

Примерно так могли выглядеть комнаты Дома академиков после ремонта 1806–1808 гг. Фамилия немецкого художника напоминает об Иоганне Тауберте, некогда жившем в этом доме. Уж не родственник ли?

скому, но он от него отказался: «Назначенная в академическом Волковом доме для меня квартира столь хороша, что я никогда от нее не отказался, естли бы только мог в ней уместиться; но видя, что она для меня тесна, отказываюсь от сей квартиры, и естли нет в Академии просторнее оной, то покорнейше прошу Комитет оставить меня при получаемых мною квартирных деньгах и прибавить к ним сорок сажень дров ежегодно»⁵⁰. Предназначавшаяся Озерецковскому «жилплощадь» отнюдь не осталась пустовать; сразу же она была отдана другому академику — экономисту и статистику Андрею Карловичу Шторху, тому самому, кто первым назвал Санкт-Петербург Новой Пальмирой, а Невский проспект — памятником мудрого и просвещенного веротерпия⁵¹.

Уже знакомому нам академику Якову Дмитриевичу Захарову (брату архитектора) и биологу экстраординарному академику Александру Федоровичу Севастьянову в ответ на их прошения от имени президента Академии сообщалось: «Господину Академику Захарову отвести под жительства 9-ть покоев в том же доме в нижнем этаже, расположенных от ворот по 7-й линии, в коих всех по линии окон 11-ть. А Господину Академику Севастьянову 6-ть покоев в среднем этаже в переулоч, простирая на угол в линию»⁵².

Захаров своим жильем был доволен, но еще до того, как въехал в него, не замедлил попросить в придачу к квартире сарай с конюшнею⁵³. Получил отказ: все конюшни и сараи, мол, уже розданы, а господину академику теперь нужно дожидаться, «доколе в нарочно купленном для поставления конюшен и сараев в 8 линии месте таковые отстроятся, из которых построек ему без замедления сарай и конюшня отведены будут»⁵⁴.

Известили и Василия Ивановича Висковатова (выдающегося математика, впервые употребившего на русском языке термин «производная функция») о выделении ему жилья: «Комитет правления Академии по просьбе вашей назначил отвести для жительства вашего в волковом доме казенныя покои в 7-ю линию от ворот к переулку расположенныя»⁵⁵ (то есть прямо над квартирой Захарова).

Если судить по комплекту поэтажных планов, сделанных в 1830 году⁵⁶, в Доме академиков после его перестройки было 18 квартир, большинство из которых имело от 5 до 10 комнат. С меньшим количеством комнат было лишь две — двухкомнатная и однокомнатная, на верхнем этаже крыла вдоль Академического переулка. По всей вероятности, эти квартиры предназначались для обслуживающего персонала Академии. Хозяев же остальных 16 квартир мы имеем возможность перечислить, поскольку как раз на следующий год по-

сле окончания перестройки дома была издана первая в истории Санкт-Петербурга адресная книга. Список этих счастливицев помещен в приложении к этой главе.

Получить новое удобное жилье в доме Академии между 7-й и 8-й линиями на берегу Большой Невы повезло отнюдь не всем претендентам на него. Таким был, например, Василий Владимирович Петров, первооткрыватель электрической дуги, самый старший из тех, чьи имена ныне помещены на мемориальных досках на Доме академиков. В марте 1807 года ему было предложено стать адъюнктом Академии с условием, что он возьмет на себя часть хлопот по заведованию физическим кабинетом и будет вести метеорологические наблюдения, прежде осуществлявшиеся академиком П. Б. Иноходцевым (тот умер в октябре 1806 года)⁵⁷. При этом Петрову было предложено занять квартиру в доме возле главного здания Академии наук, с тем чтобы он разместил там за своими окнами метеорологические приборы. Но ни одного подходящего для этой цели окна в предлагавшейся квартире не было. Излагая все это, будущий академик выразил согласие дожидаться, когда в Волковом доме будут окончены работы, и поселиться там⁵⁸. И это ему вроде бы было обещано, но потом оказалось, что свободных квартир нет. Не раз писал Петров все новые и новые заявления в Комитет правления, просил, коли нет возможности предоставить ему жилище, освободить его от чрезвычайно обременительной обязанности вести метеонаблюдения на улице, ежедневно, в любую погоду, снимая и записывая показания приборов⁵⁹. Лишь в 1812 году ему, уже экстраординарному академику, была дана квартира в Волковом доме на третьем этаже⁶⁰.

А с квартирой, предназначавшейся востоковеду Юлиусу Генриху Клапроту, произошла почти скандальная история. В письме, приглашавшем его переехать из Берлина в Санкт-Петербург, говорилось: «Вам дана будет пристойная квартира с нужным количеством дров или удовлетворяемы вы будете за сие деньгами»⁶¹. Вскоре после прибытия в Россию Клапрот был включен в научную экспедицию в составе российского посольства в Китай⁶². Еще по пути до Иркутска он собрал много материалов о языках и этнографии тунгусов, башкир, якутов, киргизов⁶³. Дальнейшее путешествие было долгим, но неудачным: с китайскими чиновниками, встречавшими делегацию, возникли разногласия, и посольство, не доехав до Пекина, повернуло обратно. Однако сопровождавшие его ученые не стали несолоно хлебавши возвращаться в Петербург: каждый из них отправился в самостоятельное путешествие по отдаленным российским землям, где объектов для изучения было ничуть не меньше, чем

⁵⁰ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 360. Л. 7.

⁵¹ Шторх А. К. Картины Петербурга // Пилес Ф. де. Прогулки по Петербургу Екатерины Великой: Записки французского путешественника. СПб.: Паритет, 2014. С. 351, 348.

⁵² СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 275. Л. 65.

⁵³ Там же. № 360. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Л. 6.

⁵⁵ Там же. № 275. Л. 31.

⁵⁶ Там же. Оп. 22. № 56. Л. 1–3.

⁵⁷ Елисеев А. А. В. В. Петров — организатор физических кабинетов в России // Академик В. В. Петров, 1761–1834. Сб. статей и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 140.

⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 275. Л. 35–37.

⁵⁹ Там же. № 360. Л. 10.

⁶⁰ Елисеев А. А. Указ. соч. С. 142–143.

⁶¹ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 61. Л. 18.

⁶² Там же. № 58.

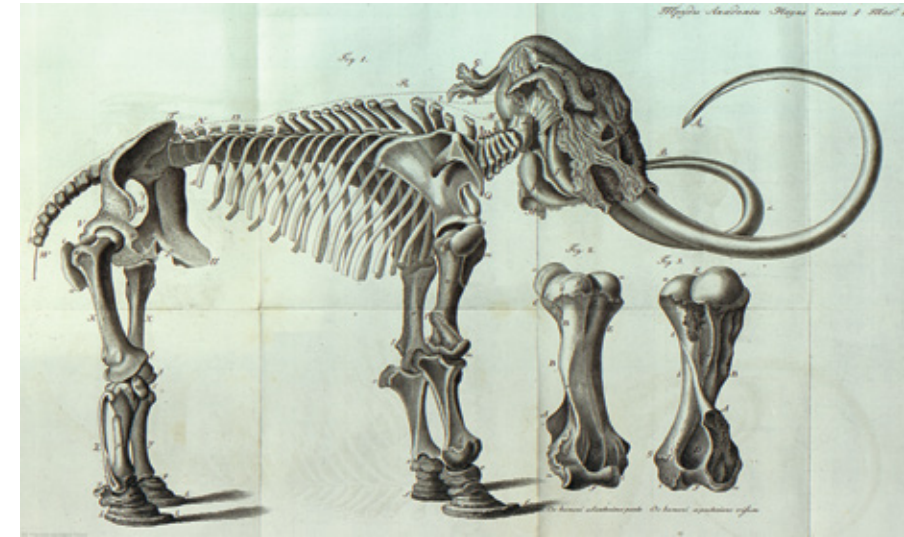
⁶³ Русский биографический словарь. Т. VIII (Ибак — Ключарев). СПб., 1897. С. 728.

в Поднебесной⁶⁴. Клапрот пытался добиться разрешения самостоятельно поехать в Китай на пять лет, но не получил его, и занялся сбором материалов о монгольском, манчжурском и тибетском языках⁶⁵. Вернулся он в Петербург весной 1807 года и сразу же был избран экстраординарным академиком⁶⁶. Академия, выполняя свое обязательство, закрепила за ним квартиру в Академическом доме на 7-й линии. А вскоре его направили в новую командировку — исследовать языки недавно вошедших в состав России кавказских земель. В середине сентября 1807 года он покинул Петербург⁶⁷. И в его отсутствие...

«6-го числа ноября, — излагает ход событий журнал Ученого собрания Академии наук⁶⁸, — Адъюнкт Адамс пришел в волков дом и без ведома Комитета, и не сказав о том никому из членов онаго, занял там самовластно квартиру, определенную 2-ну Экстраординарному Академику Клапроту, унеся с собою ключи, изтребованные им от смотрителя за тем домом. Комитет, уверен будучи, что Ученое Собрание не одобрит сей своевольный поступок 2-на Адамса, просит Оное о принятии мер для недопущения чтоб никто из его членов не мог употреблять подобного самовластия, ибо в противном случае Комитет найдется в невозможности выполнять обязанности, налагаемые на него 129-м § регламента⁶⁹. Ученое собрание, раздраженное таковым новым своевольным поступком того Адъюнкта, который отваживался уже делать многие, и который бы должен был скорее стараться загладить свои виновности⁷⁰, нежели увеличивать их новыми, — определило: сделать 2-ну Адамсу строгой выговор за таковое забвение и регламента, и должнаго Комитета Правления уважения, и приказать ему (Адамсу) возвратить немедленно ключи от квартиры, которую осмелился он занять без ведома Комитета; ожидать, дотоле как упомянутый Комитет, который один имеет право распределять квартиры, может ему таковую назначить; и воздерживаться впредь от всех тех поступков, кои противны доброму порядку и необходимой подчиненности, без чего Ученое Собрание найдется, наконец, в необходимости приступить в рассуждении его к исполнению 75-го § регламента»⁷¹.

Кто же такой был этот адъюнкт Адамс, этот enfant terrible Императорской Академии наук? Это персона весьма примечательная, оставившая, между прочим, заметный след в науке. Главное его достижение — обнаружение и доставка в Петербург целого скелета мамонта (первого, попавшего в руки ученых).

Уроженец Москвы, происходивший из семьи обрусевших немцев, адъюнкт Санкт-Петербургской Академии наук по зоологии, Михаил Иванович (Иоганн Фридрих) Адамс находился, как и Клапрот, в составе российского посольства

Скелет мамонта Адамса. Гравюра Фридриха Нейера по рисунку Вильгельма Готлиба Тилезиуса, приложенная к статье Тилезиуса в «Трудах Академии наук». Конец 1800-х – 1810-е гг.

в Китай. После неудачного завершения экспедиции он с исследовательскими целями спустился вниз по Лене и в Якутске узнал, что несколько лет назад на побережье Ледовитого океана видели оттаивающий труп целого мамонта. Снарядив тотчас же экспедицию к месту находки, молодой ученый действительно нашел уже полностью свободные от мерзлоты останки доисторического животного. Правда, шкуру и мягкие ткани с верхнего бока исполина сгрызли дикие звери (за несколько тысяч лет хранения мясо сохранило свои питательные свойства), а бивни отпилил нашедший мамонта тунгус (их потом удалось выкупить и прикрепить на место), но сам скелет был почти не поврежден. Энергичный естествоиспытатель решил во что бы то ни стало доставить его в Петербург. Разделенное на части тело древнего животного с большими трудностями доставили в ближайший поселок, там кости тщательно очистили, упаковали в ящики и отправили в столицу⁷².

И вот тут двадцатисемилетний адъюнкт, горевший желанием как можно скорее продемонстрировать всему миру свою уникальную находку (а о ней уже писала пресса, в частности московский «Вестник Европы»⁷³), был несколько обескуражен: скелет мамонта негде было собирать — не было подходящего помещения. В ответ на прошение выделить ему квартиру в Волковом доме Адамс получил отказ — все помещения, мол, уже распределены⁷⁴. Вот тут-то он, по-видимому, и решился на самоуправство, зная, что Клапрот находится

⁶⁴ Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В. Ф. Гнучева; общ. ред. В. Л. Комарова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 155.

⁶⁵ Там же. С. 157.

⁶⁶ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (т. 2). № 282.

⁶⁷ Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / Пер. К. А. Мальбахова. Нальчик: Эль-фа, 2008. С. 5.

⁶⁸ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т 2). № 275. Л. 67.

⁶⁹ В этом параграфе говорилось, что Комитет правления Академии наук должен наблюдать «за порядком во всех отделениях Академии, за сохранением и целостью всех ее собственности казны, ученых коллекций, за безопасностью зданий, за починкою их, украшением, распространением и назначением...».

⁷⁰ Адамсу прежде был объявлен выговор за неаккуратное посещение научных заседаний.

⁷¹ Этот параграф грозил адъюнктам исключением из Академии за недостойное поведение.

⁷² Подробный рассказ Адамса о находке был им опубликован на французском языке в петербургском журнале «Journal du Nord» в 1807 году. Перевод этого текста приводится в статье: Тилезиус В. Описание остова Сибирского Мамонта вырытаго из земли в 1797-м году при берегах Ледовитаго моря, с присовокуплением рассуждения о различии пород слонового рода // Труды Академии наук. СПб., 1821. С. 123–134.

⁷³ Вестник Европы. 1807. № 15. Август. Ч. XXXIV. С. 200.

⁷⁴ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 275. Л. 60.

Мамонт Адамса в Зоологическом музее.
Фотография.

в отъезде. И хотя, как мы видели, его эскапада была встречена начальством с возмущением, по зрелом размышлении было решено, что, пожалуй, учитывая особую ценность находки Адамса, ему можно пойти навстречу.

31 января 1808 года Комитет правления Императорской Академии наук вносит в свой журнал следующую запись: *«Г. Адьюнкту Адамсу сообщить выпискою Комитета, что оной для удобнейшего поставления Мамонта определил занять ему [до] 1 Июня квартиру, предназначенную для г-на экстраординарного Академика Клапрота, по истечении же сего времени назначен быть имеет под жительство его покой в нижнем этаже под квартиру Клапрота расположенный. При сем его, г-на Адамса известить, что по воле Господина Президента запрещается Мамонта онаго ни за деньги, ни безденежно публице показывать, доколе Г-да академики Зоологии оной не изследуют, и о том Его превосх-ву и ученому Собранию отрапортуют»*⁷⁵.

Скелет мамонта был собран успешно, произвел фурор, был всесторонне изучен коллегами Адамса, в числе которых был и его сосед по Дому академик Вильгельм Готлиб Тилезиус, написавший о сенсационной находке ста-

⁷⁵ СПб АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (Т. 2). № 360.

тью⁷⁶. После долгих переговоров Адамс получил затраченные на транспортировку мамонта деньги, и экспонат перешел в собственность Академии наук. Сейчас он демонстрируется в Зоологическом музее.

Эксцентричный Михаил Адамс в 1809 году был по собственному желанию уволен с должности адьюнкта и продолжил научную работу в Москве⁷⁷.

Что же касается Юлиуса Клапрота, то, собрав ценнейший лингвистический и этнографический материал, он вернулся в Петербург в январе 1809 года, а через два года вновь уехал, на этот раз в Берлин, готовить к печати китайский словарь. Из этой командировки он, вопреки контракту, в Россию не вернулся и был с бесславием исключен из Петербургской Академии наук. Тем не менее его вклад в изучение языков и этнографии кавказских народов не забыт.

Как не забыта и деятельность другого замечательного обитателя Дома академиком, поселившегося в нем несколько позже, — Андерса Йохана (Андрея Михайловича) Шёгрена. В Осетии его почитают как создателя используемой по сей день осетинской азбуки на основе кириллицы. Одна из улиц Владикавказа названа его именем. Но все-таки главное в наследии Шёгрена — исследования финно-угорских народов.

В 1809 году к России была присоединена Финляндия. Санкт-Петербург как столица империи и как ближайший к вновь завоеванным землям крупнейший культурный центр стал местом, где могли реализоваться финские интеллектуальные силы⁷⁸. Сын провинциального финского сапожника, Шёгрэн окончил гимназию в Борго (Порвоо), затем университет в Або (Турку) и еще на родине начал совершать поездки по деревням и хуторам, записывая древние руны. В 1819 году он при содействии своих коллег, уже сотрудничавших с Императорской Академией наук, приехал в Петербург с намерением подготовить и провести масштабную экспедицию для изучения финно-угров. Александр I выделил на это деньги, дал ученому соответствующие полномочия, и в течение пяти лет (!) Шёгрэн исследовал многочисленные и разнообразные племена, населявшие Петербургскую, Выборгскую, Улеборгскую, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Костромскую, Вятскую, Пермскую, Тобольскую, Оренбургскую, Симбирскую, Казанскую, Пензенскую, Нижегородскую, Владимирскую губернии, а также русскую и финскую Лапландию вплоть до Норвегии⁷⁹. Был собран колоссальный материал по истории, языкам, фольклору и этнографии многих народов, от саамов на севере, до коми и удмуртов в Поволжье и на Урале⁸⁰. Но особенно большую ценность имеют работы Шёгрена, посвященные малым народам, которые уже в XX веке оказались

⁷⁶ Тилезиус В. Указ. соч. С. 106–173.

⁷⁷ Русский биографический словарь. Т. I (Аарон – император Александр II). СПб., 1896. С. 60.

⁷⁸ Шаскольский И. П. Основатель российского финно-угроведения. К 200-летию со дня рождения академика И. А. Шёгрена // Вестник Российской Академии наук. 1994. Т. 64. № 12. С. 1128.

⁷⁹ Киселева Т. В. Андреас Йоганн Шёгрэн – основатель финно-угроведения в России. Дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007.

⁸⁰ Бранч М. Андерс Йохан Шёгрэн // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / Пер. И. М. Соломеща. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. С. 702–705.

Академик Андрей Михайлович Шёгрэн.
Гравюра XIX в.

на грани исчезновения, таким как коренные жители Ингерманландии и жора и водь. Символично, что мемориальная доска, посвященная Шёгрёну, — единственная двуязычная на ДOME академиков: на ней помещен текст на русском и финском языках. И это единственное напоминание о выдающемся ученом в нашем городе: он был похоронен на уничтоженном в советские годы Митрофаниевском кладбище, могила не сохранилась.

Надо сказать, этнография и лингвистика со времен Клапрота и Шёгрёна надолго прижились в ДOME академиков. Хотя, конечно, не только они. И математика, и физика, и химия, и история, и биология... Пожалуй, только искусствоведы здесь были редки: у них был на Васильевском другой «муравейник» — Академия художеств.

Дом принадлежал Академии наук; его обитатели, хоть и жили здесь подолгу (по несколько десятилетий), были в нем только постояльцами. От отца к сыну квартиры не переходили. Исключением, только подтверждающим правило, была уже известная нам академическая династия Фуссов, каждый из представителей которой являлся выдающимся ученым. Квартира, которую еще в XVIII веке занимала семья Иоганна Альбрехта Эйлера, перешла, как мы знаем, к его зятю, Николаю Фуссу, а затем — к сыну Николая Павлу. (Кстати, был еще один представитель этого рода, проживавший в ДOME академиков. Сестра Павла Николаевича Шарлотта Маргарита — та самая, которая отмечала совершеннолетие на следующий день после праздника столетия Петербурга, — вышла замуж, и ее мужем стал архитектор Комитета городских строений Санкт-Петербурга Викентий Иванович Чернай. Двое из их сыновей — Фердинанд и Вильгельм — служили в Академии наук письмоводителями⁸¹, и Фердинанд Викентьевич, как и его дядя, а прежде дед и прадед, числился среди хозяев квартир дома на 7-й линии⁸².)

О Павле Николаевиче Фуссе нужно сказать несколько слов особо. Он родился в 1798 году и был всего на год старше Александра Сергеевича Пушкина, они были знакомы и имели общих друзей; с несколькими однокашниками Пушкина (еще до того, как они поступили в Лицей) Фусс учился в одном классе той самой гимназии, с которой слили упраздненную академическую. Приятель Пушкина и его лицейский соперник в стихотворчестве, Алексей Илличевский, был задушевным другом Павла Фусса. Сохранилась их юношеская переписка (ее позднее собрал и издал другой лицеист и обитатель Дома академиков — Яков Грот)⁸³. Письма Илличевского, носящие яв-

ные признаки стилистики сентиментализма, адресовались так: «Его Благородию Милостивому Государю моему Павлу Николаевичу Фуссу — в Петербург. На Васильевском острове, в 7-й линии, угольный дом на набережной» (обоим корреспондентам было лет по тринадцать), а заканчивались неизменной фразой: «Засвидетельствуй мое нижайшее почтение Папеньке и Маменьке и поцелуй миленьких твоих братьев». Из этих посланий мы, кстати, узнаем, что правнук великого Эйлера, математик, так сказать, по крови, Павел Фусс между тем был не чужд и поэтическому творчеству: Илличевский восторгается его французскими переводами Крылова и Капниста. Став в двадцатилетнем возрасте адъюнктом, в двадцать пять лет — экстраординарным академиком и сменив своего отца на посту неперменного секретаря Академии наук, Фусс-младший вместе с должностью унаследовал и квартиру — в бельэтаже, с балконом и видом на Неву.

Но это, повторимся, было исключением. Обычно же после смерти кого-либо из маститых обитателей Дома академиков, его апартамент передавался другому деятелю науки. Вот, к примеру, что писал Николай Герасимович Устрялов, ординарный академик по русской истории: «В Москве я прочитал в газетах, что добрый приятель мой Шмидт⁸⁴, академик монгольского языка, с которым я каждую неделю вместе с Гессом⁸⁵ играл в карты, в преферанс по самой ничтожной цене, скончался от антонова огня. Он жил в доме Академии в 7 линии, в бельэтаже на Неву. Квартира была небольшая, но очень приятная и удобная, особенно для меня. Я тотчас же написал к неперменному секретарю Фусу с изъявлением желанья занять Шмидтову квартиру, о том же написал Мусину-Пушкину⁸⁶, хотя он и не имел голоса в делах Академии. Он передал мое письмо Фусу. По возвращении в Петербург я отправился к Фусу и узнал от него, к большому удовольствию, что Шмидтова квартира назначена мне. 7-го февраля 1848 года я поселился в ней со своим сыном, впоследствии поправил ее, и живу до сих пор, скоро 20 лет»⁸⁷.

Упомянутый единственный сын академика Устрялова Федор, которого тот воспитывал в одиночку (мать мальчика умерла, когда он был еще младенцем), вырос в ДOME академиков, и царившая здесь напряженной умственной деятельности во многом его сформировала; он не стал ученым, но получил известность как журналист, драматург, критик и переводчик. С особенной теплотой он вспоминал Петра Александровича Плетнёва, друга Пушкина и соредатора «Современника», друга Жуковского, Гоголя. Плетнёв был ректором Санкт-Петербургского университета, жил в ректорском флигеле рядом со зданием Двенадцати коллегий, но часто бывал в ДOME академиков:

⁸⁴ Основоположник не только российского, но и вообще европейского монголоведения Яков Иванович (Исаак Яков) Шмидт был, как мы знаем, не первым жильцом дома на нынешней набережной Лейтенанта Шмидта, носившим эту фамилию.

⁸⁵ Гесс Герман Иванович (Герман Генрих; 1802–1850) — выдающийся химик, академик.

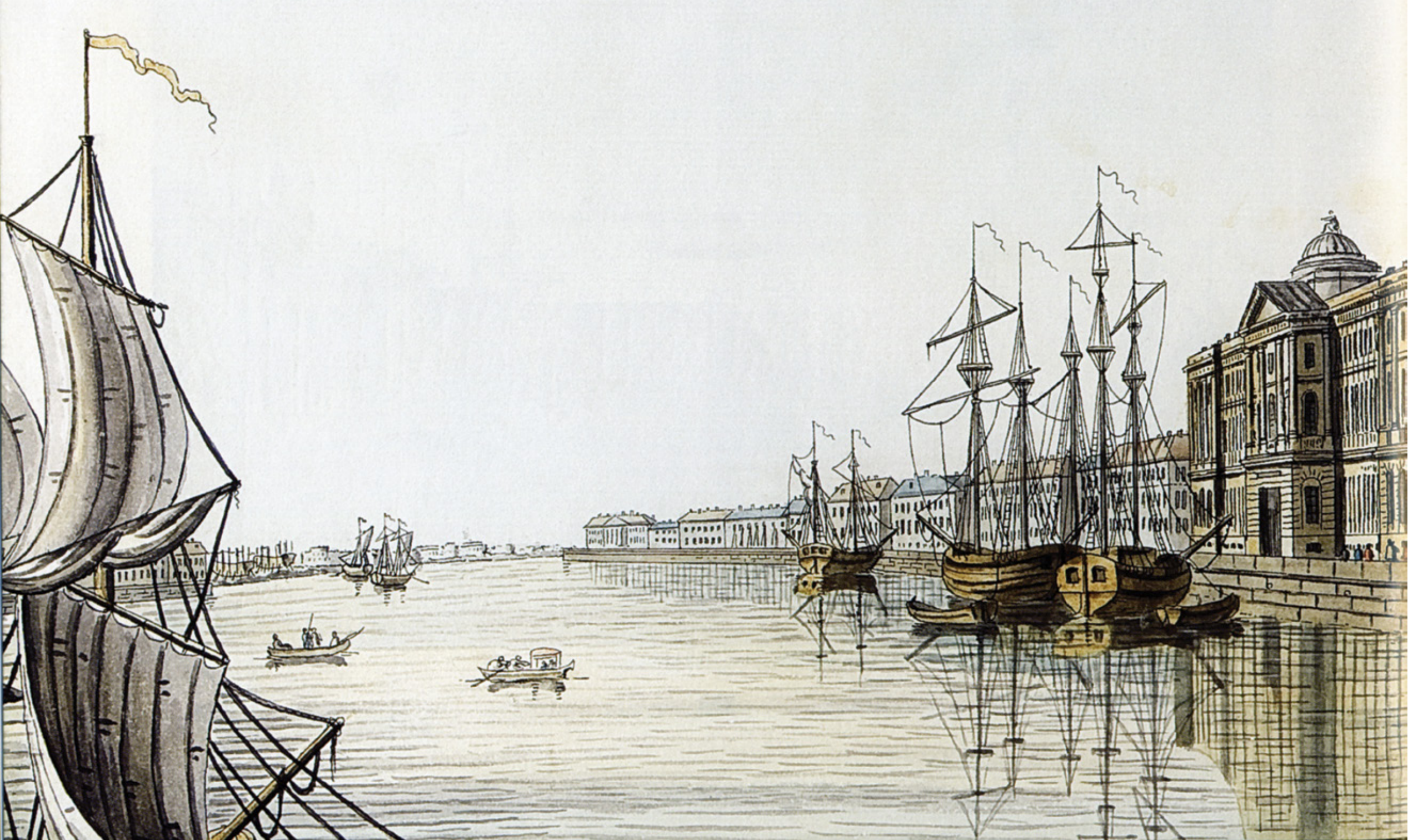
⁸⁶ Михаил Николаевич Мусин-Пушкин являлся попечителем Санкт-Петербургского учебного округа.

⁸⁷ Устрялов Н. Г. Из «Воспоминаний моей жизни» // Новое время. 1872. № 53. 23 февраля. С. 1.

⁸¹ Амбургер Э. Н. и др. Указ. соч. С. 491.

⁸² Нистрем К. Адрес-календарь Санктпетербургских жителей. СПб., 1844. Т. II. С. 293.

⁸³ Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811–1817). Бумаги 1-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом (с приложением портретов, факсимиле и рисунков, а также некоторых бумаг III и IV курсов). СПб., 1911. (Переиздание: СПб.: Академический проект, 1998.)

*Нева у Меншиковского дворца.
Фрагмент гравюры Карла Фридриха
Сабата. Начало 1820-х гг.
Дом академиков на этой гравюре
скорее не изображен, а лишь обозначен
за мачтами стоящих у набережной
кораблей. Примерно через двадцать лет
перед ним начнется строительство
первого постоянного моста через Неву –
Благовещенского (Николаевского).*

Николай Герасимович Устрялов.
Портрет работы Василия Тропинина.
1850 г.

«П. А. Плетнёв имел обыкновение прогуливаться вечером по набережной Невы; раз-два в неделю он регулярно заходил к моему отцу, жившему со мною в доме Академии Наук, на углу 7-й линии и набережной; — в девять часов выпивал стакан чая, выкуривал сигару и в 10 часов уходил домой. Не знаю, о чем они говорили, — из деликатности в кабинет отца я не входил во время посещений. Знаю только, что П. А., покуривая сигару, большую часть прохаживался по комнате и больше говорил сам, так как мой отец был вообще не словоохотлив. Очень живо до сих пор представляется мне в памяти этот прекрасный, добрейшей души человек, соединявший в себе все привязанности и симпатии тогдашних славных представителей литературы, помогавший им словом и делом, ходатайствовавший за них перед царем, покровительствовавший им в первых начинаниях. Высокого роста, с слегка склонившеюся на плечо головою, тихий, скромный, мягкою поступью проходил он по комнатам...»⁸⁸

Сам Федор Николаевич Устрялов поступил в университет, возглавлявшийся Плетнёвым. Как раз в пору его студенчества произошло чрезвычайное происшествие в доме, где он продолжал жить с отцом, о чем он рассказал в воспоминаниях.

«В ноябре 1854 года было довольно значительное наводнение. Еще с девяти часов утра, когда я из дома Академии наук (на углу 7 линии В. О.) отправился пешком в университет, дул с моря жестокий ветер: вода в Неве прибывала с необычайною быстротою; сигнальная пушка, помещавшаяся в то время прямо против университета, по ту сторону Невы, перед зданием Главного адмиралтейства, палила через каждые четверть часа; окна в домах дрожали от взрывов урагана и пушечных выстрелов. В двенадцать часов лекции прекратились; вода выступила на улицы. Выйдя из университета, я с большим трудом пробирался против ветра, прямо несшегося мне в лицо; добравшись до Румянцевской площади, среди которой в то время возвышался лишь монумент, но не был еще разведен нынешний Соловьевский сквер, я увидел перед собою обширное озеро, залившее почти всю площадь; его набегавшие волны омывали тротуар и раскатывались до Первой линии. Пришлось идти домой в обход по Кадетской линии и Большому проспекту.

Едва добрел я домой и только что снял с себя шинель, как почувствовал запах дыма, большими клубами врывавшегося из передней в нашу квартиру. Я выбежал на лестницу, — там дым стоял столбом. Оказалось, что загорелось на чердаке и что там уже заливают. Но, как видно, домашние средства не при-

⁸⁸ Устрялов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852–1856 годах // Исторический вестник. Т. XVI. 1884. С. 582.

носили ожидаемого результата: дым не прекращался, стали слышны удары топора и треск падающих досок. Как и всегда, казенные власти, в виде экзекутора и его помощника, находились в отсутствии, а так называемый „ундер“, заведовавший порядком в доме, не смел без их разрешения обратиться в пожарную часть. Пожар, да еще при таком сильном ветре, мог принять до прибытия начальствующих лиц весьма почтенные размеры. Недолго рассуждая, я вскочил в первые попавшиеся сани и помчался в пожарную часть, в 8 линию, за Большим проспектом. У ворот я нашел часового, до такой степени глупого, что он не мог сказать мне, куда обратиться и кому объяснить дело. К счастью подле него находился на вышке колокол; я ухватился за веревку и стал звонить. Это средство оказалось наиболее действительным: пожарные сбегались и вмиг запрягли лошадей. Толстый брандмейстер попросил меня ехать вместе, но так как моему извозчику не было никакой возможности угнаться за пожарными, то я взгромоздился на паровую машину и помчался вместе с ними. Когда со звоном и треском мы примчались к дому, то увидели, что пожар уже прекратился.

На другой день рано утром к моему отцу явился в кабинет квартальный надзиратель, очень невзрачный, тихий и скромный, с просьбою расписаться на „объявлениице“ о том, что студент такой-то напрасно произвел тревогу. При этом квартальный заявил, что необходим некоторый денежный расход. На эти расходы отец выдал три рубля, которые тот принял с величайшею благодарностью, и вышел из кабинета с низкими поклонами.

На третий день я получил приказание явиться к попечителю. Догадываясь, в чем дело, и облекшись в требуемую форму, я предстал перед его грозные очи.

- Ты, говорят, созвал пожарных? — обратился ко мне попечитель.
- Точно так, ваше превосходительство.
- И скакал на трубе?
- Точно так, ваше превосходительство.
- При шпаге?
- При шпаге, ваше превосходительство.
- Молодец!

Я чувствовал, что поступил глупо. Но за эту глупость получил похвалу. Тем дело и кончилось»⁸⁹.

Петр Александрович Плетнёв.
Портрет работы Алексея Тыранова.
1836 г.

⁸⁹ Там же. Т. XVII. 1884. С. 305–307.

Пафнутий Львович Чебышёв.
Портрет работы неизвестного
художника. Конец XIX в.

Но вообще в доме на набережной, которая тогда еще не имела собственного названия и именовалась «набережной Большой Невы», шла внешне весьма спокойная, тихая и размеренная, но внутренне очень напряженная жизнь. Жизнь, отданная служению Ее Величеству Науке. Вот, например, что вспоминал о крупнейшем русском математике Пафнутии Львовиче Чебышёве его ученик Константин Поссе: «В половине 50-х годов Чебышёв переехал на жительство в Академию наук, сперва в дом, выходящий на 7-ю линию В. О., затем в другой дом Академии, против университета, и наконец, снова в дом на 7-ой линии, в большую квартиру, выходящую на набережную Невы, в которой и прожил до конца жизни. Ни перемена обстановки, ни возрастание материальных средств не повлияли на образ жизни Чебышёва. У себя дома он почти никогда гостей не собирал; посетителями его были люди, приходившие к нему беседовать о вопросах ученого характера или по делам Академии и Университета. Прислугу он держал одну, много двух, ездил на извозчиках, да и то редко, причем по его собственным словам, „всегда с ними торговался“»⁹⁰. Торговался с извозчиками Чебышёв, конечно, не из жадности; его строгий математический ум требовал во всем минимального расхода средств, искал самого экономного способа решения любой задачи (на досуге, говорили, он упражнялся в решении такой, например, проблемы: как расчертить выкройку для оболочки шара, чтобы обрезков оставалось как можно меньше). Пожалуй, можно сказать, что в Доме академиков царил атмосфера не то чтобы аскетизма, но некоторого пренебрежения материальной стороной жизни. Ей не придавалось тут значения, ее как бы не замечали. Ценилось другое: сокровища знания, книги.

Известный в будущем литературовед, писатель и переводчик Петр Николаевич Полевой (сын писателя и историка Николая Полевого) познакомился с осенью 1863 года с довольно необычным человеком. В Библиотеке Академии наук этот немолодой уже господин показал студенту Полевому только что полученную им из магазина книгу чешского филолога Йосефа Иречка и дал ее почитать. Звали этого человека Арист Аристович Куник. Сходить к нему домой молодому коллеге посоветовал другой академик, заведующий иностранным отделением Библиотеки Академии наук Антон Антонович Шиффнер: «Вы не знакомы? Живет в академическом доме, на углу набережной и 7-й линии. Ступайте к нему, посмотрите, — отличная библиотека».

«Несколько дней спустя, — продолжает Полевой, — я отправился к Кунику, чтобы занести ему книгу Иречка, и застал его дома, в его прекрасной академической квартире, выходящей окнами на набережную. Устройство квартиры было удивительно простое; но, кроме простоты, в квартире по-

⁹⁰ Поссе К. А. Чебышёв // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1897–1904. Т. VI. С. 20.

чтенного ученого была еще заметна всюду удивительная чистота и порядок, редко встречаемая в квартирах старых холостяков. Главным украшением квартиры была обширная, превосходно систематизированная и удобно составленная библиотека, в которой чрезвычайно простые шкафы-полки были так практично устроены, что книги было очень легко доставать без всяких лестниц и приспособлений. И во всех углах этой библиотеки, которая занимала все лицевые комнаты квартиры, опять-таки не было ни пыли, ни беспорядка: взглянув на эти полки, можно было подумать, что хозяин только и делает,

Николаевский мост со стороны Английской набережной. 1850-е гг. Литография Луи Жульена Жакоппе и Гильома Луи Пьера Регаме по рисунку Иосифа Шарлеманя. За мостом хорошо виден Дом академиков. По Неве плывут пароходы Берда...

Арист Аристович Куник. Фотография.

что стирает пыль с своих книг. Любопытную особенностью квартиры Куника — этого известного и, можно сказать, первоклассного ученого — было отсутствие ученого кабинета в том казовом и обычном смысле, в каком мы его себе представляем в квартире каждого ученого или литератора. Заметно было, что он охотнее занимался в маленькой комнатке, смежной с прихожей, где у него стояла конторка и шкаф с справочными книгами; но и в огромных комнатах, в уютном уголке, около книг, стояли тоже столы, на которых он занимался, и которые, очевидно, придвигал к тому месту своей библиотеки, из которого ему было удобнее и сподручнее доставать книги с полки...

В ту пору моей жизни я так страстно любил книги, что, увидав книжные богатства Куника — признаюсь! — позабыл и о приличии первого визита, и о хозяине, и с увлечением стал оглядывать полки, заставленные почтенными фолиантами.

Это, видимо, понравилось хозяину и даже порадовало его, и он, понимая мое увлечение, сам очень охотно и любезно стал знакомить меня с лучшими уголками своей библиотеки.

— Да! Вот видите, все это я мог купить, мог собрать, потому что очень давно стал собирать, когда еще старая Толкучка была цела... А теперь где вы это все достанете?

И с наивностью истинного книжника он добавил совершенно серьезно:

— Если б я знал, что Толкучка сгорит, я бы не пожалел денег... Там ведь такие удивительные редкости были...⁹¹

И беседа на эту тему завязалась у нас такая оживленная, что я удалился уже только тогда, когда Аристу Аристовичу пришлось идти на службу в Эрмитаж»⁹².

Хотя в Академическом доме селились в основном те, кто посвятил свою жизнь «сухой теории», тем не менее, художественное творчество тут тоже порой находило себе питательную среду. И сами академики, и их близкие то сочиняли стихи, то участвовали в театральных постановках, то писали картины. Малоизвестный факт: в Доме академиков родился и жил до шестнадцати лет великолепный художник, один из столпов живописи Серебряного века Константин Сомов.

Его отец, Андрей Иванович Сомов, впоследствии известный искусствовед, старший хранитель Императорского Эрмитажа, получил здесь квартиру в 1863 году как письмоводитель канцелярии непрямого секретаря Ака-

⁹¹ Во время сильнейшего пожара Апраксина двора 28 мая 1862 года полностью сгорел находившийся там Толкучий рынок.

⁹² Полевой П. Н. Три типа русских ученых (Куник, Срезневский и Григорьевич) // Исторический вестник. 1899. Т. 76. С. 123–125.

демии наук⁹³ (считалось, что исполняющий эти обязанности должен быть постоянно поблизости к своему начальнику, чтобы в любое время быть готовым оформить какой-нибудь срочный документ). Впоследствии Андрей Иванович также являлся переводчиком Академии наук, помощником редактора академических «Записок» — всего он служил в Академии двадцать три года.

Константин Сомов, навсегда покинувший Россию в 1923 году, тосковал по родному городу. В одном из писем сестре Анне, оставшейся в городе, который уже был переименован в Ленинград, поздравляя ее с Пасхой, он писал: «Христос воскрес! <...> Дитя мое, эти дни в одиночестве, лежа ночью, так много думал о тебе, о нашем детстве и юности, с такой нежностью и грустью об ушедшем. Вспомнил няню, Матрену Никитишну, и нашу детскую на

Панорама Петербурга с Васильевского острова. 1853 г. Акварель Леопольда Кертеля. Слева видны колонны и балкон Дома академиков. При строительстве Благовещенского моста набережная была подсыпана. Она стала значительно шире, а ступени перед Домом академиков ушли под мостовую.

⁹³ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 004. № 556 (Сомов Андрей Иванович, письмоводитель при Непременном секретаре АН. Личное дело).

Андрей Иванович Сомов. Портрет работы Константина Сомова. 1897 г.

7 линии и как ты рылась в моем шкапчике, а потом чуть не умерла со страху: какой я гадкий был...»⁹⁴ Десять лет спустя, в 1935 году, он обращается к сестре: «...Вспомни и опиши наш академический дом угол 7 линии и набережной...»⁹⁵ Анна Андреевна исполнила пожелание брата, воспоминания были написаны, но до сих пор они не опубликованы.

Не следует думать, что Дом академиков, как и вся Академия наук, существовал, паря подобно башне из слоновой кости над всеми житейскими бурями. Увы, касались его обитателей и наводнения, и пожары (об этом уже было сказано), и социальные катаклизмы. Российское студенчество было самой активной социальной группой, в нем все время происходило какое-то брожение, чреватое выплесками, а то и взрывами. Совсем рядом с Домом академиков, у Академии художеств и Румянцевского сквера, 8 февраля 1899 года толпа студентов, двигавшаяся по набережной после «годового акта» (празднования дня основания университета) была жестоко разогнана казаками. Университет, а затем и все высшие учебные заведения страны, были после этого охвачены студенческими забастовками. Академиков, многие из которых были и преподавателями, все это, несомненно, затрагивало очень близко.

Еще более страшное событие произошло 9 января 1905 года. Группа рабочих собралась для участия в том знаменитом шествии около василеостровского отделения «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» на 4-й линии. К ней присоединились рабочие из Гавани. Эта демонстрация двинулась по 4-й и 5-й линиям к набережной и здесь была встречена сабельной атакой казаков. Художники Валентин Серов и Василий Матэ, скульптор Илья Гинцбург наблюдали за происходившим из выходящих на линию окон Академии художеств. «То, что пришлось видеть мне из окон Академии художеств 9 января, — писал Серов Репину, — не забуду никогда — сдержанная, величественная, безоружная толпа, идущая навстречу кавалерийским атакам и ружейному прицелу — зрелище ужасное. То, что пришлось услышать после, было еще невероятнее по своему ужасу. Ужели же, если государь не пожелал выйти к рабочим и принять от них просьбу — то это означало их избивание? Кем же предreshено это избивание? Никому и ничем не стереть этого пятна»⁹⁶.

А вот как эта же сцена описана в Докладе комиссии присяжных поверенных по поводу событий в Петербурге 9–11 января 1905 года, составленном на основании свидетельских показаний: «Пропев два раза „Отче наш“ и выслушав последние наставления депутатов, рабочие в начале двенадцатого часа чинно двинулись в путь по направлению к Набережной. Здесь оказались выстроенными

⁹⁴ К. А. Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М.: Искусство, 1979. С. 272.

⁹⁵ Там же. С. 425.

⁹⁶ Валентин Серов в переписке, документах и интервью. Т. 2. Л.: Художник РСФСР, 1989. С. 6–7.

«Солдатушки, brave ребята, где же ваша слава...». Картина Валентина Серова. 1905 г.

войска поперек улицы, конные солдаты с саблями наголо. Толпа приблизилась к ним на расстояние около 20 шагов и остановилась. Выступили вперед депутаты с белыми платками и старались что-то объяснить офицеру. Как рассказывает одна свидетельница, ученица Академии художеств, наблюдавшая эту сцену из окна, рабочие поднимали руки, показывая, что они безоружны, и усердно просили пропустить их. Между тем, по знаку офицера, конница с обнаженными шашками пустилась рысью в толпу. Рабочие быстро расступились, бросились на тротуары и пропустили отряд. Тогда выстроилась пехота и взяла ружья на прицел, но на этот раз залпа не было. Конница направилась против людей, занимавших тротуары, размахивала шашками над их головами; часть толпы была загнана в переулки Академический и Бугский, где полицией и солдатами производилась крутая расправа, а остальная масса постепенно отошла к Среднему пр. и отчасти рассеялась»⁹⁷. Те, кто убегал от казаков по Академическому переулку, попадали прямо к углу Дома академиков, многие пытались скрыться в его дворе. Родственники академика Александра Карпинского много лет спустя рассказывали, что в тот день в его квартиру «с черного хода, со двора, впустили несколько женщин с детьми, а когда пытались ворваться солдаты, Александр Петрович приказал дверь не открывать»⁹⁸.

⁹⁷ Начало первой русской революции. Январь–март 1905 года. Документы и материалы / Под ред. Н. С. Трусовой. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 114.

⁹⁸ Романовский С. И. Карпинский в Петербурге–Петрограде–Ленинграде. Л.: Лениздат, 1987. С. 154.

Николаевский мост. Фотография. Начало XX в. На правом берегу, сразу за мостом, – Дом академиков.

Так, говоря словами Анны Ахматовой, *ко всем порогам приближалась медленно тень*. А когда накрыла она всю Российскую империю, Дом академиков оказался одним из тех немногих мест, устои которых оказались настолько крепки, что они не были сокрушены накатившим революционным валом. Академия наук и ее «жилое отделение» продолжали и в советские времена существовать как оплот интеллекта, знания, культуры. Но для рассказа об этом предоставим слово тем, кто сам или чьи родные жили и работали в Доме академиков в веке двадцатом.

Приложение

1. Список занимавших квартиры в Доме академиков (по справочнику Генриха фон Реймерса «Санктпетербургская адресная книга на 1809 год»)

	Имя	Даты жизни	Ученая степень	Область занятий
1	Адамс Михаил Иванович (Иоганн Фридрих)	1780–1836	Адъюнкт	Ботаника, зоология
2	Висковатов Василий Иванович	1779–1812	Экстраординарный академик	Математика, механика
3	Герман Карл Федорович (Карл Теодор)	1767–1838	Адъюнкт	Статистика, экономика, история
4	Гурьев Семен Емельянович	1766–1813	Ординарный академик	Математика, механика
5	Загорский Петр Андреевич	1764–1846	Ординарный академик	Анатомия, физиология
6	Захаров Яков Дмитриевич	1765–1836	Ординарный академик	Химия
7	Клапрот Юлий	1783–1835	Экстраординарный академик	Востоковедение
8	Корц Андрей Абрамович (Густав Вильгельм)	1739–1826		Конференц-архивариус и библиотекарь Академии наук
9	Крафт Логин Юрьевич (Вольфганг Людвиг)	1743–1814	Ординарный академик	Физика, астрономия, математика, демография
10	Круг Филипп Иванович (Иоганн Филипп)	1764–1844	Экстраординарный академик	Археология, история, нумизматика
11	Нассе Иоганн Фридрих Вильгельм	1780–1818	Адъюнкт	Химия, технология
12	Севастьянов Александр Федорович	1771–1824	Экстраординарный академик	Естествознание

13	Тилезиус фон Тиленау Вильгельм Готлиб	1769–1857	Адъюнкт	Медицина, естествознание
14	Фусс Николай Иванович (Николаус)	1755–1825	Ординарный академик	Математика
15	Шерер Александр Иванович (Александр Николаус)	1771–1824	Экстраординарный академик	Химия, философия
16	Шторх Андрей Карлович (Генрих Фридрих)	1766–1835	Ординарный академик	Экономика, статистика

2. Список занимавших квартиры в Доме академиков (по справочнику Карла Нистрема «Адрес-календарь Санктпетербургских жителей», 1844 год)

	Имя	Даты жизни	Ученая степень	Область занятий или должность
1	Барановский Виктор Иванович	?–?		Бухгалтер
2	Броссе Марий Иванович (Мари Фелисите)	1802–1880	Экстраординарный академик	Востоковедение
3	Грефе Федор Богданович (Христиан Фридрих)	1780–1851	Ординарный академик	Древняя словесность
4	Григорьев Федор Григорьевич	Ок. 1777–?		Инструментальный мастер, помощник руководителя инструментальной палаты Академии наук
5	Загорский Петр Андреевич	1764–1846	Ординарный академик	Анатомия, физиология
6	Кеппен Петр Иванович	1793–1864	Ординарный академик	География, демография, статистика
7	Кликен Родион Павлович	?–?		Помощник редактора «Немецких ведомостей»

8	Круг Филипп Иванович (Иоганн Филипп)	1764–1844	Ординарный академик	Археология, история, нумизматика
9	Курт Андрей Вернерович	?–?		Экзекутор Комитета правления Академии наук
10	Менетрие Эдуард Петрович	1802–1861		Энтомология (хранитель Зоологического музея)
11	Папе Василий Иванович	?–?		Рисовальщик Академии наук
12	Свенске Карл Федорович	1797–1871		Архивариус Конференции Академии наук, переводчик, популяризатор науки
13	Очкин Амплий Николаевич	1791–1865		Журналистика, государственная служба (цензор, переводчик, редактор газеты «Русские ведомости»)
14	Френ Христиан Данилович (Христиан Мартин)	1782–1851	Ординарный академик	Арабистика, нумизматика
15	Фусс Павел Николаевич (Пауль Генрих)	1798–1855	Ординарный академик	Математика
16	Шардиус Лев Александрович (Фридрих Луи)	1795–1855		Архивариус Конференции Академии наук, хранитель Эрмитажа
17	Шёгрэн Андрей Михайлович (Андреас Иоганн)	1794–1855	Экстраординарный академик	Языкознание, этнография, история
18	Шмидт Яков Иванович (Исаак Якоб)	1779–1847	Ординарный академик	Востоковедение
19	Чернай Фердинанд Викентьевич	1814–1851		Письмоводитель при непреходящем секретаре Академии наук

3. Список занимавших квартиры в Доме академиков (по справочнику «Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтою», 1867 год)

	Имя	Даты жизни	Ученая степень	Область занятий или должность
1	Бетлинг Оттон Николаевич	1815–1904	Ординарный академик	Востоковедение
2	Броссе Марий Иванович	1802–1880	Ординарный академик	Востоковедение
3	Буняковский Виктор Яковлевич	1804–1889	Ординарный академик	Математика
4	Веселовский Константин Степанович	1819–1901	Ординарный академик	Статистика, политэкономия
5	Кокшаров Николай Иванович	1818–1892	Ординарный академик	Минералогия
6	Куник Арист Аристович (Эрнст Эдуард)	1814–1899	Экстраординарный академик	История, филология
7	Ламбин Петр Петрович	1814–1871		Библиография (старший помощник библиотекаря 1-го (русского) отделения Библиотеки Петербургской Академии наук)
8	Лесгафт Василий Карлович ⁹⁹	?–?		Письмоводитель Канцелярии Академии наук
9	Перевошиков Дмитрий Матвеевич	1788–1880	Экстраординарный академик	Математика, астрономия
10	Прошинский Евстафий Пестулович	?–?		Министерство иностранных дел
11	Сомов Андрей Иванович	1830–1909		Письмоводитель при неперменном секретаре Академии наук, искусствовед

⁹⁹ Дядя знаменитого Петра Францевича Лесгафта (Шабунин А. В. Лесгафт в Петербурге. Л.: Лениздат, 1989. С. 6).

12	Тропин Александр Гаврилович	?–?		
13	Устрялов Николай Герасимович	1805–1870	Ординарный академик	История
14	Чебышёв Пафнутий Львович	1821–1894	Ординарный академик	Математика
15	Энгельмейер Аполлон Иванович ¹⁰⁰	?–1870		Военный
16	Якимович Владимир Сергеевич	?–?		Бухгалтер канцелярии правления Академии наук
17	Якоби Борис Семенович (Мориц Герман)	1801–1874	Ординарный академик	Физика
18	Яковлев Петр Сергеевич	?–?		Бухгалтер Комитета правления Академии наук

¹⁰⁰ Дядя известного инженера, изобретателя и философа Петра Климентьевича Энгельмейера (см.: Горохов В. Г. Петр Климентьевич Энгельмейер. Инженер-механик и философ техники. 1855–1941. М.: Наука, 1997. С. 6).

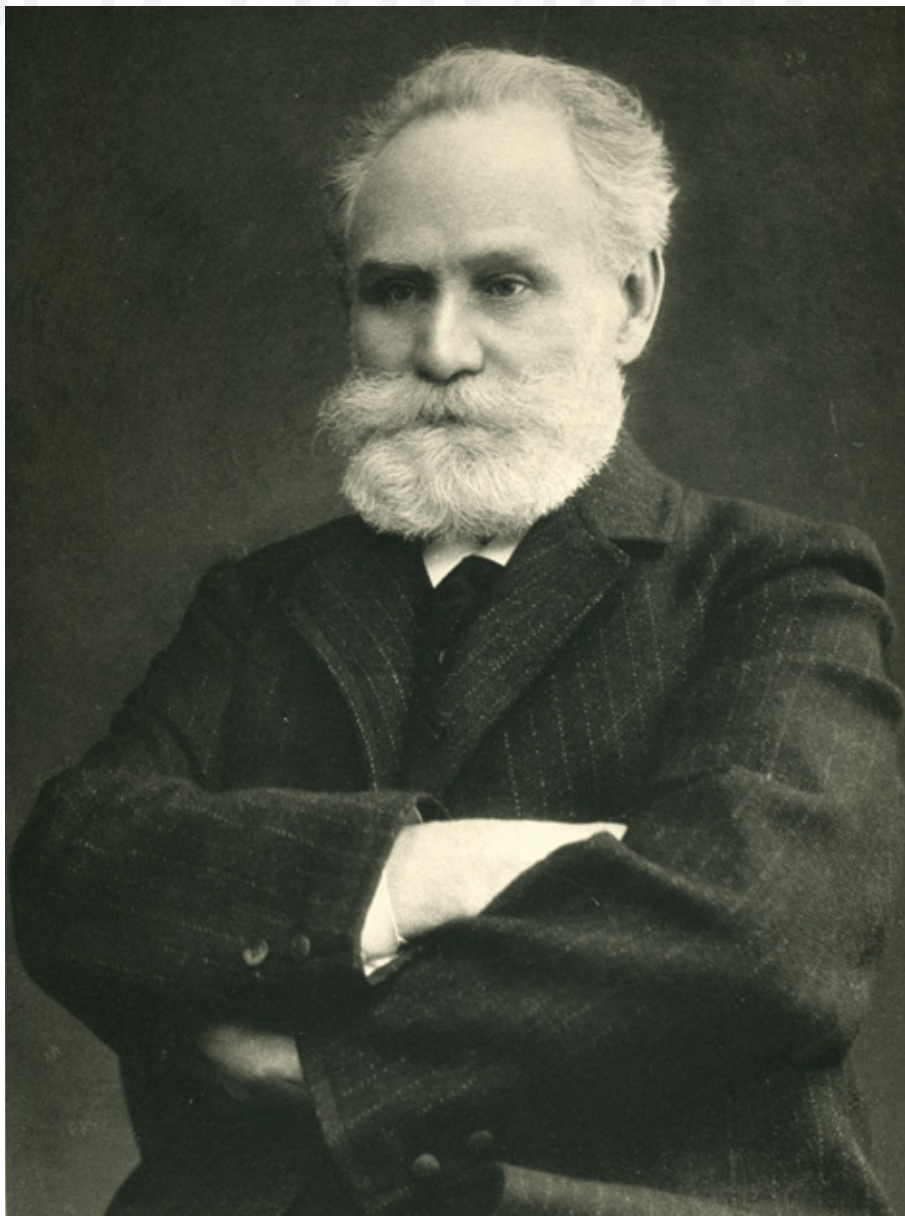
МУЗЕЙ-КВАРТИРА
АКАДЕМИКА
И.П. ПАВЛОВА
ИНСТИТУТ ФИЗИОЛОГИИ
ИМ. И.П. ПАВЛОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛЕСТНИЦА
ЭТАЖ ИЛИ К

IV. Иван Петрович Павлов

*и музей его памяти
в Доме академиков*

Иван Петрович Павлов. 1907 г.

Единственный музей в Доме академиков располагается в квартире № 11, где последние 18 лет своей жизни прожил с семьей великий физиолог с мировым именем, первый в России нобелевский лауреат – Иван Петрович Павлов.

О жизни ученого, его научных исследованиях, политических и социальных взглядах, несомненном патриотизме, его особенном характере, многочисленных жизненных интересах и увлечениях написано множество статей и книг. В этой главе мы постараемся описать ту часть жизни Ивана Петровича и его семьи, которая прошла под сводами Дома академиков, остановившись на наиболее значимых для него научных и семейных событиях.

Семья Павловых к моменту переезда в жилой дом Академии наук в конце 1918 года состояла из шести человек: сам Иван Петрович, его жена Серафима Васильевна и четверо их уже взрослых детей: Владимир, Вера, Виктор и младший Всеволод, который тогда находился за границей. Они переехали в казенную квартиру академического дома с Петроградской стороны, где почти 30 лет, с тех пор как Павлов стал профессором в 1890 году, снимали просторные шестикомнатные апартаменты в бельэтаже дома № 2 по Введенской улице.

Серафима Васильевна Павлова

О жене Павлова, Серафиме Васильевне, хочется сказать особо. Она, как и Иван Петрович, не была коренной петербурженкой. Родилась в Керчи, в семье военного врача Василия Авдеевича Карчевского, служившего на Черноморском флоте. Ее мать Серафима Андреевна Карчевская (урожденная Космина) происходила из древнего дворянского рода, преподавала в гимназии и воспитывала четырех дочерей – Евгению, Раису, Таисию, Серафиму, и сына Сергея. Отец семейства рано умер (по неточным данным в 1865 году, в возрасте приблизительно 55 лет), и мать вынуждена была поднимать детей в одиночку. Семья вскоре переехала из Керчи в Бердянск, где Серафиме Андреевне предложили место начальницы гимназии. Старшие сестры уже имели к тому времени высшее образование и тоже стали учителями. Кроме того, они, как и младшая Серафима (в семье ее называли Сарой), давали частные уроки.

Окончив гимназию с золотой медалью, Сара Карчевская в 1877 году уехала в Петербург и поступила на Женские педагогические курсы. Тогда-то она и

Сведения об авторе:

Громова Людмила Ивановна (р. 1951 г.) – старший научный сотрудник Института физиологии им. И. П. Павлова РАН, главный хранитель Мемориального музея-квартиры академика И. П. Павлова.

Серафима Васильевна Павлова. 1895 г.

Иван Петрович Павлов (второй слева) за работой в экспериментальной лаборатории при клинике С. П. Боткина в Медико-хирургической академии. 1889 г.

познакомилась в компании друзей с И. П. Павловым. Он к тому времени заканчивал Медико-хирургическую академию и получил предложение работать в экспериментальной физиологической лаборатории при клинике С. П. Боткина. Юная курсистка Карчевская (она была моложе Ивана Петровича на 10 лет), с яркой внешностью и еще более ярким характером, сразу привлекла внимание Павлова. Она была не только хорошо образованной, но и весьма разносторонне развитой девушкой: увлекалась театром, сама выступала в любительских спектаклях, была знатоком и большим любителем литературы, лично была знакома с И. С. Тургеневым и с Ф. М. Достоевским, чье творчество очень высоко ценила. Иван Петрович также восхищался произведениями Достоевского, который, по его словам, «любил русского человека до страсти, любил его таким, какой он есть».

Серафима была очень религиозна, особенно почитала Казанскую икону Божьей Матери. Несколько раз она была принята в доме Достоевского и беседовала с ним о религии, о чем подробно написала в воспоминаниях¹. Фотография Федора Михайловича с адресованной ей дарственной надписью: «Г-же Карчевской на память от Достоевского» до сих пор украшает стену около ее письменного стола в экспозиции Мемориального музея-квартиры И. П. Павлова.

¹ Павлова С. В. Из воспоминаний // И. П. Павлов — первый нобелевский лауреат России. Т. 2.: Павлов без ретуши. СПб.: Гуманистика, 2004. С. 90–92.

Ко времени окончания Серафимой педагогических курсов (она получила диплом педагога-математика в 1880 году) тридцатилетний Иван Петрович сделал ей предложение. Однако его избранница попросила отсрочки свадьбы на год, так как очень хотела поработать сельской учительницей, «внести в темную среду крестьянства необходимые для них знания, а главное — разбудить в их душе стремление к идеалу, правде и истине». Павлов согласился. Свадебным подарком стала книга Г. Спенсера со следующей надписью:

«Дорогой невесте.

Социология, Сара, самая сложная, самая трудная наука, которую предстоит разработать, и почти еще сполна, человеческому уму, а не дело только чувства, разговоров, все быстро решающих сочинений односторонних, хотя и хороших людей. Это убеждение, надеюсь, глубоко и крепко вкоренит в твоей душе мой любимый автор. Горячо желающий тебе правды твой И. Павлов.

1880 г. 25 июля».

Деревня, где год проработала учительницей Сара Карчевская, находилась под Таганрогом, недалеко от Ростова-на-Дону, — там жила с семьей одна из сестер Карчевских, Раиса, что давало возможность Серафиме проводить свободные дни и каникулы среди родных людей.

Весь год, почти каждый день, Иван Петрович писал невесте письма, подробно рассказывая о своей жизни, работе, душевных переживаниях, событиях, происходящих в Петербурге. Эти письма молодого Павлова, так ярко отражающие его внутренний мир, неоднократно были опубликованы, как отдельным изданием, так и в составе многих монографий, посвященных ученому².

Переписка сблизила их еще больше. Наконец, 25 мая 1881 года они поженились в Ростове-на-Дону. Не получавший в то время достаточного жалованья и всегда презрительно относившийся к материальной стороне жизни, Иван Петрович не смог подкопить к свадьбе достаточных средств, и пришлось, как рассказывала Серафима, прибегнуть к помощи родных: «Мой туалет много не стоил: платье дала одна сестра, туфли — другая, а цветы и фату — третья. Поджидали мы мать, которая хотела быть на нашей свадьбе. Но она заболела в деревне у старшей сестры и не только не приехала сама, но задержала и старшую сестру. На свадьбе моей были только две сестры со своими мужьями да брат. Венчал нас добряк священник, отец моего зятя. Зять на свои деньги нанял певчих и заплатил за паникадило, так что весь расход на венчание обошелся нам в пять рублей, пожалованных дьякону.

Сара Карчевская. На обороте фотографии дарственная надпись И. П. Павлову: «5-го Июля 1880-го г. Российской простокваше от Сарры».

Федор Михайлович Достоевский. Фотография с дарственной надписью С. Карчевской.

² Например: Письма Павлова к невесте // Москва. 1959. № 10. С. 155–181.

Серафима Карчевская и Иван Павлов.
18 июня 1880 г.

Во время венчания Иван Петрович спросил меня:

– О чем ты молишься?

– О нашем счастье.

– А я о твоём, – сказал он...

Что за чудный вечер был в день нашей свадьбы! Садик, в который были открыты окна и двери, благоухал розами.

Собрались только самые близкие наши друзья. В саду в беседке устроили танцы. Музыка изображал отец Кички (Евдокия Прокопович, близкая подруга Серафимы. – Л. Г.), ударяя ножом по бутылке, и все мы превесело танцевали.

Никогда не забыть мне этого вечера, и Иван Петрович всегда вспоминал о нем с удовольствием...»³

Павловы прожили вместе почти 55 лет – до кончины Ивана Петровича. В семье родились четверо детей: Владимир (1884–1954), Вера (1890–1964), Виктор (1892–1919), Всеволод (1893–1935). Серафима Васильевна, женщина умная, с добрым сердцем, мягким характером и высокими идеалами, была верной и преданной женой, бесспорно способствовавшей поразительным успехам своего мужа в науке. Она прошла с ним и через испытания безденежьем в ранний период их совместной жизни, и через лучшие годы признания его научных достижений, и через тяжелейшие условия послереволюционного времени, оставаясь не только заботливой женой и матерью, рачительной экономкой, но и все понимающим другом, готовым всегда оказать поддержку мужу. На упреки некоторых из своих подруг, сторонниц равноправия женщин, осуждавших ее за потерю «самостоятельной роли в жизни», она отвечала, что ради этого «не стоило бы потерять и один опыт в лаборатории Ивана Петровича».

В своей автобиографии И. П. Павлов так пишет о ней: «Искал в товарищи жизни только хорошего человека и нашел его в моей жене <...> терпеливо переносившей невзгоды нашего допрофессорского житья, всегда охранявшей мое научное стремление и оказавшейся столь же преданной на всю жизнь нашей семье, как я лаборатории»⁴.

По словам американского физиолога Дж. Г. Келлога, познакомившегося с семьей Павлова в 1907 году, «терпение, такт, самоотверженная предан-

Иван Петрович и Серафима Васильевна Павловы в день серебряной свадьбы.
25 мая 1906 г.

Иван Петрович и Серафима Васильевна Павловы в день золотой свадьбы.
25 мая 1931 г.

³ Павлова С. В. Из воспоминаний.
С. 168–169.

⁴ Павлов И. П. Автобиография // Павлов И. П. Полн. собр. соч. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. VI. С. 444.

Серафима Васильевна Павлова с детьми Верой, Владимиром, Виктором и Всеволодом. 1901 г.

ность, проницательность, приспособляемость и здравый смысл, необходимые супруге такого удивительного, из ряда вон выходящего характера, как И. П. Павлов, были присущи г-же Павловой и ставили ее рядом с супругом на ту высоту, куда любовь и признание ученого мира поставили его самого»⁵.

Серафима Васильевна написала воспоминания, большая часть которых посвящена годам ее жизни в замужестве. Впервые они были опубликованы в 1946 году, в обработке профессора В. С. Галкина, одного из учеников И. П. Павлова. Публикация была неполной (из 180 страниц 60 не были включены в книгу), с соответствующими тому времени купюрами. В 2004 году воспоминания были изданы повторно, в этот раз авторский текст был воспроизведен полностью и дополнен подробными комментариями и иллюстрациями⁶.

⁵ Келлог Дж. Г. Посещение павловской лаборатории // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л.: Наука, 1967. С. 278.

⁶ Павлова С. В. Из воспоминаний.

Переезд в Дом академиков

Квартира в академическом доме, куда перебрались Павловы, была не хуже предыдущей — тоже шестикомнатная, площадью 317 квадратных метров, с высокими потолками, украшенными лепниной, большими высокими окнами, выходящими на улицу и во двор, но радости этот переезд семье не принес. Первые годы жизни по новому адресу пришлось на самое тяжелое послереволюционное время, и пережить их было непросто.

Ивану Петровичу было уже за семьдесят. Царящие в городе голод, разруху, частые обыски, которых не миновала и его семья, непросто было бы перенести и более молодому человеку, но, несмотря ни на что, он продолжал активно работать — читал лекции по физиологии в Военно-медицинской академии (ВМА), ставил опыты в своей лаборатории Института экспериментальной медицины (ИЭМ). Многокилометровый путь на работу и обратно он обычно проделывал пешком: общественный транспорт практически исчез с улиц города. Ходили редкие трамваи, и то только до шести часов вечера. Они были битком набиты людьми, штурмовавшими вагоны при посадке и висевшими гроздьями на подножках, если не удавалось втиснуться внутрь. Павлову это было не по силам и не по душе — проще было преодолеть неблизкий путь пешком, тем более что привычка к быстрой ходьбе сохранилась у него еще с юности. Тяжело было зимой, когда возвращаться приходилось в полной темноте (уличного освещения не было) и по глубокому снегу. Серафима Васильевна со старшим сыном Владимиром часто выходили ему навстречу, боясь, что он где-нибудь упал и не может подняться. (Иван Петрович в декабре 1917 года сломал шейку бедра, и боль в ноге все еще давала о себе знать: он прихрамывал и опирался на трость). Но он всегда возвращался бодрым и даже подсмеивался над страхами своих близких. Дома его ждал поздний обед, если можно было так назвать еду того времени. Серафима Васильевна в своих мемуарах описывает их рацион:

«...Какую же пищу он получал за такую ходьбу? Тарелку, чуть заправленную постным маслом, навара из овощей, которые удавалось достать, ложку-две каши, или же две печеных картошки, да стакан ячменного кофе, или морковного чая, редко когда с сахаром. А большей частью с сахарином. Вместо хлеба — какая-то сырая масса неопределенного цвета и вкуса, и это еще было хорошо! Бывали дни, что сын приносил из кооператива ученых мешок мерзлого гнилого картофеля, перемешанного с землей, да несколько селедочек с отгнившими головками. Мы с ним лопатой бросали картофель в раковину и из ледяной воды

вылавливали кусочки годного картофеля. Эти кусочки раскладывали на стол для просушки. Из целого мешка можно было выбрать только четверть или одну шестую часть, да и эта часть имела отвратительный запах, который невозможно было отбить никакими приправами. А клали туда все, что только могли достать: чеснок, лук, перец и т. п. Несмотря на то, что наши мужчины геройски ели это кушанье, ни я, ни дочь, не могли проглотить ни одного кусочка. Из гнилых селедок я делала котлеты, которые не только в нашей семье, но и в семьях наших друзей — у профессора Иностранцева, у скульптора Позена — пользовались большим успехом⁷.

Подобных характеристик того времени можно при желании найти великое множество. Практически все жители бывшей столицы прошли через эти тяжелейшие испытания послереволюционной жизни.

В воспоминаниях бывшего ученика Павлова, доктора медицины В. К. Трофимова можно прочесть такие строки: «Это было время, когда население (Петрограда. — Л. Г.) с 2 миллионов сократилось до 600 000, когда люди питались неразмолотым овсом, жмыхами, когда к эпидемическим заболеваниям стали присоединяться новые болезни — голодная, овсяная, жмыховая, когда интеллигенция потеряла одну треть своего веса, когда она сидела в холодных тесных комнатах и растапливала буржуйки для согревания воды нередко книгами, когда белье не стиралось месяцами, и кожа даже лица забыла употребление мыла, когда вошь стала постоянной обитательницей человеческого тела <...> Профессорам признательные ученики кладут в портфель одно-два полена клинических дров для того, чтобы вскипятить детям молоко. И. П. Павлов в это время обращался к студентам с просьбой содействовать покупке пищевых продуктов и присылать лиц, из-под полы предлагающих хлеб, картофель»⁸. Такие просьбы в то время были весьма опасны, так как арестовывали и тех, кто продавал, и тех, кто покупал. Тем не менее люди пользовались любой возможностью запустить продукты.

Об одном ярком эпизоде тех лет вспоминает и жена Павлова: «Однажды утром напилась мы чаю. Мужчины натопили печи и ушли на службу. Осталась я одна и стала размышлять, чем бы мне накормить моих дорогих. Вдруг звонок, отворяю и вижу подростка лет 13–14, он спрашивает, не возьму ли я молока? Впускаю мальчика и с радостью даю ему свою красивую кофту с кружевами. Взамен получаю тарелку творога, кувшин молока и краюшку хорошего деревенского хлеба.

Чтобы заинтересовать мальчика и побудить его впредь приносить нам свои продукты, я рассказываю ему одну из волшебных сказок своего детства. Он слушает меня с восхищением, раскрыв рот и не сводя глаз. Когда я закончила, он просит еще и еще. Я пообещала ему рассказать еще интереснее, когда он в следующий раз принесет нам свои продукты.

Когда вернулись мои господа, дала я им горячую похлебку с черным хлебом. Они несказанно обрадовались. Но как велика была их радость, когда дала я им творога с молоком. Они не выдержали, закричали „ура“ и даже не побранили меня за то, что, оставаясь одна в квартире, я нарушила их наказ никого не впускать и выпустила совершенно постороннего человека.

Надо сказать, что мальчик стал каждую неделю носить их, причем брал за все по-прежнему очень дорого, говоря, „деньги для матери“, а мне сказки за то, что ношу вам, а не другим.

Вот за эти-то сказки Иван Петрович прозвал меня „Нашей Шехерезадой“⁹.

Виктор Павлов

Трудности послереволюционного периода были для всех тяжелым испытанием, но семью Павловых ожидала настоящая трагедия: 5 января 1919 года они потеряли среднего сына, 27-летнего Виктора. К тому времени он, выпускник Санкт-Петербургской Ларинской гимназии, уже окончил естественное отделение Санкт-Петербургского университета, получив специальность гистолога, был оставлен при университете в аспирантуре, принимал активное участие в экспедициях на Мурманскую биологическую станцию и успел получить степень кандидата биологических наук.

С началом революции Виктор записался на ускоренные курсы Михайловского Артиллерийского училища. В фондах Мемориального музея-квартиры И. П. Павлова хранится его подлинное удостоверение юнкера:

«Удостоверение № 843

Выдано сие Михайловского Артиллерийского училища 6 отд. XII уск. к. юнкеру Виктору Павлову для свободного прохода и проезда по городу и права ношения оружия.

Действительно по 1 декабря 1917 г.

Комиссар Военно-Революционного

Комитета, Прапорщик Б. Занько

Председатель Училищного комитета,

Капитан Попов».

Дальнейшая судьба Виктора Павлова сложилась трагически. В самом конце декабря 1918 года он выехал из Петербурга в Ростов-на-Дону, по официальной версии — к родственникам, за продуктами для семьи. А родственника-

Виктор Павлов в гистологической лаборатории Санкт-Петербургского университета.

⁷ Павлова С. В. Из воспоминаний. С. 256–257.

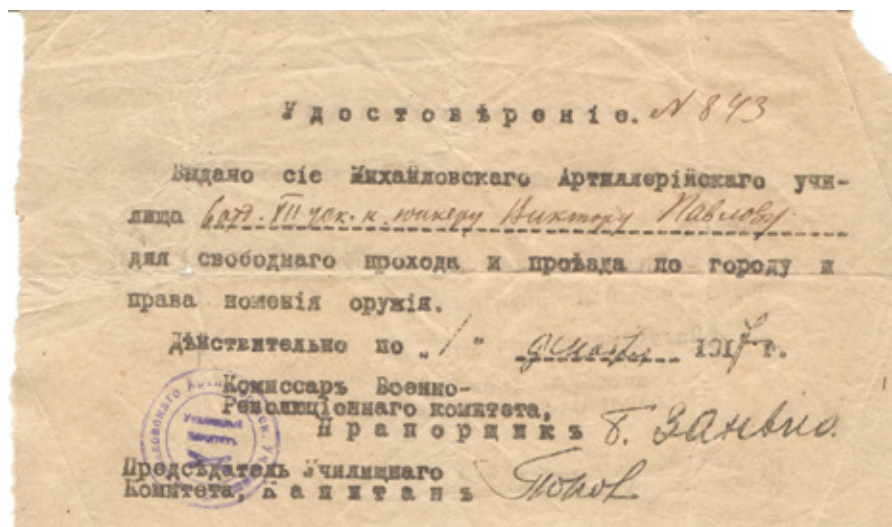
⁸ Трофимов В. К. Страничка воспоминаний об И. П. Павлове // И. П. Павлов — первый нобелевский лауреат России. Т. 3. Ученики и последователи Павлова. С. 490–491.

⁹ Павлова С. В. Из воспоминаний. С. 258.

Похвальный лист, выданный Виктору Павлову за успешное окончание 7-го класса Санкт-Петербургской Ларинской гимназии.

Удостоверение юнкера Виктора Павлова (фонд МКП, публикуется впервые).

ми Павловых там были Хмельницкие – сестра Серафимы Васильевны Раиса и ее муж Евстигней Никифорович, четыре срока занимавший пост городского головы Ростова-на-Дону (в 1892–1897, 1897–1901, 1905–1909, 1914–1917 годы) и многое сделавший для расцвета города. Павловы и Хмельницкие всегда были очень дружны, последние часто гостили у Павловых в Петербурге и в летние месяцы на даче в Силламягах. Евстигней Никифорович импонировал им не только добрым отношением к семье, но и своим умом, деятельным характером, несомненной порядочностью. «Хмельницкий неизменно пользовался репутацией чистоплотного человека, не способного сделать гадость», – так, к примеру, характеризовала его газета «Приазовский край» в феврале 1917 года, и эта черта характера Евстигнея Никифоровича особенно нравилась прямому и честному в отношениях с людьми Ивану Петровичу.

Евстигней Никифорович и Раиса Васильевна Хмельницкие с внучкой Катюшей Питра. 1908 г.

К этим действительно родным людям и направлялся Виктор Павлов якобы за провизией. Но сотрудница Ивана Петровича М. К. Петрова пишет о нем: «Он так же, как и мой Борис, из чувства патриотизма убежал, чтобы сражаться...». Ее сын Борис, по ее словам, «как другие молодые горячие головы, с несколькими товарищами убежал на юг»¹⁰. На юге страны, как известно, воевали с большевиками войска белой Донской армии (Всевеликого войска Донского) под предводительством атамана генерал-майора П. Н. Краснова.

До места назначения Виктор Павлов не доехал. Семья ничего не знала о судьбе среднего сына до тех пор, пока на имя Ивана Петровича не пришло письмо А. А. Дзюбановой от 21 апреля 1919 года, которая работала санитаркой пристанционной больницы в местечке Барвенково Харьковской губернии. Это письмо хранится в фондах Мемориального музея-квартиры И. П. Павлова и достоверно описывает последние трагические дни жизни Виктора Павлова.

1 января 1919 года его сняли с поезда из-за болезни и поместили в больницу с высокой температурой и потерей сознания. Оказалось, что он заразился сыпным тифом. Болезнь развивалась стремительно, и 5 января Виктор Иванович скончался. По словам Дзюбановой, его похоронили недалеко от больницы, под кустом сирени около часовни, соблюдая христианские обряды. Получив известие о смерти сына, Павлов, щадя жену, очень долго ничего не говорил ей об этом, хотя другие родственники, судя по всему, знали о трагедии. Так, в письме Сергея Васильевича Карчевского (брата Серафимы Васильевны Павловой) из Ревеля от 21 июня 1922 года, адресованном их старшей сестре, говорится: «...У Павловых горе – от сыпного тифа умер Виктор, но смерть его еще до сих пор скрывают от Сарочки, так что, когда будешь писать ей, то не проговорись об этом».

¹⁰ Петрова М. К. Моя исповедь // И. П. Павлов – первый нобелевский лауреат России. Т. 2. С. 529, 531.

Всеволод Павлов в форме кавалериста. 1915 г.

Уже после смерти самого Ивана Петровича Серафима Васильевна в августе 1936 года посылала в Барвенково заведующего хозяйством биостанции в Колтушах Г. А. Билова с просьбой найти могилу Виктора и поклониться ей, но, к сожалению, место захоронения сына Павловых ему найти уже не удалось.

Всеволод Павлов

Непростая судьба ожидала и младшего сына Павловых, Всеволода. Родившийся в 1893 году, он успешно окончил Морской кадетский корпус, в 1912 году родители посылали его в Швейцарию для усовершенствования в иностранных языках. С началом Первой мировой войны он вступил в ряды действующей армии, был кавалеристом, офицером 4-го эскадрона драгунского Астраханского полка. В 1916 году дошел с войсками до Румынии, продолжая служить вплоть до 1918 года. Оставшись в эмиграции, он получил юридическое образование и имел достаточную практику, чтобы вести более или менее обеспеченную жизнь. Правда, семьи у Всеволода не было, так что заботиться ему приходилось только о себе. Павловы сохраняли связь с сыном, переписывались с ним, а иногда, при возможности, навещали его за границей. Это бывало, как правило, во время научных командировок Ивана Петровича. Как многие наши эмигранты, Всеволод в 1920-х годах оказался в Константинополе, где его жизнь постепенно изменилась в худшую сторону, и наконец стала просто невыносимой. Об этом лучше всего может рассказать его письмо к отцу, отправленное 18 февраля 1924 года:

«Дорогой Папа,

Если в то время, когда ты с Волей (Воля — домашнее имя старшего сына Павловых Владимира. — Л. Г.) был за границей, у меня и были еще надежды (быть может, и малоосновательные), то теперь последние рассеялись без следа и на этот раз нет новых.

Дела прекратились совершенно.

Я уже несколько месяцев нахожусь в тщетных поисках какого бы то ни было, самого скромного места, что невозможно трудно, так как новое Национальное Правительство Турецкой Республики потребовало от всех иностранных предприятий и фирм, чтобы все служащие, за исключением лишь директоров и их ближайших помощников, не турки (иностранцы и даже турецко-подданные не магометане) были уволены и заменены турками.

Таким образом, на благоприятное разрешение вопроса о нахождении службы, которая могла бы мне обеспечить, хотя бы временно, самое необходимое (комнату и пропитание), надежд почти нет.

Сейчас я пишу под сильным давлением практической необходимости — пишу кратко, однобоко.

Дело в том, что уже очень давно, еще задолго до получения Твоего последнего письма из Лондона, я много раз собирался писать Маме и Тебе; писать вам о безразличных фактах внешней жизни я не хотел, не мог — мне всегда казалось неуместным; справиться же с безмерным хаосом мыслей и переживаний, который родился во мне, как результат последнего десятилетия — этой грандиознейшей эпохи, — я не был в силах. Я писал и потом рвал написанное; я писал, оставляя написанное для переделки, потом писал другое, снова переделывая, и кончал тем, что рвал все и говорил себе, что надо это бросить и писать простое письмо о моем быте, но опять не мог и возвращался к старому.

Быть может, это и к лучшему, что эти послания так и кончились ничем, что есть вещи, которых не может передать никакое письмо, трудно выразить их слову, даже живому.

Перечитывая Твое письмо, я замечаю проскальзывающие в нем, волнующие Тебя предположения, что я как-то непоправимо и в тяготу самому себе связал себя.

Много глупостей я сделал, и может быть, делал их с упорством, но не сделал чего-нибудь непоправимого. В частности, я не связал себя ни формальными, ни неформальными семейными отношениями или вообще чем-либо в этом роде.

Относительно Твоего с Волей предположения о моем приезде в Петроград, я думаю, что это еще преждевременно. Я полагаю, что лучший выход был бы переезд в Париж и, как когда-то писала Мама, устройство на службу у Нобеля; к тому же таким образом, думаю я, я сумею верно, хотя и медленно, отработать те деньги, которых Тебе стоят мои здешние глупости. Для осуществления последнего предположения, как я высчитывал еще в августе, нужно (чтобы закончить все мои расчеты здесь и иметь необходимое на дорогу) 150 английских фунтов.

Теперь писать мне нужно по адресу: Constantinople. Pera. 11 rue Sarkiz/ Societe des Nations. Mr. N. Lemtiongov. Pour V. J. Pavlov. Я давно уже переехал со старой квартиры в более дешевую комнату (а сейчас принужден был временно устроиться у одного приятеля).

Всего лучшего желаю Маме, Тебе, Вере и Воле.

Твой Всева»¹¹.

¹¹ СПФ АРАН, Ф. 259. Оп. 9. № 110. Л. 95–96.

Получив такое послание, по сути мольбу о помощи, Иван Петрович начал срочно предпринимать шаги для того, чтобы вернуть сына на родину, в семью. Это стоило ему больших усилий по преодолению бюрократических и политических препон и принесло успех только в 1928 году. Вернувшись в СССР, Всеволод столкнулся с не меньшими трудностями: никто не хотел брать на работу эмигранта, прожившего за границей столько лет, будь он хотя бы и сын самого Павлова. Всеволоду ничего не оставалось, как принимать более чем скромное «жалованье» от своего отца, которое он старался отрабатывать тем, что выполнял обязанности его личного секретаря, начал разбирать его многочисленные бумаги, приводя в порядок домашний архив, собирая материалы для будущей биографии отца, которую мечтал написать.

В большой квартире Павловых Всеволоду устроили отдельную «комнату», отделив для этого небольшую часть прихожей. В этом крохотном помещении были построены антресоли, что позволяли высокие, почти пятиметровые потолки. Здесь он спал и работал, конечно, пользуясь в остальное время другими помещениями квартиры. В 1929 году он женился на Евгении Сергеевне Миклашевской, с которой был знаком еще до эмиграции (семьи Павловых и Миклашевских были добрыми друзьями с 1913 года). Евгения Сергеевна, по воспоминаниям художника М. В. Нестерова, писавшего портрет И. П. Павлова в 1930 году, была *«одна из редко встречающихся женщин „без грима“, естественна, добра, любящая жена, верный друг»*. В семье Павловых ее все очень полюбили. Поженившись, молодые переехали в просторную квартиру на Загородном проспекте к родителям Евгении, а на свои «антресоли» Всеволод добросовестно приходил работать с бумагами отца, нередко до позднего вечера.

Позже Л. Н. Федоров, директор Всесоюзного института экспериментальной медицины, сумел добиться для Всеволода введения должности личного секретаря И. П. Павлова в штат института. По словам матери, сын *«был очень способный, прекрасно знал три языка и сильно облегчал отцу его работу, взяв на себя все канцелярские обязанности и заботу о практических мелочах лабораторной жизни»*¹². Действительно, зная европейские языки, Всеволод помогал отцу с переводами статей и писем, сопровождал его в зарубежных поездках. В 1931 году они вместе были на I Международном конгрессе неврологов в Швейцарии, через год – в Дании, участвуя в X Международном психологическом конгрессе и VI Скандинавском неврологическом конгрессе, в том же году участвовали в проходившем в Риме XIV Международном физиологическом конгрессе. Кроме того, в этих поездках Всеволод, по воспоминаниям современников, не только выполнял функции секретаря

¹² Павлова С. В. Из воспоминаний. С. 274.

Всеволод Иванович и Евгения Сергеевна Павловы. 1929 г.

и переводчика, но и постоянно очень заботливо следил за здоровьем и самочувствием своего 83-летнего отца.

Позже он активно участвовал в административной работе, связанной с подготовкой XV Международного физиологического конгресса, проходившего в СССР в 1935 году. Иван Петрович возглавлял Организационный комитет этого научного форума, но в свои почти 86 лет, конечно, не мог выполнять всю необходимую работу, несмотря на все еще достаточно хорошую физическую форму. Все заботы по организации Конгресса легли на плечи его заместителя Л. А. Орбели и членов Оргкомитета. Очень старательно помогал отцу и Всеволод. Английский физиолог А. Хилл вспоминал, что младший Павлов *«был вполне законченным лингвистом и сопровождал своего отца на заседания Постоянного международного комитета Физиологического конгресса, где разговор мог вестись, по крайней мере, на трех различных языках и мог быть тут же*

Всеволод Иванович и Иван Петрович Павловы на X Международном психологическом конгрессе. Копенгаген, август 1932 г.

переведен им Павлову. У меня осталось самое живое и чарующее воспоминание об этом старом человеке и его сыне, присутствовавших на этих заседаниях, причем последний, принимая участие в разговоре на любом языке, быстро пересказывал отцу по-русски суть дела, старик при этом кивал головой и улыбался, выражая свое мнение руками, улыбками и киванием головы»¹³. Не будучи физиологом, Всеволод очень скоро начал хорошо разбираться в сложных вопросах, которыми занимался в своих лабораториях его отец, и по его поручению часто сопровождал иностранных ученых, приезжавших к Павлову, разъясняя им суть проводившихся экспериментов.

В 1935 году Всеволод и Евгения Сергеевна переехали в новую квартиру на Тучковой набережной. Она находилась в доме, где располагался Физиологический институт Академии наук. Иван Петрович, посещавший институт в понедельник и среду, всегда заходил к ним повидаться и поговорить.

¹³ Хилл А. В. Дань хвалы великому физиологу // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. С. 314.

К сожалению, едва наладившаяся жизнь Всеволода скоро должна была оборваться. После проведенного в России с большим успехом XV Международного конгресса физиологов, он почувствовал себя плохо, начались сильные боли в животе. Они часто беспокоили его и прежде, но заботы, связанные с организацией и проведением международного форума, вытесняли боль. Врачи, к которым обратилась семья, констатировали рак поджелудочной железы. По настоянию родных его прооперировали, но безуспешно, через три дня после операции он скончался на сорок третьем году жизни. «Этот удар жестоко поразил нас обоих, — писала позже в своих воспоминаниях Серафима Васильевна. — В год революции потеря нашего высокоправдивого сына Виктора тяжело отозвалась на Иване Петровиче. Но тогда горе было отвлечено переживаниями междоусобной войны. Теперь же, под старость, пришлось еще перенести потерю младшего, любимого сына. Силы были уже потрачены. Новая утрата тяжело отразилась на здоровье Ивана Петровича. Для всех нас это был удар грома из ясного неба... Похоронили мы Всеволода 1 ноября 1935 года»¹⁴.

Владимир Павлов

Судьба сложилась счастливо только у старшего сына Павловых, Владимира. Он родился 1 октября 1884 года в Бреславле, куда его отец в сопровождении молодой жены был командирован для работы в лаборатории известного немецкого физиолога Р. Гейденгайна. Через год Павловы с сыном вернулись в Санкт-Петербург. Когда Владимиру пришло время учиться, его определили в одну из лучших гимназий — гимназию Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института, где он весьма успешно овладевал знаниями. Об этом свидетельствуют похвальные листы, хранящиеся в музейном архиве. Окончив гимназию с золотой медалью, Владимир поступил в Санкт-Петербургский университет, выбрав, к удивлению родителей, своей специальностью физику. По окончании университета его оставили на кафедре физики для подготовки к профессорскому званию. Началась научная деятельность и работа ассистента профессора В. К. Лебединского в Политехническом институте и в Военно-инженерном училище. Вскоре Владимир женился на Елизавете Васильевне Кюннер и отправился с молодой женой в Англию, куда был командирован для работы в физических лабораториях Томсона (1912–1914 годы). Вернувшись на родину с началом Первой мировой войны, он, как и его младший брат Всеволод, служил в действующей армии в качестве офицера Военно-метеорологического отделения при штабе 11-й,

¹⁴ Павлова С. В. Из воспоминаний. С. 274–275.

Похвальный лист, выданный гимназисту Владимиру Павлову за отличные успехи в обучении.

а затем 8-й армии. Военно-метеорологическая служба была тогда в новинку, эти подразделения были созданы в связи с применением на фронте отравляющих веществ. Во время газовых атак противника необходимо было учитывать направление ветра, влажность, возможность тумана и другие метеоусловия. Прогнозами погоды и занималась новая армейская служба, правда, не всегда успешно. В письме к родным от 25 апреля 1916 года Владимир пишет:

«Дорогая мама!

Уже неделя, как я нахожусь при Штабе 8-й Армии. Теперь мы перебрались на новую квартиру за городом и кончили постройку станции. Место прекрасное: на опушке парка из грабов, домик окружен фруктовыми деревьями, а главное – уединенность. Большую часть дня я даже не надеваю сапог, а хожу в туфлях. Я очень тронут заботливостью Лизы – все, что мне до сих пор нужно было, я находил уложенным ее рукой, также очень много приятных сюрпризов, делающих наше пребывание здесь еще более веселым. От Лизы же я вчера и сегодня

получил первые известия о всех вас – очень ее за это благодарю. Вообще она меня экипировала замечательно умело. Работа моя серьезно начнется сейчас, т. к. только что мотоциклетчик привез телеграммы, и до вечера мы будем заняты. 10 ч. 30 м. Работа кончена. Посмотрим, прав ли будет наш начальник, генерал боевик, который встретил меня словами: „Ну что же, вратъ будете!“. Это наш первый опыт. Ложусь спать. Т. к. встаю рано: около 7 ч. Надеюсь, что все семейство опять в сборе, потому крепко всех целую и прошу известий. Ваш Воля»¹⁵.

Письмо, конечно, написано нарочито бодрым стилем, чтобы не волновать родных, хотя, видимо, служба в метеорологических войсках была действительно не самой тяжелой и не предполагала непосредственного участия в боях.

После окончания военных действий Владимир вернулся в Россию и продолжил свою научную деятельность. Более двух лет он проработал в физико-химическом отделе Рентгенологического и радиологического института (будущий Ленинградский физико-технический институт), где познакомился и на всю жизнь подружился с П. Л. Капицей. В 1919 году получил звание профессора в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, в 1921 году был избран профессором кафедры физики Химико-технологического института (позднее Ленинградский химико-технологический институт им. Ленсовета). Занимался исследованиями в области молекулярной физики и электроники, изучал проблемы возбуждения атомов электронными ударами, механизмы этого возбуждения, определял значения критических потенциалов. Позже занимался исследованием явлений, связанных с бомбардировкой положительными ионами металлических поверхностей и изучением электролиза через последовательно расположенные две среды, одной из которых является газ. Написал учебники для вузов «Оптика» и «Курс электричества и магнетизма». Владимир Иванович, хорошо владея английским языком, в 1920-е годы часто сопровождал отца в зарубежных научных командировках, выступая в качестве его секретаря и переводчика. Так, в 1923 году они вместе были во Франции, США и Англии, в 1928 году – в Англии, в 1929 году – в Англии и США.

Со своей первой женой Елизаветой Кюнер Владимир расстался после нескольких лет совместной жизни, и она вскоре вышла замуж за его друга Валентина Догеля¹⁶.

Вторым браком Владимир был женат на Татьяне Николаевне Орешниковой и, единственный из детей И. П. Павлова, имел своих детей – дочерей

Елизавета Васильевна и Владимир Иванович Павловы отправляются в свадебное путешествие. 1908 г.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 9. № 136.

¹⁶ О Валентине Александровиче Догеле (1882–1955) говорится в воспоминаниях Л. и Б. Шульманов в V главе этой книги. – Ред.

Татьяна Николаевна, Мила, Маня
и Владимир Иванович Павловы.
Гаспра, 1939 г.

Людмилу (1928–2016) и Марию (р. 1930), любимых внушек Ивана Петровича. Позже у него родился сын, названный Иваном (1940–2015) в честь своего великого дедушки.

Вера Павлова

Из четверых детей Павлова только дочь стала физиологом. Она родилась в Петербурге 26 ноября 1890 года. В 1907 году окончила Петровскую гимназию, некоторое время после этого училась в частном пансионе в Лондоне. Вернувшись в Россию, в 1911 году начала работать в лаборатории отца в Физиологическом отделе Института экспериментальной меди-

цины (ИЭМ), где знакомилась с методикой изучения условных рефлексов. В 1924 году Вера Ивановна окончила Агрономический институт, до 1932 года работала в Физиологической лаборатории АН СССР, затем снова в ИЭМ. Под руководством отца она выполнила множество экспериментов в области физиологии высшей нервной деятельности, изучала следовые условные рефлексы, исследовала механизм их генерализации. В работе, выполненной в 1927 году, сделала попытку выработать условный рефлекс при применении безусловного раздражителя перед условным. Ею была установлена возможность образования такого условного рефлекса, хотя он оказался весьма нестойким. В ряде других работ, опубликованных и неопубликованных, В. И. Павловой были установлены и подтверждены многие факты и закономерности условно-рефлекторной деятельности животных.

Работая в лаборатории отца, под его руководством, она могла видеть его там, где в полной мере была видна его мощь как ученого, где осуществлялись самые смелые эксперименты, где он был абсолютным лидером, имел непререкаемый авторитет и где из бесконечной рутины ежедневных опытов возникали новые гипотезы и открытия. Она могла, как никто другой из членов семьи, оценить вклад отца в физиологическую науку. После его смерти она вместе с матерью высказала идею сохранения его домашнего кабинета в Доме академиков в качестве мемориала.

В 1949 году Вера Ивановна стала первым директором Мемориального музея-квартиры И. П. Павлова, в состав которого вошел не только кабинет, но также интерьеры гостиной и столовой. Она принимала активное участие в сохранении подлинного убранства квартиры, передала много ценных материалов в фонды музея и в Архив Академии наук: записные книжки, переписку, фотографии и рукописи.

Личная жизнь Веры Ивановны, к сожалению, не сложилась, она не вышла замуж, не имела детей. Продолжая жить в квартире Дома академиков, она до конца своих дней старалась сохранить ее неповторимость, атмосферу тех лет, когда здесь жил ее отец.

Вера Ивановна оставила подробные «Воспоминания о летнем отдыхе семьи И. П. Павлова в Тюрселе-Силламягах с 1892 по 1917 год», которые хранятся в Санкт-Петербургском Государственном архиве литературы и искусства, а их фотокопия — в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Вера Павлова – ученица Петровской гимназии в Санкт-Петербурге.

В день открытия
Мемориального музея-квартиры
И. П. Павлова.

Сидит крайний слева Владимир Иванович
Павлов, слева от него его сын Иван,
справа – Вера Ивановна Павлова,
первый директор и хранитель музея.
22 сентября 1949 г.

Первые годы в Доме академиков

Итак, в 1919 году, после трагической гибели Виктора (Всеволод в то время еще находился в эмиграции), в академической квартире Павловых жили сам Иван Петрович, его жена Серафима Васильевна, 28-летняя дочь Вера и старший сын Владимир, которому исполнилось 34 года, — главная опора семьи в эти тяжелые времена. Несмотря на трудности, Иван Петрович старался не терять присутствия духа, продолжал преподавательскую деятельность и свои исследования в области условных рефлексов, хотя это было очень трудно: военная мобилизация коснулась и лабораторий Павлова, число сотрудников сократилось до минимума, подопытные собаки погибали от голода и недоброкачественного корма.

Весной 1919 года вместе со своими сотрудниками он вынужден был превратить в огород часть территории Института экспериментальной медицины. На своих грядках вместе с сыном они вырастили тогда неплохой урожай картофеля, капусты и других овощей, которые помогли Павловым пережить голодную зиму. То же повторилось и в следующем году.

В сентябре 1920 года в Россию по приглашению Л. Б. Каменева приехал английский писатель и публицист Герберт Уэллс. Его сопровождал сын Джордж, немного говоривший по-русски. Они пробыли в России 15 дней, из них большую часть — в Петрограде. Уэллс присутствовал на вечере, организованном Домом ученых, побывал в лаборатории Павлова в Институте экспериментальной медицины. Свои впечатления он изложил в известной брошюре «Россия во мгле», опубликованной в 1920 году. «Рухнула социальная и экономическая система, — писал он. — <...> Нигде в России эта катастрофа не видна с такой беспощадной ясностью, как в Петрограде. <...> Одним из самых необычных моих впечатлений в России была встреча <...> с некоторыми крупнейшими представителями русской науки, изнуренными заботой и лишениями. Я видел там востоковеда Ольденбурга, геолога Карпинского, лауреата Нобелевской премии Павлова <...>. Наша блокада отрезала русских ученых от иностранной научной литературы. У них нет новой аппаратуры, не хватает писчей бумаги, лаборатории не отапливаются. Удивительно, что они вообще что-то делают. И все же они успешно работают; Павлов проводит поразительные по своему размаху и виртуозности исследования высшей нервной деятельности животных <...> — в старом пальто, в кабинете, заваленном картофелем и морковью, которые он выращивает в свободное время»¹⁷.

Дом ученых, который посетил Уэллс, был открыт в Петрограде 31 января 1920 года и стал творческим клубом научной интеллигенции, одним из первых учреждений такого рода в Советской России. Его открытию предшествовало создание по решению Совнаркома в декабре 1919 года Петроградской комиссии по улучшению быта ученых — КУБУ (вскоре ЦЕКУБУ — Центральная комиссия). Городские власти передали Комиссии бывший дворец великого князя Владимира Александровича, построенный в 1867–1872 годах на Дворцовой набережной (в 1920-е годы набережная Девятого января), дом 26. Председателем КУБУ был назначен А. М. Горький. По словам самого писателя, в конце декабря 1919 года в качестве одного из трех членов Комиссии помощи академику Ивану Петровичу Павлову, он посетил ученого в его лаборатории в ИЭМ, чтобы выяснить, в чем тот особенно нуждается. Павлов не стеснялся в выражениях, говоря о невыносимом положении не только своей семьи, но и своих сотрудников, и ученых — соседей по Дому академиков.

Об этом же он писал позже, в июне 1920 года, Бонч-Бруевичу: «Возьмем район дома, где имею квартиру, дома Академии наук. В этом доме в течение

Дворец Великого князя Владимира Александровича, в настоящее время Дом ученых. Гравюра А. Н. Бенуа.

¹⁷ Уэллс Г. Россия во мгле / Пер. В. Пастоева и И. Виккер. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1958. С. 11, 25–26, 28.

года умерли два товарища-академика, еще далеко не старые люди, от болезни, приведших к смерти, несомненно, на почве истощения. А вот что сейчас в этом доме. По парадному ходу и по черной лестнице со мной соседят пять академиков. Все они живут без прислуги. Жена академика У. два-три месяца тому назад, чрезвычайно исхудавшая, в страхе обращается ко мне, как все же к доктору, хотя и теоретическому, с жалобой, что у нее неожиданно появилась опухоль и быстро выросла. Из расспросов догадываюсь, что это, должно быть, грыжа? Переговариваюсь по телефону с товарищем по медицинской Академии, хирургом. Тот говорит, что это теперь обычная вещь при крайнем исхудании и что всего лучше оперироваться. Жена академика Л. (пролежавшего в больнице прошлый год с отеками вследствие плохого питания и слабости сердца и ранее здорового) приходит месяц тому назад с просьбой рекомендовать глазного доктора. В затененных местах днем и в сумерки ничего не видит. Переговариваю об этом в лаборатории с докторами и слышу от них, что это теперь распространенная болезнь куриная слепота, обычная во время народных голодовок. Жена академика Н., имевшая ранее припадки падучей болезни один, два раза в год, теперь, страшно исхудавшая, жалуется на повторение припадков почти каждые две недели. А сам академик, тоже сильно истощенный и постоянно падающий в весе дальше, только что болел воспалением легких, и доктор, его пользовавший, высказал опасение за начинающийся туберкулез. У акад. К., вдового, дочь, исполняющая роль хозяйки, у акад. С. жена — обе заболели цингой... И это, как я сказал, только в моем маленьком петроградском кругу близких друзей. А дальше, в том же Петрограде, у хороших знакомых, всяких товарищей, просто известных людей, а по провинции у родных товарищей, друзей — все то же и то же безысходное, все нагромождающееся горе...»¹⁸

Авторитет И. П. Павлова и его активность послужили действенным импульсом к оказанию помощи и поддержки ученым в трудное послереволюционное время. Благодаря работе КУБУ около 1800 ученых стали обеспечиваться продовольственными пайками, получали помощь в виде одежды, обуви, топлива. В Доме ученых получали пайки также некоторые представители творческой интеллигенции — писатели, художники, архитекторы, артисты, композиторы. По воспоминаниям В. Ф. Ходасевича, «по длинному коридору выстраивалась очередь, представлявшая собой как бы клуб. Здесь обсуждались академические и писательские дела <...>»¹⁹. Г. Уэллс уточнял: «Тут не только выдаются продукты по карточкам, но имеются и парикмахерская, ванны, сапожная и портняжная мастерские и другие виды обслуживания.

Есть даже небольшой запас обуви и одежды. Здесь создано нечто вроде медицинского стационара для больных и ослабевших»²⁰. Вскоре великокняжеский дворец также стал местом, где ученые могли ежедневно общаться, проводить научные собрания, читать лекции. В 1920–1930-х годах научные доклады читались еженедельно по субботам, а по четвергам проходили общедоступные лекции для трудящихся.

Несмотря на некоторое улучшение положения ученых благодаря действиям КУБУ, в июне 1920 года Павлов обратился в Совнарком с просьбой разрешить ему начать переписку с зарубежными товарищами «о приискании места за границей для жизни и работы»²¹. Швеция, Германия, Чехословакия, Америка готовы были принять его у себя. Иван Петрович написал письмо и В. Д. Бонч-Бруевичу, занимавшему тогда пост управляющего делами Совнаркома, в котором просил поддержать его ходатайство о возможности эмиграции²².

И. П. Павлов был знаком с Бонч-Бруевичем через своего приятеля, известного в Петербурге психиатра А. В. Тимофеева, директора больницы в Удельной. Получив письмо, Бонч-Бруевич показал его Ленину, высказав свое мнение, «что надо что-то делать, и делать немедленно, решительно». Тот распорядился ответить академику, что он будет обеспечен всем необходимым для жизни и работы, и назначил ответственным за это Г. Е. Зиновьева, тогдашнего председателя Петроградского исполкома. В ответном письме Ивану Петровичу от 28 июня Бонч-Бруевич писал: «...Я очень прошу Вас совершенно немедленно сообщить мне все то, в чем Вы нуждаетесь, чтобы Вашу работу довести до желаемого конца <...>. Я убедительно прошу Вас сообщить мне, что нужно Вам лично для того, чтобы чувствовать себя совершенно спокойно в Вашей нынешней деятельности, прежде чем испытывать судьбу, путешествуя за границу, где так же далеко не спокойно и где так же неблагоприятно в смысле питания и в пр<очих> отношениях. Нельзя ли прежде всего подумать о том, чтобы здесь, у нас на родине, Вам обеспечить все возможности Вашей работы? <...> Примите мое глубокое почтение и уважение к Вам»²³. 2 июля он получил от Павлова ответ, «полный негодования, глубокой грусти и великого достоинства». Выражая большую благодарность за сочувствие, Иван Петрович подробно описывал тяжелое материальное положение, в котором находится не только он, но и многие его коллеги — ученые Петрограда, и со всей присущей ему

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. № 8.

¹⁹ Ходасевич В. Ф. Торговля // Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. Избранное. М.: Советский писатель, 1991. С. 411.

²⁰ Уэллс Г. Указ. соч. С. 25.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. № 6.

²² Там же. № 7.

²³ ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 1. № 311. Л. 161 (машинописная копия).

искренностью говорил о том, какие чрезвычайные трудности испытывают они в своей ежедневной работе. *«Теперь скажите сами, – писал он, – можно ли при таких обстоятельствах, не теряя уважения к себе <...> согласиться, пользуясь случайными условиями, на получение только себе жизни, „обеспеченной во всем <...>“? Пусть я был бы свободен от ночных обысков (таких было у меня три за это время), пусть бы мне не угрожали арестом производившие обыск, пусть я был бы спокоен в отношении насильственного вселения в квартиру и т. д., и т. д., но перед моими глазами, перед моим сознанием стояла бы жизнь со всем этим моих близких»²⁴. Копии этих писем были Бонч-Бруевичем отправлены наркому просвещения А. В. Луначарскому с припиской: *«Я предлагаю, что нужно немедленно <...> сейчас же по нашей инициативе привести в движение решительно весь тот аппарат, которым мы располагаем, чтобы тотчас же снабдить и обеспечить И. Павлова решительно всем, как в его личной жизни, так и в условиях его работы в лаборатории, в которой он неустанно работает, несмотря на то, что вступил уже в восьмой десяток лет. Будет ужасно обидно, если мы, несмотря на все тяжкие условия гражданской войны, все-таки не сможем обеспечить такого выдающегося человека, действительно составляющего гордость и славу ученой России, обеспечить всем, чтобы он ни в чем не нуждался, продолжая на склоне своих лет изумительные исследования»²⁵.**

Переписка между Павловым и Бонч-Бруевичем продолжалась в течение нескольких месяцев, и последний все же не терял надежды склонить Ивана Петровича к мысли не покидать Россию. Он разослал копии письма Павлова от 2 июля сразу в несколько наркоматов (Наркомпрос, Наркомтруд, Наркомсобес, Наркомюст, Наркомвнудел, Наркомфин, Наркомвоен) со следующим обращением: *«Посылаю при сем письмо известного на весь мир академика Павлова, ответ на мое письмо, где я предлагаю ему употребить все меры, дабы предоставить возможность закончить его научные работы. Может быть, будет признано желательным принять какие-либо экстренные меры к улучшению положения быта ученых»²⁶.*

12 ноября 1920 года Луначарский писал Горькому, возглавлявшему КУБУ: *«Посылаю Вам документы, касающиеся академика Павлова, и прошу Вас немедленно ответить мне, если возможно, то по телефону, относительно мер, которые можно принять для некоторого улучшения положения, указанного в письме»²⁷.*

Постановление Совнаркома

Ленин считал отъезд ученого из страны недопустимым из опасения, что тот, *«будучи правдивым человеком, не сможет, в случае возникновения соответственных разговоров, не высказаться против Советской власти и коммунизма в России»²⁸*. Длительные переговоры по этому вопросу с участием различных официальных лиц (А. В. Луначарского, Г. Е. Зиновьева, В. Д. Бонч-Бруевича, Н. А. Семашко, М. Н. Покровского и др.) и работа нескольких комиссий привели наконец к изданию известного Постановления СНК, подписанного Лениным 24 января 1921 года:

Постановление Совета народных комиссаров

«Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников»

Принимая во внимание совершенно исключительные научные заслуги И. П. Павлова, имеющие огромное значение для трудящихся всего мира, Совет народных комиссаров постановил:

1. Образовать на основании представления Петросовета специальную Комиссию с широкими полномочиями в следующем составе: тов. М. Горького, заведующего Высшими учебными заведениями Петрограда тов. Кристи и члена Коллегии Отдела управления Петросовета тов. Каплуна, которой поручить в кратчайший срок создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика Павлова и его сотрудников.

2. Поручить Государственному Издательству в лучшей типографии Республики отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым научный труд, сводящий результаты его научных работ за последние 20 лет, причем оставить за академиком И. П. Павловым право собственности на это сочинение как в России, так и за границей.

3. Поручить Комиссии по Рабочему снабжению предоставить академику Павлову и его жене специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам.

4. Поручить Петросовету обеспечить профессора Павлова и его жену пожизненным пользованием занимаемой ими квартирой и обставить ее и лабораторию академика Павлова максимальными удобствами.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов

Москва, Кремль 24-го января 1921 года

²⁴ СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 7. № 174.

²⁵ ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 1. № 311. Л. 159.

²⁶ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 4. № 294. Л. 243–243 об.

²⁷ ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 1. № 385. Л. 311 (машинописная копия).

²⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 222.

Надо сказать, что Павлов отказался от специального пайка, объяснив это тем, что он и его жена находят «для себя неприемлемым быть в привилегированном положении, сравнительно с нашими ближайшими товарищами»²⁹. Серафима Васильевна так пишет об этом в своих мемуарах: «В утешение Ивану Петровичу и мне предложили какой-то необычайный паек. Там была и дичь, и ветчина, и масло, и икра, и другие соблазнительные вещи. Но Иван Петрович сразу отказался от того, чего не имели его сослуживцы. Прошло около двух недель. Иван Петрович был в лаборатории. Вызывают меня к телефону, и женский голос спрашивает:

— Почему вы так долго не присылаете за пайком мужа и за вашим пайком. Ведь скоро уже придется приготавливать паек за третью неделю. Присылайте скорее.

Я ответила, что не могу прислать за пайком, от которого муж отказался и за себя, и за меня. На это мне ответили:

— Умная жена всегда водит за нос своего мужа!

Я засмеялась и сказала, что, очевидно, я совсем глупая жена. На этом наши переговоры закончились»³⁰.

Надо заметить, что далеко не у всех жителей Дома академиков были персональные телефоны — их вызывали к общему телефону, стоявшему на лестнице. У Павлова же еще на предыдущей квартире был персональный номер, имелся он и в академическом доме — № 5-76-66. Но поскольку Серафима Васильевна пишет, что ее «вызывали к телефону», видимо, это был официальный звонок на номер Дома академиков.

В ответ на запросы Совнаркома из Петрограда сообщали, что «в отношении личной жизни проф. Павлова не удастся сделать ничего, т. к. он упорно отказывается от помощи <...> Положение проф. Павлова можно улучшить представлением для наиболее крупных ученых Питера семейных пайков; в таком виде, вероятно, он будет удовлетворен»³¹. Демарш Павлова возымел действие: вскоре научные работники Петрограда решением ЦЕКУБУ были обеспечены пайками, хоть и не столь обильными, но вполне приемлемыми.

В лабораториях Павлова наконец возродилась научная жизнь, они были укомплектованы новым оборудованием, а также достаточным персоналом для обеспечения экспериментов. Павлову вновь разрешили выезжать за границу.

Жизнь налаживается

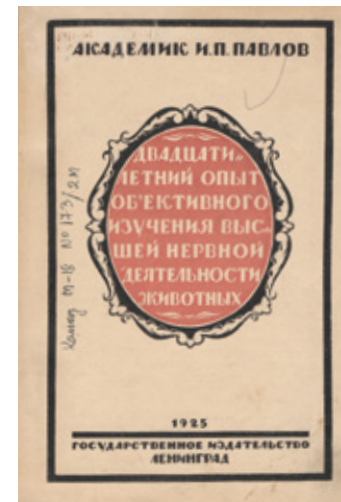
Летом 1922 года он впервые после революции вместе с женой выехал за пределы страны — в Финляндию. Серафима Васильевна вспоминала, «с каким азартом он накинулся на научную литературу, которой был лишен в течение 6 лет... Мы прожили с ним один месяц в Гельсингфорсе (Хельсинки. — Л. Г.) (вся семья оставалась в Ленинграде). Целые дни Иван Петрович проводил в Университетской библиотеке, а вечерами делал выписки из нужных ему работ. Все красные дни мы проводили у профессора Тигерштедта, и тут Иван Петрович был как всегда бодр и весел»³². Посетивший Павловых по их приглашению Сергей Васильевич Карчевский (брат Серафимы Васильевны) писал затем сестре Раисе: «Ив. Пет. и Сарру я нашел вполне здоровыми не исхудалыми и Ив. Пет. сверх того еще как будто помолодевшим, такой энергичный, быстрый и еще более кажется интересуется своей наукой и своими лабораториями. Они просили меня написать Вам, что им нужно писать по следующему адресу, на французском языке: Финляндия Гельсингфорс, физиологическая лаборатория проф. Тигерштедта для Ив. Пет.»³³ (сохранена пунктуация автора).

После месячного пребывания у Тигерштедта Павловы отдыхали в пансионе на станции Келломяки (нынешнее Комарово), где возобновили прежнее знакомство с И. Е. Репиным, жившим неподалеку в Куоккала (нынешнее Репино). Келломяки очень нравились Павловым и стали местом их летнего отдыха и в последующие годы. Летом 1924 года Репин написал маслом портрет Ивана Петровича (Государственная Третьяковская галерея) и небольшой этюд «Павлов на прогулке в Териоках», украшающий и сейчас столовую репинских «Пенатов». С рождением внучек Иван Петрович приобрел в полюбившемся поселке большой участок земли с двумя домами, который до сих пор принадлежит потомкам семьи Павловых.

В 1923 году вышла в свет монография Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных», объединившая в себе его статьи, доклады, лекции о результатах исследований по физиологии высшей нервной деятельности, проведенных в его лабораториях за 20 лет, начиная с доклада «Экспериментальная психология и психопатология на животных», сделанного им в 1903 году на XIV Международном конгрессе врачей в Мадриде. При жизни Ивана Петровича книга эта переиздавалась еще четыре раза — в 1924, 1925, 1928, 1932 годах.

Дачный дом, приобретенный И. П. Павловым в Келломяках в 1930 г.

Титульный лист третьего издания монографии И. П. Павлова «Двадцатилетний опыт...». 1925 г.

²⁹ СФФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. № 42.

³⁰ Павлова С. В. Из воспоминаний. С. 262.

³¹ РЦХИДНИ. Ф. 5 Оп. 1. № 125. Л. 26.

³² Павлова С. В. Из воспоминаний. С. 263.

³³ Письмо от 21 июня 1922 г. (Фонд Мемориального музея-квартиры И.П. Павлова, инв. № 102/3).

Заграничная научная командировка 1923 года

Летом 1923 года состоялась наконец полноценная научная командировка Ивана Петровича за пределы СССР: он получил приглашение участвовать сразу в нескольких зарубежных научных форумах. 30 мая в Страсбурге и Париже должны были проходить торжества, посвященные 100-летию со дня рождения Луи Пастера. Рокфеллеровский институт медицинских исследований пригласил его познакомиться с лабораториями США, а затем принять участие в заседаниях XI Международного физиологического конгресса, проведение которого было назначено на август в Эдинбурге.

26 марта Павлов обратился в Комиссариат народного просвещения с письмом: *«К прилагаемому при сем ходатайству Академии наук о моей научной командировке за границу предстоящим летом присоединяю мою личную просьбу. Для меня чрезвычайно важно побывать в Америке, чтобы переговорить со специалистами, работающими в области, которой я посвятил последние 20 лет моей работы, и повидать обстановку их деятельности, а затем присутствовать, после долгого перерыва, на Международном Физиологическом конгрессе в Англии. <...> 2 года тому назад я обращался в Комиссариат просвещения с прошением о командировке в Америку. Хотя моя просьба в ней была удовлетворена, но дело застряло в следующих инстанциях. Неудача поездки и в этом году будет для меня большим уроном»*³⁴.

Командировка была разрешена, и 21 мая 1923 года Павлов вместе с сыном Владимиром выехал в Хельсинки, затем в Штеттин (Щецин). 30 мая они были в Страсбурге, где приняли участие в грандиозных празднованиях, посвященных Пастеру, а 1 июня — в Париже. Здесь пришлось задержаться из-за получения виз, и только 13 июня они отправились в Америку на огромном комфортабельном теплоходе «Маджестик». В Нью-Йорк прибыли 19 июня, 25 июня были в Бостоне, оттуда направились на морскую биологическую станцию в Вудс-Холле, а 30 июня возвратились в Нью-Йорк. 1 июля посетили Вашингтон, затем два дня провели в Чикаго, и четыре — в санатории Баттл-Крик. 9 июля побывали на Ниагарском водопаде, 10–13 июля — в Канаде. Вернувшись в Нью-Йорк, 19 июля Павловы снова на «Маджестике» отправились в Англию для участия в конгрессе физиологов.

Даже в молодые годы Иван Петрович, пожалуй, не предпринимал таких долгих и насыщенных путешествий: в этот раз он неоднократно читал лекции и делал доклады в разных учреждениях, много общался с зарубежными уче-

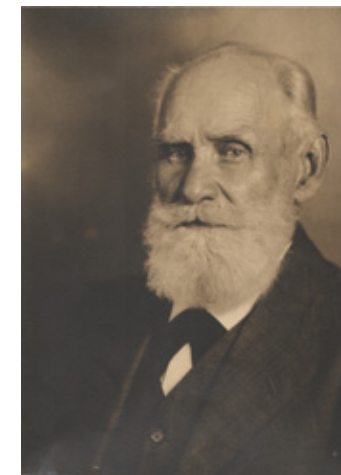
ными и русскими коллегами-эмигрантами и всюду встречал неизменно дружественный и заботливый прием. В письме к жене из Парижа он пишет, что местные русские *«во всем помогают, собирают компании для приветствия, угощают едой. Уж очень почему-то рады свиданию со мной и что-то слишком переоценивают мою особу, так что становится прямо неловко»*³⁵.

«Маджестик», путешествие на котором в Америку заняло шесть дней, произвел на Павлова неизгладимое впечатление: *«На пароходе во втором классе великолепно: чистота и удобства такие, что большего и желать нельзя. Еда чудная, одно нехорошо, что можно объедаться. Воля справедливо сказал, что житье на нашем пароходе есть житье в отличной санатории. Остается огорчительным только то, что ты не пользуешься этим»*³⁶.

Прибыв в Нью-Йорк, Павловы на следующий же день с утра отправились осматривать лаборатории Рокфеллеровского института. *«Сегодня со всеми членами Института перезнакомился и подробно осмотрел отделы, причем порядочно вник и во все, что там делается, — делился впечатлениями Иван Петрович в письме к своей сотруднице М. К. Петровой. — Здание великолепно и расположено на берегу реки (Ист-Ривер. — Л. Г.). Все лаборатории огромны и снабжены всеми научными средствами. Особенно роскошна клиника, рядом с относящимися к ней лабораториями: химической, бактериологической и другими. В общем ведется огромная работа, масса новых фактов. Много и в клинике найдено интересного, сообщу по возвращении. Смотрел на все это и завидовал: не меньше бы сделали и мы, если бы имели такие средства...»*³⁷

Из Вудс-Холла Иван Петрович пишет жене: *«Это морская (на океане) биологическая станция <...>. Природная обстановка великолепна <...>. Здесь на лето как на дачу, и вместе на работу около моря, собираются многие американские биологи <...>. Они попросили меня сообщить о нашей работе — и третьего дня я это сделал. Собралось много народа — человек сто. Доклад мы делали вдвоем с Волей. Я короткими фразами говорил по-русски, а Воля переводил по-английски. Судя по всему, публика заинтересовалась и была довольна, много аплодировала. После доклада было немало разговоров»*³⁸. В Вудс-Холле Павлов прочел доклад «Новые исследования по условным рефлексам», который повторил потом в Баттл-Крике и Чикаго. Его текст был переведен сыном для печати и позже опубликован в журнале «Science».

В Эдинбурге Павловы пробыли три дня, на конгрессе доклад И. П. Павлова на английском языке «New researches on conditioned reflexes» прочитал его сын Владимир. Когда Павлов появился на кафедре, чтобы сделать сообщение,

Иван Петрович Павлов в Рокфеллеровском институте. 1923 г.

³⁴ Переписка И. П. Павлова. Л.: Наука, 1970. С. 25–26.

³⁵ Там же. С. 393.

³⁶ Там же. С. 395.

³⁷ Там же. С. 126.

³⁸ Там же. С. 396.

Брошюра Н. И. Бухарина «Пролетарская революция и культура» с многочисленными пометками И. П. Павлова до сих пор хранится в ящике письменного стола в его домашнем кабинете.

профессор А. Дж. Карлсон из Чикагского университета встал, чтобы пожать ему руку, и все присутствующие тоже встали и приветствовали русского ученого долгими аплодисментами.

Такое признание его научных заслуг зарубежными коллегами, конечно, не могло не радовать Ивана Петровича, вселяло уверенность и оптимизм, но столь активная и насыщенная событиями зарубежная жизнь к концу поездки стала сказываться на его настроении. В письме жене из Лондона 31 июля он пишет: *«Очень тянет домой; утомила эта жизнь среди чужих людей, да еще без языка»*³⁹.

Продолжение противостояния с властью

Однако, вернувшись на родину, Павлов вернулся и ко всем проблемам российской жизни. Первую лекцию в курсе физиологии для студентов Военно-медицинской академии, состоявшуюся 25 сентября, он, по своему обычаю, посвятил «общим темам», которые всегда его волновали не меньше, чем научные. В этот раз он подробно, по пунктам, по страницам, критически разбирал только что прочитанную брошюру Н. И. Бухарина «Пролетарская революция и культура», говорил о том, что побывав только что в длительной зарубежной командировке, нигде не видел признаков *«мировой революции»*, критиковал правительство за гонения на науку, изгнание из университетов профессуры, переделку научных программ людьми, которые *«ничего в этой науке не знают»*, говорил о необходимости настоящего образования для *«правлящего класса»*, о несовместимости догматических идей с наукой и т. п. Широко известны слова Павлова, сказанные им на этой лекции: *«Господа, может быть, вы теперь и переделались в интернационалистов, но я был, есть и останусь русским человеком, сыном родины, ее жизнью прежде всего интересуюсь, ее интересами живу, ее достоинством укрепляю свое достоинство...»*⁴⁰.

Явно задетый за живое павловскими высказываниями, Бухарин ответил ему изданием новой брошюры, в которой на шестидесяти страницах весьма едко продолжил яростный спор с ученым по политическим и социальным вопросам.

27 сентября 1924 года Павлову исполнялось 75 лет. К этому событию по инициативе Института экспериментальной медицины был опубликован сборник трудов сотрудников его лаборатории, была учреждена и выпущена памятная медаль «На 50-летие научной деятельности академика И. П. Павлова» (автор А. Ф. Васютинский). Медаль была исполнена в трех вариантах — из золота,

серебра и бронзы. Серебряная и бронзовая медали, аккуратно вставленные в рамочку красного дерева руками Всеволода Павлова, представлены в экспозиции Мемориального музея-квартиры И. П. Павлова. Золотой экземпляр, принадлежавший Ивану Петровичу, в настоящее время хранится в Москве, в нумизматическом отделе Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Наводнение 1924 года и реорганизация Физиологической лаборатории АН СССР в Физиологический институт

Намечалось торжественное чествование юбиляра, но Павлов отказался от официальных торжеств, которых он никогда не любил, тем более что в этот раз у него была очень веская причина для этого. 23 сентября в Ленинграде произошло сильнейшее наводнение, невская вода за шесть часов поднялась на 380 сантиметров выше ординара. Оказались затопленными Васильевский остров, Петроградская сторона и части Центрального, Выборгского и Володарского районов, сильно пострадал порт, некоторые фабрики и заводы, а также склады. Были залиты водой нижние этажи и подвалы зданий, разрушены деревянные торцевые мостовые, сильный ветер вырывал с корнем деревья, которые падали на электрические провода, в результате чего многие районы оказались без света, кое-где возникли пожары. В городе было объявлено чрезвычайное положение и создана специальная Чрезвычайная комиссия для борьбы с последствиями стихии.

Сильно пострадала при наводнении и Физиологическая лаборатория Академии наук, которой руководил Павлов. Она занимала две комнаты на первом этаже академического флигеля, расположенного в доме № 1 по Менделеевской линии, которые при наводнении оказались полностью залиты водой.

Лаборатория была небольшой, имела недостаточный штат и давно не отвечала методическим требованиям современных физиологических исследований. Иван Петрович неоднократно посылал в Правление Академии предложения о ее расширении и улучшении оснащения, но положительного ответа не получал. 4 октября Павлов вновь обратился в Правление Академии наук, теперь уже с просьбой о переводе лаборатории в другое помещение, поскольку, писал он, *«при последнем наводнении все наши животные, стоявшие нам огромной предварительной работы, были в опасности неперенной гибели, если бы не самоотверженная заботливость персонала лаборатории»*⁴¹. Его слова, наконец, были услышаны. В конце 1924 года Физиологическая лаборатория

Титульный лист юбилейного сборника, посвященного 75-летию И. П. Павлова.

Наводнение в Ленинграде. Обложка набора фотографий.

³⁹ Переписка И. П. Павлова. С. 400.

⁴⁰ Павлов И. П. Лекция в ВМА 25 сентября 1923 г. слушателям курса физиологии // И. П. Павлов: pro et contra / Сост. Ю. П. Голиков, К. А. Ланге. СПб.: РХГИ, 1999. С. 166–177.

⁴¹ Рукописные материалы И. П. Павлова в Архиве Академии наук СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 134.

Наводнение 23 сентября 1924 г.
в Ленинграде

Академии наук была переведена в дом № 2-а на Тучковой набережной (современный адрес — набережная Макарова, д. 6), где под нее выделили несколько комнат.

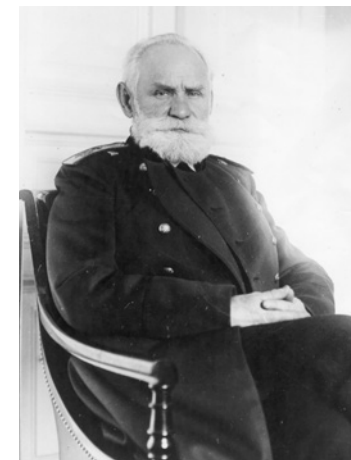
В том же году Иван Петрович принял решение об уходе из Военно-медицинской академии. Формальным поводом для этого послужило исключение из академии слушателей — детей духовенства. Будучи человеком крайне принципиальным, он, сын священника, не мог продолжать свою работу в ВМА,

о чем и написал в своем заявлении, направленном в Наркомвоенмор РСФСР. Вопрос об отставке Павлова из ВМА решался около года, и только в 1925 году он был уволен «в связи с преклонным возрастом».

Освободившееся время и силы он стал отдавать Физиологической лаборатории Академии наук, продолжая одновременно свои исследования в Институте экспериментальной медицины.

23 ноября 1925 года Павлов обратился в Физико-математическое отделение (ФМО) АН СССР с письмом. В нем он подробно рассказывал о положении дел в академической лаборатории. К тому времени штат ее насчитывал 15 человек, но полученные помещения уже не удовлетворяли необходимым требованиям организации научной работы. «Работу по физиологической химии, — писал Иван Петрович, — приходится налаживать в помещении общей химии, что чрезвычайно неудобно и, строго говоря, даже недопустимо; негде поместить и производить опыты со столь ценным и редким прибором, как гальванометр Einthoven'a, нет помещения для фотографической комнаты. Крайне тесным стало помещение, отведенное под библиотеку, комната для работ по нервно-мышечной физиологии занята по необходимости под камеру для условных рефлексов и, таким образом, не может быть использована для организации этого отдела и т. д. Все эти соображения настойчиво заставляют мысль вновь и вновь обратиться к проекту реорганизации Физиологической лаборатории в Физиологический институт...»⁴² Павлов мечтал о создании института, который не только бы занимался научными исследованиями и развитием физиологической науки на современном уровне, но и готовил кадры высококвалифицированных молодых ученых, способных эту науку развивать самостоятельно уже в других учреждениях.

Ему вновь пошли навстречу: 5 декабря 1925 года лаборатория была реорганизована в Физиологический институт Академии наук, директором которого стал Иван Петрович. В следующем году институту были выделены дополнительные помещения, а в сентябре 1927 года — большой светлый зал на втором этаже, где с того времени стали проходить всевозможные собрания, конференции, а также научные лабораторные заседания — знаменитые павловские «среды». После нескольких реорганизаций Физиологический институт получил название, сохранившееся до наших дней — Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН.

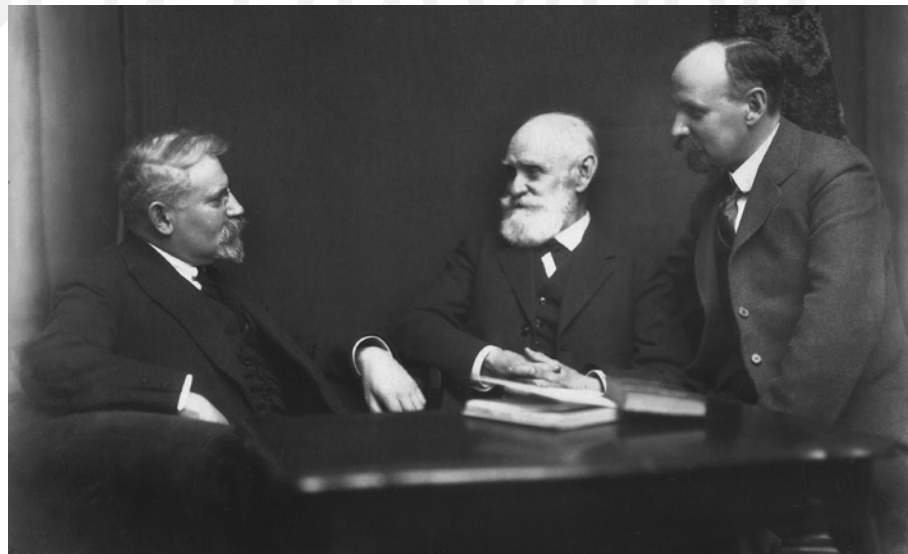
И. П. Павлов
в мундире тайного советника (по табели
о рангах этот статский чин
соответствовал генерал-лейтенанту).
1910 г.

Здание Главного управления неокладных
сборов (Тучкова набережная, д. 2-а),
в котором с 1925 г. размещался
Физиологический институт АН СССР.

⁴² Переписка И. П. Павлова. С. 29–30.

В Институте Пастера в Париже.
Слева направо: Н. Б. Вайнберг,
И. П. Павлов, В. И. Павлов. 1925 г.

В 75 лет жизнь не заканчивается

Удивляет, что 76-летний ученый не только не стремился к сокращению своих исследований и рабочей нагрузки, но и, напротив, работал по-прежнему активно, словно старался успеть как можно больше в оставшиеся из отведенных ему судьбой годы.

В 1925 году он вновь посетил Европу – в этот раз в связи с присуждением ему звания почетного доктора Парижского университета, а также для выступления с докладами о своих работах по условным рефлексам в Сорбонне. Его, как и в прошлый раз, сопровождал сын Владимир (Воля). 6 декабря Иван Петрович писал жене из Парижа: *«Дорогая Сара. Уже пошла вторая неделя, как мы живем здесь вполне благополучно... На церемонии никаких речей от меня не потребовали... Но зато на этой неделе придется делать три доклада: два французских в университетском собрании и в психологическом обществе и один русский в здешнем русском медицинском обществе»*⁴³. И в следующем письме: *«Здесь что-то очень хорошо. Пришлось читать доклады три раза... Особенно интересно для меня было в психологическом обществе. Хорошо Воля прочел доклад, и дельные разговоры были после доклада, конечно, опять при участии Воли... Дельная часть путешествия закончена 10-го, а теперь несколько развлечений. Кое-что посмотрим в Париже, и прокатимся хоть*

⁴³ Переписка И. П. Павлова. С. 403.

*на денек в Биарриц, а затем домой. Соскучился и по дому, и по лаборатории. Странный вкус! Хотя жизнь была и беспокойная, для меня совершенно необычная, а чувствую себя не уставшим, а отдохнувшим. Большое спасибо Вере (дочери. – Л. Г.) за ее длинное письмо»*⁴⁴. Прочитанные Павловым доклады «Здоровое и больное состояние больших полушарий» и «Тормозной тип нервной системы собак» в 1926 году были опубликованы на французском языке.

Активная работа Павлова продолжалась теперь и в Институте экспериментальной медицины, и в Физиологическом институте Академии наук. К ним прибавились и загородные Колтуши, где с 1923 года на базе расположенного неподалеку от Петрограда совхоза существовал созданный по идее Ивана Петровича питомник для разведения и содержания подопытных животных. 15 апреля 1926 года приказом наркома здравоохранения Н. А. Семашко питомник в Колтушах был преобразован в Биостанцию, где начались работы по изучению условных рефлексов у собак в связи с врожденными особенностями их нервной системы, которые вели сотрудники Павлова – С. Н. Выржиковский, Ф. П. Майоров и Л. О. Зевальд. В 1930-х годах Колтуши превратились в настоящий научный городок, где по инициативе Ивана Петровича были построены не только лабораторные здания, хорошо оборудованные виварные помещения, антропоидник для привезенных из Франции двух шимпанзе – Рафаэля и Розы, но и удобные коттеджи для проживания научных сотрудников. Были проложены дороги, созданы парк, фруктовый сад, цветники.

Совнарком неоднократно выделял Павлову большие суммы на развитие и содержание Биостанции, ее штат к 1934 году состоял уже из 94 человек. Вскоре научный городок в Колтушах приобрел мировую известность как «столица условных рефлексов», центр изучения физиологии и патологии высшей нервной деятельности, физиологии и патологии антропоидов. В Колтушах Иван Петрович бывал еженедельно по пятницам, а в последние годы жизни полностью перебирался туда из города летом. Научный городок стал его любимым местом работы и отдыха.

В августе 1926 года в Стокгольме состоялся XII Физиологический конгресс, в котором приняли участие 600 делегатов из 31 страны. Иван Петрович вместе с сыном Владимиром вошел в состав российской делегации, включавшей 17 человек. Конгресс, как обычно, принес много впечатлений, встреч с зарубежными коллегами. Там впервые была высказана идея о возможности проведения следующего форума в России, но Павлов был категорически против этого. По свидетельству Л. А. Орбели, он очень беспокоился о том, как бы

Колтуши. Вид на парк, озеро и церковь Петра и Павла. Начало 1930-х гг.

Дом, построенный для проживания семьи Павловых в Колтушах. 1935 г.

⁴⁴ Там же. С. 404.

И. П. Павлов с семьей в Колтушах. Сидят (слева направо): Татьяна Николаевна (жена старшего сына Владимира), Маня (младшая внучка), Серафима Васильевна, Мила (старшая внучка), Иван Петрович. Стоят: Евгения Сергеевна и Всеволод Иванович Павловы. На обороте фотографии надпись рукой И. П. Павлова: «Колтуши. Весна 1934-го года».

условия, в которых все еще жила в те годы страна после разрухи, причиненной мировой и гражданской войной, не произвели плохого впечатления на иностранных коллег. Он даже попросил Орбели: «Тут некоторые люди затевают созыв следующего конгресса у нас. Пожалуйста, я Вас очень прошу, если к Вам обратятся с вопросом, нужно ли приглашать конгресс, — не соглашайтесь»⁴⁵. Мнение Павлова сыграло свою роль, и два следующих конгресса состоялись в Нью-Йорке (1929) и Риме (1932). Только в 1935 году физиологи со всего мира съехались наконец в СССР для участия в XV Международном физиологическом конгрессе.

Из Стокгольма Павловы возвращались на самолете. Иван Петрович впервые воспользовался этим видом транспорта, «считая своим гражданским долгом испытать на себе последние научные достижения», и был в полном восторге от результата. В письме жене писал: «Великолепное путешествие <...>. Я чрезвычайно доволен, что исполнил мою мечту. Я уверен, что и ты была бы восхищена»⁴⁶.

⁴⁵ Орбели Л. А. Избранные труды (В 5 т.) Т. 5. Статьи и выступления. М.; Л., Наука, 1968. С. 224.

⁴⁶ Переписка И. П. Павлова. С. 409.

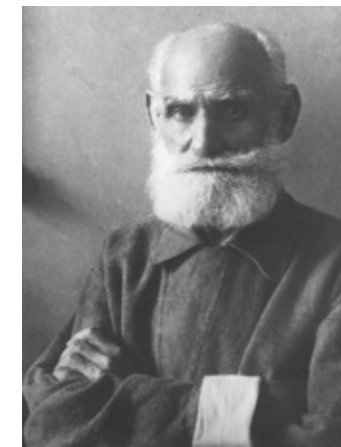
Операция в Обуховской больнице

По возвращении в Ленинград Павлов вскоре тяжело заболел: после любого приема пищи его стали мучить озноб и сильные боли в области печени. Паллиативные меры не помогли, доктора предполагали желчнокаменную болезнь, нужна была операция.

В это время в Ленинграде проходил XIX Всероссийский съезд хирургов. На состоявшемся в квартире у Павловых консилиуме профессора И. И. Греков, С. П. Федоров, П. Н. Напалков, А. В. Мартынов, В. Н. Розанов предложили Ивану Петровичу пригласить для операции известного берлинского хирурга, но он отказался, заявив: «Я вовсе не считаю немецких хирургов лучше наших и ни в коем случае не допущу, чтобы меня оперировал немец, когда здесь присутствует цвет нашей хирургии!» Выбор пал на известного московского хирурга А. В. Мартынова, и тот 29 мая 1927 года прооперировал Ивана Петровича в Обуховской больнице. «Приехал на съезд, а попал как кур в ощи́п», — говорил он об этой миссии. Действительно, на него ложилась колоссальная ответственность за проведение и исход операции прославленному 78-летнему пациенту. Ассистировал ему друг Ивана Петровича, главный врач больницы И. И. Греков. Операция прошла удачно, на радость всем близким и особенно самому больному, который опасался наличия развивающейся опухоли. Камень, извлеченный из желчного протока, он с тех пор всегда хранил в стеклянном бюксе на своем письменном столе рядом с фотографией спасших его хирургов. Очень подробно, с многочисленными деталями, история болезни и операции Павлова описана в воспоминаниях его сотрудницы и близкого друга М. К. Петровой⁴⁷.

Обуховская больница была выбрана для операции не случайно. Она была одной из крупнейших больниц города, Павлов многие годы был связан с ее врачами, дружил с И. И. Грековым, который стремился, продолжая опыт своего предшественника А. А. Нечаева, превратить больницу не только в лечебное, но и в научное учреждение. В 1932 году на ее базе были организованы клиники ИЭМ, в которых специалисты — физиологи, патологи, биохимики — могли вместе с врачами-клиницистами решать медицинские вопросы на основе новых, полученных в экспериментах научных знаний.

2 июля 1927 года Иван Петрович прочел популярную лекцию для пациентов Обуховской больницы о строении и болезнях пищеварительного тракта, которую закончил словами благодарности врачам и всему ее персоналу⁴⁸.

И. П. Павлов в Обуховской больнице после операции по поводу желчнокаменной болезни. 1927 г.

Хирурги А. В. Мартынов и И. И. Греков, оперировавшие И. П. Павлова.

⁴⁷ Петрова М. К. Моя исповедь. С. 547-553.

⁴⁸ Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Л.: Наука, 1975. С. 78-83.

Иван Петрович Павлов с персоналом Обуховской больницы в день выписки после удачно проведенной операции.

Памятная доска, посвященная И. П. Павлову, на фасаде отеля «Павлов» в Карловых Варах.

Для восстановления после операции Павлов с женой уехал по совету докторов в Карлсбад (Карловы Вары), где они провели около шести недель. Лечил Ивана Петровича его давнишний знакомый и бывший стажер его лаборатории чешский врач Милан Микса. Жила чета Павловых в скромной комнате пансиона «Kurfurst» на Хебской улице, отказавшись от размещения в комфортабельных отелях. Иван Петрович стремился сохранить уединенность и избежать официальных церемоний, все свободное время проводя в прогулках по карловарским лесам, часто с книжкой в руках. Он нарушил свое затворничество лишь однажды, дав согласие на участие в дискуссии карловарских врачей в Научно-исследовательском институте курортологии. В этом здании сейчас размещается «Отель Павлова».

Дата отъезда Павловых из Карлсбада неизвестна, однако 25 августа они были уже в Берлине по пути на родину. Возможно, перед этим они неофициально заезжали навестить сына Всеволода, который все еще оставался в эмиграции в Турции. Наводит на эту мысль тот факт, что в живописной коллекции Павлова сохранились два пейзажа одного и того же места — курорта Халки, расположенного недалеко от Константинополя. Один из них подписан «Halkie 1927 Stamboul Borisoff»; другой, художника Н. Сарафанова, имеет более конкретную надпись в посвящении: «Глубокоуважаемому Ивану Петровичу Павлову от автора 18 авг. 1927 г. Константинополь». Обе эти работы можно увидеть сейчас в музее-квартире Павлова в Доме академиков.

Счастливые события

В 1928 году Павлов был командирован в Англию. 10 мая на заседании Лондонского Королевского общества, иностранным членом которого он был, Иван Петрович прочел Крунианскую лекцию (по завещанию врача В. Круна, ежегодно лекция посвящалась величайшему событию в естественных науках) на тему «Certain problems in physiology of cerebral hemispheres» («Некоторые проблемы физиологии больших полушарий»). Приглашение выступить с такой лекцией всегда было большой честью для представителей научного мира; в разные годы ее удостоились видные ученые М. Фарадей, Т. Гексли, Р. Вирхов, Г. Гельмгольц, К. А. Тимирязев и другие. Лекция, прочитанная Павловым, сразу же была опубликована на английском языке, а ее русский текст вошел в полное собрание сочинений ученого.

В этом же году произошли два важных события в семейной жизни Павловых. После долгой эмиграции вернулся на родину их младший сын Всеволод. А 8 мая у старшего сына Владимира родилась дочь Милочка — первая долгожданная внучка Ивана Петровича и Серафимы Васильевны (ее отцу в это время было уже 44 года). Ребенок стал предметом всеобщей любви и заботы. «*Вся радость жизни нашей в крошке Милочке; она утешает нас всех, и все мы добиваемся ее улыбки*», — писала Серафима Васильевна сестрам, с которыми не только поддерживала постоянную связь, но и регулярно посылала им продукты и деньги. Через два года у Владимира родилась и вторая дочь — Манечка, и счастье в семье удвоилось.

Домашний распорядок жизни семьи Павловых того времени описан в одном из писем Серафимы Васильевны сестрам: «*Завтра посылаю вам обычную пенсию, а посылку, как получу от вас письмо о получении. У нас стоит редкость теплая осень, и мы почти не топим; изредка только для сухости у деток. Милочка много болтает, но по-своему, и я часто ее не понимаю, что ее раздражает; она милый, добрый ребенок, но чересчур нервный, и с ней надо быть терпеливой и ласковой; доктор наш, который лечил всех наших детей, начиная с Воли (Н. К. Вяжлинский. — Л. Г.), говорит, что ее надо беречь до 3-х лет, а к этому времени она окрепнет. Маничка — веселый и покойный толстяк; стоит к ней подойти, как она уже смеется; ребенок не избалованный, и мы все ее любим. Для меня навсегда Милочка и милей, и краше, и любимей.*

Таня с Волей живут душа в душу, и мы все полюбили Таню за веселый добродушный нрав. Что сказать вам? Живем, как видите, под крылом Ив. Петр. и, благодаря ему, можем и для вас кое-что сделать. Работает И. П. по-прежнему, хотя по годам следовало бы сбавить нагрузку, как теперь выражаются. Воля тянет невероятную работу, и мы все уговариваем его сократить, но он очень нежный отец и ради детей не желает облегчить себя.

Владимир Иванович Павлов с женой
Татьяной Николаевной и дочерьми
Милой и Маней на даче в Келломяках.
Лето 1930 г.

Вера тоже много работает и очень потрудилась с отцом; у них бесконечные разговоры о их специальных работах, так что даже нам они надоедают. Все-ва по-прежнему только секретарствует у Папы и ничего не зарабатывает. Я по-прежнему треплюсь по хозяйству и дежурю в очередях попеременно с нашей кухаркой; должна сказать, что кухарка отличная — превкусно готовит и очень проворная, что весьма ценно, т. к. И. П. требует, чтобы еда была точно в свое время на столе, потому, что у него все время строго размерено по часам.

У нас иногда бывают гости, большей частью днем, когда Ив. Петр. в лаборатории, т. к. боятся ему помешать, а мы сами никуда не ходим, все устают от работы, и всем надо еще работать дома, чтобы приготовить к следующему дню. Тишина поразительная по вечерам, когда спят дети: сидят за своими книгами и ни гугу. Мы с Таней только переговариваемся, да и то тихо, чтобы не помешать. Вы поймете, сколько радости несет нам топот маленьких ножек и детский лепет! Будьте здоровы и благополучны и не смейте болеть. Всей душой ваша С. Павлова»⁴⁹.

В другом письме читаем: «Сейчас слушали мы чудную музыку — знакомый доктор приезжал со своим чудным граммофоном, и мы слушали Чайковского (симфонию), Шляпина, Каруссо, Глюк (американская певица) <...> Ив. Петр. отдохнул от своих забот и огорчений, да и мы насладились!»⁵⁰

⁴⁹ Письма С. В. Павловой // Фонд Мемориального музея-квартиры И. П. Павлова (МКП), инв. № 102/3. Письмо № 12.

⁵⁰ Там же. Письмо № 11.

Письма Серафимы Васильевны

Вообще письма Серафимы Васильевны, хранящиеся в фондах Мемориального музея-квартиры И. П. Павлова, дают нам понимание многих деталей домашней жизни семьи.

Например, в одном из них она пишет старшей сестре Евгении Сикорской:

«Моя дорогая старушка Женичка. Вчера получила твоё отчаянное письмо и сегодня, несмотря на усталость, спешу тебе ответить, чтобы ты не тревожилась о Мане (дочери. — Л. Г.). В свое время, показав рецепты и анализы докторам, Ив. Петр. вполне успокоил меня, а я поспешила успокоить тебя, что все дело в малярии, которая страшно изводит и ослабляет болящих. Значит, Манечке надо глотать хинин (все равно какой) и на лето поехать в Крым, т. к. перемена климата необходима. Не только у вас, но и у нас малярия свирепствует — это успехи теперешнего времени.

Я отправила письмо на твоё имя, а посылку, как ты просила, на имя Наташи. Тебе — ½ ф. кофе, юбку, пару чулок в кармане юбки, также присосы (медицинские банки. — Л. Г.) и пакетик конфет пополам с Наташей. Наташе блузку, Рае — ½ чая, ½ кофе и пакетик конф. пополам с Маней, Оле — платье, пару чулок и пакетик конф., Мане — 2 пары туфель, ситец на платье, чесучевое платье и отделку с моего пальто, и 2 коробки хинина. Вот все что могла выслать.

Как только получим жалованье, так вышлю всем вам по 10 р. Вы имеете превратное понятие о нашей жизни: я имею 2 платья для выхода — костюм и вечернее, переделанное из старого, и юбку с кофтой для кухни, уборки и рынка.

Денег у нас мало, т. к. с марта убавили 85 р. в месяц! А это нелегко при возрастающей дороговизне. Прежде мы имели деньги за книгу, плюс 90 р. из Медицинской академии, из кот. И. П. ушел уже 2 года, а теперь еще потеряли 85 р. Несмотря на славу, денег нет, и я устала от уборки квартиры; вообще работаю, как только могу, чтобы сберечь лишний рублик вам. Не горюю, что Маня постарела, поправится — помолодеет; с этой осени Верочка стала совсем старой девкой, так извела ее болезнь. Неизбежному надо покоряться! Не знаем, кто куда поедет, т. к. мы не можем платить по 250 р. за паспорт.

Христос Воскрес, моя родная! В Нем ищи утешения и поддержки. Всем прощай, и все тяготы неси без ропота. Думаю, что ты уже получила и письмо мое, и посылку, и хотя немного успокоилась, моя дорогая Женечка!»⁵¹

Серафима Васильевна Павлова.
Конец 1920-х гг.

⁵¹ Там же. Письмо № 8.

Семья Павловых. В первом ряду сидят (слева направо): Вера Ивановна, Иван Петрович с внучкой Милой на руках, Серафима Васильевна с внучкой Маней, Наталия Николаевна Эльш (племянница Серафимы Васильевны). Стоят: Владимир Иванович с женой Татьяной Николаевной, Всеволод Иванович с женой Евгенией Сергеевной. Колтуши, 1934 г.

Из письма племяннице Наталии Эльш: «Как у вас идет жизнь? У нас холодно, дров нет, все дорожает, а на службе везде сокращения и уменьшение окладов, так что многие дрожат за последний кусок хлеба. У вас наверно то же самое. Уже 2 дня я убираю квартиру, еще 2 дня продолжится это удовольствие, в пятницу буду гладить, а в субботу пойду ко всеобщей, [в] страстную надо покупать, печь и отдыхать в церкви; первые 3 дня моя помощница не придет и мне работы будет много. Да, я кажется не писала вам, что с переездом на эту квартиру я отказалась вести расходы и теперь получаю ежедневно сколько можно на еду, покупаю провизию сама, и на стол выходит много меньше, и едим мы лучше прежнего. Да, моя знакомая печет на продажу пироги и собирает рецепты, если у тебя сохранился рецепт миндального пирога, то пришли, может, и еще какие. Целую тебя и обнимаю. Любящая тебя тетка Серафима»⁵².

Домашняя жизнь шла, как всегда, своим чередом, стараниями и заботами Серафимы Васильевны, Иван Петрович же занимался своим делом – такой порядок в семье Павловых установился постепенно, с рождением детей, с очень давнего времени.

Выборы в Академию наук

В 1928–1929 годах в Академии наук прошли выборы новых членов, вошедшие в историю тем, что среди кандидатов было немало персон, рекомендованных партией и правительством. Павлов резко выступил против такого положения дел, написав 6 октября 1928 года письмо в Совнарком, где были такие строки: «Я считаю своим долгом обратить ваше внимание на важную черту приближающихся выборов в Академию наук. Впервые в истории нашей Академии, насколько мне известно, государство перед выборами заявляет о желательности избрания тех или иных кандидатов. Все органы государства (пресса, руководство высших учебных заведений и общественных организаций) воинственно настаивают на исполнении его желаний. Мне кажется, что это оскорбляет достоинство Академии и ляжет тяжелым грузом на совесть академиков. Было бы справедливее, если бы государство прямо назначало в Академию лучших, с его точки зрения, людей»⁵³.

Не все академики были согласны с таким мнением. Многие из них, в том числе С. Ф. Ольденбург, считали, что во имя спасения Академии нужно покориться требованиям властей. Общие собрания Академии наук превращались в арены жарких споров. Во время одного из них, когда В. И. Вернадский выступил за то, чтобы принять настойчивые указания компартии и голосовать за баллотирующихся кандидатов не персонально, а по спискам, Павлов вскипел, назвал это лакейством, призвал академиков безбоязненно заявить о себе большевикам, сохранив традиционные условия голосования. Выборы все-таки состоялись так, как того желало высшее руководство страны, а Иван Петрович, считая поведение своих академических коллег штрейкбрехерством и капитуляцией перед грубой силой, до конца своих дней не посетил больше ни одного общего собрания Академии наук.

Но пассивный протест был явно не в характере Павлова. Он продолжал открыто заявлять об унижении ученых и в их лице науки в целом, об условиях жизни, попирающих достоинство людей. 17 октября 1928 года писал в Совнарком: «В каком резком противоречии при нашей республике стоит прилагательное „советская“ не в его официальном, а в общепотребительном смысле! Образованные люди превращены в безмолвных зрителей и исполнителей. Они видят, как беспощадно и большей частью неудачно перекраивается вся жизнь до дна, как громоздится ошибка на ошибке, но они должны молчать и делать только то, что приказано. Даже мы, люди науки, признаны некомпетентными в нашем собственном деле и нам приказывают в члены Высшего ученого Уч-

⁵² Письма С. В. Павловой Письмо № 13.

⁵³ Звезда. 1989. № 10. С. 108.

реждения (Академию наук) набирать людей, которых мы по совести не можем признать за ученых. Можно без преувеличения сказать, что прежняя интеллигенция частью истребляется, частью разворачивается.

Но не суровый ли ответ жизни на все это, что на 11-м году режима в республике, именуемой также и трудовой, ее граждане, в миллионных массах, ежедневно значительную часть дня, а иногда и ночью, проводят в очередях за предметами первой необходимости и иногда совсем или почти попусту, когда старая Россия была так богата ими»⁵⁴.

Вторая научная командировка в США. XIII Международный физиологический конгресс

В 1929 году в журнале «Science» была опубликована развернутая рецензия профессора А. Дж. Карлсона на только что изданные в США на английском языке книги И. П. Павлова «Условные рефлексы. Исследование физиологической деятельности коры головного мозга» (New York, 1927; перевод Г. В. Анрепа) и «Лекции об условных рефлексах. 25 лет объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных» (New York, 1928; перевод У. Х. Гента совместно с Г. Фольбортом).

В конце рецензии автор писал: «Эти книги вызывают огромный интерес у каждого образованного человека. Они являются прелюдией к проблеме и важной, и ошеломляющей одновременно. Сам Павлов излагает ее как финал своей научной работы. Но на самом деле анализ поведения на основе цепных рефлексов, обусловленных опытом, памятью и гормонами представляет собой весьма перспективное научное направление <...> Американские физиологи единодушно надеются, что ничто не помешает вдохновляющему всех присутствию Павлова на Международном физиологическом конгрессе в Бостоне в августе этого года».

В августе 1929 года Иван Петрович, действительно, принял участие в XIII Международном физиологическом конгрессе, куда был командирован вместе со своими учениками Л. А. Орбели, П. С. Купаловым, Г. В. Фольбортом. Его, как и в прошлый раз, сопровождал сын Владимир. Из Парижа они 10 августа отправились через океан в США. Внимание к персоне знаменитого на весь мир ученого было и в этот раз исключительным. На второй или третий день океанского путешествия он получил радиограмму с борта другого парохода, везущего делегатов конгресса: «375 физиологов приветствуют Вас».

⁵⁴ Цит. по: Григорьян Н. А. Иван Петрович Павлов. М.: Наука, 1999. С. 152.

И. П. Павлов позирует С. Т. Конёнкову.
Нью-Йорк, август 1929 г.

16 августа Павловы прибыли в Нью-Йорк, где Иван Петрович принял приглашение жившего там скульптора С. Т. Конёнкова позировать ему для портрета. Во время сеансов они много беседовали на самые разные темы, Павлов вспоминал свои детские годы в родной Рязани, с любовью рассказывал о Ленинграде, Васильевском острове. Много говорили о русском искусстве, об обширной коллекции живописи, которая к тому времени уже украшала квартиру ученого в Доме академиков. «Иван Петрович подробно рассказывал о своих любимых картинах. Очень тонко говорил он о мастерстве Поленова, Виктора Васнецова, о портретах Серова <...> вспоминал свою последнюю встречу с Репиным в Финляндии; сердечно отзывался о художнике Ярошенко <...> не скрывал своих горячих симпатий к художникам-передвижникам <...> с присущим ему юмором бичевал всякие „измы“ и декадентские „опусы“ в искусстве <...> – вспоминал позже Конёнков. – Одновременно он был большим знатоком эпохи Возрождения, хвалил Тициана и как мастера, и как человека; горячо доказывал, что светлый дух Возрождения никогда не иссякнет»⁵⁵.

⁵⁵ Коненков С. Т. Мое знакомство с И. П. Павловым // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. С. 325–331.

Группа участников XIII Международного физиологического конгресса в Бостоне. Слева направо: сидят Г. В. Анреп, Б. П. Бабкин, И. П. Павлов, В. Н. Болдырев, Л. А. Орбели; стоят д-р Карпович, Г. В. Фольборг, д-р Яковлев. 1929 г.

Ночью 18 августа Павловы отбыли в Бостон для участия в конгрессе. О том, как принимали Ивана Петровича коллеги, П. Л. Капице рассказывал их общий знакомый Ю. В. Ломоносов: «*Очень чествовали здесь старика. Когда он вошел в залу при открытии конгресса (я случайно присутствовал), 4000 человек поднялись как один и минут 5 аплодировали*»⁵⁶.

80-летний Иван Петрович не чувствовал своего возраста, активно участвуя не только в заседаниях, но и в других мероприятиях обширной программы форума. Он прочитал доклад «О роли торможения в нормальной деятельности больших полушарий», а затем в небольшом кругу интересующихся коллег рассказывал об одном законе распространения торможения при гипнозе, о действии брома на большие полушария и о лабораторном воспроизведении на собаках одного из военных неврозов. Доклад Павлова был опубликован в США, но на русском языке публикации не было.

⁵⁶ Цит. по: Рубинин П. Е. Павлов в жизни Капицы // Природа. 1999. № 8.

Профессор Г. У. Кушинг (слева), Иван Петрович и Владимир Иванович Павловы в Гарварде. 1929 г.

С огромным интересом Иван Петрович наблюдал за операцией краниотомии для удаления опухоли мозга молодому пациенту в больнице Брайхем. Он приехал туда со всей российской делегацией и вникал во все детали и самой операции, и приготовления к ней. Его так заинтересовала работа электрической иглы, которой бескровно удаляли опухоль, что по окончании операции сам испытал этот удивительный инструмент на принесенной для этого из больничной кухни телячьей печени. «*Убедившись в различии между свертывающим и режущим действием тока, он с триумфом написал свою фамилию „Павлов“ на гладкой поверхности печени <...>. Я уверил Павлова, что <...> впредь печень, соответствующим образом обработанная, будет храниться в Музее Гарвардского медицинского факультета как ценная реликвия*», — вспоминал позже Г. Кушинг⁵⁷.

После окончания физиологического конгресса И. П. Павлов отправился в Монреаль в Университет Мак-Гилла к Б. П. Бабкину — своему ученику и быв-

⁵⁷ Кушинг Г. Встречи с Павловым в США // И. П. Павлов: Pro et contra. С. 358. Кушинг Гарви Уильямс (1869–1939) — американский нейрохирург, основоположник хирургии мозга.

шему сотруднику, давно эмигрировавшему в Канаду. Затем была поездка в Нью-Хейвен на Международный психологический конгресс. Лекция, которую Павлов здесь прочитал, «О взаимодействии между корой и ближайшими подкорковыми центрами», также на русском языке не была опубликована⁵⁸.

Именно с этого времени, видимо, начинается некоторое охлаждение в отношении властей к Павлову. Иван Петрович, известный как яростный борец за социальную и гражданскую справедливость, часто называемый за пределами Советского Союза «единственным свободомыслящим человеком России», конечно, давно раздражал власть имущих своими действиями, но известность за рубежом, весомость его вклада в мировую науку заставляла считаться с мнением ученого и, хотя бы формально, соблюдать пиетет.

Восьмидесятилетие Павлова

Восьмидесятилетие Павлова 27 сентября 1929 года не стало грандиозным официальным праздником: он, как обычно, уклонился от чествований, уехав в Колтуши. Здесь в кругу сотрудников прошло скромное застолье, так называемое «молокопитие», затем играли в городки. Коллеги вручили Ивану Петровичу подарок — приз «Мастеру Колтушского городкового цеха», который представлен сейчас в экспозиции музея ученого. Павлов вновь стремился показать, что дело его жизни, его лаборатория, близкие сотрудники-единомышленники ему дороже официальных поздравлений.

В связи с восьмидесятилетием ученого Совет народных комиссаров выделил на строительство Биостанции в Колтушах 100 тысяч рублей. В записке директору ИЭМ С. С. Салазкину от 10 октября 1929 года Павлов просил «всю сумму <...> обратить <...> на постройку лабораторного здания с тремя звуконепроходимыми камерами». Строительство каменного здания Лаборатории экспериментальной генетики высшей нервной деятельности с девизом «Наблюдательность и наблюдательность» на фронто-не было завершено в 1933 году.

Серафима Васильевна 4 октября писала своим родным в ответ на поздравления Ивана Петровича с юбилеем: «Мои голубушки Женичка и Наташенька. Крепко, нежно целую вас и благодарю за память, поздравление и добрые пожелания. Как прошел у нас этот день? Иван Петр. со Всевой и со всеми сотрудниками по лаборатории еще накануне уехали на дачу, Вера уехала 27-го утром, у Воли целый день были лекции, я была в церкви, а Таня гуляла с Милочкой — дома

⁵⁸ Фултон Дж. Ф. Иван Павлов // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. С. 312.

Игра в городки в Колтушах.
27 сентября 1929 г.

Вручение Ивану Петровичу Павлову приза «Мастеру Колтушского городкового цеха». Сидят (слева направо): М. К. Петрова, И. П. Павлов, Г. О. Выржиковская. Стоят (слева направо): А. Д. Сперанский, Л. О. Зевальд, Всеволод Павлов, И. С. Розенталь, А. Н. Потемкин (шофер), Мерцен, С. Н. Выржиковский, Ф. П. Майоров, Л. Н. Федоров. Колтуши, 27 сентября 1929 г.

никого не было и поздравителей не принимали. Вся семья собралась только к обеду, — вот тебе и все. Конечно, была масса телеграмм и писем, цветов и фруктов. Зато в воскресенье — 6-го у нас обед на 20 человек чужих, с нами 26!! Вот ты поймешь, что мне это время было не до писем — трудно достать и придумать, чтобы было и дешево, и сердито! Не знаю, закончу ли это письмо сегодня, так устала от беганья за провизией. Все на службе, Таня с Крошкой, а Всева по Папиным делам занята, прислуга одна. Надо сказать, что для меня нет никакой радости от этого, а только хлопоты. Потом еще надо принять дам, которые поздравляли Ив. Петр. Это уже чисто мое дело — и пригласить, и занять! По теперешним временам дела совсем неподходящие. Многие поняли так, что 100 тысяч, отпущенные правительством на устройство лабораторий Ив. Петр., назначены лично Ив. Петр., и теперь сыпятся на нас просьбы о пособии и не хотят верить, что мы ничего не получили, и что Ив. Петр. никогда не согласился бы взять ни копейки. Все это создает очень тяжелую атмосферу, т. к. нуждающихся масса, а помочь нечем»⁵⁹.

Надо сказать, что в 1934 году к 85-летию Павлова на содержание Биостанции Советом Народных Комиссаров был выделен уже 1 миллион рублей, штат ее к тому времени, как уже было сказано, составлял 94 человека. Приблизился 1935 год — время проведения в СССР XV Международного физиологического конгресса, и Колтуши, как и ИЭМ в Ленинграде, должны были стать образцовыми площадками для его проведения и демонстрации успехов социалистического строительства и развития.

Правительство продолжало поддерживать работу Павлова, несмотря на его многолетнюю открытую борьбу с существующими порядками и абсолютно нелецеприятные заявления о социальных проявлениях партийной политики.

Например, в своем вступительном слове на торжественном заседании, посвященном 100-летию И. М. Сеченова, которое праздновали в декабре 1929 года, Иван Петрович, обратившись к портрету великого юбиляра, неожиданно произнес: «Высокая, так строгая к себе тень! Как бы ты страдала, если бы в живом человеческом образе сейчас оставалась между нами! Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть — всё, личность обывателя — ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда — всё это в руках государства... Естественно, господа, что все обывательство превращается в трепещущую, рабскую массу... На таком фундаменте, господа, не только нельзя построить культурное государство, но на нем не могло

⁵⁹ Письма С. В. Павловой. Письмо № 7.

бы держаться долго какое бы то ни было государство»⁶⁰. После этих слов, эффект от которых был, по воспоминаниям современников, просто «ошеломляющим», Иван Петрович попросил присутствующих встать, чтобы почтить память юбиляра. Все страшно боялись подняться, и в то же время не встать было нельзя, так что зал подчинился призыву Павлова, хотя многие при этом нервно оглядывались, видя, как некоторые коммунисты демонстративно покидают помещение⁶¹.

В примечании к статье об И. П. Павлове, приуроченной к его 80-летию, Н. И. Бухарин, О. Ю. Шмидт и И. К. Луполл писали от лица редакции: «Советская и научная общественность, отдавая должное академику Павлову как ученому, не может пройти мимо той реакционной и враждебной позиции, которую занимает маститый ученый по отношению к советскому строю, к строительству социализма в нашей стране. <...> Со стороны академика Павлова имели место ярко враждебные выпады и действия против советской власти и коммунистической партии <...>. Будучи великим и передовым в науке, почтенный юбиляр оказывается отсталым реакционером в социально-политических взглядах»⁶².

1930-е годы

Правда, с начала 1930-х годов отношение Бухарина к Павлову изменилось, он часто старался предостеречь уважаемого им ученого от ненужных действий, сделать его более гибким и осторожным. Так в 1931 году, например, он уговаривает Павлова выкинуть рассуждения о революции из «Введения» к пятому изданию «Двадцатилетнего опыта». «Я стороной слышал, — пишет он, — что Вы переиздаете свою работу и оставляете старое предисловие со всякими „инвектами“ насчет революции и т. д. Дорогой Иван Петрович, не делайте этого ради всех святых! <...> Зачем Вам плодить всякие трения? К чему это? За Вами готовы ухаживать как угодно, все готовы идти навстречу всякой Вашей работе, а Вам обязательно хочется вставить революции перо. Не делайте этого ради бога! <...> Не ссорьтесь с революцией. Вы ведь окажетесь неправы, не говоря о всем прочем». Но Павлов упорно стоял на своем, отвечая Бухарину 27 декабря 1931 года: «Мне было бы стыдно перед собой, если бы я промолчал, когда надо было говорить, или бы не говорил то, что думаю. Поэтому я не могу согласиться на то, чтобы я выкинул в старом введении место о революциях. Революция для меня — это действительно что-то ужасное по жестокости и насилию, насилию даже над наукой; ведь один Ваш диалектиче-

⁶⁰ СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. № 207. Л. 6.

⁶¹ Тодес Д. Павлов и большевики. / Перевод Э. Н. Филипповой // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 3. С. 42.

⁶² Научное слово. 1929. № 10. С. 97.

ский материализм по его теперешней жизненной постановке ни на волос не отличается от теологии и космогонии инквизиции»⁶³.

1930-е годы, как известно, ознаменовались усилением репрессий, все более и более нарастающей волной политических арестов и высылки. Павлов использовал все свое влияние для освобождения многих, кто попал в эту чистку. Опубликованы его письма в Совнарком в защиту арестованных профессоров Д. Н. Прянишникова и А. А. Владимировой, переписка с В. М. Молотовым с просьбами об освобождении безвинно пострадавших людей, которых он близко знал и за которых «ручался головой». *«Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человеком...»*⁶⁴ — писал он в одном из таких посланий.

Просьбы Павлова об освобождении невинно репрессированных, пусть и без особого желания, но удовлетворялись правительством. Круг лиц, спасенных им, очень широк. Это и некоторые из его сотрудников, близкие знакомые, друзья, родственники — все, кто обращался за помощью, зная его возможности и влияние на власть имущих.

Серафима Васильевна пишет в это время сестрам: *«Недавно получила письмо с просьбой о помощи от дочерей моего покойного двоюродного брата — одна старая, больная и совершенно не работоспособная, а другая, содержащая первую, учительница и теперь без места. Старшая законная дочь, а вторая от няни; первую я совсем не знаю (видела маленькой), а вторую видела (несколько раз уже взрослой девушкой — очень хороший и редко симпатичный человек! Помочь надо и опять надо просить Ив. Петр.! Что делать, надо смириться! Если бы ты знала, сколько я получаю не просьб, а воплей о помощи!! Боже, до чего теперь тяжела жизнь»*⁶⁵.

Павлов всем старался помочь. Вдова известного археолога, заведующего отделом древностей Эрмитажа О. Ф. Вальдгауера, Нина Эрнестовна была выслана вместе с дочерью Эдит в марте 1935 года в Астрахань. Ее, немку по происхождению, обвинили в шпионаже. Иван Петрович 28 декабря 1935 года послал Молотову письмо с просьбой о ее освобождении.

Это был, пожалуй, единственный раз, когда его просьба не была удовлетворена. В ответ на его письмо Молотов, в частности, писал: *«Могу Вас заверить, что советские власти охотно исправят действительно допущенные на месте*

*ошибки, и в отношении указываемых Вами лиц будет произведена надлежащая проверка. Но, с другой стороны, должен Вам прямо сказать, что в ряде случаев дело оказывается вовсе не таким простым и безобидным, как это иногда кажется на основе обычного житейского опыта, старых встреч, прежних знакомств и т. п. Мне во всяком случае не раз приходилось в этом убеждаться, особенно в сложной и богатой крутыми переменами политической обстановке нашего времени, — после более серьезной проверки отдельных случаев»*⁶⁶.

Н. Э. Вальдгауер была расстреляна 8 апреля 1938 года, уже после смерти Ивана Петровича. Оставшуюся круглой сиротой ее дочь Эдит спасла Вера Ивановна Павлова. Ей удалось вернуть девочку в Ленинград, где она стала жить в квартире Павловых, по сути, на правах дочери Веры Ивановны, оформившей над ней опеку⁶⁷.

Последние годы

Научная работа Павлова, несмотря на его возраст, продолжалась по-прежнему активно — в Физиологическом институте АН СССР, в Институте экспериментальной медицины, в Колтушах, куда он ездил еженедельно по пятницам. К этим трем площадкам с 1931 года прибавились еще две — нервная и психиатрическая клиники, открытые при вновь организованном в ИЭМ Отделе патофизиологии нервной деятельности человека.

Психическая жизнь человека, сравнение физиологических основ ее в норме и при патологии давно интересовали Павлова, и наконец он получил возможность исследовать их в содружестве с врачами — неврологами и психиатрами.

Базой для психиатрической клиники стала больница им. И. М. Балинского на 5-й линии Васильевского острова, для нервной клиники — Александровская больница на 15-й линии (в наши дни Городская психиатрическая больница № 7 им. И. П. Павлова).

Каждая клиника была рассчитана на 25 мест. Главной задачей проводимых здесь научных исследований стало изучение патофизиологических механизмов возникновения психопатических синдромов и психических заболеваний, систематическое клиническое наблюдение за больными, контроль за изменениями в их состоянии по ходу лечения, проведение различных биохимических и клинико-физиологических тестов и т. п. С ноября 1931 года в нервной клинике стали проходить «Клинические среды», стенограммы которых были изданы в 1954 году⁶⁸.

⁶³ Цит. по: Григорьян Н. А. Противостояние системе. К оценке социально-политической позиции И. П. Павлова // Философские исследования. 1993. № 4. С. 415.

⁶⁴ «Пошадите же родину и нас». Протесты академика И. П. Павлова против большевистских насилий // Источник. 1995. № 1(14). С. 138–144.

⁶⁵ Письма С. В. Павловой. Письмо № 9.

⁶⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. № 180. Л. 57–58.

⁶⁷ Громова Л. И. Павловы и Вальдгауеры — переплетение судеб // Природа. 2015. №11. С. 78–90.

⁶⁸ Павловские клинические среды. Стенограммы заседаний в нервной и психиатрической клиниках: В 3 т. М.; Л.: АН СССР, 1954–1957.

«Среда» в нервной клинике.

Слева направо:
проф. С. Н. Давиденков, И. П. Павлов,
проф. М. К. Петрова,
В. Н. Крячко (стенографистка).
Врач-ординатор М. М. Блюмкина
излагает историю болезни. 1933 г.

«Работа лабораторий И. П. Павлова была организована таким образом, что одна часть ее проводилась в теоретических лабораториях, а другая — в этих двух клиниках, — вспоминал позже П. К. Анохин⁶⁹. — Каждую среду ученики Павлова собирались в утренние часы в лаборатории для разбора всего материала, полученного за истекшую неделю. А после обеденного перерыва те же ученики в полном составе переходили в одну из клиник, и здесь И. П. Павлов проводил тщательный разбор отдельных клинических случаев <...>. Благодаря такому органическому общению теории и клинической практики постепенно вырисовывались контуры совершенно новых методов исследования наиболее важных патологических процессов человеческого мозга»⁷⁰.

В 1932 году по результатам исследований Павлов опубликовал статьи: «О неврозах человека и животных» и «Проба физиологического понимания симптомологии истерии», в 1933-м — «Чувство овладения и ультрапарадоксальная фаза», в 1934-м — «Проба физиологического понимания навязчивого невроза и паранойи».

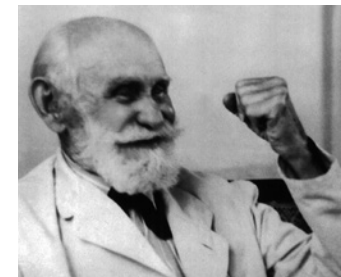
«Иван Петрович считал себя циклотимиком⁷¹, — вспоминала М. К. Петрова. — Были периоды, когда мучительные сомнения заставляли его очень страдать. Под влиянием различных мыслей, пришедших ему в голову при непрестанном, напряженном думании, он вдруг начинал сомневаться в правильности своих

исследований, допуская возможность их ошибочности. Это погружало его в меланхолию и отражалось на общем его состоянии и поведении. Но зато эти периоды упадка сменялись другими радостными периодами, с полной верой в свою правоту, в правильность своих взглядов. И тогда, потрясая рукой, жжатой в кулак (таким он изображен на одной фотографии), он говорил: „Нет, черт возьми, это настоящая физиология больших полушарий, мы стоим на правильном пути! И как хорошо, когда изучать ее возьмутся другие умы, которые с другой стороны подойдут к предмету и с другой точки зрения придутся за исследование. Как это расширит дело. Перед нами огромное поле исследований, хватит надолго и на всех. Мы же положили лишь начало, основу исследования, и физиология больших полушарий — наша русская физиология“, — всегда прибавлял он с гордостью. Иван Петрович считал, что сомнение необходимо для плодотворности научного мышления, так как полученный факт может быть истолкован неправильно. Это сомнение Иван Петрович считал спасительным. Строгость к оценке фактического материала способствовала тому, что из его лаборатории не вышло ни одного факта, который бы был опровергнут»⁷².

Работая в клиниках, Иван Петрович был очень внимателен к больным, деликатно расспрашивал их не только о здоровье и симптомах болезни, но и об их семьях, условиях быта, об отношении к ним медицинского персонала. Это снискало ему огромное уважение и доверие среди пациентов и их родных и привело к невероятной популярности. 21 января 1936 года он был вынужден обратиться в редакцию газеты «Известия» с письмом следующего содержания:

«Поистине всесоюзной молвой я как-то превращен из фиктивного врача (имею диплом, но никогда не лечил) в медицинского чудотворца. Со всех концов моего обширного отечества на меня тучами сыплются письма (от 5 до 10 ежедневно) с горячими мольбами о помощи, начиная с пустяков вроде стыдливого покраснения лица, слабых волос и т. д. и кончая тяжелейшими неизлечимыми болезнями. Если бы я отвечал на все письма, у меня не осталось бы времени думать о моем жизненном деле. В одних случаях отвечать нелегко, в других — прямо совестно. А между тем труд напрасный, бесполезный для обеих сторон. Поэтому, тоже горячо, прошу преодолеть это печальное недоразумение. Прошу другие газеты перепечатать это мое обращение. Академик Иван Павлов»⁷³.

Последний раз Иван Петрович присутствовал на «среде» в клинике неврозов 19 февраля 1936 года — за неделю до своей кончины.

Иван Петрович Павлов. Начало 1930-х гг.

⁶⁹ Анохин Петр Кузьмич (1898–1974) — физиолог, создатель теории функциональных систем, академик АМН СССР (1945).

⁷⁰ Анохин П. К. Иван Петрович Павлов. Жизнь, деятельность и научная школа. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 258.

⁷¹ Циклотимики — личности с многократной волнообразной сменой состояний возбуждения и депрессии.

⁷² Петрова М. К. Моя исповедь. С. 497.

⁷³ Переписка И. П. Павлова. С. 54.

И. П. Павлов выступает на X Международном психологическом конгрессе в Копенгагене. Август 1932 г.

В последние годы Павлов не терял активности и в международных научных связях, участвовал в Первом международном неврологическом конгрессе в Берне (сентябрь 1931 года), в X Международном психологическом и VI Скандинавском неврологическом конгрессах в Копенгагене (август 1932), в XIV Международном Физиологическом конгрессе в Риме (1932), где наконец прозвучало его предложение провести следующий физиологический форум в СССР.

С огромным успехом XV Международный физиологический конгресс был проведен в Ленинграде и Москве в августе 1935 года. В нем приняли участие свыше 1500 делегатов из 37 стран; среди них были не только европейские и американские физиологи, но и исследователи из Японии, Персии, Турции, Индии, Китая. На секционных заседаниях было заслушано около 500 докладов, посвященных самым разным проблемам физиологии, проведен ряд интересных демонстраций, показано несколько учебных и научно-популярных фильмов. В Выборгском ДOME культуры была организована выставка достижений советской физиологии, представившая работы свыше 70 научных учреждений. Деятельность форума ежедневно широко освещалась в периодической печати. Дважды в день выходила «Фотогазета» со снимками, сделанными на заседаниях и во время экскурсий.

И. П. Павлов открывает пленарное заседание XV Международного физиологического конгресса. Ленинград, 9 августа 1935 г.

Конгресс имел для нашей страны не только научное, но и огромное политическое значение, позволив продемонстрировать представителям многих стран мира не только достижения советской физиологии, вновь построенные институты и лаборатории, но и новые фабрики, заводы, совхозы и др.

Форум прошел с необычайным размахом. 15 августа в Екатерининском дворце Детского Села был организован торжественный прием. Он начался демонстрациями полетов аэропланов и планеров, экскурсиями по дворцам, музеям и парку и закончился банкетом, на котором присутствовало около 2000 делегатов и гостей конгресса. Вечером в парке был устроен великолепный фейерверк.

Закрытие конгресса проходило уже в Москве. На заключительном пленарном заседании профессор-фармаколог Д. Барджер произнес слова благодарности организаторам такого великолепного научного собрания. В конце своей речи, обращаясь к И. П. Павлову, он сказал: *«Я думаю, что не существует ни одной области естественных наук, которую одна личность возглавляла бы так бесспорно, как вы возглавляете физиологию. Вы являетесь „facile princeps physiologorum mundi“⁷⁴»*. Эти слова, навсегда вошедшие в историю, стали искренним и справедливым признанием заслуг великого ученого перед мировым научным сообществом.

⁷⁴ Первым среди физиологов мира (лат.).

Всеволод Иванович Павлов (второй слева) на пленарном заседании XV Международного физиологического конгресса.

Кончина Всеволода. Болезнь и смерть Ивана Петровича

Триумф на конгрессе вскоре был омрачен семейной трагедией — скоропостижной кончиной от рака поджелудочной железы младшего сына Павловых Всеволода. Это неожиданное горе потрясло Ивана Петровича, он считал именно себя косвенным виновником смерти сына, так как среди его предков были те, кто умер от раковых заболеваний. В своей речи на похоронах сына он, как истинный ученый, поклялся приложить все усилия для разгадки механизмов наследования этого недуга.

После этого печального события здоровье Павлова, по словам жены, стало ухудшаться, хотя на людях он «бодрился», но работа давалась ему уже с большим трудом. Иван Петрович игнорировал все уговоры Серафимы Васильевны последить за здоровьем, снизить нагрузку и даже во время простуды продолжал ходить на работу. «Остается одно средство, — говорила она, — запирать на ключ твою обувь, как делают жены со своими пьяницами-мужьями!» Он отвечал: «Это не поможет. Уйду в одних галошах, и будет еще хуже!»

21 февраля 1936 года он, как всегда, поехал в Колтуши. Вернувшись домой, сказал жене, что сильно продрог. Но с удовольствием пообедал, шутил и смеялся, потом, по обыкновению лег отдохнуть. Когда же вышел к вечернему чаю, то почувствовал себя неспособным к обычной вечерней работе и снова лег в постель.

Последние дни Ивана Петровича просто и удивительно трогательно описаны в воспоминаниях Серафимы Васильевны. «Странно, — пишет она, — во время его предшествующей продолжительной болезни, когда все теряли надежду на выздоровление, я одна была спокойна и всех успокаивала. Молитва давала мне уверенность, что Господь сохранит эту ценную жизнь. Но теперь, когда никому не приходила мысль об опасности положения, страх мучил меня, и молитва меня не успокаивала. Я чувствовала, что дело кончится плохо. Но все же не ожидала, что оно кончится так быстро.

Да и сам Иван Петрович не ожидал такого быстрого конца. Он все эти дни шутил с внуками и весело разговаривал с окружающими. В воскресенье 24-го, когда по обыкновению собралась вся „дурацкая компания“, Иван Петрович хотел было встать и играть в карты. Но почувствовал слабость и потребовал, чтобы мы играли около него и сообщали ему результат каждой игры. Как всегда, он переживал игру, укорял за неудачные промахи, говоря:

— Ну, следующее воскресенье я покажу, как надо играть, а то вы без меня распустились!

Во все время этой своей непродолжительной болезни он ни разу не говорил о лабораторных делах и не делал никаких распоряжений. По всей видимости, ему и в голову не приходила мысль, что болезнь его так опасна и что дело так быстро кончится, что не только дни, но и часы его уже сочтены.

К нашему несчастью, профессора Горшков и Черноруцкий лежали сами больные с высокой температурой, и лечил Ивана Петровича один профессор Бок.

Дело шло все хуже и хуже. Иван Петрович не спал, стал плохо есть. В груди у него так kloкотало, что слышно было при входе в комнату. Профессор Плетнев приехал из Москвы, когда положение уже было безнадежно.

За четверть часа до кончины, я сидела около него, держа его за руку, и тихо сказала:

— Ваня, пожми мне руку.

Люди, пришедшие проститься с И. П. Павловым во Дворец Урицкого.

Он сжал руку так сильно, что мне стало больно. Это было его последнее проявление участия к нашей совместной с ним земной жизни»⁷⁵.

Иван Петрович скончался в ночь на 27 февраля в 2 часа 52 минуты. Официально его лечащими врачами считались М. М. Бок, М. В. Черноруцкий, Д. Д. Плетнев. История болезни была начата 22 февраля, она содержит ежедневные бюллетени о состоянии здоровья и констатирует, что резкое ухудшение наступило 26 февраля: появилось сильное возбуждение, а затем помрачение сознания, быстро разрасталось двустороннее воспаление легких, пульс усилился до 120–140 ударов в минуту, дыхательный ритм, напротив, упал до 40 в минуту. Назначенные лекарства (строфантин, дигален, кофеин, камфара — антибиотики еще не применялись в практической медицине), вливания физиологического раствора и глюкозы не смогли остановить воспалительный процесс. На 87-м году жизни не стало великого ученого, «созданного природой для изучения самой себя».

О смерти Павлова писали все газеты. 28 февраля в «Правде» было напечатано «Обращение Академии Наук СССР к Академиям наук всего мира» о кончине «первого из физиологов мира». В научных учреждениях и на предприятиях страны состоялись траурные митинги, на улицах Ленинграда были приспущены траурные флаги. Гроб с телом Павлова установили во Дворце Урицкого (Таврический дворец), куда тысячи людей пришли проститься с Иваном Петровичем. 1 марта Павлов был похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища. Хоронили его как народного героя. От Дворца Урицкого гроб с телом везли на орудийном лафете, запряженном четверкой белых лошадей, слушатели Военно-медицинской академии несли впереди процессии бесчисленные венки. На могиле ученого поставлен памятник — скромный монумент с высеченным на тыльной стороне текстом его «Письма к молодежи» — научного завещания гения физиологии новым поколениям ученых нашей страны.

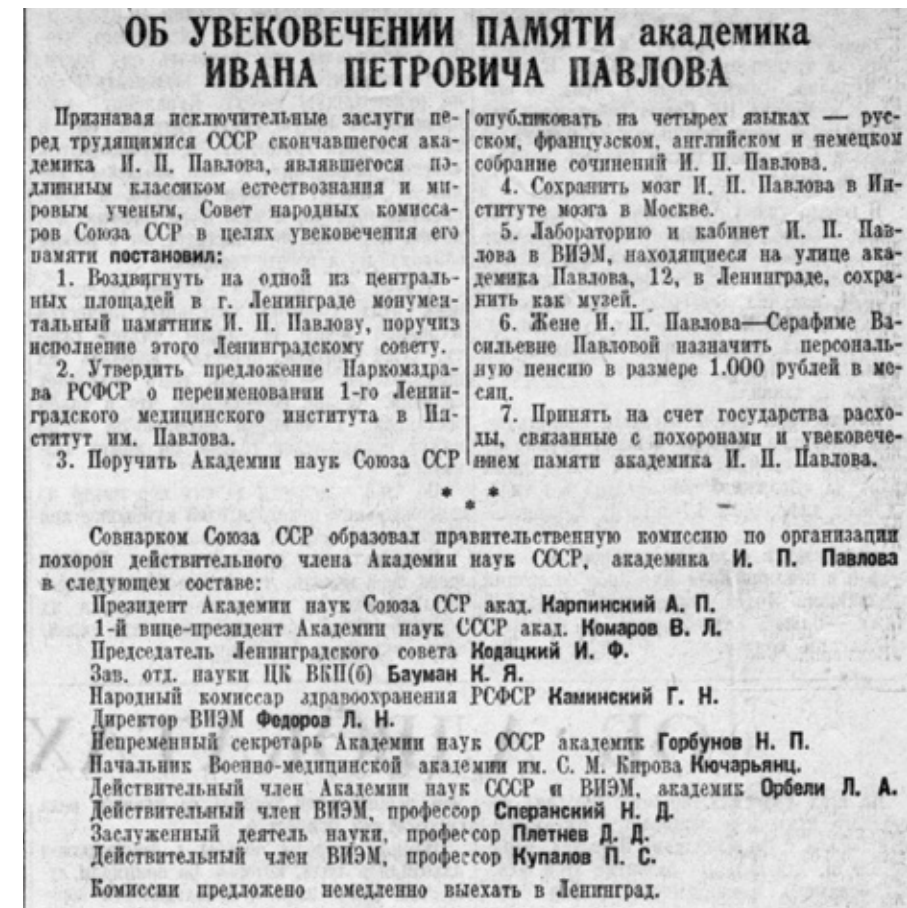

Памятник на могиле И. П. Павлова на Литераторских мостках Волковского кладбища.

История создания и развития музея

После смерти мужа Серафима Васильевна обратилась в Президиум Академии наук с просьбой передать ей в пожизненное пользование академическую квартиру. Это была не просто просьба старой уставшей женщины о спокойном продолжении привычного уклада жизни. Серафимой Васильевной в первую очередь двигало желание сохранить память о своем великом муже — «духе живородящем всей нашей жизни», как называла она его. Она писала, что, только оставшись здесь

⁷⁵ Павлова С. В. Из воспоминаний. С. 276–277.

Постановление Совнаркома СССР об увековечении памяти И. П. Павлова.

доживать свои годы, «она может быть спокойна за судьбу кабинета Ивана Петровича». Академия наук пошла навстречу ее желанию и приняла решение оставить квартиру за ней и дочерью, с условием последующего открытия в ней мемориального музея И. П. Павлова. Начавшаяся в 1941 году Великая Отечественная война отодвинула это событие на долгий срок. Серафима Васильевна и Вера Ивановна провели военные годы в Колтушах, в павловском научном городке, где все это время продолжал работать Физиологический институт, перешедший на решение военных задач в области физиологии и медицины. Старший сын Владимир Иванович с семьей (в 1940 году у него родился третий ребенок — сын Иван) был

IV. Музей Павлова

эвакуирован в Казань. Квартира в Доме академиков была закрыта, и то обстоятельство, что в ней не было жильцов, уберегло обстановку дома от неминуемой гибели в тяжелые дни блокады.

Открытие музея состоялось уже после войны и было приурочено к 100-летию юбилею И. П. Павлова. 22 сентября 1949 года мемориальная квартира в Доме академиков впервые распахнула свои двери для посетителей. Директором нового объекта культуры Ленинграда стала Вера Ивановна Павлова. Серафиме Васильевне не суждено было дожить до этого события двух лет.

Распоряжением Совета Министров СССР № 11986-р от 6 августа 1949 года музей был введен в структуру Физиологического института им. И. П. Павлова АН СССР (в настоящее время Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН). Президиум АН СССР выделил институту немалые средства — 300 тысяч рублей для приобретения у наследников ученого мебели, других предметов быта и убранства интерьеров, живописных полотен русских художников-реалистов из коллекции Павлова, ставших экспонатами созданного музея.

Из шести комнат квартиры первоначально в экспозицию вошли прихожая, гостиная и кабинет, полностью сохранившие свое подлинное убранство. (Позже к ним присоединилась и столовая, также в абсолютно неизменном виде.)

Остальные комнаты продолжали оставаться в распоряжении В. И. Павловой, которая приложила немало усилий для сохранения атмосферы дома, царившей здесь при жизни его хозяев. Приходящим в музей посетителям Вера Ивановна рассказывала об отце не только как о великом ученом, но и как об удивительной, разносторонней личности, страстном коллекционере — энтомологе, собирателе марок, картин русских художников, говорила о его познаниях в астрономии, философии, истории, о его любви к литературе, музыке и т. п. Она знакомила гостей музея с традициями семьи, с укладом жизни, привычками своих родных, рассказывала истории многих предметов, вошедших в музейную экспозицию.

На основе этих рассказов позже были разработаны экскурсии, которые стала проводить еще при жизни В. И. Павловой первый экскурсовод музея Таисия Павловна Конакова, а затем сменившая ее Нина Константиновна Анчутина. Последняя, наряду с экскурсионной деятельностью, начала работы по паспортизации и правильному учету музейных экспонатов.

В 1962 году в музей пришла работать Елена Гавриловна Андреева, которая под руководством В. И. Павловой быстро освоила экскурсионную работу,

22
сентября
1949 г.

ОТКРЫТИЕ
МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ
академика
ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПАВЛОВА

ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Физиологический институт
им. акад. И. П. Павлова

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

*Физиологический институт
им. акад. И. П. Павлова
приглашает Вас на откры-
тие музея-квартиры академика
И. П. Павлова (Вас. Остр.,
7 линия, д. № 2, кв. 11).*

ОТКРЫТИЕ СОСТОИТСЯ В 16 ЧАСОВ

1849—1949

100-летие со дня рождения
академика
ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПАВЛОВА

ПРОГРАММА

1. Вступительное слово.
2. Церемония открытия.
3. Выступление о значении и задачах музея-квартиры.

1-я тип. АН. Зак. 3942—100, М-27701. 14/IX 49 г.

Пригласительный билет на открытие
Музея-квартиры академика И. П. Павлова.

Сотрудники музея:
Вера Николаевна Андреева,
Елена Гавриловна Андреева,
Эмма Андреевна Космачевская
и Нонна Константиновна Куприянова.

а в 1964 году, после смерти Веры Ивановны, приняла на себя и обязанности хранителя музея. Она продолжила работу по учету и паспортизации музейных предметов. Составленная ею картотека с фотоизображениями экспонатов не теряет своей актуальности до сих пор. Более 20 лет Е. Г. Андреева проработала в музее, после ее ухода на пенсию в 1982 году должность хранителя занимала Нонна Константиновна Куприянова, а с 1997 года по сей день эти обязанности исполняет Людмила Ивановна Громова.

После смерти В. И. Павловой в 1964 году в распоряжение Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР перешли еще три комнаты квартиры, одна из которых, столовая, была оставлена без изменений, дополнив подлинными интерьеры музея, а две другие стали выставочными помещениями. Тогда же дирекция института во главе с академиком В. Н. Черниговским обратилась в Президиум АН СССР с просьбой об увеличении штатов музея и его финансирования. В результате музей получил ставку научного сотрудника – руководителя музея, которым стал физиолог Николай Порфирьевич Мовчан.

Благодаря полученной от АН СССР финансовой помощи в 1969–1970 годах в музее был проведен частичный ремонт помещений, установлены противопожарная и охранная сигнализации. В комнате, принадлежавшей ранее В. И. Павловой, был устроен небольшой лекционный зал и организована постоянная выставка, рассказывающая о научной деятельности И. П. Павлова, становлении и развитии его учения о высшей нервной деятельности и теории условных рефлексов. В 1980-е годы выставка была обновлена и модернизирована. В настоящее время лекционный зал оснащен современным оборудованием для показа презентаций и видеофильмов о великом ученом. Здесь ежегодно проходят Павловские мемориальные чтения, проводятся студенческие конференции, заседания секций по истории физиологии в рамках физиологических конференций и т. п.

12 декабря 1975 года Центральный совет Всесоюзного физиологического общества им. И. П. Павлова принял решение о создании при Обществе специальной комиссии по истории физиологии, которая бы продолжала развитие этой науки в нашей стране. В связи с этим на базе музея была сформирована небольшая научная группа, которую возглавила Вера Николаевна Андреева – физиолог с большим научным стажем и опытом работы в области истории физиологической науки. Основными темами исследований стали вопросы становления и развития физиологии в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде, изучение влияния идей И. П. Павлова на возникновение новых научных направлений в биологии и медицине.

Научная работа сотрудников музея по истории физиологии продолжается и в настоящее время. Результаты исследований неоднократно представлялись на всероссийских физиологических съездах, симпозиумах и конференциях. Десятки статей, посвященных истории развития отдельных направлений физиологии и медицины в научно-исследовательских учреждениях нашего города, изучению научных связей отечественных и зарубежных ученых, были опубликованы в крупных журналах – «Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова», «Успехи биологических наук», «Журнал высшей нервной деятельности», «Природа», «Вопросы истории естествознания и техники» и др.

За последние годы были выпущены в свет монографии, в состав авторских коллективов которых также вошли научные сотрудники музея. Так, в 2004 году к 100-летию юбилею Нобелевской премии И. П. Павлова была опубликована трехтомная монография «И. П. Павлов – первый нобелевский лауреат России». В 2011 году вышла в свет двухтомная энциклопедия, по-

Николай Порфирьевич Мовчан –
директор музея в 1960–1970-е гг.

Презентация трехтомной монографии, посвященной 100-летию присуждения И. П. Павлову Нобелевской премии, в лекционном зале музея. 2004 г.

священная И. П. Павлову. Эта книга, содержащая на данный момент наиболее полные и обширные сведения об И. П. Павлове, в 2012 году была удостоена премии Президиума Российской Академии наук за лучшую научно-популярную монографию.

За последние годы сотрудниками музея выпущена серия отдельных изданий, посвященных экспозиции музея, различным сторонам жизни семьи Павловых, местам в нашем городе, связанным с именем знаменитого ученого.

За более чем 65-летний срок своего существования музей, несмотря на свой скромный статус институтского подразделения, не только не утратил своего значения, но во многом укрепил и расширил свои позиции в культурной среде северной столицы.

Подлинная обстановка мемориальных помещений, бережно сохраняемая стараниями музейных сотрудников, и сейчас доносит до нас особую ауру домашней жизни великого ученого, позволяет рассказать о его увлечениях, традициях семьи, привлекает пристальное внимание знатоков и ценителей интерьеров XIX века.

Любителей живописи не могут оставить равнодушными представленные в экспозиции оригинальные полотна русских художников-реалистов из коллекции И. П. Павлова. Среди них работы В. М. Васнецова, Г. И. Семирадского, Н. Н. Дубовского, М. В. Нестерова и многих других любимых им мастеров живописи.

Интерьеры квартиры не претерпели никаких перепланировок со времени жизни здесь семьи Павловых, чего нельзя сказать о других помещениях Дома академиков, которые, к сожалению, по большей части превратились в коммунальные квартиры из-за прошедшего в разные годы подселения жильцов. Квартира Павлова, сначала благодаря особому положению ее хозяина, а затем музейному статусу, осталась уникальным образцом типичных интерьеров академической квартиры этого уникального петербургского дома.

Достойное состояние экспозиции долгие годы сохранялось благодаря специальной программе финансовой поддержки музеев Российской академии наук, принятой в 1996 году Президиумом РАН, целевому финансированию Отделения физиологии РАН, а также заботам дирекции Института физиологии им. И. П. Павлова РАН, которому принадлежит музей. За последние годы неоднократно проводились работы по ремонту помещений, модернизации охранной и противопожарной сигнализации, было установлено видеонаблюдение, закуплено необходимое современное оборудование для ведения компьютерного учета музейных предметов и демонстрации презентаций и фильмов об И. П. Павлове.

К сожалению, прошедшие в структуре РАН реформы, в том числе образование Федерального Агентства научных организаций (ФАНО), привели к прекращению целевого финансирования музеев РАН, которые вынуждены в настоящее время сами заботиться о получении необходимых средств для поддержания своего существования.

Сотрудники музея неоднократно получали гранты от различных организаций, принимали на своей территории выставки, организованные в рамках фестиваля «Современное искусство в традиционном музее», предоставляли материалы и принимали непосредственное участие в подготовке радио- и телепередач, посвященных И. П. Павлову, выпущенных в эфир как российскими, так и зарубежными компаниями.

Экспозиция и фонды музея за годы его существования дважды серьезно пополнялись подлинными предметами убранства интерьеров, документами, фотографиями, книгами, поступившими от наследников В. И. Павловой.

Интерьер домашнего кабинета И. П. Павлова.

Интерьер гостиной в Мемориальном музее-квартире И. П. Павлова.

И сейчас музей с благодарностью принимает бесценные дары от потомков И. П. Павлова, хранящих память о своем великом предке. Фонды также регулярно пополняются новыми статьями и книгами, аудио- и видеоматериалами, посвященными И. П. Павлову, сборниками докладов физиологических съездов и конференций и т. п.

Но все-таки главной своей задачей музей считает экскурсионную работу. Среди его посетителей – учащиеся школ, лицеев и гимназий Санкт-Петербурга и Ленинградской области, студенты высших и средних специальных учебных заведений, врачи, психологи, педагоги, участники конференций и симпозиумов по физиологии, медицине, психологии. В последнее время музей значительно расширил свою аудиторию, принимая группы трудных подростков, слабовидящих детей и взрослых, пенсионеров и инвалидов, проходящих реабилитацию в Комплексных центрах социального обслуживания населения различных районов нашего города. Неоднократно с помощью сурдоперевода проводились экскурсии для посетителей с нарушениями слуха.

По традиции каждая экскурсия начинается в лекционном зале с беседы о жизни И. П. Павлова, этапах его научной деятельности, значении сделанных им открытий для современной физиологии и смежных наук.

Затем рассказ продолжается уже в интерьерах музея, которые благодаря своей подлинности помогают раскрыть малоизвестные стороны жизни Ивана Петровича и его семьи, остановиться на особенностях его характера, жизненных интересах и увлечениях.

Павлов – коллекционер

Представленные в столовой коллекции жуков и бабочек позволяют подробно рассказать об увлечении Ивана Петровича энтомологией, которое продолжалось долгие годы – с детства и до глубокой старости. Его сестра Лидия Петровна вспоминала, что еще мальчиком-подростком в Рязани он *«аккуратно ровно в 12 часов отправлялся в Павловскую или Рюминскую рощи, вооруженный сачками и коробочками. Ни жара, ни непогода не могли изменить раз заведенного порядка»*⁷⁶.

Это увлечение зачастую принимало форму настоящей страсти. Серафима Васильевна в своих мемуарах рассказывает об эпизоде, произошедшем в 1889 году в Новой Александрии под Варшавой, где они отдыхали. Тогда уже сорокалетний Иван Петрович мечтал собрать полноценную коллекцию насекомых для маленького сына и не жалел для этого ни сил, ни времени. Когда его приятелю химику А. Л. Потылицину, тоже любителю-энтомологу, удалось поймать редкую «Синюю орденскую ленту», то Павлов, по словам жены, *«буквально впал в отчаяние и даже отложил отъезд на несколько дней, чтобы попытать свое счастье»*. Результатом стали три экземпляра этой бабочки и одна, еще более редкая, «Красная орденская лента». С увлечением Павлов собирал и жуков. Размещение бабочек и жуков в коллекциях проводилось строго по семействам, лучами, расположенными в радиальном порядке, от более крупных экземпляров в центре к мелким по концам лучей. При этом

⁷⁶ Андреева Л. П. Детство и молодые годы Ивана Петровича Павлова // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. С. 320.

Коллекция экзотических бабочек,
составленная И. П. Павловым.

Иван Петрович помнил и любил рассказывать, где и когда поймана та или иная бабочка, помнил названия многочисленных экземпляров по-русски и по латыни. Получив особенно красивый и крупный экземпляр бабочки или жука для своего собрания, он, по воспоминаниям близких, не ленился переколоть всю коллекцию в коробке заново.

В музее представлены три подлинные коллекции насекомых, собранные Павловым. Эти раритеты, несмотря на свой почтенный возраст (многим экземплярам более 100 лет), находятся в прекрасном состоянии, что свидетельствует о высоком профессионализме их составителя. В домашней библиотеке ученого хранятся редкие энтомологические атласы, служившие для определения видов и латинских названий насекомых. Среди них выпущенный в 1889 году в Штутгарте атлас бабочек на немецком языке «Fr. Berge's Schmetterlings-Buch Bearbeitet von H. von Heinemann»; вышедший в Санкт-Петербурге в 1897 году «Атлас бабочек Европы и отчасти Русско-азиатских владений» с многочисленными цветными иллюстрациями; изданный в 1876 году атлас жуков Европы с полным их описанием и множеством цветных таблиц «С.G. Calvers. Kaferbuch. Naturgeschichte der Kafer Europas von professor Dr. G. Yager», и другие издания.

Ивана Петровича, как увлеченного энтомолога, конечно, интересовала не только систематика насекомых, но и особенности их обитания, сложные инстинкты и поведение, о чем также свидетельствуют книги его личной библиотеки: «Муравьи, пчелы и осы. Наблюдения над нравами общежительных перепончатокрылых» Джона Леббока (1884), «Nature series on British wild flowers considered in relation to insects» (1893), «Красоты природы и ее чудеса» (1894), «Инстинкт и нравы насекомых» (1898) Фабра.

Увлечение И. П. Павлова филателией

Другим увлечением И. П. Павлова была филателия. По воспоминаниям знавших его, он обладал великолепным собранием марок разных стран. Как истинный коллекционер, не упускал ни единой возможности расширить свое богатство. Известный физиолог П. К. Анохин приводит в книге, посвященной своему учителю, такой любопытный эпизод: «По лаборатории Павлова проходит экскурсия из „высокопоставленных лиц“. Среди них... сиамский принц. Закончив обзор своих изумительных экспериментов и оторвавшись на минуту от изложения мировых достижений в области пищеварения и высшей нервной деятельности, Павлов вдруг обращается к принцу и жалуется ему на то, что в его марочной коллекции не хватает сиамских марок. Удивленный и польщенный этой просьбой, принц просит своего секретаря записать эту странную просьбу великого русского ученого. Через несколько дней коллекция И. П. Павлова украсилась целой серией марок Сиамского государства...»⁷⁷

К сожалению, мы не можем увидеть это уникальное собрание — свою коллекцию Иван Петрович подарил старшему сыну Владимиру, а тот через некоторое время с разрешения отца ее продал. Полученную большую сумму денег он истратил на покупку первых произведений живописи, положив этим начало новой общей семейной страсти.

Живописная коллекция И. П. Павлова

Вскоре собрание живописных работ русских художников-реалистов стало не только увлечением Владимира, но и полностью захватило интересы самого Ивана Петровича. Тематическая экскурсия «Живописная коллекция И. П. Павлова и его связи с русскими художниками» подробно знакомит посетителей музея с этой стороной жизни великого ученого.

⁷⁷ Анохин П.К. Иван Петрович Павлов. С. 273.

Как и к исследовательской деятельности, Иван Петрович относился к этому своему новому увлечению со всей присущей ему страстностью. Не удивительно, что в своем сообщении «Рефлекс цели», сделанном на III съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде 2 января 1916 года, он приводил именно коллекционирование как пример «самой чистой, типичной <...> и вместе самой распространенной <...> из всех форм обнаружения рефлекса цели в человеческой деятельности». Рефлекс цели же он считал «основной формой жизненной энергии каждого из нас»⁷⁸.

Интересно отметить, что, касаясь вопроса о том, как важно проявление этого рефлекса в любом виде творческой активности, именно работу художника Павлов часто ставил наравне с исследовательской деятельностью ученого. Ярким тому примером может быть его предисловие к русскому изданию трактата Андрея Везалия «О строении человеческого тела», написанное буквально за месяц до кончины, 12 января 1936 года: «Прорвавшейся страстью дышит период, недаром названный эпохой Возрождения, период начала свободного искусства и свободной исследовательской мысли <...> Приобщение к этой страсти всегда останется могучим толчком для теперешней художественной и исследовательской работы. Вот почему художественные и научные произведения этого периода должны быть перед глазами теперешнего поколения»⁷⁹.

Надо сказать, что интерес к изобразительному искусству зародился у Ивана Петровича еще в студенческие времена. Хранящийся в его домашней библиотеке «Указатель скульптурного музея Императорской Академии художеств» 1874 года издания (Павлов учился в это время в Санкт-Петербургском университете) испещрен его многочисленными пометками и комментариями, которые свидетельствуют о достаточно глубоких уже тогда познаниях в этой области.

Интерес этот сохранялся и в зрелые годы. По воспоминаниям племянника Ивана Петровича А. Ф. Павлова, он непременно бывал на всех выставках картин, открывавшихся тогда в Петербурге, внимательно изучая представленные там полотна, «и потом они долго служили ему темой для рассказов, суждений, восторгов или порицаний». Его особым пристрастием была «живопись чисто русская, которую, более чем всякую другую, он был способен понимать и чувствовать. При этом <...> он терпеть не мог картин, созданных разными декадентами, кубистами, импрессионистами <...> а признавал живопись только строго реалистическую»⁸⁰. Так, например, «Демон» Врубеля вызывал у Павлова, по словам племянника, «полное недоумение». Он никак не мог

⁷⁸ Павлов И. П. Избранные труды. М.: Медицина, 1999. С. 360.

⁷⁹ Павлов И. П. Полн. собр. соч. Т. VI. М.; Л.: АН СССР. 1952. С. 438.

⁸⁰ Павлов А. Ф. Воспоминания об академике Иване Петровиче Павлове // И. П. Павлов — первый нобелевский лауреат России. Т. 2. С. 429.

Гостиная в квартире Павловых. Начало 1930-х гг.

понять и принять эту странную фигуру «с выступившими из орбит глазами, устремленными кверху и выражающими, очевидно, нечеловеческую злобу и ненависть; с неестественно изогнутым торсом тела и с заломленными за голову руками»⁸¹.

В свою коллекцию И. П. Павлов собрал работы многих известных русских художников. В имеющихся среди книг ученого каталогах выставок сохранились на полях его карандашные отметки с комментариями к некоторым картинам, указанием их цены и отдельно выписанными названиями особенно понравившихся работ. М. В. Нестеров пишет в своих мемуарах, что у Ивана Петровича «был Репин, его лучшей поры, в чудесных этюдах к „Приему старшин“, были и более поздние картины, до самых последних лет жизни Ильи Ефимовича. Были Маковский, Шишкин, Дубовской, петербургские художники, Крыжицкий, Берггольц, Сергеев, были Бакалович, Семирадский... Собирались картины в разное время, больше в годы революционные, когда этот товар подешел, деньги стали нужны, с картинами некуда стало деваться»⁸².

⁸¹ Там же. С. 433.

⁸² Нестеров М. В. И. П. Павлов и мои портреты с него // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. С. 339.

Старые фотографии павловской квартиры показывают, как много полотен было в его собрании. Со свойственным ему постоянством вкусов Иван Петрович долгие годы собирал работы только русских художников, в основном передвижников. Особенно его привлекали пейзажные и жанровые сюжеты. Каждый новый экземпляр коллекции радовал его чрезвычайно. *«Он любил показывать гостям свое сокровище, сопровождая показ меткими характеристиками и художника, и его произведения»*, — вспоминал позднее И. С. Розенталь, один из ближайших сотрудников Павлова⁸³.

Составить полный каталог этого уникального живописного собрания до сих пор, к сожалению, не представляется возможным. Большинство картин унаследовали после смерти ученого его родственники, часть была продана в российские музеи. В настоящее время в экспозиции мемориального музея И. П. Павлова в Санкт-Петербурге представлено 59 авторских работ российских мастеров живописи. Среди них красочное полотно Г. И. Семирадского «Праздник роз», несколько пейзажей Н. Н. Дубовского: «Вечерняя заря», «Зима», «Неаполитанский залив» и другие, изображения крестьянских девочек кисти К. Лемоха, акварели Альберта Бенуа, пейзажи И. Шульце, А. Шильдера, немало работ М. В. Нестерова, включая известный портрет самого И. П. Павлова (1930) и его жены, натюрморты Ю. Клевера, работы других художников.

На самом видном месте в гостиной — особенно любимые Павловым «Богатыри» В. М. Васнецова, выполненный маслом первый вариант знаменитого полотна (1897). Его и «Снегурочку» (1899) Иван Петрович приобрел у художника в 1924 году. Надо сказать, что к творчеству В. М. Васнецова Иван Петрович всегда относился с особой любовью. *«Ему не хватало слов, чтобы выразить свой восторг»*, — вспоминал С. Т. Конёнков и приводил при этом слова И. П. Павлова: *«Я считаю, что „Мария с младенцем“ Васнецова, которую я видел в Киевском соборе, величайшее произведение, оно равносильно „Мадонне“ Рафаэля»*⁸⁴.

В письме к Павлову от 4 марта 1924 года Виктор Михайлович пишет: *«Мне весьма приятно послужить Вам своими художественными трудами, и я рад, что моя „Снегурочка“ будет у Вас <...> Меня только смущает, что картина куплена Вами заочно и с некоторым риском <...> Деньги переводом получены сполна <...> пришли они весьма кстати, нужно было купить дрова»*⁸⁵. За «Богатырей» была уплачена сумма в 1200 рублей, но она вполне окупалась тем, что этот шедевр был теперь собственностью коллекционера. *«Вам спасибо за картины <...> — писал Васнецову Владимир Павлов. — Отец тотчас воспроизвел,*

И. П. Павлов (в центре) на даче в Силламягах после игры в городки. Справа от него — Н. Н. Дубовской. 1900-е гг.

*увидев «Богатырей», настроение, испытанное им в свое время перед той же картиной: кроме мощи родного русского типа, он глубоко чувствует и поэзию детского возраста нашей Родины. Только теперь это прикрашено мыслью, что наслаждение всегда останется у нас перед глазами»*⁸⁶.

Со многими живописцами И. П. Павлов был не только знаком, но и дружен. Один из таких друзей — художник Николай Никанорович Дубовской, жил иногда летом в Силламяэ (Силламягах), где в дореволюционные годы снимали дачу и Павловы. С Иваном Петровичем они сошлись сначала как неизменные участники городошных матчей, а затем и как увлеченные собеседники, мировоззрение которых во многом совпадало.

Серафима Васильевна писала о Дубовском: *«Это была душа чистая, прямая, возвышенная. Он не мирился в жизни ни с какими компромиссами, вечное искание правды <...> сделало его самым дорогим и близким другом Ивана Петровича <...> и в городе он продолжал часто навещать нас и обращался за дружеским советом при всяких сложных своих переживаниях»*⁸⁷.

⁸³ Розенталь И. С. Иван Петрович Павлов и искусство // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. С. 202.

⁸⁴ Конёнков С. Т. Мое знакомство с И. П. Павловым. С. 327.

⁸⁵ Переписка И. П. Павлова. С. 350.

⁸⁶ Соколов М. Н. История одной коллекции. Слово, № 48–49 (369–370), 2003.

⁸⁷ Павлова С. В. Из воспоминаний. С. 214.

И. Е. Репин и И. П. Павлов в «Пенатах». 1926 г.

Иван Петрович ценил своего нового друга не только за его человеческие качества, но и как редкостного художника, необычайно тонко и проникновенно чувствовавшего природу и умевшего так же тонко передать это на холсте. Именно его пейзаж «Вечерняя заря» стал одним из первых в павловской коллекции. Художник и позже не раз дарил Павлову свои картины. Десять его работ находятся сейчас в живописном собрании мемориальной квартиры ученого.

На «вторниках» у Дубовского Иван Петрович еще в 1890-е годы познакомился с Ильей Ефимовичем Репиным, но особенно теплые отношения сложились у них в 1920-е годы, когда художник жил в «Пенатах», а Павлов с женой отдыхал в расположенных рядом Келломяках. Именно в этот период, довольно часто встречаясь, они стали настоящими друзьями. По средам «Пенаты» были открыты для всех желающих. Гостей угощали чаем с домашними булочками, водили по саду и дому, показывали коллекции картин и даже допускали в мастерскую. Этот обычай доставил Репину большую популярность в Финляндии.

Иван Петрович предпочитал бывать у художника в другие дни — не столь шумные и многолюдные. Глубоко верующая Серафима Васильевна посещала храм в Куоккала (церкви в Келломяках не было) и на каждой церковной службе встречалась с Ильей Ефимовичем. *«После окончания богослужения, — пишет она в своих мемуарах, — я вместе с ним, по его приглашению, шла к нему пить чай в ожидании поезда. Во время этих прогулок и чаепитий шли наши бесконечные дружеские разговоры на религиозные темы <...>. Он тогда много работал в своей мастерской, и из-под его кисти вышли „Голгофа“, „Явление Христа Марии Магдалине“, „Гопак“... Все картины написаны мастерски. Трудно поверить, что Репин писал их в глубокой старости»⁸⁸.*

В 1929 году в связи с предстоящим в сентябре 80-летним юбилеем Ивана Петровича, Репин лично выбрал для него в подарок несколько живописных работ, среди которых был великолепный этюд «Вера Репина на солнце» (1885) и акварель «Паломник» (1880). Тогда же он подарил Павлову и свою книгу «Воспоминания, статьи и письма из заграницы И. Е. Репина» 1901 года издания, которая до сих пор хранится в личной библиотеке ученого. Когда художник скончался, Иван Петрович написал его дочери: *«Когда мы любим, гордимся отечеством — это значит, что мы любим, гордимся его великими людьми, т. е. теми, которые сделали отечество и сильным, и уважаемым на исторической сцене. Ваш отец был одним из этих людей»⁸⁹.*

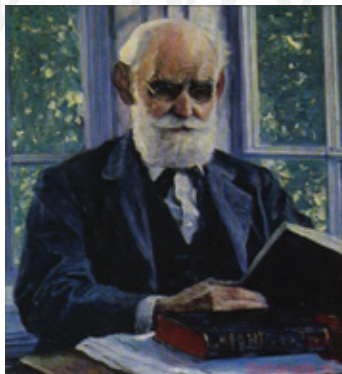
⁸⁸ Павлова С. В. Из воспоминаний. С. 264, 265.

⁸⁹ Переписка И. П. Павлова. С. 358.

Павловы Иван Петрович (сидит второй слева) и Серафима Васильевна (сидит крайняя справа) на праздновании 86-летия И. Е. Репина в «Пенатах». Фрагмент фотографии. 1930 г.

Знакомство Павлова с Михаилом Васильевичем Нестеровым состоялось в июле 1930 года, и до конца жизни их связывали искренняя симпатия и дружба. По заказу Института экспериментальной медицины, где Павлов уже сорок лет возглавлял физиологический отдел, Нестеров должен был написать портрет ученого, но побаивался, получится ли у него удачно и правильно изобразить этого *«легендарного человека»*. Все сомнения развеялись с первой же встречи в доме Павловых. *«Поздоровались, и я вдруг почувствовал, что с этим необычайным человеком я век был знаком <...> — вспоминал Михаил Васильевич. — Целый вихрь слов, жестов, неслись, опережая друг друга <...>. Более*

И. П. Павлов,
портрет работы М. В. Нестерова, 1930 г.

С. В. Павлова,
портрет работы М. В. Нестерова, 1934 г.

яркой особы я и представить себе не мог <...>. Иван Петрович был донельзя самобытен, непосредствен <...> был „сам по себе“ — и это „сам по себе“ было настолько чарующе, что я позабыл о том, что я не портретист, во мне исчез страх перед неудачей, проснулся художник, заглушивший все, осталась лишь неутомимая жажда написать этого дивного старика <...>. Он, несмотря на свой 81 год, на седые волосы, бороду, выглядел цветущим, очень, очень молодым; его речь, жест (ох уж этот мне „жест“), самый звук голоса, удивительная ясность и молодость мыслей, часто не согласных с моими, но таких убедительных, — все это увлекало меня!»⁹⁰.

Буквально на следующий день Нестеров приступил к написанию портрета. Сеансы позирования проходили в Колтушах, на застекленной веранде деревянного дома у озера. Художник изобразил Ивана Петровича сидящим за столом с книгой в руках. Работа очень понравилась и самому ученому, и его близким. В 1934 году к 85-летию Павлова Нестеров подарил ему авторскую копию любимшегося портрета, которая сейчас находится в экспозиции музея. Благодаря за подарок, Иван Петрович писал ему: «Счастлив, что и в старые, конечно, остывающие годы, могу еще внушать к себе живые дружеские чувства. Дай Бог Вам еще находить радость в Вашей художественной творческой работе, как я все еще в моей научной работе переживаю неувядающий интерес жить».

В 1935 году, также в Колтушах, Нестеров написал второй портрет Павлова, более известный широкому кругу почитателей таланта художника. Иван Петрович на нем изображен сидящим за столом, с крепко сжатыми в кулаки руками, подчеркивающими его страстную, активную натуру. Чтобы «совладать с непоседливостью модели», к сеансам позирования привлекали заведующего биостанцией В. В. Рикмана, который, садясь за стол напротив Ивана Петровича, беседовал с ним о вчерашних событиях, происшедших в жизни научного городка.

Этот второй портрет Ивана Петровича был признан большим успехом художника, за него он был удостоен Государственной премии. В настоящее время работа находится в Третьяковской галерее.

Гораздо менее известен небольшой портрет Серафимы Васильевны, написанный Нестеровым в 1934 году по просьбе Ивана Петровича. В отличие от своего неукротимого мужа, Серафима Васильевна сидела во время сеансов спокойно, была приятной собеседницей, что очень нравилось Михаилу Васи-

⁹⁰ Нестеров М. В. Давние дни. Встречи и воспоминания. М.: Искусство, 1959.

И. П. Павлов,
портрет работы М. В. Нестерова, 1935 г.

льевичу. Портрет был написан быстро, по отзывам всей семьи, вышел похожим, и Нестеров подарил его Ивану Петровичу. С тех пор изображение всегда было перед его глазами, укрепленное на специальной подставке около рабочего стола в кабинете. Своим мягким характером, преданностью близким, мудростью и терпением Серафима Васильевна смогла вызвать глубочайшее уважение и симпатию художника, и на долгие годы между ними установились приятельские отношения. Нестеров и его жена и после смерти Ивана Петровича переписывались с его семьей. Эти письма, очень теплые, порой рассказывающие о личных переживаниях, такие, какие пишут только близким друзьям, хранятся в фондах музея.

Представлены в музейной экспозиции и другие работы М. В. Нестерова: карандашный портрет Веры Ивановны Павловой, живописные наброски «Крымский этюд» («Гаспра»), «О. Капри», «Колтуши», «Церковь в Колтушах», «Стеша» и другие — все с дарственными надписями художника.

Музыка в семье Павловых

Любовь к музыке всегда царила в семье Павловых. Не обладая от природы хорошим слухом, Иван Петрович, тем не менее, получал огромное наслаждение от прослушивания любимых музыкальных произведений. В фондах музея хранятся пластинки с записями классических русских романсов и арий из опер в исполнении известных певцов того времени. Иван Петрович привозил их из-за границы и по воскресеньям, удобно устроившись возле патефона, устраивал прослушивание любимых произведений, предпочитая, по воспоминаниям близких, исполнение великого Ф. И. Шаляпина.

В гостиной стоит рояль фирмы «Беккер» — подарок Дмитрия Павлова, брата Ивана Петровича, своим племянникам. «Рояль — предмет для детей обязательный», — считал глава семьи. Все четверо детей Павлова обучались танцам и игре на фортепиано, став в результате неплохими музыкантами-любителями. Здесь часто устраивались музыкальные вечера, в которых принимали участие не только члены семьи, но и друзья, и сотрудники Ивана Петровича.

Павловы бывали и в театре, слушали оперу. Это случалось не часто, но особенно интересные спектакли они старались не пропускать. Так 12 января 1934 года Иван Петрович с огромным удовольствием побывал на представлении «Бориса Годунова», посвященном 30-летию артистической деятельности солиста Мариинского театра (тогда Театра оперы и балета им. С. М. Кирова) П. З. Андреева. Партию Годунова блестяще исполнил сам юбиляр. После спектакля Иван Петрович послал ему телеграмму: «Сердечное русское спасибо дорогому Павлу Захаровичу за звуки, исходящие из души и потрясающие душу». Андреев ответил благодарственным письмом, а в дни празднования 85-летия Павлова в сентябре 1934 года с удовольствием принял участие в организованном для юбиляра домашнем концерте, исполнив вместе с С. П. Преображенской в гостиной павловской квартиры концертный вариант оперы С. В. Рахманинова «Алеко».

Такие домашние концерты с участием известных оперных солистов случались дома у Павловых в дни праздников и раньше, о чем упоминает в письме к сестре Серафима Васильевна в пасхальные дни апреля 1929 года: «*Вот были у нас первые оперные артисты (9 человек), пропели под аккомпанемент дирижера оперного на рояле всю оперу Мусоргского — „Хованщина“.* Пели так дивно, что невольно слезы лились из глаз. Это все ради удовольствия Ив. Петр. делается. Видишь, как его почитают и убажуют!»⁹¹

Увлечение И. П. Павлова астрономией

Достижения ученых во второй половине XIX века (открытие огромного числа малых планет, обнаружение спутников Марса, определение орбит вновь открытых комет, становление астрофизики и другое) вызывали огромный интерес к астрономии в кругу образованных людей. Не миновал его и Павлов. В его домашней библиотеке сохранилось множество книг на эти темы. Среди них «Звездный атлас для небесных наблюдений» Якова Мессера (1891); труды К. Фламариона — основателя французского астрономического общества и одного из наиболее известных астрономов-популяризаторов того времени: «Astronomie populaire» (1890) и перевод этой книги — «Популярная астрономия» (1902), «Звездное небо и его чудеса» (1899), «Множественность населенных миров» (1898). Есть книги немецкого астронома Клейна — «Прошлое, настоящее и будущее вселенной» (1898) и «Астрономические вечера» (1898).

Иван Петрович прекрасно знал и без труда мог определить все созвездия нашего северного неба. Эту страсть и свои знания он передавал детям, устраи-

⁹¹ Письма С. В. Павловой. Письмо № 1.

вая соревнования между ними: кто больше определит созвездий, туманностей и т. п. В летние вечера на даче в Силламяэ не только дети, следуя примеру отца, но и взрослые с интересом часами наблюдали звездное небо, проверяя свои познания в астрономии. Оказавшийся у одного из дачников небольшой телескоп стал основой общества астрономов-любителей, вдохновляемых Иваном Петровичем.

После 1916 года страсть И. П. Павлова к астрономии немного поутихла, но к концу 1920-х годов опять возродилась. Первое лабораторное здание, построенное на его биостанции в Колтушах, было снабжено специальным верхним балконом, где по желанию Ивана Петровича был установлен небольшой старый телескоп, переданный ему директором Пулковской обсерватории А. А. Белопольским.

Традиции в семье Павловых

Одной из самых стойких традиций в семье Павловых было празднование Рождества и Пасхи. Огромная, до потолка, елка стояла в их большой гостиной в рождественские дни даже тогда, когда после 1917 года этот «буржуазный пережиток» был запрещен. Инициатором этих праздников была в первую очередь глубоко верующая Серафима Васильевна, но и сам Иван Петрович их очень любил. Для детей, приглашенных на праздник, делались незатейливые подарки — золоченые орехи, конфеты, завернутые в яркие фантики и т. п. Двери комнат, составляющих анфиладу, широко открывались, и дети могли бегать по всей квартире, танцевать и веселиться, а потом пили чай со сладостями.

Всегда с большой радостью и благоговением праздновали Пасху. В этот день непременно накрывали праздничный стол, в центре которого всегда были освещенные куличи, пасха и яйца, приглашали близких друзей и родных. Не только Серафима Васильевна посещала церковь в эти дни, но и Иван Петрович, по воспоминаниям Л. А. Орбели, бывал там. «Знаете, я ужасно люблю службу пасхальную, — говорил он. — Все-таки хожу иногда на заутреню. Во-первых, замечательное пение, во-вторых, это воспоминание детства. Я живо вспоминаю, как в четверг на страстной неделе мать снаряжала меня и братьев в церковь, давала свечку с собой, говорила, что там во время церковной службы надо свечку зажечь, а потом нести ее домой, — и вот мы шли и боялись, как бы не потухла свечка. И эти воспоминания меня всегда так радуют, что я все-таки иногда под Рождество и на Пасху хожу в церковь»⁹².

⁹² Орбели Л. А. Воспоминания. М.; Л., 1966. С. 78–79.

Дети Павловых и их гости в карнавальных костюмах во время празднования Рождества в доме Павловых. 1907 г. Во втором ряду вторая слева Вера Павлова, четвертая — Елизавета Кюнер. Стоит четвертый слева (в папаче) Владимир Павлов.

О том же пишет в мемуарах и племянник Павлова Александр Федорович, вспоминая, как он вместе с дядей был на одном из пасхальных богослужений: «Там он, конечно, не молился, да и заутреню мы простояли не до конца. Но, идя домой, Иван Петрович обычно объяснил мне, что ему приятно в этой сутолоке возбужденной толпы, торжественной, нарядной обстановке, при ярком блеске бесчисленных, горящих у всех свечей, громком, веселом пении и т. п. переживать воспоминания и настроения своей молодости в Рязани. Мне было ясно, что мой милый собеседник, хотя и безбожник, но безбожник какого-то особого рода, не „чистой воды“; что связанные с религией переживания, хотя бы относящиеся к давнему времени, ему не противны, что от старого у него в душе остался какой-то „влажный след“, который еще не высох и не замерз. Мне было это понятно, потому что, как известно, воспринятое в детстве не скоро изживается человеком»⁹³.

⁹³ Павлов А. Ф. Воспоминания об академике Иване Петровиче Павлове. С. 447.

Религиозные взгляды И. П. Павлова

«На исповеди».
Картина Н. П. Богданова-Бельского из
коллекции И. П. Павлова.

Отец И. П. Павлова Петр Дмитриевич
Павлов в облачении протоиерея.
Ателье Д. Либовича в Рязани. 1893 г.

⁹⁴ Крепс Е. М. Иван Петрович Павлов и религия // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. С. 131.

⁹⁵ Павловские клинические среды. Т. 3. С. 360.

Так верил ли Павлов в Бога? Этот вопрос можно часто услышать от посетителей музея. И также часто они сами дают на него абсолютно уверенный положительный ответ. Достаточно широко распространено мнение о том, что Павлов не только был верующим, но даже исполнял обязанности старосты Знаменской церкви в Ленинграде, чем уберег ее от разрушения, пока был жив. Эта версия, надо сказать, не имеет документального подтверждения.

В большинстве опубликованных статей и книг об ученом он предстает перед нами как атеист, стоящий на сугубо материалистических научных позициях. Сын священника, учившийся в духовной семинарии, но посвятивший свой жизненный путь научным исследованиям, Павлов сам не раз публично говорил о том, что он в Бога не верует. Его ученик и сотрудник Е. М. Крепс вспоминал слова Павлова, сказанные зимой 1923 года: *«Мне Бога не нужно... Моя вера – это вера в то, что счастье человечеству даст прогресс науки. Я верю, что человеческий разум и его высшее воплощение – наука – избавят род людской от болезней, от голода, от вражды, уменьшат горе в жизни людей. Эта вера давала и дает мне силы и помогает вести свою работу»*⁹⁴.

Однако к религиозным верованиям окружающих его людей и прежде всего своей жены Иван Петрович относился бережно, говоря: *«Я хотя сам рационалист и с религией покончил, но отношусь с уважением к ней: есть масса людей, которые без религии жить не могут. Есть слабые люди, для которых религия имеет силу. Сильные – да, сильные могут быть рационалистами, опираться только на знание, а слабому едва ли это подойдет. <...> Человек сам должен выбросить мысль о Боге. Будет ли он рационалистом или будет верующим – натура сама выбирает»*⁹⁵.

В годы советской власти Павлов боролся против закрытия храмов и преследования духовенства, в 1925 году навсегда ушел из Военно-медицинской академии, протестуя против запрета на обучение там детей священников.

В черновике письма Ивана Петровича к председателю Совнаркома В. М. Молотову, хранящемся в Архиве РАН, есть такие слова: *«Религия – громоотвод гибельного действия ударов жизни. Почему Вы гоните религию? Почему Вы ссылаете и подвергаете всяческим тяготам и лишениям, как преступников, служителей церкви и вообще религиозно настроенных и религией живущих людей? <...> Это, конечно, не отделение церкви от государства, а государственный атеизм, гонение религии государством. <...> Люди науки должны*

Знаменская (Входоиерусалимская) церковь в Санкт-Петербурге и Знаменская площадь (ныне Площадь Восстания) с памятником Александру III. Начало XX в. С этим снесенным в 1941 г. храмом петербургское предание связывает имя И. П. Павлова.

*быть врагами религии естественно лишь тогда, когда она отрицает науку, оспаривает ее право на внимание и руководство людьми. <...> Современная религия отказалась от роли соперника научному знанию, оставаясь только руководителем нравственного поведения людей»*⁹⁶.

Иван Петрович считал, что совместимость занятий наукой с верой в Бога не тождественна совместимости религиозной веры с научным знанием.

В Санкт-Петербургском отделении Архива РАН хранится любопытный документ – письмо на английском языке к Ивану Петровичу от Лондонского общества Christian Evidence Society, содержащее анкету с вопросами, касающимися его отношения к некоторым религиозным постулатам. Подобные письма общество рассылало крупным ученым с целью *«в интересах истины»* узнать их мнение и *«оценить факты»*. Ответы И. П. Павлова на вопросы анкеты очень лаконичны, но в них явно прослеживается позиция ученого-материалиста, стоящего на платформе научного знания. Он отрицает идею персонифицированного Бога, не верит в жизнь после смерти, не допускает существования особой «духовной зоны», считает, что человек сам отвечает за свои поступки,

⁹⁶ СПб АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. № 39.

но при этом соглашается с мыслью о том, что вера в эволюцию вполне может сочетаться с верой в Создателя. Особое примечание Павлова к заполненной анкете звучит так: *«Мои ответы не означают моего безусловно негативного отношения к религии. Как раз наоборот. В моем неверии я вижу не преимущество, а проигрыш по сравнению с возможностью быть верующим. Я глубоко убежден, что религиозные чувства и склонности являются жизненной необходимостью человеческого существования, по крайней мере, для абсолютного большинства»*⁹⁷.

Распорядок дня И. П. Павлова

Посетителей музея, особенно людей пожилых, часто интересуется, каким образом Ивану Петровичу удавалось сохранять удивительную работоспособность и энергию до самых последних лет жизни. Сам Павлов объяснял это тремя факторами: здоровой физической наследственностью; воздержанием от вредных бытовых привычек — курения и вина; и, наконец, педантичным и неукоснительным соблюдением регулярного распорядка дня (привычка, выработанная еще в молодости).

В своей лекции «Основа культуры животных и человека», прочитанной в 1918 году, Павлов говорил о необходимости для индивидуума не только свободы, но и строжайшей дисциплины, которая, по его словам, *«поддерживает практику нервной деятельности, упражняет торможение»*. *«Основной закон нервной системы тот, — говорил он, — что она состоит из двух половин: из проявления деятельности раздражения, или свободы в широком смысле, и из проявления деятельности задерживания, торможения, или дисциплины, узды. Вне этого нет жизни»*⁹⁸.

Обладая от природы холерическим темпераментом, он сам как никто другой нуждался в «практике тормоза», которой, по его мнению, очень способствует соблюдение определенных обычаев, привычек, порядка и дисциплины. *«К сожалению, в русской жизни совершенно не создано, что судьба жизни страшно зависит от маленьких житейских правил»*, — говорил Иван Петрович.

Пунктуальность Павлова стала предметом особого внимания в воспоминаниях о нем многих его учеников и сотрудников. Так, В. Н. Болдырев, начавший работать в его лаборатории в 1901 году, писал об учителе: *«Его жизнь была строго распланирована, и эта характерная для Ивана Петровича черта заслуживает особого внимания. За 10 лет моей работы в Военно-медицинской*

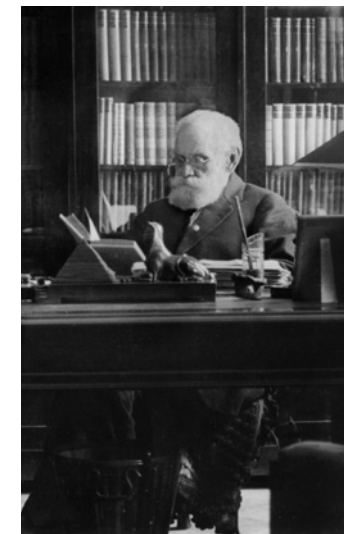
*академии в качестве его ассистента он пропустил лишь одну лекцию — и то по болезни. К назначенному времени он никогда не опаздывал»*⁹⁹. По словам К. М. Быкова, Павлов жил и *«работал с точностью лучшего хронометра»*.

Эта самодисциплина, аккуратность и точность, доходившие до педантизма, часто поражали людей, особенно тех, кто еще был не очень хорошо с ним знаком. Д. А. Бирюков вспоминал, что, когда он еще только начинал работать у Павлова, ему понадобились некоторые сведения. *«Иван Петрович, оторвав бумажку от лежащего рядом конверта, быстро записал на ней нужные цифры из моих опытов, — рассказывал Бирюков, — и сказал: „Я Вам позвоню завтра в половине десятого“. Не скрою, я был в полной уверенности, что и бумажку он потеряет, и не позвонит. Назавтра, ровно в 9 ч. 30 м. меня вызвали к телефону»*¹⁰⁰.

Такой же пунктуальности Павлов требовал и от сотрудников своих лабораторий. И. В. Завадский, поступивший к Павлову в Физиологический отдел ИЭМ в 1907 году, вспоминает, какая строгая дисциплина царила там. *«Продолжительность рабочего дня была 9 час.: с 9 час. утра до 6 час. вечера. Редко кому, и то по уважительным причинам, разрешалось работать меньше. Сам руководитель подчинялся тому же режиму и отсутствовал только в часы обязательных занятий в Военно-медицинской академии и Академии наук»*¹⁰¹.

Позже, с возрастом, Павлов стал работать с 10 до 17 часов. По его приходу и уходу из лаборатории можно было проверять часы, однако он ввел в лабораторный распорядок дня действительный ритуал сверки часов всех сотрудников. Его подробно описывает Л. А. Андреев: *«В программу „сред“ входил обязательный ритуал проверки времени. За минуту до 12 час. беседа прерывалась, Иван Петрович клал свои часы на стол, сотрудники проделывали то же. Отсчитывались секунды в ожидании сигнала — выстрела пушки. Конечно, у сотрудников часы шли вразнобой: у одних чуть впереди, у других отставали, поэтому совершенно естественны разногласия в предсказаниях, когда должна быть „пушка“. Даже втихомолку идут пререкания. Иван Петрович упрямо верит только своим часам и молчит. Выстрел. Раздается торжествующий голос Павлова: „Вот здорово — идут совершенно точно“. Когда пушка была отменена и проверка времени производилась по радио, в зале был поставлен громкоговоритель, и ритуал сохранил все свое торжественное значение»*¹⁰².

Этот ритуал, немного курьезный, но, видимо, такой важный для Ивана Петровича, сохранялся в его распорядке дня до конца жизни. И. Н. Журавлев,

И. П. Павлов в домашнем кабинете. Начало 1930-х гг.

⁹⁹ Болдырев В. Н. Работа у Ивана Петровича Павлова // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. С. 62.

¹⁰⁰ Бирюков Д. А. И. П. Павлов (по записям в дневнике) // Там же. С. 56.

¹⁰¹ Завадский И. В. И. П. Павлов в лаборатории // Там же. С. 98.

¹⁰² Андреев Л. А. Великий учитель и мастер научного творчества // Там же. С. 23.

⁹⁷ СФФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. № 20, 21.

⁹⁸ Павлов И. П. Основа культуры животных и человека // И. П. Павлов: pro et contra. С. 158.

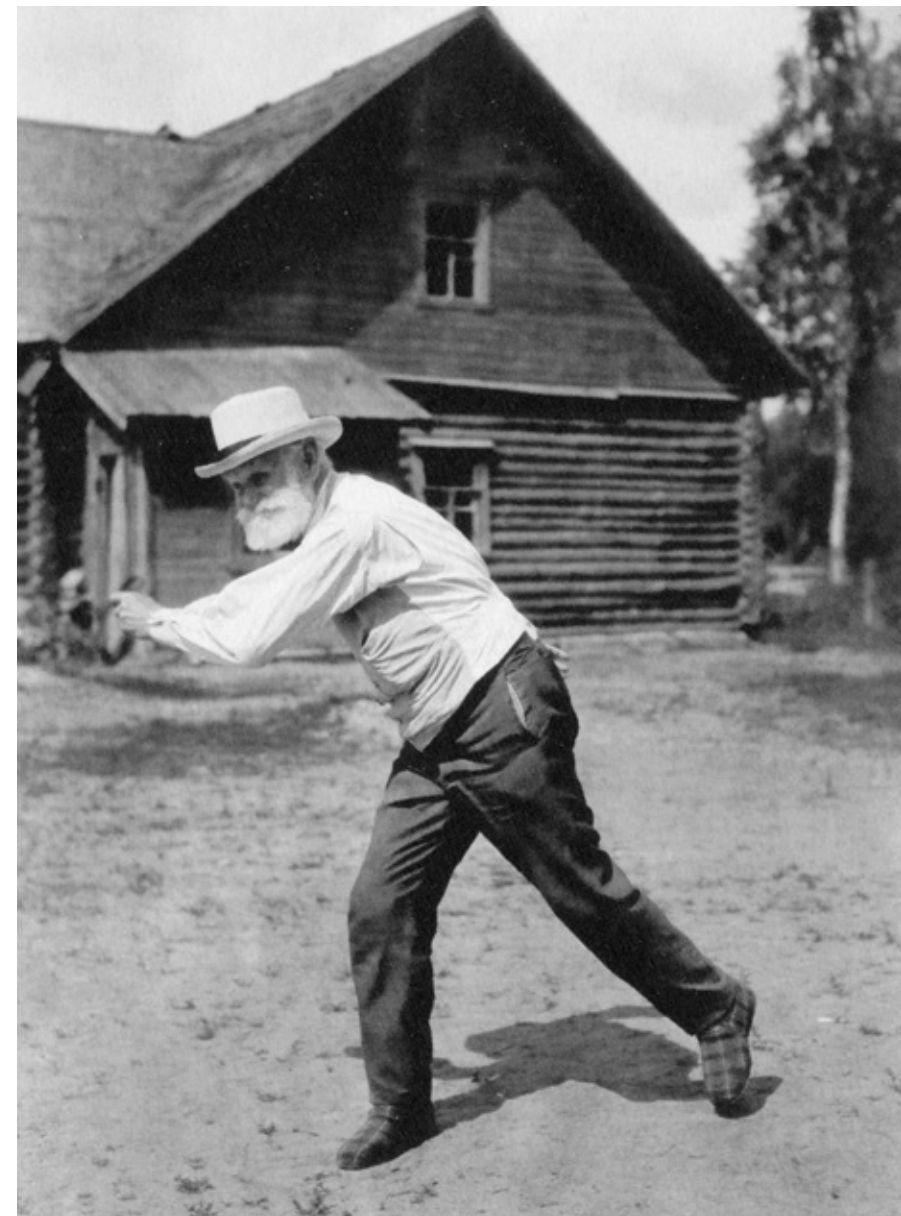
И. П. Павлов среди слушателей его лекции по физиологии в Военно-медицинской академии. 12 марта 1911 г.

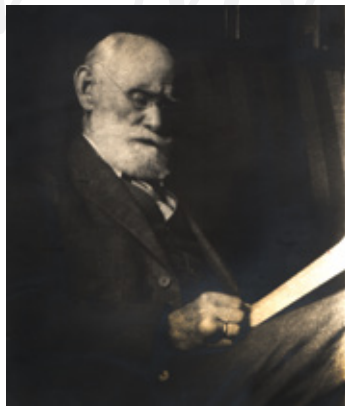
вспоминая о своей встрече с Павловым летом 1935 года, пишет: «Приехав с женой в Колтуши, мы в 12 час. встретились с ним „на проверке часов“, после чего очень радушно были приглашены к завтраку». Лекции по физиологии в Военно-медицинской академии он также читал «с часами в руках», начиная и заканчивая их минута в минуту. Конечно, в разные периоды жизни режим менялся, но неизменным оставалось отношение к нему и обязательное его соблюдение.

Здоровый образ жизни по И. П. Павлову

Необычайная физическая выносливость Ивана Петровича была отчасти дана ему природой, но в большей степени поддерживалась ежедневными тренировками: активной ходьбой, ездой на велосипеде, занятиями гимнастикой, игрой в любимые им городки и т. п.

И. П. Павлов за любимой игрой в городки. Колтуши. Конец 1920-х гг.

И. П. Павлов за чтением в домашнем кабинете. Начало 1930-х гг.

И. П. Павлов за подметанием дорожки в Колтушском парке.

Тренировке организма, физическому труду Павлов придавал огромное значение. В своей лекции «О самоубийствах», прочитанной в ВМА 11 сентября 1913 года, проследивая причины и способы предотвращения этого страшного социального явления, он, в частности, говорит: *«Я всегда был приверженцем, любителем физической работы. И я на собственном примере знаю, до какой степени она хорошо действует. Я много раз помню разные тяжелые жизненные положения и могу сказать с полной убежденностью, до какой степени меня выручала физическая работа там, когда я умственно и нервно совершенно терялся. И я думаю, что один из приемов, чтобы выйти из тяжелого нервного состояния, — это есть утверждение в жизнь физической работы... У нас занимаются теперь очень много спортом, но я боюсь, что это обычная мода, что это не войдет в необходимое правило русской жизни»*¹⁰³. Сам Иван Петрович еще в 1894 году стал инициатором создания и на долгие годы активным участником «Общества врачей — любителей физических упражнений», в члены которого настойчиво и с энтузиазмом привлекал своих сотрудников.

В летние каникулы распорядок дня Ивана Петровича, естественно, менялся. Известно, что довольно долгое время для него существовало им самим установленное правило: «ни одна научная книга не имеет права въезда на дачу». Павлов считал, что в летние месяцы необходимо полностью отвлечься от научных проблем, чтобы осенью вновь приступить к ним с еще большим азартом и энтузиазмом. Зато на даче можно было вдоволь насладиться чтением художественной литературы, на что в течение рабочего года обычно не оставалось времени. Произведения любимых им Пушкина, Толстого, Достоевского, Гёте и в особенности «возлюбленного» Шекспира, перечитывались им множество раз. В письме в Англию к дочери Вере он пишет: *«Чрезвычайно рад, что ты привлеклась к Шекспиру. Это — лучший, это — высший вкус. Для меня Шекспир как бы нечто божественное. Я беру его в руки всегда с некоторым трепетом, с благоговением. Я обращаюсь к нему в трудные минуты жизни — и всегда нахожу в нем опору. Это для меня пример редкой силы и вдохновения. После прикосновения к нему я опять полон надежды и жизненной энергии. А мысль, сколько раз не перечитывал его, всегда находит в нем что-нибудь новое и поразительно жизненное. Без меры изумительно, как могло вместиться в одном человеке такое знание человеческой природы во всех ее разнообразных типах и крайних проявлениях <...>. Да, Шекспир гордость английской нации. Я буду очень счастлив читать и проникать в Шекспира вместе с тобой»*¹⁰⁴.

¹⁰³ Павлов И. П. О самоубийствах. Лекция для студентов ВМА 11.09.1913 г. // И. П. Павлов: pro et contra. С. 89.

¹⁰⁴ Письмо И. П. Павлова к дочери (Мемориальный музей-квартира И. П. Павлова, инв. № 274/3).

Физический труд и спортивные упражнения продолжали занимать в летнем распорядке дня обязательное место: к энергичным пешим и велосипедным прогулкам, городошным матчам добавлялись непременно ежедневное купание и садово-огородные работы, которые Иван Петрович так любил. Так было и на даче в Силламягах (с 1890 по 1917 год), и позже в Колтушах (1920–1930-е годы), до самых последних лет его жизни.

М. В. Нестеров, живший у Павловых в Колтушах, так описывает начало дня 80-летнего ученого: *«Жизнь шла своим, давно заведенным порядком: просыпались все около 7 часов. <...> Иван Петрович выходил из кабинета... и шел купаться. Купался он из года в год с первых дней приезда на отдых до последнего дня, когда надо было возвращаться в Ленинград, начинать там свои обычные занятия. Ни дождь, ни ветер не останавливали его»*¹⁰⁵. Обязательной была и ежедневная активная работа в саду, чистка дорожек, уход за цветами. *«Черт возьми, — говорил Иван Петрович, — до чего же мышечная работа хороша! Какую она дает мышечную радость! Какое удивительное равновесие она приносит! Одно наслаждение и, конечно, полное удовлетворение»*.

Многогранная личность Павлова до сих пор, несомненно, может служить примером для воспитания молодежи. Образ великого ученого, внесшего огромный вклад в мировую науку, почитается до сих пор не только российскими, но и зарубежными физиологами, психологами, медиками, педагогами. Ему установлены памятники, последний из которых (2004) находится рядом с Институтом физиологии им. И. П. Павлова РАН и недалеко от Санкт-Петербургского университета.

И Мемориальный музей-квартира ученого в Доме академиков также хранит память об этом удивительном человеке. Для того чтобы окунуться в неповторимую подлинную атмосферу этого места, его надо обязательно посетить. Несмотря на свою ведомственную принадлежность и небольшой штат сотрудников, музей ведет активную, вполне современную жизнь, хранит бесценные сокровища, несет людям знания, сохраняет историю российской академической науки и ее выдающихся представителей.

Памятник И. П. Павлову — первому нобелевскому лауреату России, установленный в Санкт-Петербурге на Тифлисской улице в 2004 г. Скульпторы А. Г. Дёма, В. Ф. Онежко, архитектор И. Д. Билибин.

¹⁰⁵ Нестеров М. В. И. П. Павлов и мои портреты с него. С. 339.

*V. Память
людей*

Ольга Толмачёва

Карпинские — Толмачёвы — Дом

На мемориальной доске, висящей на стене нашего дома, можно прочесть, что А. П. Карпинский жил здесь с 1899 года. И с того времени в доме живут его потомки. Это исторический факт. Но когда я решила рассказать, как все это было, то история всколыхнулась и едва не придавила меня. Теперь я трепыхаюсь в попытках поднять историю семьи за сто лет и «пером описать». Непросто.

Семья Карпинских-Толмачёвых жила и по сей день живет в Доме академиков уже 117 лет. Причем в нынешней квартире (правда, сейчас уже в меньшей ее части) — ровно сто лет, с 1916 года, так что нынче, когда составляется эта книга, как раз можно отметить юбилей! Карпинские переехали в этот дом из Горного института; Александр Петрович был уже ординарным академиком, директором Геологического комитета, всемирно известным ученым. С Горным институтом он был связан с одиннадцати лет: именно в таком возрасте он и два его брата прибыли с Урала, из Екатеринбурга, на обучение в Горный корпус¹. Отец их, горный инженер Петр Михайлович Карпинский, служивший по горному ведомству, рано скончался, и вдова, не имевшая средств на обучение детей, воспользовалась правом государственного обеспечения. И дед, и отец мальчиков окончили в свое время Горный корпус, поэтому они были уже потомственными горняками. Это, кстати, сыграло важную роль в глубоком и естественном постижении Александром Петровичем своей профессии. Горный институт он окончил в 1866 году с золотой медалью, уехал на Урал на службу, но его довольно быстро отозвали снова в Петербург. По рекомендации учителей молодому геологу предложили заняться преподаванием в родном институте. В 1868 году он вступил в должность адъюнкта, а в 1869-м уже защитил диссертацию. Все годы преподавания в Горном институте он регулярно ездил в экспедиции, чаще всего на знакомый и любимый Урал. В 1873 году женился на Александре Павловне Брусницыной, сестре его институтского коллеги, дочери Павла Львовича Брусницына, профессора Академии художеств. Дед ее Лев Иванович Брусницын был из уральских рудознатцев, первооткрыватель рассыпного золота в Екатеринбургской губернии. Молодые супруги поселились в казенной квартире при Горном институте, там родились все их дети — старшая Евгения (1874), Татьяна (1876), Мария (1881), Александра (1886).

¹ Обиходное название; официально в это время учебное заведение именовалось Институт корпуса горных инженеров. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, сноски принадлежат редактору.)

Федор Богданович Шмидт

Был у них и единственный сын — Коля, но в пятилетнем возрасте он заболел и умер; Александр Петрович до конца своих дней не забывал об этой утрате.

Александр Петрович закончил свою преподавательскую деятельность, поскольку количество его должностей и обязанностей неуклонно росло. Семья первоначально поселилась в Доме академиков в квартире № 9, хорошей и просторной, но Александр Петрович всегда хотел, чтобы окна выходили на Неву, и потому вскоре семья переехала в квартиру № 2, тоже на первом этаже, но с видом на Неву. В этой квартире прожили до 1916 года. Семья была дружной, счастливой, супруги нежно любили друг друга и детей, поэтому в доме всегда было много гостей, коллег Александра Петровича; Карпинские принимали по четвергам. Часто приходил Федор Богданович Шмидт², геолог и человек бессемейный. Дети играли, бегали по квартире даже тогда, когда Александр Петрович работал — он умел так сосредоточенно погружаться в работу, что шума не замечал.

Дети росли, определялись их интересы. Особенных успехов в образовании добились Евгения: она была чрезвычайно способна к изучению языков и осваивала их с беспрецедентной скоростью; в конечном счёте, она свободно владела не меньше чем дюжиной языков. Средняя дочь, Татьяна, рано проявила художественные способности, рисовала портреты всех домочадцев, в дальнейшем окончила Академию художеств. Мария окончила Бестужевские курсы, Александра училась в Консерватории. Евгения интересовалась и естественными науками, она пополняла свое образование в Германии. Часто в семье гостила мать Александра Петровича, Мария Фердинандовна, она приезжала с Урала, помогала Александре Павловне воспитывать детей. Но и на Урале у нее было много забот, там росли внуки — дети старшей сестры Александра Петровича. Душой дома, безусловно, была Александра Павловна, добрая и приветливая. Именно ею создавалась та атмосфера, которая так влекла друзей в дом Карпинских. Она любила музыку, и все в доме музицировали. Несмотря на занятость Александра Петровича, семья часто посещала оперу, водила знакомство со многими певцами и композиторами. В гостях у Карпинских бывал Глазунов, оперные певцы Ершов и Андреев.

Александра Павловна не только вела дом, но и была незаменимой помощницей мужа в переписывании его рукописей, проверке, исправлении.

Дочери выросли, и тут уже начинается наша история. Евгения Александровна какое-то время училась в Мюнхене, ее интересовали геология и сейсмология. Там, в Мюнхене, она подружилась (возможно, они познакомились еще

² Шмидт Федор Богданович (Фридрих Карл; 1832–1908) — геолог, ботаник и палеонтолог.

в Петербурге) с Иннокентием Павловичем Толмачёвым — молодым геологом, коллегой Александра Петровича. Он приехал в Петербург из Иркутска, учился в университете на физико-математическом факультете, окончил его в 1897 году. Наверное, за границей молодые люди имели больше возможности разглядеть друг друга — оба увлеченные наукой, оба жадно учившиеся, молодые, волевые, целеустремленные. Полюбили друг друга и довольно скоро поженились. В 1901 году родился первенец — Павел, в 1903-м — Александр. Где поселились молодожены, сведений у меня нет, но знаю, что летом все обитали в Сиверской, где Карпинские много лет снимали дачу. Конечно, Александр Петрович и Александра Павловна были счастливы, что в доме появились внуки. А внуки деда звали Дедулей, и постепенно это стало во всей семье его привычным именем. Даже дочери часто называли его так.

Но счастье молодых было недолгим. Два сильных характера не могли и не хотели друг другу уступать. У бабушки Евгении Александровны (впрочем, это она уже нам стала бабушкой, а тогда еще только была женой и мамой) был непростой нрав — гордый, победительный; она всех перегоняла в успехах, в учении, в широте кругозора, эрудиции, отличалась категоричностью и бескомпромиссностью. Молодой муж был крепким экспедиционником, пытливым ученым, человеком самостоятельным и организованным. Подчиняться женщине он, видимо, не хотел и не умел. Жаль мне их издавека, особенно жаль, что потеряла я дедушку навсегда, даже еще не родившись!

Они расстались. Причем, он ушел не к кому-нибудь, как обычно делают мужчины, а просто ушел. Для бабушки это был страшный удар — и по гордости, и по страстной женской сущности. Потом, уже в глубокой старости, когда я была взрослой, она как то сказала: «Родители за меня боялись, я была не в себе, ходила на мост...»

Мальчики остались в семье деда, под крылом своей любящей бабушки и довольно строгой и не очень умелой мамы. Она продолжала заниматься наукой, замуж больше никогда не выходила. Приблизились трудные времена — Первая мировая война, хотя даже на фоне войны российская наука продолжала оставаться наукой. Конечно, по мере возможности все принимали участие в благотворительности.

Сыновья Евгении Александровны росли в атмосфере академической науки и с детства были склонны к научной работе. Впоследствии Павел стал химиком, Александр — ботаником. Тем временем Александр Петрович был избран собранием академиков в вице-президенты Академии наук.

Президента обычно назначали из царствующей фамилии. В 1915 году скончался президент Академии наук великий князь Константин Константинович, а в следующем году умер вице-президент, академик П. В. Никитин. Академия осталась без двух главных лиц. По многочисленным предложениям Александр Петрович Карпинский был избран вице-президентом. Авторитет его среди ученых был абсолютным, его многолетняя научная и общественная деятельность вызывала всеобщее одобрение и уважение. Главная квартира в доме после смерти Никитина освободилась, и семья Карпинских разместилась в ней. Шесть комнат, большой торжественный балкон, окна на простор Невы, на 7-ю линию и частично во двор. Была еще винтовая лестница на третий этаж. Для подрастающих внуков там были комнаты.

Внуки рано занялись научной работой, Александр уже с шестнадцати лет ездил в экспедиции. Их отец, Иннокентий Павлович, пока была возможность, общался с сыновьями, но тут пришли революционные годы, вся страна разворшилась, ломались судьбы, устои, законы, принципы... Академию наук ждали огромные перемены. Февральская революция пыталась создать какие-то правила; единственное, что Временное правительство сделало для Академии наук, — утвердило закон о выборности президента из числа академиков. И ученые единогласно выбрали Карпинского президентом сроком на пять лет. Ему было уже семьдесят лет, хотелось заняться собственными научными изысканиями, но он не мог отказаться и пренебречь доверием научного общества. Дальше — Октябрьская революция и... Революция, одним словом!

Когда думаешь, сколько испытаний выпало нашим старшим, ужас охватывает. А ведь в их жизни эти потрясения и ужас длились не один день и не один год! Академию наук затрясло со всех сторон. Кое-кто из ученых сразу решил эмигрировать, но таких было немного — все-таки ученый народ хочет больше всего заниматься наукой, и «не трогай мои чертежи!».

Александр Петрович на своем посту много сделал для коллег и друзей, да и для самой Академии наук как солидного и важного для страны учреждения. Эти годы перестройки всех институтов и отраслей были трудными, и многие ученые отмечали, что большой удачей для Академии было то, что главным лицом в ней был А. П. Карпинский — спокойный, мудрый, человечный.

Но обо всех проблемах невозможно рассказать, надо вернуться к домочадцам. Иннокентий Павлович никогда не порывал научных и дружеских отношений с бывшим тестем, они и в дальнейшем, в 1920-е и 1930-е годы, состояли в переписке. Большая энергия, широкие интересы Иннокентия Павловича, к сожалению, негодились в эти бурные годы, он уехал в Сибирь, затем на Даль-

ний Восток, а оттуда эмигрировал в Америку. С младшим сыном, Александром, он много лет переписывался, но встретиться так больше и не удалось.

Евгения Александровна «забыла» о существовании бывшего мужа, поэтому у нас в детстве были рассказы только о прадедушке, а дедушки как бы и не было. Александра Петровича и всю семью в 1918 году постигло самое большое горе — умерла Александра Павловна. Было трудно по всем статьям — начиналась революционная разруха, а тут она тяжело заболела, и летом, когда семья все же уехала на дачу в Сиверскую, там слегла и уже не вставала. Скончалась она 15 июля, было очень жарко, и не было ни сил, ни средств, чтобы отвезти и похоронить ее в Петербурге: Александр Петрович был совершенно потрясен, и не нашлось такого человека, чтобы это организовать. Конечно, и Александра Павловна, и Александр Петрович хотели (он писал об этом в своем завещании) быть похороненными на Смоленском кладбище, рядом с их маленьким сыном. Поскольку в трудные годы никто могилу не посещал, она затерялась. Где-то рядом с геологической площадкой... Я пыталась искать, когда сама уже стала немолода... увы — никаких следов не осталось. Александру Павловну похоронили в Сиверской.

В доме после смерти Александры Павловны, где она — конечно, именно она — была источником тепла и порядка, стало трудно. Взрослые дочери, все со своими интересами и характерами. Татьяна Александровна, художница, была наиболее мягким человеком, личная жизнь ее не сложилась, но она была остроумной, доброй и уживчивой. Маруся вышла замуж за художника Беккера и уехала с ним за границу. Александра как-то странно вышла замуж, родила дочку, но почему-то предпочла жить дома, хотя и не порывала с мужем. А Евгения Александровна была поглощена академическими делами. Конечно, в том, что касалось служебных дел, она была незаменимым помощником отцу. Она была и секретарем, и пресс-секретарем, а для Академии заменяла целый иностранный отдел: всю переписку с зарубежными коллегами она, с ее знанием европейских языков, смогла взять на себя. Во всех зарубежных поездках она сопровождала отца, до самого последнего года его жизни. Ей хватало и сил, и знаний, и дипломатичности. Сыновья уже работали — Павел в Хлопинском институте³, а в дальнейшем в Ухте, занимался ядерными проблемами; не женился, так как рано, как и многие исследователи в те годы, облучился, заболел и скончался, не дожив до 50 лет. Александр какое-то время учился в университете, стал биологом, продолжал образование в Германии, мечтал съездить в Америку; отец писал ему, наставлял, советовал, ценил сына за энергию, целеустремленность, большое количество публикаций и постоянную экспедиционную деятельность.

³ Радиовому институту, которым долгое время руководил Виталий Григорьевич Хлопин (1890–1950), после смерти ученого было присвоено его имя.

Александр Петрович Карпинский.
Портрет работы П. И. Нерадовского.
1925 г.

Вот мы и добрались до моей истории. В одной из экспедиций, в Красноярске, познакомились мои папа и мама. Она жила с маленьким сынишкой, муж погиб, работала в редакции машинисткой. Помогла приехавшим ботаникам устроиться с квартирой, водила их на экскурсию на «Столбы». Характер у нее был жизнерадостный, с ней было легко и просто, она очень любила жизнь и людей, — так было до конца ее дней. И папа был тоже жизнерадостный, остроумный, а как хохотал! К некоторым из его детей перешло это умение заразительно и искренне смеяться. Кстати, Евгения Александровна да и сестры ее, тоже были остры на язык, порой даже слишком. Некоторые бабушкины остроты я даже не смогла бы привести здесь. Не потому, что они были неприличны (кстати, никого в доме эта сторона языка не привлекала), нет, но они были порой беспощадны. Уж как скажет, так пришпилит...

Да, в Красноярске решалась судьба. Он звал Ирину в Ленинград, она говорила о сыне. Папа к детям относился хорошо, обещал усыновить ее ребенка, хотел много детей. Она была согласна. Из Ленинграда он писал, как дома холодно и неуютно, и она приехала. Тут, конечно, все было непросто. Главные трудности были со свекровью. Какой она хотела видеть невестку? Ну конечно, не такой! Главный вопрос — образование. У моей мамы было трудное детство, надо было помогать старшим, ее способности и желание учиться ничего не меняли. Но она была любознательна, много читала и, как могла, наверстывала упущенное. Александр Петрович принял ее сердечно — они сразу нашли общий язык. А она сразу заметила, как нуждается он в помощи и заботе: взрослые дочери как-то этого не замечали, ведь прежде о нем заботилась жена. Добрые отношения сложились с Татьяной Александровной, а маленький Вова всем понравился — он был добродушный и доверчивый. Александр Иннокентьевич действительно усыновил Вову, а через непродолжительное время родилась Леночка, — вот внучке Евгения Александровна была очень рада. Молодые жили в комнатах на третьем этаже, никому не мешали.

В эти годы Александр Петрович Карпинский с целой командой научных работников побывал в северных городах страны, разрабатывалась программа по освоению Северного края, он старался и внуков привлечь к этому, они сопровождали его в поездках в Архангельск и Сыктывкар. В дальнейшем Павел действительно связал свою жизнь с Севером — трудился в Ухте, а Александра Академия наук откомандировала в Архангельск. Вот так Александр Иннокентьевич и Ирина Игнатьевна собрались и поехали на новое место жительства.

Грустил о разлуке больше всех Александр Петрович; сохранилось письмо, в котором он сетовал, что, быть может, с правнучкой расстался навсегда. Алек-

сандр Иннокентьевич очень деятельно взялся за работу в Архангельске, много писал и постоянно публиковал свои статьи, преподавал в Лесном институте, решал разные организационные вопросы. Ему присвоили по совокупности работ докторскую степень, он стал профессором. А для Александра Петровича Карпинского наступили очередные трудные времена: несмотря на его весьма преклонный возраст, академики каждые пять лет переизбирали его президентом. Он был нужен Академии, и коллеги как-то привыкли быть у него под защитой, хотя он и сам нуждался в защите. Активности его можно удивиться: будучи неторопливым и спокойным, он успевал всюду — принимал участие во всех начинаниях Академии, откликался на все просьбы и предложения выступить, постоянно публиковал заметки и статьи по поводу самых разных проблем. Но Академию наук правительство планировало перевести в Москву, и президенту, конечно, предстоял переезд. Несмотря на годы, он еще постоянно ездил за границу на все геологические конгрессы, выступал. А сколько, помимо этого, на нем было различных обязанностей! А сколько наград, сколько почетных званий от всех европейских государств! Авторитет советской науки ценили за рубежом во многом благодаря такому заслуженному руководителю. Но душа болела: он понимал, что жить осталось немного, уезжать из дома в Москву ему не хотелось. Академия уже перебралась в Москву, многие институты, друзья, коллеги-ученые. Дело было за президентом. В 1935-м его встречали в Москве, спрашивали, где бы он хотел жить, а он отвечал: «Неважно, лишь бы окна были на Неву». В Москве ему выделили целый особняк на Пятницкой, 33 (сейчас там какое-то консульство). Вот в этом особняке и были сделаны прекрасные фотографии всей семьи, на одной из них четыре поколения Карпинских (А. П. Карпинский с дочерью Е. А. Толмачёвой-Карпинской, внуком А. И. Толмачёвым и правнучкой Леночкой Толмачёвой).

1936 год был тоже весьма насыщенным для президента: опять поездки, выступления, публикации. В Архангельске тем временем родилась еще одна правнучка, Оленька, и Александр Петрович радовался и писал внуку: «Привезите маленькую». Но внук уехал в экспедицию, а мама из желания увидеть Александра Петровича и показать ему малышку (Боже, на что только способны молодые женщины!) подхватила и с тремя детьми поехала в Москву! Наверное, кто-то сопровождал их, да теперь не у кого спросить. Так что в месяц с небольшим правнучку показали прадеду. Семья тогда жила на даче в Подмосковье, там тоже есть станция Удельная. Было очень жарко; Александр Петрович заболел, силы были на исходе. В начале июля ему стало совсем плохо. До последнего дня он был в сознании, беспокоился, что не сможет приехать на заседание ученого совета: обязанности прежде всего!

На фото слева направо:
Александр Петрович Карпинский;
Александр Иннокентьевич Толмачёв
(внук А.П., сын Е.А.);
Лена (Елена Александровна) Толмачёва –
дочь А.И., внучка Е.А., правнучка А.П.
(единственная родившаяся при его
жизни);
Евгения Александровна Толмачёва-
Карпинская – дочь А. П.
1935 г.

15 июля 1936 года Александр Петрович скончался, тогда никто не обратил внимания, что именно 15 июля, но 1918 года – ровно 18 лет назад – не стало Александры Павловны. Дальше были торжественные похороны, можно сказать, на всю страну, на весь мир: Карпинского знали все, его большую жизнь и огромную деятельность, точно, не описать, не охватить. Человек он был скромный, невысокий, а каких высот достиг!

Прах Карпинского похоронили в Кремлевской стене, урну несли Сталин, Молотов, другие государственные деятели. Во всех газетах были некрологи, фотографии, публикации.

Осиротевшие дочери вернулись в Ленинград, квартира за ними была закреплена, каждой назначена пожизненная пенсия. Евгения Александровна хотела было задержаться в Москве, завершить какие-то дела, помочь Академии наук, но поддержки не встретила. Она была человеком принципиальным и «слишком много знала», мужчины этого опасаются.

В Ленинграде Евгения Александровна продолжила свою многостороннюю деятельность, занялась подготовкой к изданию трудов отца, подарила Академии наук его богатейшую профессиональную библиотеку, выполняла переводы с иностранных языков и для учреждений, да и частенько для частных лиц – естественно, бесплатно.

Теперь самое трудное для меня: драматичный период в истории семьи сына Евгении Александровны, Александра Иннокентьевича. В Архангельске было все благополучно: успешная карьера, дружная семья, забавные истории из жизни детей. Однажды мы приезжали в Ленинград все вместе, и я сохранила первое мое воспоминание о Доме, – я пишу это слово с большой буквы, потому что Дом впечатался в меня навсегда, как оплот семьи, оплот традиций и развития, несмотря на все трудности, печали и перипетии жизни. Но первый визит был мимолетным, мне было два года (знаю точно, потому что в три года было уже не до поездок). Было чувство простора и света от огромных комнат. Вокруг было много людей. Я, как рассказывала мама, «ко всем шла с улыбкой и растапливала всех». Помню очень немного: мы пошли гулять к рынку, это было очень далеко! (Андреевский рынок почти что через дорогу от нашего дома). Я канючила, но, когда дошли, была потрясена, увидев арбузы в клетке! Вот это уже восторг навсегда! Я и сейчас при слове «арбуз» то свое впечатление вспоминаю.

Мы вернулись в Архангельск, а через год наша жизнь обрушилась. Мне нелегко об этом писать, хотя придется, иначе как объяснить сосуществование в дальнейшем детей старших и младших: бабушка одна, а внуки – от первого брака и от второго брака. Наш папа, Александр Иннокентьевич, в командировке на Дальний Восток встретил свою роковую любовь, ничего не смог поделатать и привез ее в Архангельск. И никаких компромиссов, никаких размышлений! Да, это был гром с ясного неба, я и теперь не могу об этом спокойно думать; мама осталась с тремя детьми на руках в расцвете молодости (больше она не выходила замуж). Но именно молодость плюс хороший оптимистичный характер помогли выжить. У папы в новой семье родился сын Юрий, жену звали Зоя Николаевна. Это мы, дети, запомнили.

Не буду говорить, что переживала мама, но папа тоже страдал и старался навещать нас. Детей он любил, не забывал, помогал. Лена как старшая была в отчаянии, я просто умирала от разлуки. И тут началась война, всеобщая беда и катастрофа для всех людей, для всей страны. Филиал Академии наук перевели в Сыктывкар, папа уехал туда с семьей. Архангельск начинали бомбить, мама испугалась за нас, и мы тоже переехали в Сыктывкар. Ах, надо притормозить, столько всего было, а надо ведь «ближе к Дому», но до него еще так далеко! Сначала — Средняя Азия, эвакуация. Академические институты двинулись вглубь страны, папа с семьей был отправлен в Сталинабад (нынешний Душанбе) возглавлять один из институтов. Мы потянулись за ним — иначе как через войну он мог нас поддержать.

Как мы с мамой ехали в Сталинабад, я помню очень хорошо. Никому такого не пожелаю и подробности опускаю, чтобы сердце унять. Короче, ехали мы месяц, и у нас было шесть пересадок. Мама старалась поддерживать «в команде» бодрый дух. Приехали, устроились на свой страх и риск, мама так была расположена к людям, что всегда быстро находила друзей. Жили, конечно, бедно и трудно, папа был устроен значительно удобнее. В эвакуации у него родились близнецы — Марина и Таня. К нам он приходил, помогал деньгами. Мама старалась, чтобы мы виделись. Сама она работала на двух работах, и жили мы поначалу в кибитке с земляным полом. Но мамин оптимизм скрашивал все трудности, а каково ей было? Она нам читала Пушкина и Гоголя, пела песни и арии. У нас был патефон, и мы все трое пели песни — и революционные, и пионерские. Но все трое заболели малярией, особенно тяжело болела Лена. Врачи говорили, что нужно менять климат, но война говорила другое. Мы с Леной ходили в госпиталь и пели песни для раненых.

Теперь уже — ближе к Дому. Бабушка и ее сестры не помышляли уезжать из Ленинграда, они остались в блокаде. В 1942 году Татьяна Александровна и Александра Александровна слегли от холода и истощения и умерли. Евгения Александровна, как более крепкая и волевая, выжила. Мы с сестрой потом спрашивали бабушку о блокаде, она не очень-то хотела рассказывать детям о страшном, но одно мне запомнилось: она старалась не ложиться! Сестры лежали на кроватях, а она сдвигала стулья и так спала. Стулья раздвигались, приходилось вставать. Пример сопротивления. Она еще старалась подкармливать из своего пайка детей, которые оставались в доме.

Как только блокаду сняли, Евгения Александровна стала собираться в Сталинабад. Она прилетела, и мы все увиделись — худые, обтрепанные: одеж-

ды-то не было (это видно на старой фотографии). Взрослые как-то обсуждали будущее, с нами, понятно, об этом не говорили. Бабушка теперь была одна в ленинградской квартире, у мамы не было никаких зацепок в Ленинграде, и вызов ей бы не прислали. Отношения с прежней невесткой были натянутые: зачем две невестки? Но детей надо было лечить и учить. И бабушка решила забрать нас с Леной к себе. Мама осталась со старшим сыном в Сталинабаде, бабушка улетела в Ленинград. Война закончилась, и нас с Леной увез в Ленинград бабушкин сосед по дому.

И вот тут начинается всерьез наша история в Доме. Мы приехали, нездоровые, плохо одетые, испуганные. Лена — старшая, с уже определившимся характером, а я — истерзанная разлукой с мамой (думаю, это было главным в моем состоянии).

Сели мы за стол в столовой. Стол был огромный, с прежних времен раздвинутый на две доски — раз и навсегда, хоть не было теперь ни домочадцев, ни ученых, которые раньше не только трапезничали, но и заседали в гостях у президента.

Бабушка — во главе стола, по правую руку от нее — Лена, по левую — я. И начался наш XIX век! Как она сумела обрушить на нас все это — и Горный институт, и Геолком, и Академию наук? Не знаю, но обрушила, населила наши головы множеством имен и лиц, отношений, понятий. Конечно, главные рассказы были о Дедуле, так и мы скоро стали называть Александра Петровича. Дедуля для нас оживал и оживал. Все в доме было показано и рассказано: где кто обитал, какие были музыкальные вечера, какие приходили художники — все были свои, и мы стали привыкать к тем людям, которые для бабушки были живы, и к тем событиям, которые она помнила. А помнила она всё! Начался и наш «курс русского языка» — ни одно неправильно произнесенное слово не проскальзывало; мало того что поправит, а еще и уколет, если повторили ошибку. Но и запоминали накрепко. Мне это особенно было важно при моей склонности к языку и литературе. Стихи для меня уже были родной стихией с ранних лет. И по части грамотности тоже бабушкины усилия нашли подходящую почву. Сначала она даже пыталась что-то преподать нам по-французски, но быстро отказалась от этого, она не была педагогом. Ее раздражала наша медлительность; то, что она усваивала когда-то мгновенно, вовсе не получалось у нас, и она махнула рукой. А вот с немецким языком было несколько иначе. Прибегала к нам соседка с первого этажа — Шарлотта Ивановна, вдова академика Щербатского⁴. Она бойко говорила с бабушкой по-немецки, и мы,

Федор Ипполитович Щербатский

⁴ Щербатский Федор Ипполитович (1866–1942) — крупный востоковед, переводчик, один из основателей русской школы буддологии, академик (1918).

Иван Иванович Мещанинов

Братья Орбели — Леон Абгарович и Иосиф Абгарович

желая что-нибудь понять, понемногу стали понимать. Бабушка определила нас в школу, в 27-ю, когда-то это была ее гимназия. Она дарила школе какие-то коллекции — минералов и бабочек. Она вообще постоянно что-то раздаривала. Приносила нам книги из библиотеки Академии наук — те, что современным детям были уже недоступны, так что и литература у нас была «прежняя». Впрочем, я искала на полках дома что-то интересное, так в мою жизнь вошла «Ундина» в переводе Жуковского и потрясла меня. Основная часть библиотеки была раздарена, но находилось что-то из Чехова. «Война и мир» была мной в раннем возрасте отвергнута, там половина текста в старом издании была по-французски без перевода.

Водила нас бабушка в Мариинский театр — семейная традиция, во втором ряду партера они всегда сидели с отцом. Театр нас ошеломил. К музыке мы с сестрой были склонны и многое из опер уже знали от мамы, но тут был целый мир! Бабушка в антракте подходила к оркестру и беседовала со знакомыми музыкантами. Я помню ее облик, она отличалась от окружающих: скромный костюм с длинной юбкой и (в отсутствие прически) черный бархатный мягкий берет с серебряными пуговками, который она в незапамятные времена привезла из Италии. С дирижерами она тоже была знакома, я запомнила только Гаука.

О балете — особое слово. Балет меня покорила и просто свел с ума — уже ничего я не хотела, кроме как танцевать! А в нашей просторной квартире хватало места, чтобы развернуться, и я танцевала, танцевала и хотела только в балет! Бабушка говорила: «Балет — это не профессия». Я не понимала и мечтала безудержно.

Очень мы с Леной огорчились, что к нам редко приходили гости: мы призывали, что у нас всегда был дома народ, дети. Но бабушка была всегда занята. Единственное общение с детьми нашего возраста было во дворе; после школы мы играли в лапту и в штандер, реже в прятки (уже выросли). Сидели на дровах, беседовали — весь двор был в дровах. К нам дрова всегда приносил дворник. Бабушка очень любезно всегда разговаривала с ним и его женой, которую она звала Нюра, но обязательно на вы, и много раз обращалась к ней за помощью.

Бывали у нас, правда очень редко, некоторые ученые; чаще бабушка общалась с ними в Академии. Запомнилось одно собрание: у нас, в кабинете Дедули, было обсуждение чего-то, нас бабушка допустила только принести печенье. Но все эти посетители были такие интересные и почти все старые. Был сосед по дому академик Мещанинов⁵, был эрмитажный директор Иосиф Абгарович Орбели, был его брат Леон Абгарович⁶ — вот уж кто мне понравился больше всех!

⁵ Мещанинов Иван Иванович (1883–1967) — крупный лингвист и археолог, академик (1932).

⁶ Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) — востоковед и общественный деятель, академик (1935), директор Эрмитажа (1934–1951). Леон Абгарович Орбели (1882–1958) — физиолог, один из создателей эволюционной физиологии, академик (1935), вице-президент Академии наук (1942–1946).

Он был такой аккуратный, подтянутый, в генеральском мундире Военно-медицинской академии, с седой аккуратной бородкой, душистый, приветливый, сказал что-то доброе и навсегда покорила мое десятилетнее сердце. А я так мечтала о дедушке! И потом, когда все разошлись, я все ходила и повторяла: «Какой хороший! Какой хороший!» Бабушка смеялась, ее немного удивляли мои мечты, слезы, стихи. Лена была более сдержанной и понятной для бабушки — у них был в чем-то похожий склад ума и характера. Влияние бабушки на нас было во всем, я позднее удивлялась, как она смогла охватить своим воздействием все сферы нашей жизни. Но и трудно было мне, порой очень.

Самыми замечательными событиями в нашей довольно замкнутой жизни были поездки с бабушкой в Москву на сессию Академии наук. Сейчас удивительно, как она это устраивала. Во-первых, нас забирали из школы — уже «ура», во-вторых, мы ехали в мягком вагоне, в-третьих, жили в гостинице, в-четвертых, по Москве мы ездили в академической машине. А потом мы приходили в здание президиума Академии, и бабушка была там своя, и все ее приветствовали и дивились на двух девочек в белых блузках (из бабушкиных нам перешили). Мы зябли, но очень радовались всеобщему вниманию. Особенное торжество было, конечно, по поводу столетия со дня рождения А. П. Карпинского! Мы везде присутствовали, и везде нас привечали, и все академики подавали руку, а кто-то из сотрудников написал стихи о нас! Бабушка гордилась, а уж мы-то как. Но вели себя очень чинно, уж этого бабушка добила. А какое было угощение! (Ведь всего два года после войны прошло). Мы еще долго жили в сиянье славы нашего Дедули.

Потом — снова Дом и снова школа. Мы жалели, что у нас мало соседей, вернее, что мы мало общаемся. Иногда мы заходили к Ферсманам, они жили на первом этаже, в квартире № 2.

А в нашей квартире, в двух боковых комнатах, бабушка приютила Елену Ивановну Вавилову с сыном Юрием: они вернулись после войны в Ленинград, но у них не было ни жилья, ни прав (Николай Иванович Вавилов был репрессирован и погиб). И даже брат, Сергей Иванович Вавилов⁷, бывший тогда президентом Академии наук, не мог ничего сделать — такова была советская система. А бабушка смогла и помогла, это был прекрасный поступок (думаю, на небесах это отметили). Она была строга, но с властями никогда не вступала ни в борьбу, ни в конфронтацию, была безукоризненно вежлива. Но что-то в ней такое было, что не позволяло к ней подступаться. Мы с Еленой Ивановной и Юрой только здоровались, бабушка велела им не мешать, а нам было жаль (может быть, им тоже?).

Николай Иванович Вавилов

⁷ Вавилов Николай Иванович (1887–1943) — биолог, генетик, селекционер, основатель и директор Всесоюзного института растениеводства. Сергей Иванович Вавилов (1891–1951) — физик, основатель научной школы физической оптики в СССР, президент Академии наук (1945–1951). По инициативе С. И. Вавилова в 1949 году на Доме академиков были установлены мемориальные доски в память некоторых его жителей.

Игнатий Юлианович Крачковский

Из Сталинабада приехал папа со своей семьей, Дом наполнился голосами и проблемами. Зоя Николаевна не была в восторге от присутствия в той же квартире детей ее мужа от первого брака, а главное, не очень-то складывались отношения со свекровью (забегая вперед, скажу, что они так и не сложились). Характеры у обеих женщин были непростые, и уступчивостью никто не отличался.

Опять пытаюсь передохнуть от проблем, как-нибудь миновать болевые точки, — и без них история не хочет уместиться в повествование. Мы уже подросли, отношения стали обостряться. Мне с бабушкой было непросто, я ее любила (как может ребенок не любить?), но она очень часто была слишком строга, это меня мучило. Я помню, когда мы еще были только троим: бабушка, Лена и я, как я иногда тосковала, как хотела к маме! Я бродила по комнатам в тишине, темноте, Лена где-то занималась, бабушка сидела за письменным столом, настольная лампа освещала ее фигуру над бумагами. Из темноты нашего мощного старого дома все же долетали звуки рояля — это в первом этаже супруги Крачковские⁸ играли в четыре руки. Как было одиноко, душа мечтала, росла, болела. И понемногу, обрывочно, несуразно просились на свет стихи, но еще непонятно было, что с ними делать...

С приездом детей дом оживился, мы иногда играли вместе, но у них была мама, а у меня — бабушка, и в случае любого непонимания жить становилось трудно. У Лены характер укрепился, и она иначе все воспринимала, могла противостоять невзгодам. Тем временем мама с Вовой приехали в Ленинград, жилья не было, прописки тоже. С трудом устроилась в пригороде. И встал вопрос: как же дети? В результате я ушла к маме, Лена осталась с бабушкой. Тут занавес на некоторое время опускается, и «музыканты просят отдохнуть».

История Дома развивалась для тех, кто остался в Доме. Дети выросли, папа много лет уезжал работать в провинцию, но потом вернулся, стал заведовать кафедрой ботаники в университете, был какое-то время деканом, выпускал книги, преподавал. Лена училась в университете. Женские трудности продолжались, но как-то история шла вперед (не знаю, в правильном ли направлении).

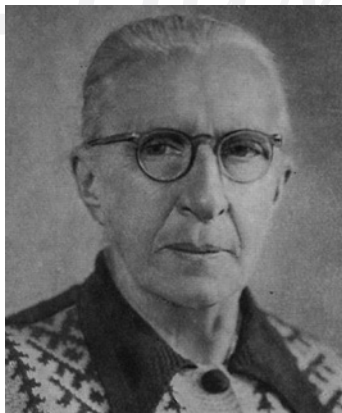
Ну а мои проблемы? Мы жили с мамой, я училась в школе, брат отслужил в армии, мы были все вместе, правда недолго. Своего жилья не было. Впрочем, хоть это и мои проблемы, о них не будем. Переходный возраст, плюс эти два полюса тяготения: бабушка — мама. Это потом, когда все стали взрослыми, можно было спокойнее немного во всем разобраться. А тогда бабушка на меня обиделась, а я страдала, мы не виделись. Дальше опять опускаю ряд собственных трудностей (хорошо бы так и в жизни).

Мама уехала из Ленинграда, я поступила в институт, жила в общежитии. Окончила институт и поехала по распределению в Пензенскую область. Там были сначала рады специалисту с высшим образованием, но в селе женщины сказали: «И-и-и, девка, замуж ты здесь не выйдешь, жилья мы не строим, а место ты занимаешь, нам самим работать негде!» Тогда из села я переехала в Пензу. Там мне сказали: «Жилья мы вам в ближайшие пять-восемь лет не обещаем!!!» Я засмеялась, понятное дело... Вернулась в Ленинград.

Тут в нашем доме произошли опять драматические события. Лена вышла замуж и уехала к мужу в Минск, родила ребенка. Казалось бы, поле битвы сузилось. А свекровь с невесткой окончательно разошлись... Я жила у знакомых, еще не знала, что делать: ни жилья, ни прописки, ни-ни... Лена не захотела жить в Минске, они поменяли квартиру на Ленинград. Одни вопросы. И мне, и бабушке хотелось встретиться — почему нет? Но как? Пришлось искать «дипломата», который бы взял на себя смелость провести подготовку. Им стал Костя, муж Лены. К нему бабушка была — нет, постепенно стала благосклонна за его научные изыскания и почтение к ней. И мы встретились. И обрадовались. И удивились. И стали узнавать друг друга заново. А как же Дом? Вот, где мое детство всколыхнулось! Я вошла с парадной лестницы в прихожую (о, наша прихожая, не меньше многих комнат!) и ахнула от запаха Дома! Старые стены, старый паркет, печка в углу, зеркало большое... И все это соединилось в чувство Дома. И я поняла, что я дома, какое счастье — чувство Дома! Конечно, его внедрила нам бабушка, населила ушедшими людьми, и ее уважение и любовь к ним передались нам; получалось, что и дом, и люди, которые его посещали в прошлом, были значительны, интересны... «не то, что нынешнее племя».

Началась новая эпоха нашей совместной жизни. Бабушка никогда не была склонна к откровениям, поэтому старых заноз мы не выдергивали. Но ее удивляло, что я кое-что знаю и кое-что умею, и, надо сказать, это удивление было в мою пользу. Вот опять приходится говорить о проблемах, причем нешуточных. Ну ладно, скажем, не стало у нас кухни — против меня были возражения даже без встречи. Прекрасно приспособилась я готовить на плитке. Выхода в нашей квартире два, на черную и на парадную лестницу, туалета тоже два. Короче, появилась необходимость, совсем изолировать две части квартиры: с бабушкой у Зои Николаевны уже прерваны были дипломатические отношения, а тут вдруг еще я появилась. Да, закрыли двери. Бабушка заскучала по младшим внукам; правда, они уже были в том возрасте, когда лишь бы поскорей убежать от взрослых. А папа? Ну что папа, — он хотел работать, заниматься наукой и чтобы ему не мешали, обычная мужская позиция. Не хотел сканда-

⁸ Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) — востоковед-арабист, основатель советской школы арабистики, переводчик, академик (1921). Крачковская Вера Александровна — (1884–1974) — востоковед, историк искусств.

Елена Дмитриевна Стасова

Этторе Ло Гатто.
Портрет работы И. Грабаря. 1932 г.

⁹ Об академике Владимире Павловиче Линнике (1889–1936) и его семье рассказывается ниже, в очерке Михаила Левшакова.

¹⁰ Стасова Елена Дмитриевна (1873–1966) – революционерка, деятель международного коммунистического и женского движения.

¹¹ Ло Гатто Этторе (1890–1983) – итальянский литературовед, славист, переводчик.

лов, можно понять. Но это еще не все. В Академии наук, то есть в административном управлении, тоже шли размышления, и меня не хотели прописывать. У бабушки уже не было прежней власти, кадры сменились (но по-прежнему «решали всё!»). Много коридоров я прошла, были резолюции синим карандашом (а надо красным). Я знакомилась с административной системой на практике, мне ведь и в Пензе говорили, когда я вернулась из села: «Мы сельских не прописываем». Вот уже жалею, что стала вспоминать, нет чтобы без проблем – и сразу в счастливую жизнь. Но жили мы неплохо. Бабушке нравилось, что я работаю в Пушкинском Доме, ей нравилось, как я готовлю.

Не нравилось только, что я не все время была дома – это всем старикам не нравится. Зачем после работы еще какие-то визиты, какие-то встречи? К нам очень редко кто-то приходил, бабушкиных ровесников не осталось, иногда только забегала Вера Александровна, жена Линника⁹. А так круг поредел. Только однажды, когда я вернулась с работы, бабушка дрогнувшим голосом сказала: «Мне ведь давно никто не говорит „ты“, а тут телефонный звонок: „Женя, ты?“» Это звонила из Москвы Лёля (Елена) Стасова¹⁰, бабушкина ровесница, дворянка-революционерка из знаменитой семьи Стасовых. Как я была рада за бабушку!

А потом случилось еще более потрясающее событие – позвонил итальянец Ло Гатто¹¹, знакомый из Болоньи, филолог. Когда-то в 1930-е годы они познакомились в Италии, и вот он приехал в Россию и просил разрешения прийти! Что тут с бабушкой творилось – трудно сказать, даже я волновалась невероятно. И они встретились! Я только поздоровалась и проводила его в кабинет, и они там с бабушкой заговорили по-итальянски. Сколько он у нас пробыл, не знаю, а дальше – расставанье... Бедная бабушка, каково ей? Но она железно держалась, я помогла ей выйти на балкон. Она уже плохо видела, он переходил нашу набережную (тогда ее еще можно было перейти), направлялся к мосту и все махал, поднимая обе руки над седой головой, а бабушка порой тоже взмахивала рукой. А я стояла в сторонке и плакала. Обрывалась, обрывалась нить жизни, обрывалась эпоха. Разлука была такой ощутимой, необъятной. Мы потом долго молчали.

Случались на балконе и менее драматичные события. В праздничные дни у нас выставлялись флаги и плакат «Слава русской науке!». Конечно, в Первомай можно было постоять и посмотреть на демонстрацию. Колонна Васильевского острова формировалась у Горного института, а потом проходила мимо нас по набережной, направляясь на Дворцовую площадь. Бабушка стояла и

Празднично украшенный балкон Дома академиков. На стене квартиры А. П. Карпинского – его портрет.

«принимала парад», академические ей махали и что-то кричали. Она жила в нашем доме больше шестидесяти лет и была уже его символом. Очень жаль, что, пока она собиралась написать воспоминания, зрение стало стремительно падать. И кто изображен на старых фотографиях, уже она не могла определить, а кроме нее, этого сделать никто не мог...

Иногда я читала ей вслух. Помню, когда читала Гоголя, как мы хохотали! Ни с чем не сравнимое удовольствие, когда юмор объединяет тебя с близким человеком на каком-то особенном уровне – ничего не надо объяснять. Мы хохотали с ней «на одном языке».

Однажды у нас организовались «литературные пятницы»! Мой институтский преподаватель, Виктор Андроникович Мануйлов, спросил: «А не разрешит ли Евгения Александровна устроить как-нибудь на вашей изрядной территории литературное собрание?» Бабушка разрешила. Она только приветствовала гостей и удалилась к себе, а у нас набиралось больше 50 человек. Читали стихи, пели под гитару бардовские песни (тогда это было новым). А однажды

Виктор Андроникович Мануйлов

Ираклий Луарсабович Андроников

¹² Мануйлов Виктор Андроникович (1903–1987) – литературовед, мемуарист и сценарист; профессор, доктор филологических наук. Андроников Ираклий Луарсабович (1908–1990) – писатель, литературовед, телеведущий, мастер устного рассказа.

В. А. Мануйлов пригласил Ираклия Андроникова¹², вот уж когда засиделись до утра! Неумолимый Ираклий Луарсабович рассказывал о своих лермонтовских находках и держал публику в плену своего обаяния; все его обожали, а он обожал всех. Уходили утром по набережной, по Неве шел апрельский лед... Но этим «пятницам» не суждено было развернуться...

Порой, когда бабушку спрашивали, сколько ей лет, она отвечала (а голос у нее был громкий, не старый, и даже при невысоком росте она многим казалась высокой): «Я уже не считаю, сколько я прожила, я считаю, сколько мне осталось до 100!!!» Что и говорить, она и голосом могла создать ощущение достоинства и величия, и уж я-то точно верила, что и до ста доживет. Но вышло иначе, и удар был у нее, и удар был для меня... Инсульт, недолгая болезнь и смерть. Первая смерть на моих глазах. Было у меня некоторое время какое-то затмение, многого не помню. Но накрепко помнила и выполнила бабушкин наказ: «Весь мой архив – в Академию!» Пришли сотрудники Архива, все собрали и увезли, я даже прикоснуться ни к чему не могла – бабушка строго к своему столу не подпускала. Потом, уже прошло много времени, я стала появляться в Архиве и работать с документами.

Мне дали от Академии небольшое жилище, и я переехала на Охту, это с моего, с нашего Васильевского острова!

Это уже другая, отдельная от Дома история. Я тосковала и по бабушке, и по Дому. Иногда приезжала, входила в парадную (тогда еще не было железных дверей), поднималась на второй этаж и прислонялась лбом к нашей двери. Табличку с надписью «А. П. Карпинский» уже украли, звонок-дергалку тоже. Спасибо коллекционеру, что все-таки после смерти бабушки. Потом квартиру отремонтировали, и там началась история другой семьи.

А во второй половине квартиры продолжалась жизнь Толмачёвых – она и сейчас продолжается. Позднее, когда старших уже не стало, родственные связи детей возобновились. Моя печаль по Дому прошла, хоть и не исчезла. Я поменяла жилище на Васильевский остров, и тогда только меня «отпустило» – вернулась на свою землю. Да и в нашем Доме я теперь нередкий гость.

Все дети Александра Иннокентьевича Толмачёва получили высшее образование: Елена окончила биофак университета, Ольга окончила Институт культуры, Юрий окончил физмат университета, Татьяна – Горный институт, Марина – восточный факультет университета. Все внуки тоже получили высшее образование; Алексей Толмачёв окончил геологический факультет

университета, Марина Ширская – искусствоведческий факультет Академии художеств, Евгения Гуляева окончила истфак университета и Европейский университет. Я не всех перечислила, но некоторые связи оборвались по независящим от меня причинам, не хочу каких-то неточностей.

Теперь уже подрастают правнуки... Может, кто-то еще прославит Дом академиков? Как писал Николай Рерих: «Седьмой внук совершит...».

Обстоятельства нашей эпохи порой наводят на грустные мысли, но они меняются, отношение к науке выйдет на новый, более основательный виток.

Откуда такой оптимизм? Ну, отчасти – спасибо родителям и предкам. И еще мне вспомнилась фраза всем известного человека, который жил в весьма непростые времена: «А все-таки она вертится!»

Вот и будем надеяться!

Марина Толмачёва

Четверть века в квартире президента

Семья и дом — где начало, а где конец? В академический дом на набережной нас привела семья, да не просто в дом, а в квартиру президента Академии, тогда уже покойного «отца русской геологии» Александра Петровича Карпинского. Домом для нашего поколения его потомков стала квартира № 3, с высокими окнами на втором этаже, которую традиционно занимали президенты Императорской Академии наук. Александр Петрович был вице-президентом Академии с 1916 года. Пост президента пустовал с 1915-го, а в 1917 году, после Февральской революции, Академия из Императорской превратилась в Российскую, пост президента стал выборным, и Карпинский был единогласно избран президентом. Вот так и получилось, что мы, его правнуки, выросли в прежней квартире президента, которую Карпинский занимал до переезда Академии в 1935 году в Москву, где он год спустя скончался. Прах его замурован в Кремлевской стене.

В этой квартире пережила блокаду Ленинграда его дочь, наша бабушка по отцу, Евгения Александровна Толмачёва-Карпинская (1870–1963). Погибли в блокаде две ее сестры, жившие рядом с ней в этом же доме. Татьяна Александровна (1876–1942) была художницей, выпускницей Академии художеств; ее автопортрет по сей день висит в одной из комнат той, теперь разделенной на две части квартиры, где живет моя сестра Татьяна Александровна Толмачёва.

Александра Александровна (1886–1942), выпускница Петербургской консерватории, в замужестве Нехорошева, занимала часть прежней квартиры на третьем этаже, когда-то служившей Александру Петровичу библиотекой. Там после войны продолжала жить ее дочь Александра Васильевна Балтаева-Нехорошева, для нас тетя Кися.

Великая Отечественная война затронула несколько поколений нашей семьи. Родители встретились во Владивостоке, старший брат Юрий родился в 1940 году в Архангельске, где наш отец Александр Иннокентьевич Толмачёв (1903–1979) заведовал Северной базой Академии наук СССР (так Академия стала называться с 1927 года). В начале войны база была переведена в Сыктывкар, где папа уже прежде бывал по службе, а осенью 1942 года он был

Евгений Никанорович Павловский

откомандирован в Таджикистан. Туда, на открытую в 1933 году базу Академии наук, было эвакуировано несколько академических учреждений, и база была преобразована в Таджикский филиал Академии наук. Там отец вел полевые работы в комплексных экспедициях и работал заместителем председателя филиала. Вот поэтому мы с сестрой Таней родились в Сталинабаде (так тогда назывался Душанбе), в 1943 году. Смутные слухи о связях отца в академических верхах привели к появлению сплетни, что папа был зятем академика Евгения Никаноровича Павловского¹³, который заведовал филиалом до преобразования его в Академию наук Таджикской ССР в 1951 году. После прорыва блокады в 1944 году к нам в Сталинабад была эвакуирована бабушка Евгения Александровна. В Ленинград она смогла вернуться в 1947 году, а за ней последовали и мы. В шестикомнатной квартире на втором этаже, с прихожей и кухней, нашей семье была отведена одна большая светлая комната с окнами на Неву.

Дом и люди

Квартира президента имела два входа: с центральной парадной лестницы в прихожую и с черной (вход под воротами) — на кухню. Хотя и парадная лестница тоже выводила во двор: входная дверь с набережной, находящаяся под балконом, разделенным между бывшей квартирой президента и соседской, обычно была закрыта. Время от времени ею пользовался по специальному разрешению тогдашний директор Архива Академии наук Георгий Алексеевич Князев¹⁴. Он спускался сверху на костылях, а на тротуар под балкон въезжала машина из Академии, чтобы отвезти его на службу.

Напротив бабушкиного входа с парадной лестницы была квартира китаиста Василия Михайловича Алексева¹⁵, где после его смерти оставались его дочери. В честь одной из них, Марианны, его дача в Комарово была названа «дача Марина».

Этажом ниже по этой лестнице под нашими западными комнатами была квартира Крачковских, где после смерти выдающегося арабиста Игнатия Юлиановича потом долго еще жила его вдова Вера Александровна, специалист по арабской эпиграфике. Напротив нее на первом этаже, в бывшей квартире академика Александра Евгеньевича Ферсмана, жил его сын Александр Александрович Ферсман¹⁶ с женой Брониславой Антоновной (урожденной Александрович) и сыном Геной.

¹³ Павловский Евгений Никанорович (1884–1965) — зоолог, энтомолог и медик-паразитолог, академик (1939).

¹⁴ Князев Георгий Алексеевич (1887–1969) — историк, архивист, доктор исторических наук; много лет руководил Архивом Академии наук; автор дневников и множества научных и популярных работ, в том числе статьи о Доме академиков.

¹⁵ Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) — филолог-китаист, переводчик китайской классической литературы, академик (1929).

¹⁶ Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945) — минералог и геохимик, академик (1919). Ферсман Александр Александрович (1913–1992) — радиотехник, кандидат физико-математических наук; в войну сражался на Ленинградском фронте.

Георгий Алексеевич Князев

Обычно мы пользовались черной лестницей. Здесь напротив нашей двери был черный вход в музей-квартиру Ивана Петровича Павлова, где доживали век его дочери. На первом этаже по этой лестнице была только одна квартира, в которой после войны жила вдова востоковеда, специалиста по буддизму Федора Ивановича Щербатского Шарлотта Ивановна. После ее смерти туда переехал оптик академик Владимир Павлович Линник со своей второй женой Верой Александровной. По случайному совпадению они были нашими соседями и на даче в Комарово. Там, на Комаровском на кладбище, академик Линник и похоронен рядом со своим сыном Юрием. Вера Александровна Линник похоронена на Красненьком кладбище.

Следующее назначение отца было на Сахалин, где он работал до 1955 года в Сахалинском филиале Академии наук. Он отбыл на Дальний Восток, оставив в Ленинграде при бабушке нас троих с мамой и двух дочерей от первого брака, Елену и Ольгу.

Кроме нас, в бабушкиной квартире первое время жили еще вдова и сын крупнейшего советского ботаника-генетика Николая Ивановича Вавилова, погибшего в заключении после нападок Лысенко. Его младший брат Сергей Иванович Вавилов был президентом Академии наук в 1945–1951 годах. В то время мы ничего не знали о судьбе мужа Елены Ивановны, поэтому трудно сказать, было ли это подселение результатом гражданского мужества бабушки, приютившей жену и сына «врага народа» (он был реабилитирован только в 1955 году) после их возвращения из эвакуации из Саратова, или же последствием практиковавшегося тогда квартирному «уплотнения» в условиях послевоенной разрухи.

Запомнился один комический эпизод: мы решили разыграть Юру Вавилова. Поводом послужило неожиданное обнаружение в бабушкиных сундуках женского парика. Меня нарядили в мамино платье из абрикосового крепдешина, на ноги надели мамины туфли на каблучках, а мои золотистые кудряшки закрыли шатеновым париком с длинными прямыми волосами, — и, давась от смеха, мы вышли на кухню, куда брат вызвал Юру к «посетительнице». Он был старше всех нас (родился в 1928 году), и вряд ли парик и «взрослый» наряд на юной девчонке могли его ввести в заблуждение надолго, но это был, наверное, единственный случай нашего прямого взаимодействия с ним, хоть мы и жили как соседи бок о бок. Когда Вавиловы съехали на собственную квартиру, их небольшая комната (бывшая комната для прислуги) была отведена старшей сводной сестре, а большая угловая комната стала кабинетом отца, которым пользовался и брат.

Василий Михайлович Алексеев

Бабушка редко выходила из дому, особенно после того, как перенесла инфаркт, который уложил ее в постель на несколько месяцев. Но иногда она вызывала машину из Академии и вывозила нас в театр или в город — в магазины ДЛТ (Дом ленинградской торговли) на улице Желябова (Большой Конюшенной) или «Пассаж» на Невском (Гостинный Двор был отремонтирован намного позже). «В театр» всегда означало «в Мариинку», то есть в Кировский театр, где бабушка всегда брала ложу. Эти первые для нас спектакли оперы и балета на всю жизнь привили нам любовь к музыке и интерес к театру. Папа с мамой ходили еще и в Малый (Михайловский) театр и ежегодно покупали несколько абонементов в Филармонию, куда часто брали одного из нас.

Бабушка любила вспоминать музыкальные вечера прежних лет. В большом кабинете «дедули» (то есть Александра Петровича, деда бабушкиных детей) стояли и пианино, и рояль. Карпинские музицировали сами и принимали в доме музыкантов и художников. «Четверги у Карпинских» стали традицией еще до избрания Александра Петровича президентом. Но многие бабушкины знакомые, как и жильцы академического дома, не пережили войны или потеряли родных. Приходившие к ней теперь дамы часто были вдовами из интеллигентных семей.

Вспоминаются Екатерина Александровна Лаппо-Старженецкая, много лет проработавшая в Библиотеке Академии наук (БАН) и жившая в одной комнате, оставленной ей при «уплотнении» квартиры, превращенной из отдельной в коммунальную. Она познакомила нас с приключениями Шерлока Холмса.

Приходила жившая неподалеку Бабетта Григорьевна Бернштейн, работавшая школьным библиотекарем. Ее муж преподавал в Академии художеств (строго говоря, в Институте имени И. Е. Репина, чьим учеником он был). Благодаря ей мы читали новейшие детские книжки.

Мария Иоасафовна (мы говорили Асафовна) Шипунова, врач-гинеколог из «клиники Отто» на Университетской линии, приходила часто с дочерью Марочкой Преображенской, близкой по возрасту нашим сводным сестрам. Она как-то рассказала нам сказку про золотой орешек, и потом каждый раз, когда она приходила, мы долго уговаривали ее повторить сказку, не попадавшуюся мне в сборниках сказок и фольклора, которые я любила читать.

Приходили родственницы академика Алексея Алексеевича Борисяка.¹⁷ По старой дружбе или служебным делам к бабушке приходили из Геологического комитета (позже ВСЕГЕИ), где потом одно время работала младшая сводная сестра; из Горного института чаще всего бывал Иван Иванович Горский.¹⁸

Александр Евгеньевич Ферсман

Алексей Алексеевич Борисяк

¹⁷ Борисяк Алексей Алексеевич (1872–1944) — геолог и палеонтолог, академик (1929).

¹⁸ Горский Иван Иванович (1893–1975) — геолог, стратиграф, палеонтолог, член-корреспондент Академии наук (1943).

Иван Иванович Горский

Иногда бабушка говорила о ком-нибудь, обычно нам незнакомом: «Я потом о нем хлопотала». Даже после речи Хрущева «О культе личности Сталина» (1956) мы еще мало знали о сталинских гонениях на интеллигенцию, но одна встреча дала мне представление о бабушкином героизме. Уже после ее смерти, в конце 1960-х, старшие коллеги по Институту этнографии пригласили меня наблюдать празднование Успения Богородицы в Псково-Печерском монастыре. Когда меня представили хозяйке дома Марианне Викторовне Болдыревой, была упомянута бабушка Евгения Александровна. Вот тогда я впервые услышала, как бабушку назвали «благодетельницей». Покойный муж Марианны Викторовны, отец сотрудницы Кунсткамеры Софьи Александровны Болдыревой (в замужестве Маретиной; 1929–2013), был одним из тех, за кого бабушка хлопотала, а тогда это было опасно. Классицист Александр Васильевич Болдырев до войны был дважды арестован и дважды освобожден; он умер в блокадном Ленинграде в 1941 году.

В первые годы после войны приезжал в отпуск старший сын бабушки Павел Иннокентьевич Толмачёв (1901–1951). Радиохимик, работавший на севере на ядерных разработках, он вскоре умер от лучевой болезни. Его приезды для нас, детей, были замечательны тем, что в его чемодане таились плитки шоколада, которые для ленинградцев были тогда редким лакомством. «Дядя Люся», как мы его называли, похоронен на Волковом кладбище; в той же могиле теперь покоится прах его брата, младшего внука А. П. Карпинского и нашего отца — ботаника Александра Иннокентьевича Толмачёва, и нашей матери, Зои Николаевны Толмачёвой (урожденной Тропашко; 1911–1980).

Иногда в квартире на Васильевском собирались петербургские родственники: приезжал Михаил Николаевич Карпинский с замечательно красивой седовласой женой «тетей Лёлей» (Ольгой Николаевной), их сын Михаил, которого по-семейному называли Миш-Миш, и его жена Нина. Михаил Михайлович позже стал главным инженером ленинградского телецентра. Их дочь Лена сейчас занимается генеалогией рода Карпинских. Приходил Максим Андреевич Карпинский с сыном Андреем (он был младше нас) и дочерью Лёкой, которая была старше нас. В разговорах тогда звучали имена, знакомые младшему поколению только понаслышке: Геккер, Ольденбург, Грасгоф, Аносовы, Редикорцевы, Тиме, Шателен (произносилось на французский лад — Шатлен), Федченко, Шмидт и другие. В кабинете, когда-то принадлежавшем Александру Петровичу, где обычно шел «мужской» разговор, висели фотографии ученых первой половины XX века, включая родственников — профессоров и горных инженеров (сейчас они переданы в архив РАН) — и портреты родителей Алек-

сандра Петровича — Петра Михайловича Карпинского и Марии Фердинандовны Грасгоф (теперь они хранятся у младшей сводной сестры, Ольги Александровны Толмачёвой). На полу у сундука и за горкой (письменным бюро Александра Петровича, за которым он работал стоя) хранились групповые фотографии, снятые на разных ученых сессиях и конгрессах. Время от времени бабушка просила: «Дай мне эту группу», и тогда воспоминания окрашивала ностальгия. Большой письменный стол Александра Петровича потом перешел к отцу (от деда к внуку!) и до сих пор стоит в его бывшем кабинете.

Любимым гостем отца был родственник и ровесник Владимир Вениаминович Попов. Вместе с женой, тоже биологом, Ариадной Николаевной¹⁹ они пережили блокаду, которую смогли перенести отчасти благодаря знанию биологии. Приезжая в гости на дачу в Комарово, Ариадна Николаевна иногда срывала у тропинки грибы-поганки и глубоко вдыхала их запах, говоря ласково «поганочки»: в голодное время они употребляли в пищу обыкновенно несъедобные, но не ядовитые грибы.

Из приезжих коллег отца запомнились палеонтологи Л. Ш. Давитавишвили и П. А. Мчедлишвили из Грузии, где отца тепло помнят до сих пор. Когда здоровье папы пошатнулось, к нам домой из университета приходили слушатели его курса «География растений», а из Ботанического института — его старшие ученики, доктора наук Ольга Владимировна Ребристая и Борис Александрович Юрцев. В журнале «Фиторазнообразии Восточной Европы» (2013. № 7. С. 4) был напечатан сонет «К столетию А. И. Толмачёва», сочиненный в 2003 году Борисом Юрцевым.

Иногда приезжали из других городов близкие и дальние родственники и знакомые, родные покойных геологов или представители другой линии Карпинских или Брусницыных (жена Александра Петровича, Александра Павловна Брусницына, была дочерью медальера, профессора и члена Академии художеств Павла Львовича Брусницына). С Урала, откуда Александр Петрович был родом, приезжали потомки Кулибиных, Поповых. Из Владивостока приезжал в отпуск погостить и подлечиться «дядя Миня», Михаил Михайлович Карпинский (имя Михаил было семейным у Карпинских) со своей второй женой Ниной Сергеевной, которая научила нас играть в карты и раскладывать пасьянс. Владивосток тогда был закрытым городом; военный капитан, он потерял там свою первую жену в результате диверсии. Летом иногда они брали с собой своего внука Мишуньку, сына дочери Марины. Позже Марина переехала в Калининград, где служил ее муж, вице-адмирал военно-морского флота; овдовев, она переехала в Ленинград. После смерти Сталина, когда международ-

Владимир Вениаминович Попов

¹⁹ Попов Владимир Вениаминович (1902–1960) — энтомолог, член-корреспондент Академии наук (1953). Попова Ариадна Николаевна (1897–1970) — биолог, сотрудник Зоологического института Академии наук.

ные связи оживились, мы получили неожиданный сюрприз: из Финляндии на машине приехал родственник бабушки и дяди Мини Игорь Михайлович Карпинский (1901–1985) с женой Ниной (Антониной) Васильевной (урожденной Витущенко) и дочерью Татьяной. Связи с «финскими Карпинскими» потом стало гораздо легче поддерживать, но по сей день у нас сохранился черно-белый снимок в память об их визите, сделанный на балконе. Внучатый племянник Александра Петровича, дядя Гора, был художником, работал и в кино, был знаком с Репиным. Отец его Михаил Михайлович работал врачом в русской Финляндии, где семья пережила белофинский террор после подписания Брест-Литовского мира, который привел к независимости Финляндии от России. Сын Святослав, тоже художник, учился в Болгарии, а старшая дочь Людмила много лет провела в Италии, но позже вернулась в Хельсинки. Они оба и приезжавшая к нам тогда Танечка много лет работали переводчиками в ТАСС. Теперь семейную традицию продолжает в Финляндии дочь «Светика» художница Лариса Карпинская.

Михаил Павлович Алексеев

Дом в квартире

В середине 1950-х Академия резко уменьшила бабушке пенсию и повысила квартплату «за излишки» жилой площади. Тогда оказалось, что папа даже не был у нас прописан — а ведь ему полагался не только индивидуальный «метраж» (девять квадратных метров по тогдашним нормам), но еще и кабинет как работнику науки. В результате квартира была административно разделена на две (неравные) половины: отец стал «ответственным квартиросъемщиком» угловой части, выходившей окнами и на Неву, и на 7-ю линию, а бабушка осталась владелицей комнат, выходивших окнами на набережную и во двор. После смерти бабушки Евгении Александровны весной 1963 года квартиру разделили, замуровав стену между двумя половинами. Западную (бабушкину) часть перестроили, поделив надвое комнаты с двумя окнами на Неву («бабушкину» комнату и кабинет Александра Петровича; столовая выходила окнами на двор). Туда въехала семья литературоведа Михаила Павловича Алексеева²⁰. Тогда и закрепилась неофициальная до тех пор нумерация квартир: по парадной лестнице № 3, а по черной лестнице № 3А.

В годы работы на Сахалине (1947–1955) отец редко приезжал в отпуск — раз в год или однажды даже через два года, но зато не меньше, чем на месяц. Правда, в те годы только на то, чтобы долететь из Ленинграда до Сахалина, иногда приходилось тратить целую неделю из-за многочисленных посадок и ожидания летной погоды. В 1955 году папа вернулся в Ленинград на посто-

²⁰ Алексеев Михаил Павлович (1896–1981) — литературовед, пушкинист, исследователь связей русской и европейских литератур, академик (1958).

янную работу в Ботаническом институте. В 1958–1975 годах он заведовал кафедрой ботаники и систематики высших растений ЛГУ, а в 1963–1966 годах был деканом биолого-почвенного факультета Ленинградского университета. К середине 1950-х в доме и квартире уже произошли заметные перемены: отопление перевели сначала на уголь, а потом установили батареи и трубы парового отопления. Это случилось года на два позже, чем в домах напротив, на 6-й линии, где жили наши одноклассники, а газ провели и того позже: в доме-памятнике архитектуры, да еще принадлежавшем Академии наук (а не городу), всякая модернизация натывалась на многослойные бюрократические препоны. За появлением газа последовало удаление большой кухонной плиты с духовкой, где у стены было особое отделение с котлом, в котором всегда подогревалась вода для кухонных нужд.

Паровое отопление означало, что убрали пристроенные (скорее всего, в Первую мировую войну) круглые кирпичные печи, облицованные рифленным железом. Сидя перед такой печкой с открытой дверцей, чтобы было больше тепла и света, бабушка читала нам вслух — это могли быть детские книжки, сказки, стихи, а иногда она переводила с листа иностранные книги, которыми, наверное, развлекались в свое время ее дети: с французского о приключениях Шарля, а с немецкого о проказах Макса и Морица. Бабушка вообще была полиглотом. Она с юности проявляла интерес и способности к языкам, на главных европейских языках бегло говорила, а на других читала и могла писать со словарем. После смерти своей матери она стала домашним секретарем Александра Петровича и сопровождала его в поездках за границу. Запомнились чьи-то слова, сказанные только наполовину в шутку, что бабушка заменила Александру Петровичу весь иностранный отдел Академии наук.

Поразительно, как эти книги, бабушкины словари и голливудские журналы дяди Люси упасли от сожжения в печи в войну. Во время блокады к дымоходам этих «вторичных» печей были приделаны крошечные печки-буржуйки с одной конфоркой для минимального расхода топлива. Первоначальные высокие угловые печи голландского типа сохранились у нас в двух комнатах. Облицованные белым кафелем, они мало отдавали тепла в комнату и поэтому уже давно не использовались, хотя у бабушки в кабинете еще стоял вышитый каминный экран.

В 1957 году, когда СССР готовился к Всемирному фестивалю молодежи и студентов, молодежь поощряли разводить белых голубей, чтобы их массово выпускать на торжественных церемониях, — белый голубь считался символом мира. С наивным энтузиазмом я купила в зоомагазине двух голубей, кото-

рым устроили «гнездо» на верху такой холодной печи в нашей комнате. Они кормились купленным в том же зоомагазине зерном и летали по комнате. Они не были парой, но все же в гнезде появилось одно яйцо. Один голубь, со странной толстой прямой шеей, был продан как почтовый. Почтовые голуби, как известно, должны возвращаться домой. Когда на улице стало тепло, я, видимо, решила, что пора уже приступать к тренировкам. Открыли окно на набережную, и голуби вылетели из него... В отличие от простых городских голубей, которые иногда садилась к нам на подоконники, эти так никогда и не прилетели. Тем и закончился этот фестиваль-эксперимент. Теперь я восхищаюсь долготерпением родителей, которые не только разрешили завести птиц, но даже не настаивали на клетке.

С возвращением отца с Сахалина в квартире стали появляться новинки. У бабушки была только одна «радиоточка» в столовой, с черным картонным рупором. Она всегда слушала «Последние известия», вставая поближе к репродуктору и опираясь на палку. В сталинские послевоенные годы по весне, когда объявлялось ежегодное снижение цен, бабушка усаживала внучек за обеденный стол слушать дикторский голос Москвы и записывать новые цены, хотя наутро все было бы подробно изложено в газетах. Мы получали и «Правду», и «Известия», а позже «Пионерскую правду» для младших внуков. Теперь добавилась подписка на еженедельный «Огонек» для папы и ежемесячник «Работница» для мамы. В наши дни, когда печатная пресса уступает место электронным новостям, трудно себе представить, какой удачей считалась тогда возможность подписаться на эти журналы. Мало кто из знакомых имел регулярный доступ к так называемым толстым журналам вроде «Нового мира» или появившейся после смерти Сталина «Иностранной литературы», на которые в библиотеках была очередь по записи. Я уже поступала в университет, когда появился еженедельник «За рубежом» (1960). Старая радиоточка уступила место маленькому ярко-зеленому радиоприемнику, который можно было просто включить в любой штепсель. Брат завел себе ламповый радиоприемник AP3-51, которым мы потом в основном пользовались на даче. Телевизоры уже появились в продаже, но бабушка долго сопротивлялась такому приобретению, а она оставалась неоспоримой хозяйкой квартиры, хотя домашнее хозяйство вела мама. Иногда мы просились посмотреть телепередачу у знакомых или соседей (у Ферсманов телевизор стоял в отдельной комнате, поэтому зрители не так мешали семье). Первыми были кубообразные настольные телевизоры марки KBN-49. Перед маленьким экраном иногда устанавливали выдвижную линзу на подставке, которая несколько увеличивала черно-белое изображение. Нашим первым телевизором был «Рекорд».

В течение нескольких лет после войны у бабушки была приходящая домработница, Мария Семеновна. Верующая, церковная прихожанка, она постилась каждую среду и пятницу, соблюдала долгие канонические посты, поэтому наш «кухонный календарь» отражал наступление Великого поста и Пасхи. Для нас, некрещеной молодежи, главными событиями были крашение яиц накануне и «кóкание» («носиком» и «пяткой») сваренных вкрутую яиц в пасхальное воскресенье. Яйца тогда редко появлялись в государственной продаже, но к Пасхе официально-атеистическое государство поставляло яйца в магазины и ларьки (по крайней мере, в Ленинграде и Москве). Когда это случалось, мы бежали домой с известием «Яйца дают!». В таких случаях я нередко отстаивала в очереди часы, под конец забегая домой за «подкреплением», так как выдавали только по десятку яиц на руки. Мария Семеновна готовила и убирала только для бабушки, а мама даже простыни стирала сама вручную. Во дворе, в дальнем углу, со старых времен несколько лет после войны сохранялась прачечная для жильцов, но в ней стирка тоже была вручную, поэтому мы ею никогда не пользовались. Попасть в государственную прачечную в районе было тогда очень трудно. В конце концов знакомые «устроили» нам номерок в прачечной, куда мы могли сдавать постельное белье, а в конце 1950-х мы наконец смогли пользоваться прачечной недалеко от бани на 5-й линии.

До сих пор помню, как я увидела в первый раз стиральную машину, когда мы с мамой и папой шли по «Пассажу». Громадные, с глубоким баком, машины того времени часто рвали стирку. Позже появились машины поменьше, с ручным отжимом из двух валиков, но мы продолжали стирать в тазах на кухне или в ванной. Дело было не в деньгах: бытовую технику было тогда трудно купить, а в доме-памятнике установка любого прибора, связанного с водопроводом, представляла дополнительные затруднения. Стиральная машина наконец появилась у нас зимой 1970–1971 года с рождением дочери у сестры Тани, когда надо было ежедневно стирать пеленки.

Конечно, для папы важнее было приобретение книжных шкафов; иногда это были высокие буфеты, которые тогда часто сдавали в комиссионные магазины те, кто переезжал в новые дома с низкими потолками. Четырехметровые потолки до сих пор осложняют нам быт: ремонт в квартире или даже просто мытье окон всегда представляли проблемы. Нас спасала дворничиха тетя Нюра – Анна Богданова, которая организовывала ремонтную команду и доставала лестницы, чтобы дотягиваться до потолка. Работа дворников была физически тяжелой, но зато им давалось жилье, а с выслугой лет и прописка.

Тетя Нюра с мужем дядей Митей и двумя сыновьями, Анатолием (Толиком) и младшим Володей (Вовка учился в 31-й школе) жила в дальнем углу двора и иногда подрабатывала мытьем окон. Она умела клеить обои, которые тоже надо было «доставать». На высокие стены в большой комнате требовалось много рулонов одного рисунка, далеко не всегда такое количество можно было найти.

Постепенно дворников стало меньше, тетя Нюра стала работать маляром в академической ремонтной бригаде и выехала из нашего дома, но до сих пор у нас в квартире остаются кое-какие следы ее работы. Во второй половине 1960-х в магазине стройматериалов напротив (на 6-й линии) я нашла и сразу купила обои понравившегося мне рисунка. Для ремонта надо было передвигать всю мебель в комнате – мне помогли молодые коллеги с работы, а тетя Нюра побелила потолок, покрасила оконные переплеты и переклеила обои, которые до сих пор радуют глаз в большой (бывшей «маминой») комнате.

Машины, то есть автомобиля, у нас никогда не было. Папа машину не хотел, да и «достать» ее было практически невозможно, люди ждали очереди годами. Мы всегда пользовались общественным транспортом, а в случае необходимости можно было вызвать такси, благо у нас дома был телефон (тоже редкость в послевоенные годы), а стоило такси недорого. Ленинградское метро открылось только в ноябре 1957-го, в честь 40-летия Октября, и первая его линия миновала Васильевский остров. После поступления брата в университет мама подарила ему семейные сбережения на покупку мотоцикла с коляской. Некоторое время после женитьбы в 1963 году он продолжал жить у нас, а мотоцикл ставил во дворе. Он унаследовал комнату старшей сводной сестры, которая после замужества уехала из Ленинграда на несколько лет. Потом брату с женой удалось вступить в жилой кооператив, и мотоцикл пришлось продать для уплаты первого взноса.

Даже холодильник впервые появился у нас только в 1966 году, когда коллега по службе подарила мне свое «запасное» место в очереди. Теперь на кухне стоят два высоких холодильника. По стене, отделившей кухню от бывшей столовой, отгорожена ванная, устроенная после раздела квартиры. Тогда же бывшая ванная комната с антресолями и окном на 7-ю линию была переделана в жилую комнату. В ней долго жили мы с сестрой. Спали мы на ежедневно убиравшихся креслах-кроватях с поролоновыми матрацами (популярная тогда новинка!).

Двор

Черная лестница выводила не во двор, а в подворотню, поэтому чаще всего мы гуляли по набережной, в Соловьевском саду или уходили на Большой проспект. Из-за этого мы не всегда хорошо знали других жильцов нашего дома, чьи лестницы выходили во двор; но среди них были известные люди, будущие наши сослуживцы, соученики и даже одноклассники. Одноклассница Люся Барковская, бросившая школу после 7 класса, как тогда было можно, часто прибегала за помощью по математике; она жила в дальнем углу двора, где прежде была квартира «коменданта» (управдома).

В северном блоке нашего дома, задней стеной выходящем на Академический переулок, на втором этаже жил академик Иван Иванович Мещанинов, археолог и лингвист, которого мы навещали изредка по просьбе бабушки или видели на даче. По той же лестнице жили потомки академика Феодосия Николаевича Чернышёва²¹, геолога и палеонтолога. Востоковед Дмитрий Иванович Тихонов²² в мои трудовые годы тоже работал в Институте этнографии. Из более молодого поколения запомнился приветливый, интеллигентный Левушка Никитин (Лев Гаврилович Тоб), приемный сын физика-ядерщика Никитина²³. У Левушки был взрослый велосипед, на котором он иногда давал покататься, а потом у него первого во дворе (и вообще у первого из всех наших знакомых) появился мотороллер.

Из этой же парадной выходила во двор и на высоких каблуках шла за ворота неизменно элегантная молодая дама, жена морского офицера. Мы не были с ней знакомы и за глаза называли ее «разношляпкой». Теперь это может показаться смешным, но при тогдашней скудности нашей жизни разнообразие чьих-либо нарядов вызывало у нас иронически-презрительное отношение.

На третьем этаже жил одноклассник брата Витя Ефремов (его отец был шеф-поваром в каком-то важном ресторане) и наш одноклассник Феликс Регельман, потом много лет отработавший врачом скорой помощи. Хотя Фея давно переехал, мы все еще дружим, и он регулярно бывает в нашей квартире на встречах друзей и одноклассников.

По западной лестнице жила семья геолога Юрия Александровича Билибина. Его сын Саша был на год старше нас с сестрой; он потом стал заведующим кафедрой и деканом химического факультета Санкт-Петербургского университета²⁴. Сашина сестра, красавица Наташа, театральная художник, вышла замуж за альтиста Алексея Людевига, игравшего в симфоническом оркестре

Феодосий Николаевич Чернышёв

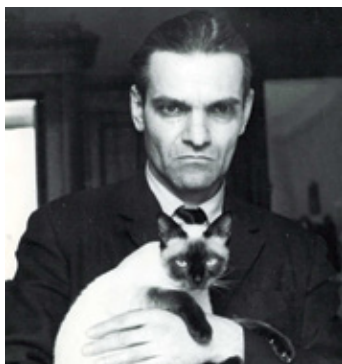
²¹ Чернышёв Феодосий Николаевич (1856–1914) – геолог и палеонтолог, академик (1909).

²² Тихонов Дмитрий Иванович (1906–1987) – востоковед, специалист по истории и этнографии народов юго-восточной Азии, доктор исторических наук (1968).

²³ О Борисе Александровиче Никитине рассказывается ниже, в воспоминаниях Льва Никитина.

Александр Михайлович Ляпунов

Юрий Валентинович Кнорозов

²⁴ Воспоминания А. Ю. Билибина о его отце и жизни в Доме академиков помещены далее.

²⁵ Ляпунов Александр Михайлович (1857–1918) – математик и механик, академик (1901).

²⁶ Кнорозов Юрий Валентинович (1922–1999) – историк, этнограф и лингвист, доктор исторических наук (1955), автор открытия мирового значения – дешифровки письменности майя.

²⁷ Раевский (Ривкин) Борис Маркович (1920–1984) – писатель, автор книг для детей и подростков.

Е. А. Мравинского, на концерты которого мы иногда ходили в Большой и Малый залы Филармонии. Позже он стал преподавателем консерватории, а теперь там же преподает их сын Алексей Людевиг (младший).

По той же лестнице жили потомки математика Александра Михайловича Ляпунова²⁵. Роза Ляпунова, с которой мы только здоровались, потом оказалась сослуживицей по Академии наук, как и Берта (Бася) Яковлевна Волчок. Индолог Берта Яковлевна была моей старшей коллегой в Институте этнографии, где одно время она занималась расшифровкой иероглифов майя в группе Юрия Валентиновича Кнорозова²⁶. Ее муж Борис Маркович Раевский²⁷ был писателем, а дочь Аня, младше нас, училась в 31-й школе. После замужества Аня эмигрировала в Соединенные Штаты, Берта Яковлевна последовала за ней после смерти мужа.

В первые годы после нашего переезда в Ленинград двор еще был загроможден поленицами дров, которыми топились печи и кухонные плиты. Потом дрова хранились в основном в подвалах, подверженных периодическому затоплению, когда осенью в Неве поднималась вода (отметка высоты воды при наводнении 1824 года на стене здания была тогда почти на уровне глаз человека среднего роста; с тех пор тротуар сильно повысился, и мраморная табличка приблизилась к мостовой).

В центре двора появился обнесенный забором садик, где были посажены кусты сирени, устроена песочница для детей и где мы играли в скакалки, прятки, пятнашки или в круговую лапту, благо у нас был большой мяч (из «пластиката»), раздобыть который тогда было непросто. Круговая лапта считалась «девчонской», хотя ребята присоединялись к нам, но мальчишки иногда играли в лапту с битами (несколько похожую на бейсбол). Однако этот спорт не подходил для игры во дворе-колодце, да и как-то постепенно сошел со сцены (это было задолго до официального возрождения русской лапты в 1980-е годы). Зато вокруг садика могли гонять на велосипедах редкие счастливицы, которым купили велосипед или дали покататься. Мы в основном катались на велосипедах на даче, но одна бабушкина знакомая долго вспоминала момент знакомства с нами, двойняшками лет шести, когда мы выкатили на детских велосипедах навстречу ей в прихожей!

Школа и Академия

Просторная отдельная квартира была в те времена большой редкостью, что мы осознали далеко не сразу. Большинство наших одноклассников жили в коммунальных квартирах, часто на всю семью приходилась одна комната. Только у некоторых были скромные отдельные квартиры, а у нас было просторно и светло (на всю жизнь мы сохранили любовь к высоким потолкам), а главное — к нам всегда было «можно». Балконом мы пользовались редко, но вид на Неву доставлял радость и своим, и гостям. Правда, мы, дети, встречали своих посетителей на кухне и проводили к себе через коридорчик, так что бабушкиных комнат они, как правило, не видели. Ребята из школы заглядывали к нам часто, особенно если не ладилось с уроками; учились мы все хорошо, задачки решали быстро: к вечеру, если кто-нибудь заходил или звонил с вопросами, ответы всегда были готовы. С первого по четвертый класс мы с сестрой Таней учились вместе (мы близнецы-двойняшки) в 27-й женской школе, бывшей Василеостровской женской гимназии, где в свое время училась наша бабушка. Тут же училась старшая сводная сестра Лена (1933–2008); она была в последнем, 10 классе, когда мы были в первом. Там училась и Марина Модзалевская²⁸, жившая в нашем доме на третьем этаже по черной лестнице, окончившая школу с золотой медалью. Там же на третьем этаже жили наследники Григория Николаевича Неуймина²⁹, астронома, ставшего после снятия блокады директором Пулковской обсерватории.

Неведомо для нас приближался период школьных реформ. Он начался с перемен в учебных программах. Например, для нашего возраста иностранный язык вводился в третьем классе. У брата в 31-й мужской школе это был английский, у нас французский. Но после учебного 1953/1954 года иностранный язык в третьем и четвертом классах отменили, теперь его стали изучать с пятого класса. Дальше — больше. Годом позже, когда мы окончили четвертый класс, нас ошеломили новые правила: вводилось совместное обучение девочек и мальчиков. Раздельное обучение в общеобразовательных школах Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик и других крупных городов СССР, было введено в учебном 1943/1944 году, о чем мы тогда не знали. Чем оно себя не оправдало, нам не объясняли, но половину девочек теперь переводили в мужские школы, а половину мальчиков в женские. Мы с сестрой Таней оказались в 31-й, бывшей мужской, где продолжал учиться брат. По каким-то соображениям через несколько недель Василеостровский районный отдел народного образования решил перевести нас обратно в 27-ю. Но было уже

²⁸ Несколько поколений литературоведческой династии Модзалевских жило в Доме академиков.

²⁹ О Григории Николаевиче Неуймине рассказывается ниже, в воспоминаниях Николая Тихомирова.

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге

поздно: нам очень понравился более свободный дух мальчишеского мира по сравнению с еще весьма чопорной атмосферой бывшей женской гимназии. Мы, пятиклассницы, проявили редкую для нас инициативность и отправились в РОНО без родителей. Уже когда мы явились туда на прием, меня выдвинули «депутатом» от всей нашей группы. Просьба оставить нас в 31-й школе была выслушана и почему-то удовлетворена. Успех!

Это событие изменило не только место нашей учебы и будничные маршруты в школу, но и ареал прогулок и игр: мы стали проводить больше времени на набережной Невы. 27-я школа находилась на 9-й линии, а 31-я — на набережной лейтенанта Шмидта (бывшей Николаевской). От Соловьевского сада и сфинксов напротив Академии художеств мы переместились ниже по течению, ближе к Военно-морскому училищу имени Фрунзе и памятнику Крузенштерну. Нынешних читателей такая «школьная» география может запутать: в 1957 году весь наш класс перевели из 31-й обратно в 27 школу (классы были маленькие, ведь мы все родились в военные годы), а позже 27 школу целиком переместили в помещение 31-й, где она сейчас и находится и где учится старший внук моей сестры Тани.

Школьные реформы на этом не остановились. В 1957 году, когда брат окончил школу с золотой медалью, прежде гарантировавшей внеконкурсное поступление в вуз, для золотых медалистов ввели конкурсное собеседование. Брат прошел собеседование благополучно и поступил в Ленинградский университет на физический факультет. Потом он всю жизнь проработал в Научно-исследовательском физическом институте (НИФИ, позже институт физики, НИИФ им. Фока); в 1994 году он стал заведующим кафедрой оптики, а в 1999-м — лауреатом премии имени Ю. В. Пашкуса. Когда в 1960 году я тоже окончила школу с золотой медалью, внеконкурсный прием для медалистов отменили вообще, так что мне предстояло и собеседование, и экзамены. На собеседовании меня предупредили, что избранный мною восточный факультет в том году официально оказывал предпочтение мальчикам, поскольку начиналась подготовка военных переводчиков для стран Ближнего Востока, которые тогда еще приобретали независимость или, приобретая ее недавно, проявили интерес к сотрудничеству с СССР. И действительно, меня не приняли, но, не дожидаясь такого исхода, я предприняла некоторые шаги по собственной инициативе. Меня тогда манило изучение арабского языка, а жившая этажом ниже Вера Александровна Крачковская летом тоже жила на даче в Комарово. Я пошла к ней и рассказала о предупреждении с факультета. Ее совет был не пытаться изучать арабский самостоятельно. Когда мне отказали в приеме, я опять обратилась к ней за советом, и она порекомендовала мне

Лев Евгеньевич Куббель

сходить к Олегу Людвиговичу Вильчевскому³⁰, заместителю директора Института этнографии, располагавшегося в здании Кунсткамеры. Он сам был востоковед и сочувственно отнесся к моему положению: в университет поступать тогда можно было только раз в год и только на одну специальность. Не попавшие в университет иногда пытались поступить в один из многочисленных институтов или, не приняты на дневной факультет, мчались сдавать документы и оценки за уже сданные вступительные экзамены на вечерний — но на восточном факультете не было вечернего отделения! Именно тогда вводились льготы для абитуриентов с двумя годами рабочего стажа, которого у меня не было. Преимущественным правом поступления пользовались также недавние военнослужащие, к которым я тоже не относилась (хотя уже начинался прием в армию вольнонаемных девушек, главным образом из-за немногочисленности нашего поколения). Но я хорошо знала английский и французский языки и собиралась учить арабский, а в секторе Африки Института этнографии под руководством члена-корреспондента Академии наук Дмитрия Алексеевича Ольдерогге³¹ разрабатывался многотомный проект по изданию арабских источников по Африке. Меня наняли туда (сначала временно) младшим научно-техническим сотрудником. Как раз продвигался в печать первый том «Арабских источников» (1960), подготовленный Львом Евгеньевичем Куббелем³² и Виктором Владимировичем Матвеевым³³, моими будущими коллегами. Тут я сразу стала учиться «держателю корректуры»: первым моим заданием стало скругление скобок в издательской копии. Тогдашние пишущие машинки не имели круглых или квадратных скобок, они обозначались дробной чертой. Лев Евгеньевич, давший мне это задание, вряд ли много знал о моем образовании. А кроме скобок как знаков препинания, в тексте были даты по двойному календарю: современные международные, по годам нашей эры, и мусульманские по Хиджре, тоже разделявшиеся дробью. Вот когда сработала моя предварительная подготовка к занятиям арабистикой: не задав ни единого вопроса, я провела правку безошибочно.

Тем временем начинался учебный год в университете. Тут я прибегла к редкому среди нас использованию семейных связей. Отец согласился обратиться к декану восточного факультета Михаилу Николаевичу Боголюбову³⁴ с просьбой разрешить мне посещать занятия по арабскому языку вольнослушательницей. Иранист по специальности, Боголюбов в 1960 году сменил на этом посту Иосифа Абгаровича Орбели, которого мы знали с детства по даче, бывшего прежде директором Эрмитажа. Статус вольнослушателя был традиционным в российском высшем образовании; в прошлом он часто использовался женщинами, которых раньше не принимали в университет (поэтому наша бабушка училась на Высших женских курсах). Разрешение было дано (скорее

Виктор Владимирович Матвеев

³⁰ Вильчевский Олег Людвигович (1902–1964) — востоковед, специалист по Ближнему Востоку, кандидат филологических наук (1939), в годы войны сражался в народном ополчении.

³¹ Ольдерогге Дмитрий Алексеевич (1903–1987) — африканист, этнограф, историк и лингвист, один из основателей африканистики в СССР и организатор музейного дела; член-корреспондент АН СССР (1960).

³² Куббель Лев Евгеньевич (1929–1988) — ученый-африканист, доктор исторических наук (1966).

³³ Матвеев Виктор Владимирович (1928–1995) — востоковед-африканист и арабист, источниковед, доктор исторических наук (1995).

³⁴ Боголюбов Михаил Николаевич (1918–2010) — языковед-иранист, академик (1990).

всего, в ожидании, что моего энтузиазма надолго не хватит). Но этого было недостаточно: требовалось получить еще разрешение на работе периодически уходить на занятия. К счастью, быстрым шагом от института до востфака с пробежкой по длинному коридору дворового флигеля до нужной аудитории было минут семь-восемь. Конечно, я отработывала пропущенные часы вечерами. Мое дневное отсутствие было не так заметно благодаря поручению от «шефа», Д. А. Ольдерогге, отслеживать международную библиографию по африканистике, что требовало регулярных посещений Библиотеки Академии наук; к тому же Дмитрий Алексеевич, помимо сектора Африки в институте, заведовал еще и кафедрой африканистики ЛГУ и сочувствовал моему «совместительству».

Планы восточного факультета по подготовке переводчиков привели к тому, что вместо обычной одной группы в шесть человек на отделение арабской филологии было принято две группы. К ним меня подключать не хотели, но разрешили ходить на занятия в группу историков. На кафедре истории стран Ближнего и Среднего Востока прием шел попеременно: один год набор был на историю Турции, другой год на историю Ирана, и так случилось, что мне повезло: в тот год принимали как раз на историю арабских стран. К концу моего первого года работы в секторе Африки Института этнографии я так заинтересовалась историей и углубилась в работу над проектом «Арабских источников», что приняла решение, оказавшееся поистине судьбоносным: не уходить из «Африки» и поступать на вечернее отделение исторического факультета, а не на восточный, где вечернего отделения не было. Конечно, это означало, что я работала, училась и сдавала экзамены на «отлично» одновременно на двух факультетах. Через год, когда один из соучеников по группе на востфаке «вылетел» за неуспеваемость, мне разрешили официально перейти на освободившееся место (сразу на третий курс). Арабским языком я продолжала заниматься, но теперь началось мое становление как историка. Получив диплом с отличием, я осталась работать в Институте этнографии, где прослужила до 1972 года.

Дом на набережной

Набережная Невы оставалась для нашей семьи ежедневным маршрутом: по набережной Лейтенанта Шмидта для сестры Тани, учившейся в Горном институте, где получили образование 12 горных инженеров из рода Карпинских, включая Михаила Михайловича (ум. 1848) – деда Александра Петровича, его отца Петра Михайловича (1808–1857), самого Александра Петровича и двух

Виктор Михайлович Орешников

его братьев, Алексея и Михаила. Однако затем несколько поколений нашего рода не учились в Горном, и вот Татьяна восстановила семейную традицию.

По Университетской набережной ходили в университет отец, брат и я, а до нас старшая сводная сестра, учившаяся на биофаке. Из Института этнографии или университета я иногда ходила пешком в Институт востоковедения, на Дворцовой набережной, проходя мимо Дома ученых. Мама работала в пяти минутах ходьбы от дома, в Академии художеств, где она стала секретарем ректора Виктора Михайловича Орешникова³⁵, который написал ее портрет. К сожалению, мы не смогли его приобрести; воспроизведенный в журнале «Работница», он был отправлен Государственной закупочной комиссией в музей по их усмотрению. Когда теперь я приезжаю в Петербург, обязательно даю круг по набережной, начиная от сфинксов, спускаясь к воде у бывшего причала напротив Соловьевского садика (он так и остался для нас «садиком», как в детстве), переходя через Неву по Дворцовому мосту на Адмиралтейскую набережную и возвращаясь к дому по мосту Лейтенанта Шмидта (прежде Николаевскому, а ныне Благовещенскому).

Тут же на набережной я имела сомнительное удовольствие наблюдать слежку за собой КГБ: в 1971 году я стала невестой не просто иностранца, а американца. Напротив нашего дома, у желтого углового здания на 6-й линии с утра дожидалась серая легковая машина, невзрачная, как предписывалось во входивших тогда в моду детективных романах. Я уже научилась водить машину и забавлялась мыслью о том, что для слежки за мной по пути на работу им надо было сделать минимум три левых поворота. Когда я вышла замуж в начале 1972 года и мы с мужем не могли жить ни у нас дома, ни в общежитии для иностранцев, я сняла комнату в коммунальной квартире. В подъезде появился невзрачный дежурный. Если мы шли с мужем в театр, то, прогуливаясь в фойе, всегда чувствовали, даже не оглядываясь, блеск начищенной пары ботинок, старательно пристраивавшихся сзади поближе, чтобы не только наблюдать за «контактами», но и прислушиваться к разговору. Если работа требовала присутствия в другом учреждении, слежка не останавливалась.

Для подготовки текстов арабских источников (последний, четвертый том серии вышел в 2002 году) мне иногда нужно было пользоваться многотомным египетским изданием, хранившемся в отделе картографии Публичной библиотеки на Садовой. Однажды я стояла над развернутым томом (размером в полный лист, ин-фолио), определяя отрывки, нужные для нашей подборки. По случайности в тот день мне достался стол у окна, лицом к входной двери.

³⁵ Орешников Виктор Михайлович (1904–1987) – художник, мастер портрета, академик (1954).

Неожиданно дверь распахнулась – в проходе стоял невзрачный грузноватый гражданин средних лет в черном костюме. А в театр посылали красивого высокого блондина! Гражданин не ожидал увидеть меня лицом к лицу. Он как-то загнулся, не двигаясь с места. Пауза. Дверь закрылась.

Я уехала из Ленинграда на постоянное жительство в Америку в июне 1972 года. Готовясь к отъезду, обходила канцелярии, кабинеты, конторы; посещала районный и городской ОВИР, ездила в американское посольство в Москву (хотя консульство уже открылось в Ленинграде). При снятии с прописки в квартире в академическом доме в Василеостровском районном отделении милиции мне без разговоров поставили штамп о выписке. Пришла отмечать выписку в домовую контору во дворе. Один взгляд незнакомой паспортистки и – «С выпиской из города!» Неудивительно, что не было ни разговоров, ни вопросов: их проинструктировали заранее. Советская бюрократия в деле, со своими секретами и наказаниями: ведь прописка в Ленинграде тогда была на вес золота! На этом и закончилась моя «четверть века в квартире президента». Но не пропала любовь к прекрасному городу на Неве, не прервалась моя привязанность к нашему дому, к набережной от нашего моста до Стрелки, не ушла любовь к родным, дружба с друзьями детства и юности, а теперь и контакты с молодыми коллегами. Все еще живут в доме потомки и наследники великих фамилий Российской Академии наук. Пешком по набережной ходит с мужем на работу в Российский этнографический музей моя младшая племянница Евгения, нареченная в честь ее прабабушки Евгении Александровны.

В 1983-м в Америке вышел (на русском языке) роман Юрия Трифонова «Дом на набережной» о привилегированной, но небезопасной жизни сталинской элиты в доме правительства в Москве. В нашем «доме на набережной» жили люди науки, привилегированные по нормам разрухи и пятилеток, но в первую очередь преданные делу науки – будь она российской, советской, международной. Надеюсь, эта книга создаст иной портрет «дома на набережной», которым мы все сможем гордиться и передать память о нем нашим потомкам.

Александр Билибин

История нашей семьи в истории дома на 7-й линии

Я взялся написать этот небольшой очерк о жизни нашей семьи в этом доме по нескольким причинам. Я – один из старожилов этого знаменитого дома, наша семья поселилась здесь в сентябре 1949 года, то есть более 67 лет назад. Однако главное, что подвигло меня, это желание отдать дань памяти моему отцу, Юрию Александровичу Билибину. Кроме того, я хочу поделиться своими детскими и юношескими воспоминаниями о жизни в нашем доме на Васильевском острове в 1950–1960-е годы.

Итак, в 1949 году Юрий Александрович Билибин и его семья получили от Академии наук СССР квартиру в Доме академиков.

К этому времени 48-летний Юрий Билибин был уже членом-корреспондентом АН СССР, лауреатом Сталинской премии I степени, что было признанием его работы, связанной с открытием Колымского золота. До переезда в эту квартиру семья жила в большой, разделенной мебелью на два помещения комнате в коммунальной квартире в доме № 56 по Большому проспекту Васильевского острова. Сейчас на фасаде этого дома висит мемориальная доска.

Юрий Александрович родился в 1901 году в старинной дворянской семье в Ростове Великом. Отец – Александр Николаевич Билибин, полковник Российской армии. Мать – Софья Степановна, в девичестве Вечеслова. Часто спрашивают, состоим ли мы в родстве со знаменитым художником Иваном Яковлевичем Билибиным. Да, состоим, но находимся на разных ветвях генеалогического дерева.

Из-за службы отца семья много раз меняла местожительство. Жизнь семьи Билибиных описана в семейном рукописном журнале «Уютный уголок», несколько номеров которого сохранилось у нас. Члены семьи публиковали в журнале свои стихи, рассказы, путевые заметки, поздравления с днями рождения, пожелания. Когда сегодня читаешь выпуски журнала разных лет, поражают различия в духе, настроении дореволюционных номеров и номера 1920 года – последний номер пронизан мрачным настроением, как бы выкрашен в серый цвет. В этом номере Юрий опубликовал свое ироничное,

Юрий Александрович Билибин. 1950 г.

Обложка семейного журнала «Уютный уголок». 1915 г., март.

Ю. А. Билибин. 1925 г.

но очень искреннее стихотворение «Заметки Голоднаго». В этом же номере некоторые материалы аккуратно вырезаны и удалены — очевидно, для того, чтобы избежать возможных неприятностей с «органами», такое было время.

Отец окончил Смоленское реальное училище в 1918 году, отслужил в Красной армии (1919–1921) и поступил в Горный институт в Ленинграде. Ленинград в те годы был средоточием геологической мысли. Здесь находился высший отраслевой орган — Геологический комитет страны, лучший минералогический музей и богатейшие библиотеки.

Окончив институт в 1926 году, он начал работать геологом в геологоразведочной службе треста «Алданзолото». В результате поисковых исследований, базировавшихся как на материалах предшественников, так и на уже имевшемся собственном опыте и на необходимой геологу интуиции, у отца сложились собственные представления о том, где и, главное, как следует искать золото в восточных и северо-восточных регионах СССР.

В те времена на большинстве географических карт эти территории были представлены белыми пятнами, то есть как совершенно неизученные. Ходили разного рода легенды о старателях, намывших огромное количество золота, самой расхожей была легенда о Бориске (Бари Шафигуллине), тело которого нашли прямо в шурфе с золотом. По всему краю бродили вольные старатели, тайно и бесконтрольно моющие золото. Их часто убивали, отбирая добычу.

В 1927 году (в возрасте 26 лет) Юрий Александрович представил в трест «Союззолото» поддержанные академиком С. В. Обручевым предложения по организации экспедиции на Колыму. Он утверждал, что именно на Колыме лежит «пряжка» от «золотого пояса», протянувшегося от Амура до Калифорнии. Благодаря исключительной энергии, ему удалось убедить руководство треста «Союззолото» поддержать это предложение. В 1928 году в бассейн реки Колымы была направлена рассчитанная на полтора года экспедиция от Геолкома СССР под руководством Ю. А. Билибина. Ее целью была проверка сведений о нахождении золота на Колыме и оценка его промышленного значения. 4 июля 1928 года на Ольский берег Охотского моря, недалеко от теперешнего Магадана, с борта парохода «Дайбоши-Мару» высадились участники экспедиции. Сейчас на этом месте установлен памятный знак.

Участникам экспедиции пришлось преодолевать огромное количество трудностей и испытаний: сплав по бурным неизведанным рекам, морозы в зимнее время до -60° , временами полное отсутствие продовольствия, встречи

Ю. А. Билибин с участниками Первой колымской экспедиции. 1928 г.

с дикими зверями. Одна из таких встреч, о которой отец мне рассказывал, была один на один с медведем. На счастье отца, подоспел другой участник экспедиции, у которого было ружье, и все закончилось благополучно. Хочу сказать, что отец выглядел как настоящий русский богатырь — ростом выше 190 сантиметров, с красивым лицом, светло-голубыми глазами, рыжей бородой, обладал большой физической силой, но схватка без оружия с голодным медведем могла плохо закончиться.

Эта экспедиция описана во многих книгах («Вексель Билибина», «У истоков золотой реки», «Золотая Колыма» и других).

Участникам экспедиции удалось не только подтвердить свои прогнозы о наличии на Колыме золота в промышленных масштабах, но и сделать определенные заключения о закономерностях его распределения на местности. Впоследствии Ю. А. Билибиным на основе этих наблюдений была написана книга, ставшая классической — «Основы геологии россыпей».

Памятный знак на месте высадки экспедиции Ю. А. Билибина в 1928 г.

В 1931 году по результатам Первой колымской экспедиции было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О Колыме» — о разработке золоторудных месторождений и россыпей на Колыме. Затем Билибиным была организована Вторая колымская экспедиция. Для осуществления золотодобычи в верховьях Колымы был создан специальный трест «Дальстрой», директором которого был назначен Э. П. Берзин³⁶. Противоречия, возникшие между Билибиным и Берзиным как по технической политике, так и по методам работы, заставили Юрия Александровича покинуть Колыму, но он по-прежнему оставался ответственным за сформулированные им прогнозы золотодобычи на Колыме. Уже в 1936 году на Первой колымской геологической конференции первый директор треста «Дальстрой» Берзин (через два года расстрелянный как шпион), обращаясь к геологам, с гордостью скажет: «Выданный Билибиным вексель — оплачен!». Немалая доля добытого в этих краях золота перекочевала в военные и последующие годы за океан в качестве оплаты за вооружение, снаряжение и продовольствие, поставлявшиеся по ленд-лизу. С 1935 года Ю. А. Билибин вел курс геологии россыпей золота и платины в Горном институте.

Конечно, это было страшное время, особенно на Колыме. По моему мнению, то, что Юрий Александрович покинул Колыму, оказалось большой удачей, так как с его крутым характером там он мог бы иметь гораздо большие неприятности, вплоть до ареста со всеми вытекающими из этого последствиями.

Во время Великой Отечественной войны отец работал в Средней Азии, затем в Москве. Защитил докторскую диссертацию.

С 1944 года он посвятил себя научной работе во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте (ВСЕГЕИ) и в Ленинградской лаборатории геологии и геохронологии докембрия АН СССР. Педагогическая деятельность Ю. А. Билибина в Ленинградском университете была очень краткой — менее двух лет он был заведующим кафедрой полезных ископаемых геологического факультета. Как говорят сотрудники факультета, его лекции, отличавшиеся глубокой продуманностью, безукоризненной логикой, красотой и образностью языка, посещались не только студентами и аспирантами, но и преподавателями факультета и геологами других организаций города. 52-я аудитория, самая большая на факультете, не всегда могла вместить всех слушателей, и лекцию приходилось переносить в Актовый зал университета.

После войны отцу довелось участвовать в работах, направленных на прогнозирование весьма дефицитного в то время в СССР уранового оруденения, требовавшегося прежде всего для создания атомного оружия.

На основе обобщения громадного фактического материала по геологии и полезным ископаемым разных регионов, предоставленного многими крупными геологами ВСЕГЕИ, Ю. А. Билибиным была создана сделавшая его знаменитым в научной среде концепция металлогенического развития складчатых областей, ставшая для геологов основой регионального металлогенического анализа и прогнозирования территорий. В 1946 году он был избран членом-корреспондентом АН СССР и вместе с другими участниками Колымских экспедиций награжден Сталинской премией I степени.

Итак, в 1949 году наша семья переехала в Дом академиков на 7-й линии Васильевского острова. Квартира представляла собой часть большой квартиры, которую в 1920–1936 годах занимал академик А. Е. Ферсман. После его переезда в Москву она была весьма неудачно поделена на две части. В одной (с парадного входа) проживал сын Ферсмана с семьей. Другую часть квартиры (с черного хода) превратили в коммунальную. Это, конечно, не пошло ей на пользу, а трудности военного времени еще больше ухудшили ее состояние. Именно эта часть и была предоставлена нашей семье. Мебель приходилось загружать не через чрезвычайно низкую и узкую дверь, а через окна.

Беда случилась через два года после нашего переезда: осенью 1951 года у Юрия Александровича случился инсульт, и 4 мая 1952 года его не стало, — сказались все трудности его жизни и работы, все трудности того тяжелого, страшного времени. Он похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища.

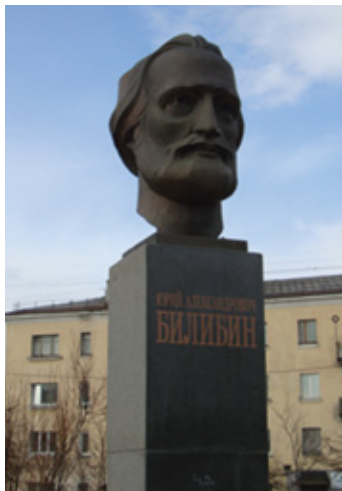
Мне тогда было всего девять лет. К моему огромному сожалению, которое я испытываю до сих пор, мне очень мало удалось пообщаться с отцом. Во-первых, я был еще мал, а во-вторых, он очень много работал: из его кабинета, выходявшего окнами на набережную Невы, постоянно доносился стук печатной машинки «Ремингтон». Отец очень любил вид, открывавшийся из его кабинета, он называл его «моя Голландия».

Юрий Александрович оставил после себя богатое наследие. Главное — его ученики, последователи-геологи. Но немалое значение и до сих пор имеют его научные работы. Кроме уже упомянутой монографии «Основы геологии россыпей», переведенной на многие языки, уже после его смерти вышли четыре тома «Избранных трудов». Его имя на востоке нашей страны стало легендой. Именем Билибина назван город на Чукотке; там есть его музей и единственная на северо-востоке России атомная электростанция. Именем Билибина названы хребет в горной системе Черского в Якутии, вулкан в бассейне реки Большой Анюй, улица в Магадане, минералы билибинит и билибинскит.

³⁶ Берзин Эдуард Петрович (1894–1938) — деятель ВЧК-ОГПУ-НКВД, один из организаторов и руководителей системы ГУЛАГ.

Памятник Ю. А. Билибину в городе Билибино.

Памятник Ю. А. Билибину в Магадане.

Мне с сыном Юрием довелось съездить в Магадан и в город Билибино в 2011 году, в год столетия со дня рождения моего отца. Это была великолепная поездка, за организацию которой я благодарен сотрудникам Билибинского музея и администрации города Билибино.

Квартира, в которой мы остались жить, специальным постановлением Правительства СССР была закреплена за нашей семьей, и все проблемы семьи легли на плечи моей матери Татьяны Васильевны Билибиной (1912–1994), которая тоже была геологом, доктором геолого-минералогических наук, и всю свою жизнь проработала во ВСЕГЕИ.

Время было тяжелое, карточки уже отменили, но продовольствия все равно не хватало, за продуктами выстраивались длинные очереди, количество продуктов «в одни руки» было ограничено. Поэтому женщины, стоявшие в очередях, просили нас, пацанов, постоять с ними в очереди в качестве «вторых рук», чтобы получить продовольствие на двоих. Мы с сестрой безмерно признательны нашей покойной маме, которая всю свою жизнь посвятила работе и заботе о нас.

Сегодня трудно представить себе наш дом в 1949 году, через четыре года после окончания войны.

Инженерные сети пришли в полную негодность — все подвалы были залиты весьма вонючей жижей, которую изредка откачивали, а она возвращалась. Эти подвалы кишели крысами, которые пробирались и в квартиры.

Центрального отопления не было, весь дом отапливался дровяными печами. Газ и центральное отопление провели только в 1956 году. Пища готовилась либо на дровяных плитах, которые топили раз в несколько дней, либо на керосинках, керогазах, примусах или электрических плитках с открытой спиралью. Каждая семья летом и ранней осенью заготавливала необходимое количество дров, поэтому весь двор был заложен поленницами дров, между которыми оставались узкие, не шире метра, проходы для людей. Двор, как и 7-я линия, был вымощен булыжником. По мере приближения весны поленницы становились ниже и ниже, пока не исчезали совсем. Тогда булыжное пространство двора освобождалось для нас, детей этого двора и наших друзей. В отличие от детей сегодняшних, мы очень любили коллективные игры — прятки, шандер и, конечно, волейбол.

Зимой волейбола не было, но были прикрученные прямо на валенки коньки. Зимы были снежные, снег практически не убирали, и он утапывался на дорожках в плотную снежную массу, которая к весне достигала толщины

Автор этого очерка во дворе 65 лет назад.

15–20 сантиметров. Такой спрессованный снег покрывал и двор, и тротуары, и мостовые, что превращало все эти поверхности в замечательный каток. Особенно мостовые, где можно было зацепиться специальным металлическим крючком за изредка проезжающую полуторку и катиться от набережной до Большого проспекта.

После особенно сильных снегопадов снег все-таки убирали два дворника нашего дома — дядя Митя Богданов и дядя Федя Мочалин. Для этого они использовали листы фанеры, в которые сами впрягались с помощью веревки. На фанеру накладывали снег и везли его к Неве, куда и сбрасывали. Уже к середине зимы из этого снега получались горки, по которым мы скатывались на лыжах.

Нева в те годы довольно рано замерзала и покрывалась пешеходными дорожками в самых разных направлениях. В то время паркетные полы и в квартирах, и в общественных местах, в школах покрывали красной мастикой, которая замечательно прилипла к обуви, а потом оставалась на снегу. Поэтому все тротуары на выходах из домов и учреждений были красного цвета. Такие же красные дорожки шли и через Неву.

У нас, пацанов, были свои развлечения. Одним из излюбленных было вскочить на ходу в трамвай (у трамваев того времени площадки были открытые) или соскочить с него также на полном ходу. Не всегда это заканчивалось благополучно.

У. Память людей

Мы росли, менялись, менялся и наш дом, и наш город. Булыжник и диабаз на дорогах заменили на асфальт, росло количество автомобилей, они становились все более совершенными. Постепенно угольные и мазутные котельные менялись на газовые, исчезали трубы с черным дымом, воздух становился чище, исчезла черная полоса на горизонте. Васильевский остров, который заканчивался на Наличной улице, расширился за счет намыва новых территорий. Теперь некогда заброшенные Гавань и Голодай стали фешенебельными районами, практически исчезли трамвайные пути, появились крупные торговые центры, исчезли очереди за продуктами — надеюсь, навсегда.

Атмосфера у нас в доме всегда была очень дружеской. Двор дома притягивал к себе наших друзей. Все знали друг друга, общались и помогали при необходимости.

Встречались и продолжаем встречаться за дружескими столами — правда, не так часто. Наша семья с удовольствием вспоминает прекрасные встречи в гостеприимной и хлебосольной семье Толмачёвых-Карпинских (самых ранних жильцов нашего дома из ныне живущих обитателей), пироги, которыми угощала друзей Наталья Ярославовна Тихомирова (просто так, без повода), детские праздники, которые устраивала семья Биантовских-Наумовых, интересные разговоры с Мишей Пикаловым.

В нашем подъезде над нами жила семья Бориса Дмитриевича Лебина, ученого секретаря при уполномоченном представителе Президиума АН СССР, на третьем этаже — семья известного гидробиолога профессора Владимира Ивановича Жадина³⁷. Напротив нашей квартиры жил мой одноклассник Толик Дроздов с мамой и братом (уже давно живет в Севастополе). Над ними на втором этаже — семья детского писателя Бориса Марковича Раевского (в 1970-е годы уехали в Америку), потом — геолог академик Дмитрий Васильевич Рундквист³⁸.

Надеюсь, атмосфера нашего дома и добрые отношения между его жильцами сохранятся и в будущем.

³⁷ Жадин Владимир Иванович (1896—1974) — гидробиолог, зоолог, доктор биологических наук.

³⁸ Рундквист Дмитрий Васильевич (р. 1930) — геолог и минералог, академик (1990).

Вера Северинова

О жильцах, науке и творчестве в квартире № 9 Дома академиков в 1950–1970-е годы

Знаменитый Дом академиков хранит на своих 29 мемориальных досках память о выдающихся ученых России. Однако в нем жили и творили и другие люди, оставившие след в науке и в человеческих душах. Они составляли живую душу исторического дома, не увековеченную памятными досками.

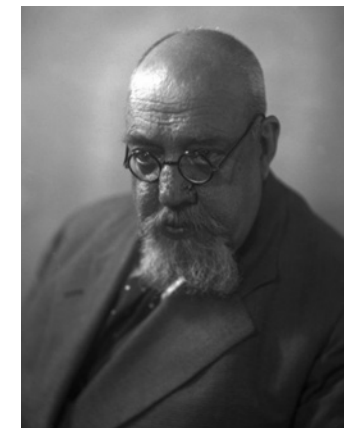
Квартира № 9 расположена в бельэтаже, вход с 7-й линии. В квартире пять комнат. Три очень большие, по 30–40 квадратных метров, с окнами на 7-ю линию, расположены по левую сторону коридора. Две небольшие комнаты, по правой стороне коридора, имеют окна во внутренний двор. Большая кухня в конце коридора также выходит окнами во двор.

В этой квартире, по словам его родственников, когда-то жил академик Владимир Федорович Шишмарёв³⁹, специалист по романской литературе. Затем — академик Александр Сергеевич Орлов⁴⁰, литературовед, исследователь древнерусской словесности.

После кончины академика А. С. Орлова его вдове Марии Митрофановне оставили две небольшие и одну большую комнату, в которой постоянно жила ее экономка, а в две освободившиеся комнаты поселили семьи научных работников академических институтов — востоковеда Николая Дмитриевича Миклухо-Маклая и филолога Юлии Макаровны Севериновой.

Таким образом академическая квартира превратилась в коммунальную, но особую коммунальную, в которой двери не запирались на замок и отношения между соседями всегда были добрыми.

Мария Митрофановна, спокойная старушка небольшого роста, редко покидала свои комнаты. Готовить ей приходила кухарка, приятная женщина средних лет. Но когда Марии Митрофановне хотелось поговорить с соседями, она выходила на кухню. Иногда, желая немного развлечься, она «теряла» булавку и просила ее найти, а потом, в соответствии с народным поверьем, чтобы не поссориться, слегка укалывала нашедшего.

Александр Сергеевич Орлов

³⁹ *Шишмарёв Владимир Федорович* (1874–1957) — филолог и музыковед, академик (1946). По всей видимости, сведения, сообщенные автору этих воспоминаний, неточны: В. Ф. Шишмарёв не мог жить в этой квартире до А. С. Орлова; до 1948 года он проживал по другим адресам.

⁴⁰ *Орлов Александр Сергеевич* (1871–1947) — ученый, специалист по древнерусской литературе, академик (1931).

Серафима Михайловна Миклухо-Маклай

⁴¹ Миклухо-Маклай Серафима Михайловна (1889–1971) была известна как хранительница фамильного архива и различных семейных реликвий. У нее было трое сыновей: Артемий Дмитриевич Миклухо-Маклай (1908–1980) – геолог, исследователь Коми и Урала, кандидат геолого-минералогических наук; Андрей Дмитриевич Миклухо-Маклай (1914–1965) – палеонтолог и геолог, знаток позднего палеозоя СССР, доктор геолого-минералогических наук, профессор ЛГУ; Николай Дмитриевич Миклухо-Маклай (1915–1975) – ученый-востоковед, иранист, кандидат исторических наук.

⁴² Миклухо-Маклай Карина Викторовна (1916–2006) – палеонтолог, кандидат геолого-минералогических наук, родная сестра академика Бориса Викторовича Раушенбаха (1915–2001), одного из основателей космонавтики, создавшего научную школу космической навигации, автора книг по теории перспективы в изобразительном искусстве.

⁴³ Миклухо-Маклай Ольга Андреевна (р. 1949) закончила геологический факультет ЛГУ, 20 лет работала во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте (ВСЕГЕИ), а с 1993 года редактором в издательствах «Северо-Запад», «Азбука» и «Лениздат». Миклухо-Маклай Николай Андреевич (р. 1940) закончил географический факультет ЛГУ, работал в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном музее им. академика Ф. Н. Чернышева.

В квартире жила Серафима Михайловна Миклухо-Маклай⁴¹ – дочь Михаила Николаевича Миклухо-Маклая, брата знаменитого путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая (то есть его племянница). Это была прямая, сухонькая, быстрая, энергичная старушка. В ней чувствовался сильный, волевой характер. Она рассказывала, что во время революционной смуты ее семью приютил бывший конюх. От расправы властей их спасали крестьяне, а для защиты от бандитов Серафима Михайловна держала под подушкой револьвер. Ей пришлось научиться сажать картошку, выращивать овощи, жать, доить корову. Она ходила босиком и в платочке, как простая крестьянка, но не унывала, стойко переносила жизненные невзгоды и никогда не сетовала на то, что революция отняла у нее дом, имущество, благополучие.

С Серафимой Михайловной жил ее младший сын Николай Дмитриевич. В 1950-е годы в квартиру нередко приводили детей среднего сына Серафимы Михайловны Андрея его жены Карины Викторовны⁴²: маленькую девочку с косами Ольгу и ее старшего брата Николая⁴³. Серафима Михайловна отдавала много сил воспитанию внучки. В любую погоду приезжала к 9 утра, как на работу, в семью сына на 18-ю линию. Гуляла с Оленькой, читала ей вслух (чаще всего стихи и поэмы Пушкина и баллады А. К. Толстого), каждую неделю водила ее в Русский музей, рассказывала о картинах, объясняла библейские сюжеты, ходила с ней в церковь. Внучала внучке, что спрос с нее больше, чем с других, потому что фамилия обязывает, и повторяла девиз семьи – «Всегда держу одно слово»(то есть свое слово держу).

Серафима Михайловна была ярым болельщиком «Зенита», не пропускала ни одного футбольного репортажа и вместе с Николаем Дмитриевичем энергично выражала свое отношение к игре. Хорошее образование и прекрасное знание французского языка с детских лет позволили Серафиме Михайловне незадолго до смерти переводить на французский статьи по геологии своего старшего сына Артемия.

Скончалась Серафима Михайловна 7 апреля 1971 года, не дожив месяца до 82 лет.

Николай Дмитриевич Миклухо-Маклай, внучатый племянник ученого и путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая, с юности был увлечен востоковедением. Он очень плохо видел, однако, когда началась

война, он, белобилетник, сразу, как и его братья, кинулся в военкомат с просьбой отправить его на фронт. Николая Дмитриевича из-за плохого зрения на фронт не взяли, но определили в команду МПВО университета. В апреле 1942 года его вместе с матерью и женой старшего брата Артемия⁴⁴ эвакуировали в Ташкент. С этого времени Николай Дмитриевич связал свою жизнь с Институтом востоковедения. В 1943 году он защитил кандидатскую диссертацию. Для него, почти слепого, работа с персидскими рукописями с помощью сильной лупы была настоящим подвигом. Николай Дмитриевич занимался важной и неразработанной проблемой истории Ирана – вопросом афганского владычества в Иране в 1720-х годах, исследовал проблемы взаимоотношений Ирана с государствами Средней Азии. В 1964 году он (в соавторстве) выпустил в свет свое детище – каталог персидских рукописей.

В последние годы Николай Дмитриевич работал над фундаментальной монографией «Географическая литература на персидском языке», готовил докторскую диссертацию. Труд Николая Дмитриевича был издан уже после его смерти – в 1984 году.

Николай Дмитриевич был по-интеллигентски скромнен и застенчив, беспрельдно добр и обладал редчайшим качеством – умел любить каждого конкретного человека таким, какой он есть, и даже для неблагоприятных с общепринятой точки зрения поступков людей всегда находил оправдание. Обращаясь к окружающим, он всех, независимо от возраста, называл теплым словом «деточка». В ученом споре с известным профессором-японистом он, приводя неоспоримые доводы, мягко говорил, обращаясь к своему седовласому оппоненту: «Ну, деточка, как вы можете так рассуждать...». Упомянутая дискуссия проходила в палате Академической больницы, где Николай Дмитриевич лежал с инфарктом. Через несколько дней его не стало.

Дом Николая Дмитриевича был всегда открыт для друзей, знакомых и знакомых знакомых. К нему приходили изливаться душу, и его мудрые слова успокаивали и умиротворяли.

В квартире № 9 частенько собирались сотрудники Иранского кабинета. В комнате Николая Дмитриевича горел камин, звучали рассказы об интересных поездках и искрометные шутки, а иногда из кухни разносился вкусней-

Николай Дмитриевич Миклухо-Маклай

⁴⁴ Об А. Д. Миклухо-Маклае см. выше сноску 41.

ший запах восточного плова, готовившегося гостями. Раздавался смех и звон бокалов. Об этом были даже сложены стихи:

От пленительного слуха
Встрепенулся кабинет:
Нас зовет на плов Миклуха
В первый раз за много лет!

Образ плова, образ сладкий
В душах наших не померк.
Повинуясь сердца зову,
Всея профгруппою пойдем
К плову! К плову! К плову! К плову!
В именитый, славный дом.

Сотрудники Иранского кабинета любили шутки и розыгрыши. Николай Дмитриевич обладал исключительным, утонченным чувством юмора и был своего рода катализатором, стимулирующим создание веселой непринужденной обстановки. О том, какая атмосфера царила в Иранском кабинете, можно судить по шуточному стихотворению «Песня о Миклухо-Маклае»:

В том дворце, что над Невую
Штакеншнейдер возводил,
В пышных княжеских покоях
Рукописный сектор был.

В этом секторе ИВАН⁴⁵,
Как младенец, сердцем чист,
По истории Ирана
Был один специалист.

Музыкальное для слуха
Его имя — Николай,
И фамилия — Миклухо
С добавлением Маклай.

Не женившись из кокетства,
В тридцать пять от роду лет
Он искал себе невесту,
Был насмешник и эстет.

⁴⁵ ИВ АН — Институт востоковедения Академии наук.

На докладах беспристрастно
Оппонентом выступал
И блистательным сарказмом
Потрясал Зеленый зал⁴⁶.

Наслаждаясь даровито
Жизни пестрой полнотой,
Ленинградского «Зенита»
Был болельщик записной.

И любил он чувств угары,
Ночи лунные без сна,
И романсы под гитару,
И шипение вина.

И нередко на диване,
В окружении девиц,
Вдохновенными речами
Вызывал румянец лиц.

И мудрейшими ИВ АН
Среди прочих всех светил
Украшением дивана⁴⁷
Он по праву прозван был.

Николай Дмитриевич был уникальным, удивительно светлым человеком, и память о нем сохранили все, кому посчастливилось его знать.

В еще одной комнате квартиры № 9 поселилась языковед Юлия Макаровна Северинова⁴⁸, всю свою жизнь отдавшая изучению богатств русского языка. Суть ее устремлений как нельзя лучше выражали строки из стихотворения Анны Ахматовой «Мужество»:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

В трудные 1920-е годы, страстно желая учиться, 14-летняя Юлия добралась до Петрограда из глухого села Шумиловка Орловской губернии. Попала в детский дом. Школьная учительница литературы Вера Михайловна Догадо-

Юлия Макаровна Северинова

⁴⁶ Зеленый зал — парадный зал в здании на Дворцовой набережной, д. 18, где располагался Институт востоковедения.

⁴⁷ Диван — на Востоке совет высших сановников при султанах.

⁴⁸ Северинова Юлия Макаровна (1907–1983) — филолог, научный сотрудник Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН).

ва (жена профессора юридического факультета университета Василия Михайловича Догадова⁴⁹) не только привила ей любовь к литературе и родному языку, но и взяла ее в свою семью.

В 1931 году Юлия Макаровна окончила историко-филологический факультет университета. Во время учебы вела кружок по ликвидации малограмотности на заводе «Коминтерн».

В словарный отдел Института языка имени Н. Я. Марра (ИЯМ) Юлия Макаровна была принята на должность научного сотрудника академиком Сергеем Петровичем Обнорским⁵⁰.

Областью своих научных занятий Юлия Макаровна избрала детский фольклор, однако закончить диссертацию ей не удалось — началась война. Доброта Юлии Макаровны, ее исключительная ответственность, самоотверженность и мужество с особой силой проявились в годы войны. В блокадное время она работала на оборонительных рубежах, в госпитале, затем была эвакуирована вместе с дочерью. Добравшись до села Тетюши в Татарстане, трудилась в интернате, где находились дети работников АН СССР, за что была награждена медалью «За трудовую доблесть» с благодарностью от президента АН СССР. В Ленинград вернулась на пепелище родного дома.

В 1950-е годы Юлия Макаровна работала в Словарном секторе Института языкознания АН. Участвовала в выпуске «Словаря русских народных говоров», собирала для него и описывала слова разных областей страны, увековечивала живописные русские слова. При выпуске 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», издававшегося в 1950–1965 годах, являлась автором-составителем в 16 тома, а также занималась технической подготовкой к изданию рукописей нескольких томов. По словам сослуживцев, Юлия Макаровна — «человек с истинно русской душой, открытая людям, благородная, чуткая и отзывчивая». Она уделяла много внимания трудновоспитуемым детям, работала выборным народным заседателем в суде, всегда всем помогала и старалась добиваться справедливости, однако ничего не могла сделать для себя. Так, квартиру, выделенную Институтом Юлии Макаровне, перехватил секретарь партийной организации.

Остались как завещание слова Юлии Макаровны:

Скажите все те добрые слова,
Которые потом произнесете.
Когда сомкнется над тобой трава
И птицы останутся в полете.

⁴⁹ Догадов Василий Михайлович (1886–1962) — правовед, долгое время возглавлял кафедру трудового права юридического факультета ЛГУ.

⁵⁰ Обнорский Сергей Петрович (1888–1962) — лингвист, специалист по русской морфологии, академик (1939).

Дочь Юлии Макаровны — автор этих строк — окончила Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ) и никогда не отказывала неразбирающимся в технике соседям помочь справиться с ее капризами. И в этом, возможно, проявились гены другой ветви нашего рода. Автор приходится внучатой племянницей одному из первых электротехников России, Павлу Дмитриевичу Войнаровскому (1866–1913). Несколькими строками вспомним и его, так как для некоторых обитателей квартиры № 9 родство с этим замечательным ученым было чрезвычайно важным обстоятельством. Он был единомышленником Александра Степановича Попова и после его кончины стал вторым выборным директором Петербургского электротехнического института, приложил много сил для развития электротехнического образования в России. Кроме того, Павел Дмитриевич выполнил проект, по которому в 1898 году была построена телефонная линия Петербург-Москва, одна из самых протяженных в Европе и самая протяженная в России в то время.

7 апреля 1971 года скончалась Серафима Михайловна Миклухо-Маклай, но жильцов в квартире не стало меньше. Десять дней спустя на свет появился новый человек — Костя Северинов.

Костя, теперь Константин Маркович, историк, преподает в физико-математическом лицее № 30. Уважаемый учителями и любимый учениками, он отдает детям свои знания и силы не только в учебные часы, но и в дни каникул. Хочется верить, что он продолжит традиции Дома академиков.

Надо отметить, что не только в нашей квартире, но и во всем доме существовала особая культурная среда. Никуда из него не выходя, можно было получить необходимые сведения из самых разных областей человеческого знания. За разъяснением древнерусских слов и понятий обращались к О. В. Творогову⁵¹. По проблемам русской истории — в семью Лебиных⁵². Если возникали вопросы о живописи — в семьи Наумовых⁵³ и Билибиных⁵⁴. О литературе можно было спросить Алексея Сергеевича Бушмина и его жену⁵⁵ (Бушмины жили с нами на одной площадке в квартире напротив). Добрые соседские отношения сохранялись также с семьями ученых Толмачёвых, Алексеевых⁵⁶, Тихомировых⁵⁷, Зерновых⁵⁸. Можно было подняться на этаж выше и попасть в музей-квартиру И. П. Павлова. Он находится над нашей квартирой, и поэтому во время экскурсий слышен топот ног посетителей.

«Дом академиков» живет и по-прежнему остается сосредоточием высокой интеллектуальной культуры, своего рода духовным памятником.

Вера Павловна Северинова

⁵¹ Творогов Олег Викторович (1928–2015) — филолог-медиевист, крупный специалист по древнерусской литературе, доктор филологических наук.

⁵² О Борисе Дмитриевиче Лебине см. выше, в воспоминаниях А. Ю. Билибина. Дочь Б. Д. Лебина Наталья Борисовна (р. 1948) — историк, доктор исторических наук, автор множества работ по истории повседневности.

⁵³ О семье Наумовых (Махровских-Биантовских) см. ниже, в воспоминаниях В. Наумова.

⁵⁴ О семье Билибиных см. выше, в воспоминаниях А. Ю. Билибина. Возможно, благодаря своему дальнему родству с художником И. Я. Билибиным, в семье геологов Билибиных очень хорошо знали изобразительное искусство.

⁵⁵ Бушмин Алексей Сергеевич (1910–1983) — литературовед, исследователь творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина, академик (1979). Бушмина Зоя Петровна (1918–2008) — литературовед, сотрудница Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом).

⁵⁶ Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) — филолог-китаист.

⁵⁷ Очерк Николая Тихомирова о его семье помещен далее.

⁵⁸ Зернов Сергей Алексеевич (1871–1945) — зоолог, гидробиолог, эколог; академик (1931).

Борис Шилин

О квартире № 17

В доме № 2 по 7-й линии я «появился» в 1945 году, когда академик И. И. Мещанинов вернулся из эвакуации. Квартира его была в полном порядке, так как за ней следили все годы войны Федор Ефимович, управдом, и его жена Анна Андреевна (фамилии их не помню) — негромкие герои блокады. Хорошо помню Г. Князева — образец блокадного мужества, один из героев «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина. Помню его в середине 1960-х годов, совсем старенького, сидящего на солнечной стороне двора под нашими окнами.

До середины 1950-х годов наш дом отапливался печками, и на месте двухэтажного флигеля бывшей котельной располагались дровяные сараи. После установки водяного отопления многие печки (в частности, в нашей квартире № 17), угловые кафельные, сохранились и могут функционировать.

Вера Александровна Крачковская, вдова академика И. Крачковского, проживала в квартире на первом этаже, с окнами во двор и на набережную (ближе к 7-й линии). Академик умер в середине 1950-х, она его пережила лет на тридцать, и я ее хорошо знал. Она рассказывала, что для каких-то переделок они стали пробивать одну из стен. Работа оказалась почти непосильной, так как в основе оказалась старая стена из голландских кирпичей невероятной твердости, явно первой половины XVIII века, а может быть, и петровских времен. То есть при постройке внутрь дома вошли старинные стены XVIII века. Она сказала (это, кажется, хорошо известно), что на имеющихся мемориальных досках отражены имена менее половины живших здесь академиков. Хорошо бы это отразить хотя бы общим списком, тем более что дом хорошо известен общественности: в передаче «Маленькие детали большого города» на канале «365 дней» его часто показывают в разделе «Дома». Вера Александровна говорила, что академики занимали квартиры на первом и втором этажах. На третьем этаже жили различные служащие Академии, а в подвалах — обслуживающий персонал. В мои времена там были дровяные склады.

О нашей квартире № 17. У нее сейчас шесть окон во двор на втором этаже. Примерно до 1940 года это была квартира Н. Я. Марра⁵⁹, и она занимала весь этаж, то есть шесть или семь окон еще и на переулок. Насколько я помню со слов академика И. И. Мещанинова, его ученика и моего дяди, в части кварти-

Николай Яковлевич Марр

⁵⁹ *Марр Николай Яковлевич (1864/1865–1934) — востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик (1912). В советские годы прославлялся как создатель яфетической теории — «нового учения о языке».*

ры со стороны переулка размещался Яфетический институт неясного полу-частного статуса, занимавшийся проблемами яфетической теории Н. Я. Марра. К 1940 году квартиру Н. Я. Марра разделили: академику Мещанинову досталась левая часть, а правую, с окнами на переулок, превратили в коммуналку. В ней, в частности (я это еще застал), проживал кто-то из потомков Миклухо-Маклая.

Сейчас двери квартиры № 17, соседней квартиры (упомянутой коммуналки) и квартиры напротив выходят в небольшой «предбанник», имеющий дверь на лестничную площадку. Так вот, над этой дверью прикреплен старинный номер «17».

То есть когда-то квартира № 17 занимала весь этаж этого крыла. И это было, вероятно, до второй половины XIX века. Такое заключение можно сделать исходя из того, что до 1960-х годов на двери квартиры напротив нашей была медная дощечка «С. Ф. Ольденбург»; она существовала до 1960-х годов, и я ее видел. Академик Ольденбург⁶⁰ умер в 1942 году и жил в этой квартире с конца XIX века. Видимо, максимальную площадь квартиры занимала во времена гимназии, где была своя домовая церковь.

Сейчас академиков в доме нет. В 1967 году умер И. Мещанинов, в начале 1980-х — М. Алексеев, в конце 1980-х — В. Линник, в 1990-х некоторое время жил геолог Д. Рундквист.

В квартире академика И. П. Павлова сейчас открыт музей. Но мемориальные предметы сохранились не только в ней. В нашей квартире сохранились угловые печи, письменный стол академиков Н. Марра и И. Мещанинова, огромный дубовый буфет с вензелем «М», такой же дубовый стол, рояль «Беккер» — точно такой же стоит в музее П. И. Чайковского в Клину.

⁶⁰ Об академике Сергее Федоровиче Ольденбурге рассказывается ниже, в воспоминаниях Екатерины Головачёвой.

Шульманам посвящается...

Много разных домов на свете,
Но навряд ли такой ты встретишь:
Где чужой, где почти незнакомый
Себя чувствует, будто он дома.

Дом, в который тыходишь без стука,
Где не верят облыжным слухам,
Где ты можешь излить свою душу
И тебя не устанут слушать.

Где тепло и зимой, и летом,
Где тебя ободрят советом,
Где всегда и во всем помогут,
Выйдут встретить, отправят в дорогу!

Здесь к твоим недостаткам терпимы,
Здесь не любят лишь подхалимов,
Ненавидят ханжей и трусов,
Что «катят на колесах турысы».

Если ты обижаешь слабых,
Если сплетни плетешь, как баба –
Ручки этих дверей не трогай,
Убирайся своей дорогой!

Заходи, не робей, прохожий,
Коли ты на людей похожий!
Если ты справедлив и честен –
Можешь выпить с хозяином вместе!

Л. В. Алексеева

Лия и Борис Шульманы

Наш Дом

Чтобы вспомнить, какими мы были,

Загляните в семейный альбом.

(Песня)

«Дом друзей», «дом, согревающий сердца», «дом, где всегда находишь стулья», «дом, где много света и тепла», «дом, где так много посуды»... Эти фразы взяты из воспоминаний «всех-всех» и из фольклора нашего дома. О нем, о нашем доме, о его гостях, его обитателях, его создателях и, наконец, о самом понятии, как явлении, мы и хотим рассказать, «заглянув в семейный альбом» – коллективную память: и нашу, и наших родителей, и наших друзей.

Человеческая память – явление своеобразное. Что-то запоминается навечно, а что-то теряется, иногда навсегда. Хотя иной раз, когда очень хочется вспомнить, то памятью сердца вдруг видится то, что казалось утерянным навеки. Так вдруг вспоминаешь время разговоров там, «где тепло и зимой, и летом» (Л. В. Алексеева), и куда «густым косяком плывут гости» (С. С. Шульман), и понимаешь, что «не стены, а люди – суть его» (Р. Е. Шульман). И осознаешь заново, что «всем хорошим обязан своим родителям» (С. С. Шульман). Потому как «имя твое – корни прошлого» (Лия Шульман): ведь запомнил же ты навеки, что «дом твой – древо жизни» (Е. Г. Альбов)! И как тут не вспомнить слова Шаига Ибрагимова о «кавказской территории на Литейном»? Высказывания папиных однополчан об их «малой Родине в Ленинграде на квартире Шульманов», куда они все так стремились после официальных торжеств в День Победы? А «семинар на дому» папиных-маминых учеников? Ветви этого своеобразного древа жизни раскинулись так широко! От Лондона, где растит свою дочурку Света Колокольникова, до Грузии, где до сих пор работает любимая ученица отца Иза Гогебашвили, от Германии, где жил и работал «дядя Веня» (доктор биологических наук В. М. Эпштейн), до Калининграда, где живут Чингиз Нигматуллин и Елизавета Евдокимова, и Душанбе, где живут верные ученики отца Умар Джалилов и Мамлакат Ашурова. «Ветки» этого древа дотянулись до многих городов и стран: Москва, Мурманск, Ярославль, Рига, Калининград, Вильнюс, Ереван, Симферополь, Баку, Тольятти, Петрозаводск, Майкоп, а также США, Бразилия, Канада, Германия, Казахстан, Дагестан, Чехия, Австралия...

Соломон Самуилович Шульман. 1 курс ЛГУ, 1938 г.

Рахиль Ефремовна Альбова. 1 курс ЛГУ, 1938 г.

А само древо — это уже не только мы, но и все, кто приходил, приезжал, прилетал или хотя бы забегал на минутку в наш дом! И это не только наши родные, не только наши друзья, не только сослуживцы, но и друзья друзей наших! К нам, в наш дом, в «нашу крепость» (как говаривала мама), каждый «тащил» (как говорил отец) и своих друзей, что обычно делали и мы сами. Чтоб стали люди эти «всехними» друзьями, как стал отец наш «всехним Папой» (Тина Комлева) и как стала наша мама «лучшей подружкой всем-всем» (Наташа Красильникова), «жилеткой», как говаривала она сама... А сколько людей просто-напросто «кучковалось» (С. С. Шульман) вокруг! Список этот можно продолжать до бесконечности...

И все же невозможно не вспомнить «корни корней наших» (С. С. Шульман), фундамент нашего дома: наших бабушек и дедушек. Их судьбы складывались по-разному, но многое их роднило.

Родители отца были родом из Белоруссии, из местечка Чернявка Борисовского уезда. Мамин отец родился на территории Польши в одном из местечек Виленской губернии. А вот мамина мама родилась в Санкт-Петербурге. Но все они принадлежали к той части еврейской интеллигенции, где детям во что бы то ни стало, любой ценой старались дать образование. К тому же в семьях всегда царили любовь и уважение к старшим, высоко ценилось гостеприимство, мужество и стойкость перед любыми невзгодами.

И если папин отец, наш дедушка Самуил Григорьевич Шульман, получив религиозное образование, в 14 лет сдал экзамен на раввина, то наш другой дедушка, Ефрем Григорьевич Альбов, хоть и не стремился в раввины, религиозное образование тоже имел. Впоследствии папин отец стал врачом, с отличием окончив и Юрьевский университет, и Кенигсбергский... Работал земским врачом, воевал на фронтах Первой мировой, был преподавателем, завучем и директором Фельдшерской школы. Вырастил двух сыновей. Обожал работу на земле и, думается, посадил не одно дерево. Воспитал большое количество замечательных врачей: многие, очень многие почитали за честь называть его своим учителем. Был он человеком очень талантливым, образованным, почти гениальным — каких только языков он не знал! И на всех не только говорил, читал и писал, но и пел, сочинял и «представлял» в театральных постановках! И еще: при всех своих почти энциклопедических знаниях был он человеком скромности необыкновенной...

Получил светское образование и дедушка Ефрем (мы, внуки, звали его уважительно «Дед», с большой буквы) — окончил Московское коммерческое учи-

лище, что позволило ему сразу же после женитьбы с головой погрузиться в бабушкино «дело» — шляпный магазин и мастерскую. И он так расширил, так модернизировал «дело», что стал одной из первых жертв НЭПа, отправленных на Беломорканал. Правда, там он долго не задержался, ибо был слишком хорошим работником и блестящим финансистом... Прожил Дед до 94 лет, и до сих пор в Таллине жива память о нем как о замечательном человеке и чудесном друге! Наверное потому что было в нем очень много того, что Л. В. Алексеева называла «кипучестью характера», мама — «размахом», а отец наш — «квантум схватишь». Ибо, как казалось всем, для Деда не существовало ничего невозможного, ничего недостижимого: все он мог и все умел! Даже выйдя на пенсию, Дед ни минуту не сидел без дела: вечно кому-то помогал, что-то доставал, вечно о ком-то беспокоился и заботился. Каждый год, почти до конца жизни, приезжал к нам в Питер: походить по городу, по его улицам и музеям, посмотреть последние театральные новинки. Многие труднодоступные постановки увидели мы тогда благодаря ему. А еще он очень увлекался антиквариатом и «шатался» (так он сам говорил) по букинистам... А когда в Таллине снимался «Гамлет», попал на съемки, познакомившись с самим Козинцевым! У нас и по сей день сохранилось фото Деда в костюме испанского вельможи. А как он готовил: «до сих пор облизываются те, кто вспоминает его кухню!» (Л. В. Алексеева). И сегодня многое в нашем Доме готовится, как «у Деда». Особую известность ему принесли кильки, названные папой «ТестьСбытТрест» и высылаемые нам, в Ленинград, огромными партиями...

Обе наши бабушки тоже получили образование. Бабушка Роза окончила фельдшерскую школу, а бабушка Маня — зубоветеринарное училище. Обе были очень красивы, каждая по-своему. Обе, имея множество поклонников, вышли замуж по большой любви. В каждой семье было по двое детей. И обе наши бабушки мужественно перенесли испытания, посланные судьбой...

Мама нашего отца, бабушка Роза, будучи кузиной своего мужа, жизни себе не представляла без него и, по воспоминаниям ее племянницы К. Л. Клебановой, всегда и во всем — и в радости, и в горе — «была рядом с дядей Самуилом». Еще невестой участвовала вместе с ним в еврейском освободительном движении; была рядом с мужем и в день получения «похоронки» на их старшего сына. Она была рядом и в мирные годы, и в дни блокады, и в эвакуации, и в последний день его жизни... Бабушка была очень гостеприимна, великолепно готовила. До сих пор в памяти сохранилась фраза «Розино вишневое варенье»; до сих пор помнится его божественный вкус! Стряпня бабушки высоко ценилась среди знавших ее, — приезжавшая к нам недавно из

Монограмма Л. С. Шульман

Томска наша нянька Рая (Раиса Васильевна Ардашёва) хвасталась: «Из всей моей родни лучше всех готовлю я! Еще бы — ведь меня сама Роза Марковна учила!» Семья, вся наша родня, или, как говорится на идише, «мишпоха», была в то время весьма многочисленной, так как и бабушка, и дедушка были родом из многодетных семей. В Петроград–Ленинград в то время перебрались почти все родные, но почему-то все всегда останавливались лишь у них. Сюда, по воспоминаниям родных, шли «посоветоваться» (Э. П. Плавник), и «за жизнь поговорить» (С. С. Хейфец), и вообще «собирались, по обыкновению, у Шульманов» (Э. П. Плавник). В семье постоянно кто-то жил: то племянница из местечка Соня Хейфец, то чудом спасшийся в оккупации Яша Клебанов, то бабушкина родная сестра Либа Клебанова-Фридбург, потерявшая в годы войны всех своих близких... Отец уверял, что все это шло от духа семьи, от его родителей. От «корней», как говаривал он позднее.

А какие у них были застолья! Похоже, что именно они стали прообразом застолий в доме наших родителей: «В самой большой комнате накрыт большой длинный стол, и все места уже заняты. А во главе стола сидит тетя Роза — красивая, веселая, с укладочкой, а рядом дядя Самуил, не сводящий с нее глаз» (К. Л. Клебанова). При воспоминании же о застольях времен наших родителей прежде всего представляется большой полукруглый стол-«сороконожка», где также с трудом можно найти место. Но, как говорили Вейно Эрик и Валя Глухова, «в этом доме всегда все стулья себе находят». Стол-«сороконожка» был примечателен еще и тем, что, собиравший вокруг себя множество народа, имел при этом весьма поганое свойство: куда бы ты ни сел — неизменно наткнешься на какую-нибудь из его ножек!

Кстати, этот стол красного дерева достался нам, как говаривала «тетка Люська» (шутливое прозвище в нашей семье Л. В. Алексеевой, старшей дочери академика-китаиста В. М. Алексеева), от ее семейства «по наследству». Там, у Василия Михайловича Алексеева в его большой квартире Дома академиков стол-сороконожка занимал центр огромной комнаты. Именно там, придя заниматься с Л. В. Алексеевой русской литературой, мы впервые его и увидели. Детская память причудлива и необычна. До сих пор непонятно, почему именно этот стол так поразил наше воображение? Казалось бы, огромная квартира с распахнутыми настежь окнами на Неву, более интересна детям из многонаселенной коммунальной квартиры?

Но, красоту самой квартиры мы смогли оценить лишь позднее, когда первое впечатление стерлось и мы, захаживая в гости, к тете Люсе, основательно

подружились со всеми остальными членами этого необыкновенно талантливого семейства. Правда, самого Василия Михайловича в живых уже не было, как и пропавшего без вести в годы войны единственного сына Миши. Но его вдова, профессор-египтолог Наталья Михайловна (единственная дочь академика-правоведа Михаила Александровича Дьяконова, также проживавшего в Доме академиков), еще работала, а в семье тети Муси (Марианны Васильевны Баньковской-Алексеевой) подрастал ее сын и наш ровесник Сережа. Как мы уже упоминали ранее, каждый член этой необыкновенной семьи начиная с В. М. Алексеева был талантлив. А сам Василий Михайлович, синолог-синтелист мирового уровня, основатель русского китаеведения, выдающийся переводчик и коллекционер, член Союза писателей и член многих зарубежных научных обществ, автор 450 научных работ, был личностью ни с кем не сравнимой. Он создал и сделал так много, что просто уму непостижимо! И хотя его вдова и младшая дочь М. В. Баньковская-Алексеева приложили немало сил и времени для популяризации его наследия, довести до конца начатое им так и не удалось...

Поскольку наши родители дружили именно с Л. В. Алексеевой, постольку и мы больше всего общались именно с нею. Наша тетя Люся до конца своих дней осталась для нас родным и близким человеком. Особенно после кончины наших родителей. Мы обязаны ей очень и очень многим. Ведь именно она познакомила нас с русской классической литературой, изобразительным искусством и красотой русского языка, попутно рассказывая о культуре и искусстве Китая. Именно благодаря ее замечательным экскурсиям в нас зародилась любовь к родному городу. И наконец, именно она научила Лию писать стихи, незаметно подтолкнув к созданию такого необычного направления, как «стихографика». А еще она, великолепно зная, любя и понимая музыку, частенько «подбивала» всех членов нашей семьи к походам не только на театральные и оперные постановки, но и «в симфонические концерты». Зная языки, болтала с нашей мамой на английском, французском и немецком, зачитывалась необыкновенным подарком нашей бабушки Мани — собранием сочинений Мопассана на французском. Писала она и собственные стихи, и очень критично относилась к каждому из них, несмотря на состоявшиеся публикации (пять поэтических сборников, статьи-воспоминания о ВОВ). Как все в семье Алексеевых, она была хорошо знакома с трудами своего великого отца. Лие на всю жизнь запомнилась встреча в фойе с китайскими литераторами во время гастролей Пекинского балета в Ленинграде. Собеседники непринужденно вели беседу, без труда вспоминая стихотворные строчки Ва-

Любовь Васильевна Алексеева. 1950 г.

силія Михайловича, цитируя классиков китайского искусства, вспоминая своих забываемых встречах с академиком-китаистом...

А еще Л. В. Алексеева была прекрасным человеком — щедрым и добрым, веселым и неунывающим, отзывчивым не только к людям, но и к «братьям нашим меньшим». Старшая дочь академика В. М. Алексеева никому никогда не отказывала ни в помощи, ни в приюте. Это у нее в течение двух лет проживал бездомный, пострадавший от дедовщины. И это она, наша тетя Люся, неизменно, в течение сорока лет встречала Новый год с нами, за своим любимым столом-сороконожкой...

«Корни» нашей мамы — это семья бабушки Мани (Марии Мовшевны Скебельской), издавна жившей в столице Российской империи и владевшей шляпной мастерской и магазином при ней. Сама бабушка была женщиной сильного характера. Пятнадцати лет от роду, оставшись круглой сиротой, она одна, имея на руках младших брата и сестру, не только сохранила «дело» и подняла младших, дав им гимназическое образование, но и сама с отличием окончила Мариинскую гимназию и поступила в зубо-врачебное училище. И никто никогда не слышал от нее ни слова жалобы. Лишь однажды, незадолго до своей смерти, она вдруг разоткровенничалась с внучкой как со старшей: «Трудно даже представить, как тяжело мне было! И я хочу, чтобы вы, мои внуки, знали об этом. И пусть сейчас это понятно, важно и интересно лишь тебе — я думаю, что когда-нибудь это будет не только понятно, но и важно твоим братьям...» Происходила она из семьи людей высокообразованных и интеллигентных. И хотя годы Первой мировой войны и революции разметали и уничтожили почти всех ее родных, кое-кто все же остался жив. Так, неоднократно приезжал с гастрольями симфонический оркестр Швейцарии, где главным дирижером был ее двоюродный брат Леон... Знала бабушка и языки: до конца жизни не было для нее лучшего отдыха, чем провести вечер с томиком Мопассана на французском... Были в ее библиотеке книги и на английском, и на немецком. Она знала, любила и хорошо разбиралась в русской поэзии и литературе, прививая нам, внукам, вкус к ним. Кстати, самым последним в ее жизни подарком нашей маме стало полное собрание сочинений Мопассана на французском...

И если, по словам папы, наша мама «взяла от своих родителей все самое лучшее», то и он «всем хорошим обязан своим родителям». Соединив свои судьбы в 1941-м, «в то время, когда регистрировали лишь смерти» (Р. Е. Шульман и С. С. Шульман), родители наши лишь закрепили и официально узаконили то, что зародилось много раньше. И так же, как наш «Дед» Ефрем бережно,

Свадебная фотография с надписью «Мы еще будем по-настоящему счастливы». Зима 1941 г.

до самой смерти, хранил ктуббу (еврейский религиозный брачный контракт), так и его дочь, наша мама, бережно хранила в памяти все, что касалось ее столь необычного замужества. Лишь совсем недавно в папиной «Вещевой книжке командира Красной Армии» обнаружилась их свадебная фотография, надписанная маминой рукой: «Мы еще будем по-настоящему счастливы!»

Познакомились они в далеком 1924-м, когда им было по 8 лет, учась в родной Аннен-школе. Правда, в школе их пути почти не пересекались: то учились в параллельных классах, то «вращались», как любил говорить папа, в разных компаниях... Но поступление на биофак Ленинградского университета объединило их навеки. Там, на кафедре зоологии беспозвоночных, впервые появилось слово «вместе»: вместе поступили, вместе ездили в экспедицию, вместе увлеклись паразитологией и вместе оказались в числе самых любимых учеников В. А. Догеля. Любимыми учениками у любимого учителя... Потому-то и имели они общих школьных и университетских друзей, которые обожали собираться у нас.

Вообще, для них, наших родителей, слово «любовь» всегда соседствовало со словом «дружба», а иной раз являлось и его синонимом. В этом они были всегда едины. Лие запомнились долгие тольяттинские разговоры с отцом уже

Рахиль Ефремовна Шульман. 1943 г.

после кончины мамы: «Говорят, что мне повезло с женой, — сказал он, — но все гораздо проще: я встретил не только настоящую Любовь, но и настоящего Друга на всю мою жизнь». В маминых сохранившихся письмах можно найти отголоски папиных слов: «Нет ничего в мире надежнее, чем настоящая любовь и дружба. За это счастье стоило жить». Слова эти мама написала спустя «сорок и один год» после замужества. И, по ее словам, эти сорок и один год, пролетели (для нее), как один день...

Свое предложение маме отец сделал в день, когда началась Великая Отечественная война. А началась она на другой день после сдачи ими последнего госэкзамена. Вот как описывает мама эти дни: «Впереди была работа, аспирантура, выпускной вечер, планы, мечты... И вдруг все рухнуло — война. Надо решать, как жить дальше, что делать. Мальчикам просто — они все пошли добровольцами, а мы — за советом к Догелю. „Голубушки, — сказал Валентин Александрович, — лучшее, что вы можете сделать для Родины, — остаться на своих местах и добросовестно трудиться“». Мама воспользовалась его советом и следовала ему долгие годы войны, как, впрочем, и всю свою жизнь.

«Мальчикам просто — они все пошли добровольцами», — писала мама. Пошел добровольцем и наш отец. 28 июня он подал заявление в народное ополчение, а «4 июля — мы уже в армии». Об этом он позднее напишет в своем докладе «40 лет снятия блокады»: *«Волею судеб вся моя судьба типична для защитников города Ленина»*. И далее в том же докладе: *«С этой невиданной по масштабам битвой в той или иной степени была связана деятельность всех жителей, всех учреждений. С особой силой это проявилось в Ленинграде, который уже на третьем месяце войны стал городом-фронтом. Не оказавшись в стороне и университет, многие студенты, преподаватели и сотрудники которого приняли непосредственное участие в боевых действиях»*. К этим незабываемым событиям своей жизни отец неоднократно возвращался: *«Особенно ярко вспоминаются, конечно, наши однокашники — биологи. Среди добровольцев почти все „мальчики“ пятого курса, только что сдавшие госэкзамены, но так и не успевшие получить своих дипломов»* (из статьи Н. Шапиро и С. Шульмана в газете «Санкт-Петербургский университет», № 12 от 21 апреля 1995 г.).

А потом пошли долгие годы войны, непростой путь от рядового до офицера. Первая военная должность отца называлась «повозочный санчасти 277-го отд. пул.-арт. батальона». Поэтому и стала его любимой песня Л. Утёсова «Ну, подружка верная». Когда мы теперь слушаем ее, то вспоминаем папины расска-

зы о том очень нелегком периоде его жизни. Но в папиных рассказах все выглядело так легко, так просто и так весело! Но, хорошо зная отца, все мы понимали цену этой легкости и веселья, — недаром бравый солдат Швейк был его любимым литературным героем. Как правило, чем смешнее и веселее выглядело все в папиных рассказах, тем сложнее и труднее ему было на самом деле. К тому же та ситуация была совсем не смешной: студентов-горожан прикрепили повозочными к лошадям, реагирующим лишь на ненормативную лексику. Но как тут радовался и веселился отец: «А я справился! Мне это было легко: все эти слова я и знал, и сказать их мог!» и как-то незаметно опускал, как трудно было ему, горожанину, управляться с лошадьми...

Вспоминаются и другие, более поздние его рассказы, которые, однако, ассоциативно тесно связаны с годами военной службы. Было это спустя полгода после кончины мамы, во время тяжелой, почти смертельной болезни отца. Тогда, после диких, с трудом переносимых болей, он вновь попал на операционный стол. И вот из реанимации, находясь между жизнью и смертью, он писал письма, успокаивающие и поддерживающие не только нас, его детей, но и его «однопалатников», также боявшихся повторной операции... Письма эти, полные смеха, веселья, юмора, задора, буквально зачитывались всеми до дыр! В письмах больничная палата называлась «адам», операционная «чистилищем», а реанимация «раем с ангелами в белых и голубых халатах». Соседок своих по несчастью, годившихся ему в дочери, отец называл «однопалатниками», пытаясь шуткой отметить их возраст: «Между двух прекрасных роз мухомор поганый рос...».

А как же иначе?! Ведь слово «однопалатник» навеки осталось для отца одним из самых главных и важных в жизни! Ведь именно они, его однопалатники, были ему «роднее родных» (С. С. Шульман) долгие годы войны, и именно благодаря им он понял ценность слов «дружба навечно и верность до конца» (С. С. Шульман). И все они, его однопалатники, долгие годы, собиравшиеся у нас после официальных торжеств, стали нам тоже такими же близкими и родными.

По сохранившейся автобиографии отца можно проследить его военный путь: *«В рядах Красной армии прослужил до 1944 года: сначала в качестве рядового, затем, с марта 1942 года, работал в качестве старшего лаборанта медслужбы Эвакуационного госпиталя № 81, а с 5 сентября 1942 года — старшим лаборантом 325 ОИСБ Краснознаменной Мгинской стрелковой дивизии»*.

Вот еще один сохранившийся документ военного лихолетья — «Характеристика на лейтенанта медслужбы Шульмана Соломона Самуиловича»:

Соломон Самуилович Шульман. 1943 г.

Валентин Александрович Догель

«...обладает большим личным мужеством. Выполняя задания командования, неоднократно проводил работу под интенсивным артиллерийским и минометным обстрелом...». И вновь данные из сохранившихся военных документов и справок — сухие факты Судьбы: «Первое тяжелое ранение получил в разведке боем около Старого Петергофа 28 сентября 1941 года — слепое осколочное ранение в правое бедро, второе — 2 марта 1943 года — слепое осколочное ранение височной области...» Ранение было смертельным, но, тем не менее, он выжил и вновь отправился на фронт. Так, с осколком за левым глазом, «прошагал», как любил говорить он сам, до конца дней своих, умудрившись к тому же вернуться с двух «пяточков» живым...

Мама работала в это время во 2-м Медицинском институте, куда ее устроил В. А. Догель⁶¹. Позднее, вместе с институтом, она «эвакуировалась в город Пятигорск, а затем в город Красноярск» (из автобиографии Р. Е. Шульман). А эвакуировали их по Дороге жизни, по уже тающему льду...

Шла война, но не забывалась любимая работа, учитель, любимая кафедра: «Пока Валентин Александрович был в Ленинграде, мы не теряли с ним связь и всегда чувствовали его заботу. Когда он был в Алма-Ате, мы писали ему не только о работе, но и о своих личных делах» (из статьи Р. Е. Шульман «Мой дорогой учитель В. А. Догель»). Отца тоже не раз командировали от медсанбата на родную кафедру для «приобретения лабораторного оборудования».

Но вот и третье тяжелое ранение отца — «осколочное ранение левого бедра и тазобедренного сустава», из-за которого он стал инвалидом. Случилось то, что позволит отцу позднее с усмешкой сказать: «...ползадницы положил на алтарь Отечества...». Но тогда было еще не до шуток: ведь «врачи запрещают работать!» И тут отец в полной мере почувствовал замечательные качества своего учителя, своего «В. А.», который «не бросал своих учеников в беде» (С. С. Шульман): «В 1944 году, — вспоминал отец, — я стал инвалидом войны II группы, и врачи запретили работать, особенно они были против научной работы, и в это время в госпиталь г. Рыбинска пришли два письма: от В. А. и его верного ученика В. В. Дубинина. Письмо В. А. с приглашением в аспирантуру».

Отец, как и его учитель В. А. Догель, «не оставлял своих учеников в беде», помогая им во всем и всегда. Впоследствии и ученики отца «в тяжелые годы болезней и потерь на деле доказали, что они настоящие друзья» (С. С. Шульман). Многие из них помогали ему в редакционной подготовке первого тома его монографии «Класс миксопородий». Учеников было так много, что трудно сейчас перечислить всех поименно. К сожалению, отец ушел из жизни,

⁶¹ Догель Валентин Александрович (1882–1955) — зоолог, член-корреспондент Академии наук (1939).

оставив этот труд ненапечатанным. И после его кончины пришла помощь. Так, благодаря его ученику О. Н. Пугачёву эта монография, написанная отцом совместно с его ученицами З. С. Донец и А. А. Ковалёвой, увидела свет.

Наша мама в трудные времена, как всегда, была рядом с отцом. Так, в ноябре 1944 года она бросила работу в Красноярском мединституте, где проработала «со дня его основания на кафедре биологии: сначала, как старший лаборант, а затем — ассистент кафедры» (из автобиографии Р. Е. Шульман), и поехала преподавать в Рыбинскую фельдшерскую школу. А как же иначе — ведь именно в Рыбинске с тяжелым ранением лежал ее муж!

Здесь самое время сказать об одной из замечательных черт нашей мамы — ее самоотверженной верности и любви не только к мужу и детям, но и ко всем родным и ко всем друзьям. Впрочем, с того момента, когда появилось слово «вместе», отец и мама были едины во всем. Всегда...

В марте 1945-го родители вернулись в Ленинград и сразу начали работать: она — лаборантом на родной кафедре, он — старшим лаборантом во ВНИИОРХе. А с 1946-го они уже в аспирантуре у своего В. А. Мама говорила: «Тогда были написаны мои первые статьи. На всю жизнь у меня осталась память, как он (Догель) учил меня писать». В архиве нашего дедушки Самуила нашлись эти статьи с посвящением «Дорогим родителям»... И так же, как В. А. Догель учил их, наших родителей, писать, так и они учили этому не только нас, своих детей, но и своих многочисленных учеников и друзей.

...И снова мама: «Когда я была в аспирантуре, у меня уже был грудной ребенок, и мне, честно говоря, было нелегко, но подвести В. А., сделать работу не в срок, плохо и в голову не приходило. Когда дочке исполнился год и 8 месяцев, я, оставив ее на руках бабушки и дедушки, уехала на 4 месяца на Белое море собирать материал» (Р. Е. Шульман. «Мой дорогой учитель В. А. Догель»). После этой экспедиции последовали и другие, особенно когда родители работали в Карелии. Так мы, дети, в течение еще 12 лет во время родительских экспедиций оставались в этой «камере хранения» (С. С. и Р. Е. Шульманы).

Пожалуй, в этом и кроется ответ на вопрос «Что же это такое — Дом Шульманов?». Наверное, когда не прекращается связь поколений и когда внуки, родители и деды — одно целое. И тогда каждый отдает в общий Дом все свое — все, что он имеет и чем живет.

1949 год — год окончания аспирантуры. Успешная защита обоих, а на руках — только что родившийся сын... Хотелось бы еще раз сказать, еще раз подчер-

Р. Е. Шульман, ассистент кафедры зоологии беспозвоночных ЛГУ.

С. С. Шульман. Фото для друзей. 1995 г.

кнуть, что научную жизнь нашей мамы, Рахили Ефремовны Шульман-Альбовой, трудно отделить от научной судьбы нашего отца, Соломона Самуиловича Шульмана. 20 лет проработала она на родной кафедре и, как сказано в Приказе по ЛГУ от 24 июня 1963 года, «внесла весомый вклад в научную и педагогическую деятельность. Ею выполнен ряд значительных исследований в области экологической паразитологии, она — автор более 50 научных работ, среди которых имеются как солидные монографии, так и научно-популярные брошюры». В совершенстве владея французским и английским, неплохо зная немецкий, будучи сама паразитологом, она стала отцу поистине незаменимым помощником. Иногда их интересы в науке совпадали, и тогда рождались совместные исследования, например, монография «Паразиты рыб Белого моря».

Выйдя на пенсию, мама «и после этого не потеряла связи ни с наукой, ни со своими многочисленными друзьями и коллегами, многие из которых впоследствии стали докторами наук» (С. С. Шульман. «Посмертное слово»). К тому же именно в эти годы мама приводила в порядок отцовский архив и его обширную деловую переписку. Помогала она отцу и в научной работе над библиографией к монографии «Класс микроспоридий мировой фауны». А еще мама вела дом. И была в нем не только гостеприимной хозяйкой, но и верным, преданным и чутким другом всем приходившим, приезжавшим и прилетавшим на консультации коллегам. Именно тогда друзья и стали поговаривать про «семинар на дому»...

Но в нашем доме людей ждали не одни лишь научные консультации. Сколько замечательных людей приходило, сколько было встреч и интересных разговоров! Вот слова московской журналистки Галины Зиновьевны Снитовской о нашей семье — «семье ученых-биологов и педагогов, людей глубоких знаний и широких интересов»: «не только коллеги, но и математики, артисты и поэты, не только земляки, но и гости разных городов страны приходили в их дом и окунались в атмосферу душевного понимания и высокой интеллигентности. Как немногие, знает отец художницы (Лии Шульман) Петербург–Ленинград, и особое наслаждение для него водить людей по торжественным улицам и паркам, когда прозрачность белых ночей придает трепетную зыбкость гармонически четким силуэтам архитектурных ансамблей. Эту атмосферу дома, эту родительскую любовь к городу впитала и дочь...» (Г. З. Снитовская. Из Каталога выставки «Город мой непостижимый...»). А нам хочется добавить: атмосферу дома, любовь к Питеру начинал чувствовать каждый, «всяк входящий» (С. С. Шульман), ибо город как-то неуловимо вращался в нашу повседневную жизнь. Помнится, прочитав «Сестру печали» В. Шефнера, родители,

Встреча 1996 года.

Сидят (1 ряд): Толя Яковлев, Любовь Васильевна Алексеева, Валентина Матвеевна Глухова, Соломон Самуилович Шульман.

Сидят (2 ряд): Соня Стрельцова, Галя Яковлева, Борис Шульман.

Стоят: неизвестный, Татьяна Белкина, Владимир Шейн, Лия Шульман, Алена Колесникова, Борис Эрик, Юрий Макаревич

стараясь совместить «прочитанное с увиденным», много времени посвятили прогулкам по Васильевскому острову, вместе разыскивая места, упоминавшиеся в книге. Случаев таких было много, как и книг в нашей библиотеке...

В нашем доме, сколько мы себя помним, главной ценностью, главным достоянием всегда были книги. Библиотека получилась уникальная: еще бы! — ведь каждый покупал, доставал, находил и приносил в дом что-то свое! Так, от дедушки Самуила остались такие книги, как «Фауст» 1854 года издания и Ветхий Завет 1877-го, от деда Ефрема — сочинения Дубнова и Вл. Соловьёва, от мамы и папы — огромнейшая библиотека по биологии и художественной литературе... Есть в ней и книги, приобретенные нами... Есть в ней и раритеты. Нам известно, что некоторые книги «от нас» в свое время переправлялись в город Горький Андрею Дмитриевичу Сахарову; мы помним и то время, когда родители, рискуя многим, помогали деньгами и одеждой ссыльным и политзаключенным.

А еще в доме жила музыка! Сначала это была «музыка из патефона» — из огромной коллекции еще довоенных пластинок (классика, романс и народные, в том числе и еврейские песни). Потом появились магнитофонные записи Галича, Высоцкого, Клячкина, Новеллы Матвеевой, Городницкого (песни

Соломон Самуилович и Борис Соломонович Шульманы в экспедиции. Тулома, 1974 г.

последнего отец любил особенно). Еще позднее – проигрыватель «со всеми теми пластинками, что иметь в доме необходимо, потому что это помогает в работе» (С. С. Шульман). Вспоминается, как во время написания какой-то работы вместе с «дядей Веней» (В. М. Эпштейном) вновь и вновь в течение нескольких дней ставилась пластинка с музыкой Фрэнсиса Гойи. Вкусы обитателей нашего дома не всегда совпадали. Например, мама обожала романсы, а отец любил и ценил песни городского фольклора...

Друзья нам завидовали: «Как вам повезло с родителями!» Да, конечно, нам повезло – ведь наши родители были к тому же нашими лучшими друзьями! Впрочем, обычно все наши друзья довольно быстро и вполне закономерно становились и лучшими друзьями наших родителей тоже. А сколько вообще друзей было у них? Школьные, институтские, однополчане, ученики... Но ведь только отец за свою научную жизнь подготовил более 40 докторов и кандидатов наук! К тому же многие, не будучи его прямыми учениками, начинали считать себя таковыми после одного лишь разговора с ним или одной консультации... А ведь были и мамины ученики! И наши друзья! И ученики учеников,

Рахиль Ефремовна и Лия Соломоновна Шульман. 1976 г.

и друзья друзей... Не перечислить сейчас всех, кто бывал у нас. Из далекой Америки, от любимой племянницы отца пришли строки памяти: «...ты даже представить себе не можешь, какое влияние он оказал на меня в юности...» (Лора Сорока).

И нам опять, в который раз, хочется подчеркнуть, что главной характеристикой и уникальностью нашего дома было, есть и, надеемся, будет всегда – гостеприимство и уважение к «всяк входящему», где бы этот дом ни находился.

И если в десятиметровой комнатке на улице Белинского задержавшегося гостя укладывали спать на обеденном столе, то в комнате коммунальной квартиры на Литейном гостю могло сильно «повезти»: вместо раскладушки где-то под столом-«сороконожкой» он получал в свое единоличное владение комнату-закуток за книжными полками...

А сколько народа помещалось в квартире на Васильевском! Однажды там расположилась целая съемочная группа Ташкентского телевидения, по каким-то причинам не получившая мест в гостинице. Эту квартиру отец полю-

V. Память людей

бил, как говорится, «с первого взгляда». И не переставал любить до конца своей жизни, просиживая в любое время года целые ночи у окна и запрещаая вешать занавеси на эти «живые картины»...

Возвращаясь памятью в детство и вспоминая гостеприимство наших бабушек и дедушек, лучше понимаешь истоки радушия наших родителей. И ощущаешь правоту маминых слов, что «все ушедшие живы до тех пор, пока жива память о них». А читая и перечитывая строки воспоминаний «всех-всех» — тех, кто смог написать «очень личное» слово памяти, — хочется сказать: большое спасибо.

Ведь и для нас тоже, как и для всех, они — наши родители — до сих пор живы! Мы тоже, как и Коля Расказов, проверяем ими каждый свой шаг, так же нежно и преданно любим, как и все, кто их знал. Так же безмерно преклоняемся перед ними и так же будем помнить их до последней минуты нашей жизни. До сих пор им посвящаются труды и пишутся стихи. Ибо они — это мы: кровь от крови, плоть от плоти, разум от разума, жизнь от жизни...

И наш Дом, где «тепло и зимой, и летом» и куда всегда «густым косячком плывут гости», до сих пор существует благодаря им.

Екатерина Головачёва

Ольденбурги-Головачёвы в Доме академиков

Какое отношение имеет наша семья к Дому академиков? Самое прямое.

В квартире № 31 жил академик, неперемный секретарь Академии наук Сергей Федорович Ольденбург со своей второй женой — Еленой Григорьевной⁶².

Они поженились 19 февраля 1923 года, о чем свидетельствует сохранившаяся «Выпись о браке», и жили в квартире Сергея Федоровича на первом этаже флигеля главного здания Академии наук по адресу Университетская (с октября 1923 года Менделеевская) линия, дом № 1. А 23 сентября 1924 года случилось наводнение, вошедшее в историю как второй по силе удар стихии по городу. Невская вода поднялась на 369 сантиметров выше ординара. Вся домашняя библиотека Ольденбурга, весь его архив намокли, в квартире жить стало невозможно. После того как книги и рукописи были высушены, Ольденбурги переехали в дом № 2 по 7-й линии и заняли квартиру № 31.

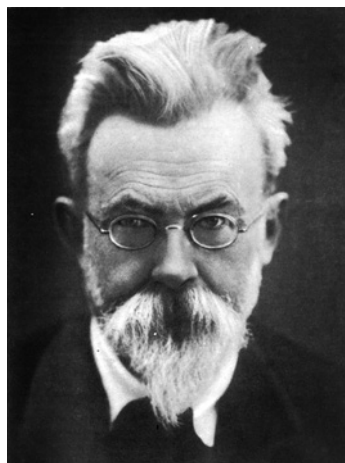
Сергей Федорович Ольденбург, помимо того что был прославленным ученым, одним из основателей российской индологии, всегда очень активно занимался общественной деятельностью. Он входил в созданный еще в 1903 году либеральный «Союз освобождения», затем являлся одним из лидеров кадетской партии. С воодушевлением встретив Февральскую революцию, Ольденбург принимал участие в деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, а в июле–августе 1917 года был министром народного просвещения. Резко отрицательно относясь к большевистскому перевороту и установившейся в стране власти, он, тем не менее, не покинул страну, очевидно, чувствуя свою ответственность за судьбу российской науки. И нужно сказать, во многом именно ему Академия наук обязана тем, что ее деятельность продолжалась и после октября 1917 года, что Совнарком выделял на это средства, а многие ученые, даже те, кто высказывался против новых порядков, не были арестованы. Ольденбург, как и В. И. Вернадский, И. П. Павлов, А. П. Карпинский и другие обитатели Дома академиков, словно бы олицетворял собой подлинную российскую науку, вынужденную идти на компромисс с политическим режимом, но сохраняющую при этом достоинство и внутреннюю свободу.

Сергей Федорович Ольденбург

⁶² *Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – ученый-востоковед, индолог; академик (1903), неперемный секретарь Академии наук (1904–1929). Ольденбург Елена Григорьевна (1875–1955), урожденная Клеменц, в первом браке Головачёва.*

Квартира С. Ф. Ольденбурга после наводнения 23 сентября 1924 г.

Владимир Иванович Вернадский

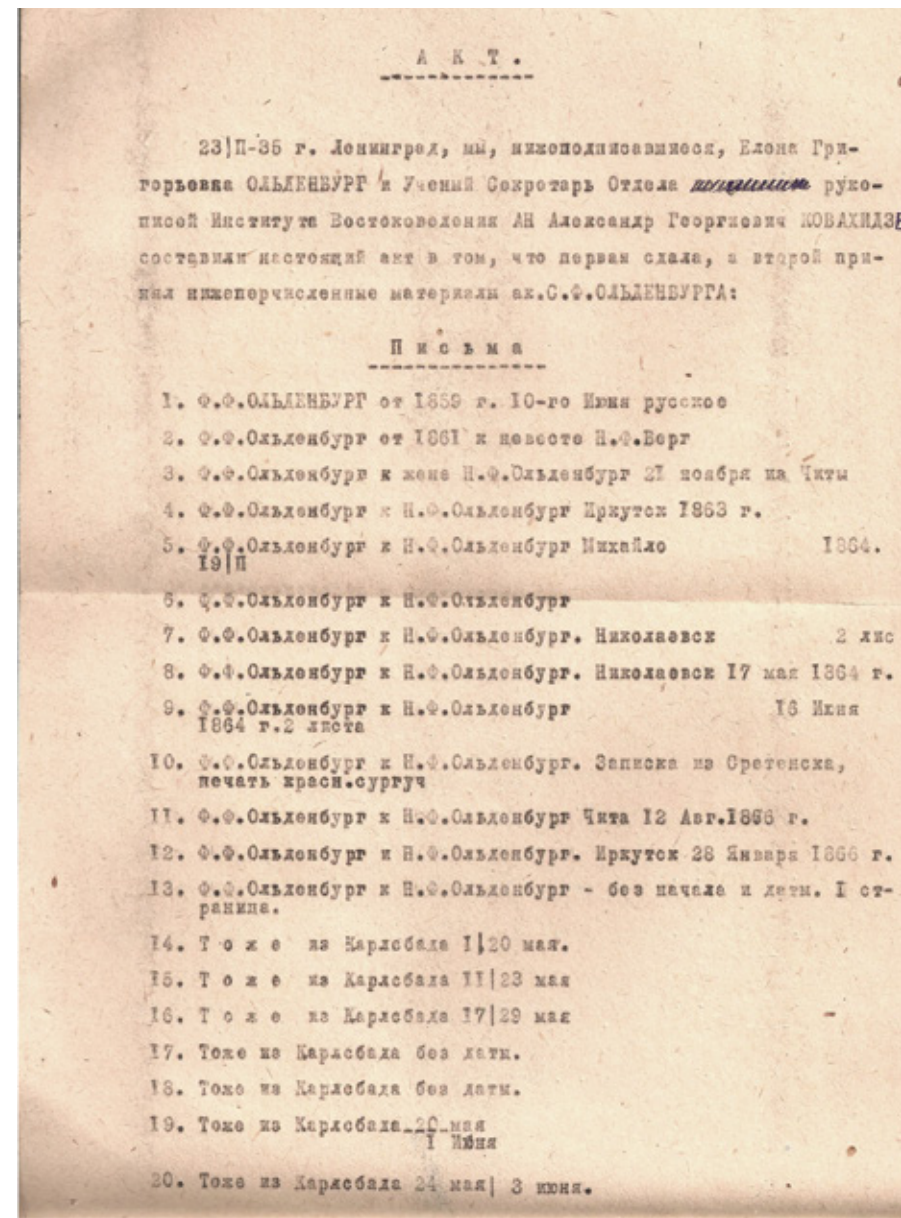
Сергея Федоровича Ольденбурга связывала с Владимиром Ивановичем Вернадским⁶³, проживавшим в то время в смежной квартире в Доме академиков, не только совместная научная и общественная деятельность, но и давняя дружба. Переписка В. И. Вернадского и Е. Г. Ольденбург хранилась в нашем семейном архиве, а в 1987 году была частично опубликована⁶⁴.

В 1935 году, после смерти мужа, Е. Г. Ольденбург передала в архив Академии наук очень много материалов о его научной деятельности, письма его родителей и документы, позволяющие проследить его родословную. Есть тетрадь, в которую Елена Григорьевна подробно заносила все значимые даты и события из жизни академика Ольденбурга.

В Доме академиков с Сергеем Федоровичем жил и сын Елены Григорьевны от первого брака Дмитрий Дмитриевич Головачёв с женой Людмилой Федоровной Кальвас-Головачёвой. В начале Великой Отечественной войны он ушел на фронт и погиб смертью храбрых под Ленинградом в 1942 году.

⁶³ Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — ученый-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель, академик (1908).

⁶⁴ Росов В. А. Памятники науки ленинградского периода жизни В. И. Вернадского // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. Вып. 1. Л.: Наука, 1987. С. 51–67.

Акт передачи архива академика С. Ф. Ольденбурга в Институт востоковедения Академии наук. 1936 г.

А К Т

23|П-36 г. Ленинград, мы, нижеподписавшиеся, Елена Григорьевна ОЛЬДЕНБУРГ и Ученый Секретарь Отдела рукописей Института Востоковедения АН Александр Георгиевич КОВАХИДЗЕ составили настоящий акт в том, что первая слала, а второй принял нижеперчисленные материалы ак.С.Ф.ОЛЬДЕНБУРГА:

П и с ь м а

1. Ф.Ф.ОЛЬДЕНБУРГ от 1869 г. 10-го Июня русское
2. Ф.Ф.Ольденбург от 1861 к невесте Н.Ф.Вегг
3. Ф.Ф.Ольденбург к жене Н.Ф.Ольденбург 21 ноября на Чите
4. Ф.Ф.Ольденбург к Н.Ф.Ольденбург Иркутск 1863 г.
5. Ф.Ф.Ольденбург к Н.Ф.Ольденбург Михайло 1864. 19|П
6. Ф.Ф.Ольденбург к Н.Ф.Ольденбург
7. Ф.Ф.Ольденбург к Н.Ф.Ольденбург. Николаевск 2 лис
8. Ф.Ф.Ольденбург к Н.Ф.Ольденбург. Николаевск 17 мая 1864 г.
9. Ф.Ф.Ольденбург к Н.Ф.Ольденбург 1864 г. 2 листа 16 Июня
10. Ф.Ф.Ольденбург к Н.Ф.Ольденбург. Записка из Оренбурга, печать красн.сургуч
11. Ф.Ф.Ольденбург к Н.Ф.Ольденбург Чита 12 Авг.1866 г.
12. Ф.Ф.Ольденбург к Н.Ф.Ольденбург. Иркутск 28 Января 1866 г.
13. Ф.Ф.Ольденбург к Н.Ф.Ольденбург - без начала и кони. 1 страница.
14. Т о ж е из Карлсбада 1|20 мая.
15. Т о ж е из Карлсбада 11|23 мая
16. Т о ж е из Карлсбада 17|29 мая
17. Тоже из Карлсбада без дат.
18. Тоже из Карлсбада без дат.
19. Тоже из Карлсбада 20 мая 1 Июня
20. Тоже из Карлсбада 24 мая| 3 июня.

Протокол избрания С. Ф. Ольденбурга
в члены Академии наук. Рукописная копия
советского времени.

№ 39 Лист 1

Дело
Секретариата Академии Наук СССР
об избрании проф. С. Ф. Ольденбурга
в действительную Академию.

Начало 3 дек. 1939.

Возглавлено.

Императорская Академия Наук
Историко-филологическое отделение
Заседание 3 декабря 1939 года

Протокол избрания в действительные члены.

Кандидат: Дмитрий Сергеевич Ольденбург
Из звание: действительный член Академии наук СССР по специальности историко-филологическая наука.

Число проголосовавших в Ст. 11 9
Число избирателей 10
Число голосов 11
Законные полномочия 8

Кандидат Вологов Александр Иванович Вологов Николай Иванович
Посидевшие баллотировались

С. Ф. Ольденбург Эквивокально

Законные: Приказ избрания
Предводителем Коллегии
Выше-председит
Клеветник: Сергей Иванович Дубровин.

Е. Г. Ольденбург и Л. Ф. Кальвас-Головачёва с сыном Георгием, моим папой, жили в этом доме, а затем, с началом блокады Ленинграда, были эвакуированы в тыл. После войны они вернулись в родную квартиру.

Георгий Дмитриевич Головачёв⁶⁵ стал ученым-генетиком. Долгое время он возглавлял лабораторию генетики в Институте акушерства и гинекологии имени Д. О. Отта. Я, Екатерина Георгиевна Головачёва, тоже занимаюсь наукой и недавно получила степень доктора медицинских наук, изучаю иммунитет, вирусные инфекции и способы их лечения, прежде всего у детей.

Благодаря моему папе, Г. Д. Головачёву, моя семья занимает большую часть квартиры. Здесь сохранились мебель и стол, за которым работал С. Ф. Ольденбург, книги, которые имеют его подпись, и другие вещи, которые сохраняют память о прошедшей эпохе.

Но другая часть квартиры была занята в ходе «уплотнительного» заселения, появились соседи, время от времени менявшиеся и не имевшие никакого отношения к Академии наук. Теперь квартира № 31 — это «глухая коммуналка», а мы, потомки академика Ольденбурга, ничего не можем сделать для улучшения состояния и квартиры, и дома в целом. Очень жаль... Но, может быть, эта книга возродит интерес к историческому наследию Академии наук и все изменится к лучшему!

Е. Г. Ольденбург и С. Ф. Ольденбург
с академиком А. Н. Крыловым. 1926 г.

⁶⁵ Головачёв Георгий Дмитриевич (1930–1995) — медик и генетик, доктор биологических наук.

Елена Проскурина

Тропинка в космосе

Часто в нашей жизни случается, что люди, достойные не только уважения коллег, но и самой настоящей всенародной славы, оказываются на долгие годы забыты. Строгая секретность, которой была окружена советская космическая программа, приводила к тому, что имена большинства людей, ее творивших, не оглашались. Зачастую даже самые близкие родственники этих ученых не имели представления о том, чем они занимаются. И лишь в последние годы некоторые из этих людей – увы, через много лет после их ухода из жизни – приобретают заслуженную известность. Так произошло с моим отцом Виталием Федоровичем Проскуриным – астрономом, рассчитавшим траекторию полета космического корабля «Восток 1», на котором впервые в космос поднялся человек – Юрий Гагарин. Можно сказать, именно отец проложил нашей стране первую тропинку в космосе.

Виталий Проскурин умер в Ленинграде 21 мая 1964 года. К этому времени он был кандидатом физико-математических наук, старшим научным сотрудником Института теоретической астрономии Академии наук СССР, специалистом, известным своими теоретическими работами не только в стране, но и во всем мире. Ему было всего 44 года.

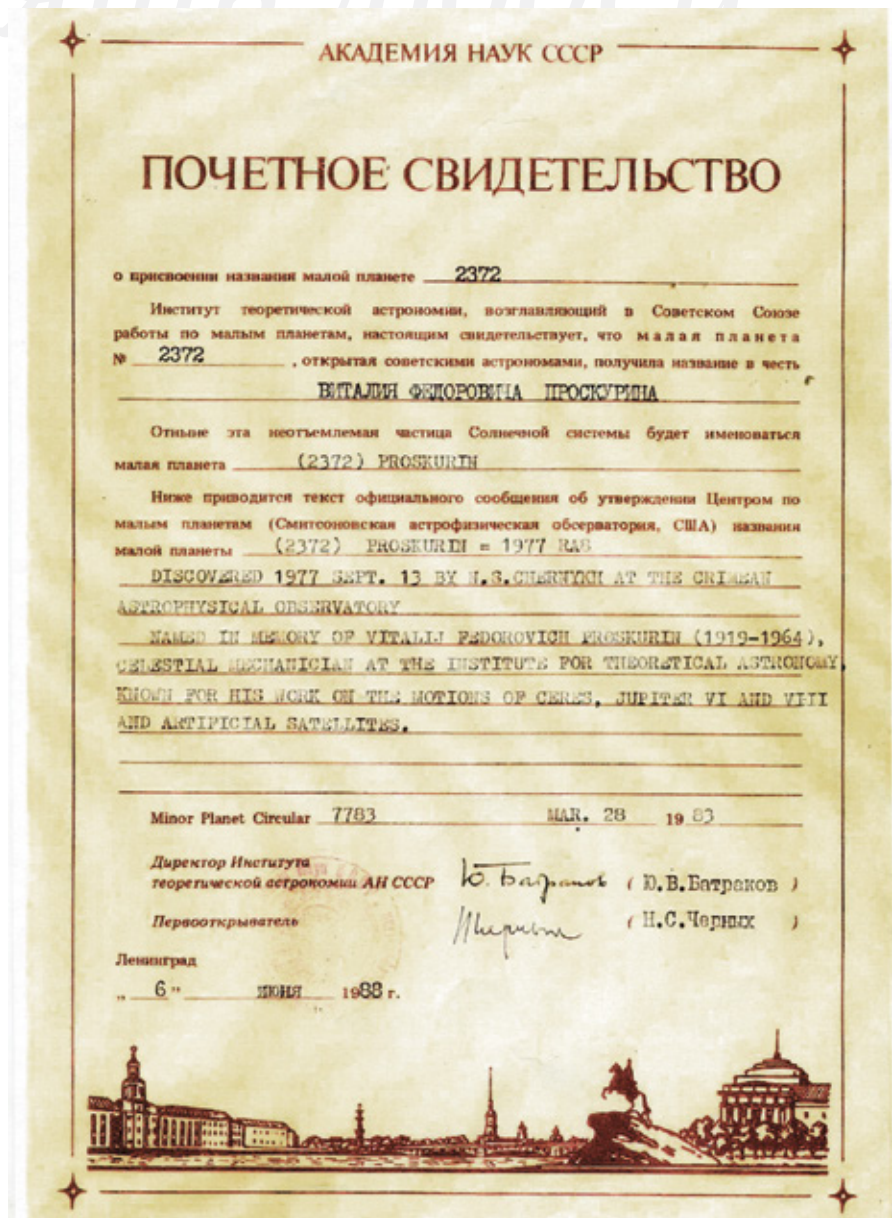
Он родился на Алтае, в небольшом поселке под названием Толстовский, закончил среднюю школу в Бийске и поступил на физико-математический факультет Томского университета. Ему повстречались хорошие учителя: профессор Николай Никанорович Горячев читал увлекательные лекции по астрономии, а доцентом на той же кафедре астрономии и геодезии был ленинградец Глеб Александрович Чеботарёв, с которым отцу в будущем довелось немало поработать бок о бок. Уже там, в университете, определился главный научный интерес будущего ученого: небесная механика, законы движения космических тел. Но продолжить научные занятия сразу после окончания (с отличием!) университета помешала война.

Как и многие его сверстники, отец просился на фронт, но его не взяли: в детстве болезнь лишила его глаза. Отец стал учителем в той самой бийской школе, которую сам закончил. Сейчас там в школьном музее есть отдельный стенд, посвященный Виталию Проскурину. Преподавал он также и в учительском институте Бийска, но как только появилась такая возможность – отправился в Ленинград. В марте 1945 года он стал аспирантом Института теоретической астрономии и уже до конца жизни был связан с этим институтом.

Виталий Федорович Проскурин

Свидетельство о присвоении малой планете имени В. Ф. Проскурина.

Его кандидатская диссертация была посвящена исследованию движения одного из спутников Юпитера. Он и потом продолжал заниматься этой темой, но главным его теоретическим трудом стал анализ движения планеты Цереры. В 1952 году первый том этой фундаментальной работы был опубликован и оценен учеными всего мира как важнейшее научное достижение.

Начинался период, когда астрономия вдруг стала наукой номер один: период первых космических спутников, первых орбитальных полетов. Решение актуальных практических задач, по-видимому, отвлекло отца от исследования Цереры (второй том его работы вышел только в 1962 году). А среди этих задач были и расчеты траекторий полетов первых космических кораблей, пилотируемых Юрием Гагариным и Германом Титовым, а также, к примеру, построение маршрута движения ракеты до Луны.

Еще в 1940-е годы, вскоре после приезда в Ленинград, отец познакомился со своей будущей женой, моей мамой — Ольгой Вениаминовной Пушкарёвой. Она тоже занималась наукой, впоследствии долго преподавала в институте связи. Они поженились, родилось трое детей: Андрей стал математиком, работал долгое время в вычислительном центре ЛГУ, Николай — доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского отделения Математического института имени В. А. Стеклова, и я, Елена, — сотрудник Конституционного суда РФ, советник государственной гражданской службы 3 класса.

В доме на углу набережной Лейтенанта Шмидта и 7-й линии наша семья поселилась в середине 1950-х годов, где отцу дали две комнаты от Академии наук. Здесь, в коммунальной квартире, прошла большая часть моей жизни, детство и отрочество моего сына Виктора (он стал журналистом, работает на телевидении). Мой старший брат Андрей по-прежнему живет в той же квартире.

Отца похоронили в Ленинграде, на Серафимовском кладбище. 28 марта 1983 года Центр по малым планетам (Смитсоновская астрофизическая обсерватория США) в память о нем как о выдающемся ученом присвоил одной из малых планет Солнечной системы имя «(2372) PROSKURIN = 1977 RA8» (первооткрыватель Н. С. Черных; планета открыта 13 сентября 1977 года).

На здании физико-математического факультета Бийского педагогического государственного университета имени В. М. Шукшина (бывший Бийский учительский институт, где с 1941 по 1945 год отец преподавал) в 2009 году была установлена мемориальная доска. Очень жаль, что такой доски еще нет в Санкт-Петербурге — городе, в котором прошли самые плодотворные годы научной деятельности Виталия Федоровича Проскурина.

Мемориальная доска в Бийске.

Лев Тоб

Теперь без грифа «Секретно»...

5 января 1945 года в квартиру № 16 Дома Академиков въехала семья, вернувшаяся в Ленинград из эвакуации.

Пять больших темноватых комнат и кухня вытянулись вдоль пятнадцатиметрового коридора в бельэтаже флигеля, построенного в конце XVIII века для Академической гимназии.

Квартира была предоставлена заместителю директора Радиевого института Академии наук Борису Александровичу Никитину с семьей, а до эвакуации они жили в коммунальной квартире на Петроградской стороне.

Заселение 160-метровой квартиры семьей из пяти человек в тогдашних условиях дефицита жилья не было привычным делом. Власти создавали Борису Александровичу наилучшие условия для жизни и здоровья, за которым, кстати, наблюдал прикрепленный военный врач.

Борис Александрович Никитин родился 14 мая 1906 года в семье Александра Федоровича Никитина⁶⁶, основателя кафедры гигиены 1-го Медицинского института в Ленинграде, и Марии Максимовны Никитиной. Под влиянием заботливого отца Борис вел в детстве подробные дневники. В одном из сохранившихся дневников он записал: «Я буду заниматься атомным ядром»... Это было веянием времени, но Борис Александрович не бросал слов на ветер. В 1927 году он закончил химический факультет Ленинградского университета, профессором которого потом стал, и поступил в аспирантуру.

Еще студентом он начал работать в Государственном Радиевом институте (впоследствии Радиевом институте Академии наук — РИАН), где под научным руководством Виталия Григорьевича Хлопина⁶⁷, имя которого теперь носит этот институт, защитил диссертацию по применению радиоактивных индикаторов к решению вопросов изоморфизма кристаллов. Дальнейшие исследования по этой тематике привели к новым представлениям в химии смешанных кристаллов.

Свидетельством его научных успехов стала командировка в 1930 году в берлинскую лабораторию уже знаменитого Отто Гана⁶⁸, занимавшегося проблемами, близкими Никитину.

Виталий Григорьевич Хлопин

⁶⁶ Никитин Александр Федорович (1873–1965) – врач-гигиенист, доктор медицинских наук (1921).

⁶⁷ Хлопин Виталий Григорьевич (1890–1950) – радиохимик, один из основателей Радиевого института. Интересно, что отец В. Г. Хлопина, Григорий Витальевич Хлопин (1863–1929), был, как и отец Б. А. Никитина, врачом-гигиенистом; они много сотрудничали, и их сыновья, хоть и не были ровесниками, конечно, были хорошо знакомы не только по работе. – Ред.

⁶⁸ Ган Отто (1879–1968) – немецкий химик, открывший ядерную изомерию (Уран Z) и расщепление урана. В 1944 году получил Нобелевскую премию по химии.

Борис Александрович Никитин
и Эсфирь Моисеевна Иоффе

По возвращении из Германии он активно участвовал в изучении содержания радия в буровых водах различных нефтяных месторождений, а также распространения гелия в природных газах ряда районов Советского Союза. Именно Борисом Александровичем была впервые предложена качественная реакция на радий, дававшая возможность идентифицировать радий в присутствии бария, что имело большое практическое значение.

Своими работами Борис Александрович начал целое новое научное направление, названное им «химией благородных газов», выдвинул ряд теоретических положений в области молекулярных соединений, в том числе соединений инертных газов.

Успехи в науке сопровождалась менее грандиозными, но не менее важными лично для него событиями: в 1934 году Никитин женился на сотруднице своей лаборатории Эсфири Моисеевне Иоффе⁶⁹, имевшей уже пятилетнего сына от предыдущего брака (автор настоящей статьи). Как показала вся их последующая супружеская жизнь, брак был счастливым, хотя и бездетным. Борис Александрович был добрым и мудрым человеком, и сын Эсфири Моисеевны всегда находил в нем родного человека.

⁶⁹ Иоффе Эсфирь Моисеевна (1904–1962) – старший научный сотрудник РИАН, кандидат химических наук.

Во время Великой Отечественной войны большинство работников РИАН и многих других институтов Академии наук были эвакуированы в тыл, где трудились для обороны страны и победы над врагом. Там Б. А. Никитин стал заместителем В. Г. Хлопина. Их общие достижения не остались незамеченными: постановлением Совнаркома Союза ССР от 22 марта 1943 года В. Г. Хлопину, Б. А. Никитину, А. Е. Полесицкому и С. А. Фридману была присуждена Сталинская премия III степени за разработку метода выделения и промышленного применения радиотория (светосоставов для военной техники). Денежная часть этой премии была внесена лауреатами в фонд Победы. В том же 1943 году Б. А. Никитин был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Сразу после того как семья Никитиных поселилась в Доме академиков, Борис Александрович стал подолгу отлучаться из Ленинграда, оставляя своим близким только номерной почтовый адрес в Челябинске. Через много десятилетий выяснилось, что Б. А. Никитин вместе с А. Х. Ратнером разработал первую отечественную технологию получения плутония в промышленных условиях. На созданном в 1948 году радиотехническом производстве научным руководителем был Никитин.

После испытания первого демонстрационного заряда ученые и другие участники проекта (в том числе Б. А. Никитин) постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1949 были удостоены звания лауреатов Сталинской премии I степени, награждены орденами, получили дачи и различные льготы.

Состояние здоровья Бориса Александровича не вызывало серьезного беспокойства; опасность, которую он носил в себе и из-за которой квартира № 16 была тщательно проверена в 1953 году дозиметрической службой, себя не проявляла. Но 20 июля 1952 года на даче в Комарово директор Радиевого института Борис Александрович Никитин внезапно скончался в возрасте 46 лет...

Члены семьи Бориса Александровича и их потомки, верные его памяти, до настоящего времени живут в квартире № 16, но дневников уже никто из них не ведет...

Захоронение Б. А. Никитина на Серафимовском кладбище относится к числу охраняемых, но зимой 2010 г. бронзовый бюст работы скульптора Ю. Линника был отломан от гранитного постамента и украден...

Михаил Левшаков

Рассказы старого стола

Старый письменный стол, вечно заваленный книгами, журналами и мелкими канцелярскими принадлежностями, с огромными, набитыми невесть чем ящиками, вдруг оказался не старым, а старинным, дубовым, шведской ручной работы – короче, антиквариатом. Решили отдать его на реставрацию, чтобы привести ценный предмет мебели в порядок. Начали разбирать ящики – и обнаружили в них множество, как теперь говорят, «документальных свидетельств эпохи», которые вплели историю нашей семьи в историю страны и мира.

Стол принадлежал моему прадеду – Владимиру Павловичу Линнику. Он поселился в доме на 7-й линии в 1953 году, уже будучи академиком, лауреатом Сталинской премии и кавалером многих орденов, и прожил в нем больше 30 лет. Мемориальной доски в его честь на доме нет – просто потому что она висит неподалеку, на здании Государственного оптического института на Биржевой линии, 14. На ней написано:

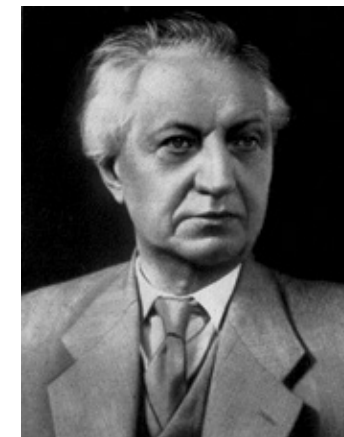
*Здесь с 1926 по 1984 год работал академик
ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ ЛИННИК
выдающийся советский физик
Герой Социалистического Труда*

А на двери нашей квартиры до сих пор можно видеть маленькую латунную табличку с гравировкой: «В. П. Линник».

Владимир Павлович родился в 1889 году в Харькове, но рос в Белой Церкви в семье своего дяди, кузнеца по профессии. Несмотря на простое происхождение, окончил гимназию с золотой медалью, получил государственную стипендию для продолжения образования и поступил на физический факультет Киевского университета.

В 1914 году получил диплом первой степени по специальности «учитель физики» (да, в те времена университеты готовили прежде всего учителей, а не научных сотрудников) и поступил на работу в одну из женских гимназий Киева.

Начавшаяся в августе 1914 года Первая мировая война сразу же выявила значительное отставание в техническом оснащении русской армии.

Владимир Павлович Линник

*Мемориальная доска
на здании Государственного оптического
института (Биржевая линия, 14)*

Евгений Оскарович Патон

Дмитрий Сергеевич Рождественский

⁷² Патон Евгений Оскарович (1870–1953) – украинский ученый-механик и инженер, работавший в области сварки, мостостроения и строительной механики.

⁷³ Рождественский Дмитрий Сергеевич (1876–1940) – физик, основатель и первый директор (1918–1932) Государственного оптического института, академик АН СССР (1929).

Речь здесь идет о восстановлении Николаевского цепного моста через Днепр, одного из самых больших в Европе, который был взорван польскими войсками в 1920 году при отступлении из Киева. Проект восстановления, а по сути строительства совершенно нового моста – от старого использовались только опоры – был разработан Е. О. Патоном⁷², будущим создателем Института сварки в Киеве и академиком АН СССР, а в 1920-е годы профессором Киевского Политехнического института. Мост строился рекордными темпами: работы действительно начались 19 февраля, как и указано в заказе компаратора, а уже 10 мая 1925 года по нему открылось движение.

К сожалению, до наших дней мост не дожил: его снова взорвали в 1941-м, на этот раз отступающие части Красной Армии, и после войны восстанавливать уже не стали.

В 1946 году Владимир Павлович был командирован в США и посетил в числе других городов и Нью-Йорк. Естественно, знаменитый Бруклинский цепной мост привлек его внимание. В дневнике командировки он пишет: «Ходил на Бруклинский мост. Довольно устарелый вид. Особенно странной представляется система очень частых подвесок. Пешеходный пол состоит из узких планок, значительно изношен и не внушает доверия».

В конце 1926 года по приглашению профессора Д. С. Рождественского⁷³ директора недавно организованного Государственного оптического института, Владимир Павлович переехал в Ленинград и поступил в оплотехническую лабораторию ГОИ, позднее преобразованную в Оплотехнический отдел, начальником которого он стал в 1933 году и руководил им более 50 лет. Основными направлениями его исследований были оптика рентгеновских лучей и исследования структуры кристаллов, микроскопия, оптические методы исследования деформаций и контроля формы и чистоты поверхностей, астрономическое приборостроение. Степень доктора наук, присвоенная ему в 1934 году по совокупности работ, избрание в действительные члены Академии наук СССР в 1939 году, две Государственные (Сталинские) премии, пять орденов Ленина, звание Героя Социалистического Труда говорят о том огромном вкладе, который Владимир Павлович внес в фундаментальную и прикладную науку. При этом он очень любил работать руками – наверное, сказывалось влияние дяди-кузнеца – и мог самостоятельно изготовить деталь к сложной оптической или механической системе.

Мост Евгении Бош в Киеве. Довоенное фото.

Директору ГОИ

Прошу Вашего разрешения поставить в моей рабочей комнате мой собственный токарный станок, самодельный, на деревянном постаменте, с двумя американскими патронами и мелкими принадлежностями к нему (сверла, клещи, напильники и т. д.). Станок мне необходим для текущих экспериментальных работ по рентгеновским лучам и по оптике.

5.V.31.

(Виза директора ГОИ академика Д. С. Рождественского «Разрешаю».)

Владимир Павлович обладал уникальным чутьем на перспективные технологии, что позволяло ему правильно определять направления исследований, как бы заглядывая в будущее. В 1957 году в маленькой статье на двух страничках, опубликованной в журнале «Оптика и спектроскопия», он впервые в мире описал метод коррекции оптических aberrаций, вызванных атмосферной турбулентностью: зеркало телескопа делается составным, и компенсация искажений фазы сигнала производится за счет изменения положения отдельных элементов. Это так называемая адаптивная оптика, которая сегодня является общепринятым стандартом при строительстве телескопов с большими зеркалами. Однако первые объекты, реализующие ее принципы, появились только в середине 1990-х годов, то есть потребовалось почти сорок лет развития технологий в области электроники и вычислительной техники, чтобы идея воплотилась в готовые приборы.

Владимир Павлович и Вера Александровна Линник. На обратной стороне фотографии дата – 15 июля 1927 г. и штамп: «Студия Наппельбаум, Невский, 7».

Когда в начале 1960-х годов стал обсуждаться проект строительства шести-метрового оптического телескопа БТА — на тот момент самого большого в мире — Владимир Павлович предложил использовать для него так называемую альт-азимутальную монтировку, позволяющую движение телескопа по двум осям. Это было революционное решение, поскольку до того времени все телескопы строились на экваториальной монтировке (движение только вокруг одной оси). Основным возражением против альт-азимутальной конструкции было то, что для управления телескопом требовались огромные вычислительные мощности, которые не были доступны на момент проектирования. Однако Владимир Павлович ответил, что скорость развития вычислительной техники такова, что пока будут идти проектные работы, ЭВМ не только достигнут требуемой мощности, но и превзойдут ее, — и оказался прав! Как и адаптивная оптика, альт-азимутальная монтировка является сегодня стандартным решением для больших телескопов.

Совершенно поразительная запись содержится в уже упомянутом дневнике командировки в США 1946 года: «Один из сотрудников⁷⁴ упомянул о фотографировании спектра Солнца с помощью трофейной ракеты на высоте 50 миль. Предполагается еще попробовать ракету на 100 миль, управляемую по радио».

Сегодня телескопы стоят на всех спутниках и баллистических ракетах и являются основой астронавигации — системы ориентации в пространстве по звездам. Но в 1946 году до запуска первого спутника оставалось почти 10 лет, не было баллистических ракет, в СССР еще даже не было технологии атомной бомбы, для доставки которой на территорию противника и требовались ракеты. И тем не менее Владимир Павлович приводит этот случайный разговор, уловив — сознательно или нет — его потенциальную важность. В 1970-е годы, когда космонавтика интенсивно развивалась и автоматические станции осваивали Луну и ближние планеты, Владимир Павлович предложил устанавливать телескопы на Луне. Может быть, совсем скоро такие телескопы начнут работать...

В доме на 7-й линии Владимир Павлович жил со своей второй женой — Верой Александровной. Она родилась в 1901 году, происходила из петербургских немцев, из дворянской семьи: ее отец, Александр фон Шмид, после окончания Училища правоведения работал в Министерстве внутренних дел, перед революцией 1917 года был статским советником и заведовал департаментом Польских губерний.

Вера Александровна получила музыкальное образование, играла на скрипке и фортепиано, пела.

Открытка из Парижа с изображением старинной миниатюры из часослова герцога Беррийского, на обратной стороне текст, написанный крупным красивым почерком:

Дорогие Вера Александровна и Владимир Павлович!

Шлю вам мои наилучшие пожелания на 1970 год. Поздновато, но они искренние.

Ваша Лидия Делекторская

P. S. Книга Стравинского все не пришла: вероятно, переиздается.

Лидия Николаевна Делекторская

Лидия Делекторская — модель, муза и спутница последних двадцати лет жизни Анри Матисса. Родилась в Томске в 1910 году, в 13 лет осталась круглой сиротой (родители умерли от тифа), и тетя увезла ее в Харбин, откуда она уже в начале 1930-х годов уехала во Францию. Переводила на французский язык русских писателей, в частности, перевела все сочинения Константина Паустовского. Передала принадлежавшие ей картины Матисса в дар Эрмитажу и московскому музею имени Пушкина. Умерла в 1998-м, завещала перевезти свой прах в Россию.

У Веры Александровны были родственники в Париже, которых она иногда навещала. Вероятно, знакомство с Лидией Делекторской произошло у кого-то из общих знакомых. А упоминание о Стравинском появилось вот почему. Вера Александровна дружила с племянницей Игоря Стравинского Ксенией Стравинской, дочерью его старшего брата Юрия. Ксения Стравинская жила недалеко — на Крюковом канале и часто приходила в гости к Вере Александровне, они играли в четыре руки на еще дореволюционном рояле Bechstein. После того как в США были напечатаны первые два тома воспоминаний Игоря Стравинского, Ксения обратилась к нему с просьбой прислать ей книги, что он и сделал. Из письма Ксении Стравинской ее дяде от 2 апреля 1962 года: «...Я не знаю английского языка, но моя знакомая перевела твои книги. Сейчас эти переводы отпечатываются на машинке, и я смогу дать их прочесть своим друзьям и знакомым»⁷⁵.

⁷⁴ Массачусетского технологического института.

⁷⁵ Стравинская К. Ю. О И. Ф. Стравинском и его близких. Л.: Музыка, 1978.

Михаил Семенович Друскин

Этой знакомой была Вера Александровна, она хорошо знала не только английский язык, но и все реалии петербургской жизни конца XIX — начала XX века, которые описывает Стравинский, поэтому переводить ей было легко и перевод получился великолепный. Один из *отпечатанных на машинке* экземпляров попал в руки к Михаилу Друскину⁷⁶ — известному советскому музыковеду, профессору Ленинградской консерватории, еще с 1930-х годов занимавшемуся изучением творчества Стравинского. Оценив качество текста, он обратился в издательство «Музыка» с предложением об издании воспоминаний Стравинского в переводе Веры Линник.

Переговоры продолжались очень долго. Поскольку воспоминания Стравинского продолжали выходить, что-то приходилось переводить заново, что-то сокращать, пока наконец книга под названием «Игорь Стравинский. Диалоги» не вышла в свет в 1971 году. Она до сих пор остается одним из самых востребованных изданий музыковедческой литературы.

Еще одна открытка, на этот раз американская: фотография мраморной статуи «Вечер» в парке Золотые Ворота в Сан-Франциско. На обратной стороне написано по-русски, еще с ятями и твердыми знаками:

На память Вере отъ Жени

Атлантич. ок.

Жомэ Мару 1920 г. Августъ

Это память не только о Жене, но и о невероятном путешествии вокруг света, которое пришлось совершить молодой Вере. В мае 1918 года большие группы детей из Петрограда были отправлены на Урал, в так называемые «детские питательные колонии»: в Петрограде был голод, а положение с продовольствием в дальних губерниях было несколько более благополучным. Организацией занимался «Всероссийский Союз городов», хотя формально и распущенный большевиками, но еще сохранивший какие-то связи в регионах рухнувшей империи. «Колонии» предназначались для детей 10–14 лет, а Вере было уже 17, она окончила гимназию, то есть по тем временам считалась взрослой. Однако ее отец активно работал в Союзе городов и имел непосредственное отношение к устройству колоний, поэтому Вера поехала кем-то вроде пионервожатой. Летом 1918 года начался чехословацкий мятеж, затем Гражданская война и интервенция, и дети оказались за линией фронта, в тысяче километров от дома, без денег и теплой одежды. Перезимовали чудом — помогали местные крестьяне, а в начале 1919 года в колонии появились представители Сибирской миссии Американского Красного Креста. Эта Сибирская миссия пришла в Россию с Колчаком, ее штаб-квартира и склады

⁷⁶ Друскин Михаил Семенович (1905–1991) — музыковед, пианист, доктор искусствоведения (1946).

располагались во Владивостоке, а персонал составлял 2600 человек — очень много для благотворительной организации. До сих пор цели посылки такой внушительной экспедиции не совсем ясны, особенно если учесть, что одним из основных спонсоров АКК был Якоб Шифф — американский банкир еврейско-немецкого происхождения, ненавидевший царский режим за его политику в отношении евреев (он обеспечил Японии займ на вооружение, что стало одной из причин поражения России в Русско-японской войне), но при этом поддерживавший отнюдь не белое движение, а большевиков. Как бы то ни было, большинство сотрудников миссии были все же настоящими подвижниками, вполне искренне — в меру своего понимания — старавшиеся помочь попавшим в беду людям. По договоренности с союзниками по победе в Первой мировой войне американцы занимались эвакуацией (через Транссиб) чехословацких частей во Владивосток для последующей отправки их в Европу кораблями. В том же направлении двигался и огромный поток беженцев, спасавшихся от красного и белого террора. Поэтому было решено и петроградских детей тоже переправить во Владивосток — поближе к базам снабжения, а там будет видно. Детей собрали по всем деревням (их оказалось почти 800 человек), помыли, одели и по железной дороге отправили в путь через всю Сибирь. Во Владивостоке их разместили в опустевших казармах царской армии на острове Русский (да, тот самый, куда недавно построили мост). Жизнь пошла своим чередом: АКК обеспечивал питание, одежду, даже карманные деньги, дети продолжали учебу в училищах и гимназиях Владивостока, в свободное время устраивали концерты и спектакли. Тем временем белое движение терпит поражение, в феврале 1920 года арестован и расстрелян Колчак, Красная армия захватила Сибирь и наступает на Дальний Восток. АКК получает из Вашингтона распоряжение свернуть миссию. С другой стороны, советское правительство в лице наркома иностранных дел Чичерина шлет телеграммы президенту Вудро Вильсону с требованием вернуть «незаконно захваченных» петроградских детей, поднимается соответствующая кампания в американской прессе (скорее всего, спровоцированная все тем же Якобом Шиффом). В конце концов принимается решение переправить детей обратно в Петроград, но не Транссибом, который периодически захватывается еще гуляющими по Сибири бандами, а восточным путем — на корабле через два океана. Нанимается японское грузовое судно «Йомэй-мару» (наверняка опять не обошлось без Шиффа), которое переоборудуется под перевозку людей, и в июле 1920 года, взяв на борт 800 человек, оно отправляется из Владивостока в Сан-Франциско. Несколько дней стоянка в Сан-Франциско — прогулки по городу, легендарный мост Золотые Ворота, зоопарк, и корабль идет дальше, через Панамский канал в Нью-Йорк. В Нью-Йорке торжественная встреча (там большая русская община, плюс газеты подогрели атмосферу), митинг и концерт на Мэди-

Петроградские дети по дороге во Владивосток. 1919 г.

Ирина Владимировна Линник

Святой Лука. Картина Франса Хальса. 1625 г., холст, масло. 70x55 см.

⁷⁷ Линник Ирина Владимировна (1922–2009) — искусствовед, специалист по западноевропейской живописи.

сон-сквер, затем опять на корабль и через Атлантический океан в Брест и дальше. По политическим соображениям корабль не смог зайти в Петроград («Советская Республика в блокаде!»), детей выгрузили в финском порту Койвисто (Приморск) и на машинах перевезли в бывший царский санаторий Халила в нынешнем поселке Сосновый Бор Выборгского района.

Граница с Финляндией тогда проходила по реке Сестре, детей передавали приехавшим из Петрограда родителям в Белоострове. Последнюю партию передали уже в начале 1921 года, то есть кругосветная одиссея, участницей которой волею судеб оказалась Вера Шмид, продолжалась два с половиной года.

Большая папка с вырезками из газет на самых разных языках — на английском, голландском, немецком, еще каких-то, мне не известных... Везде один и тот же заголовок: «Молодой исследователь из Эрмитажа находит потерянные картины Франса Хальса».

Это про мою бабушку — Ирину Владимировну Линник⁷⁷, дочь Владимира Павловича, которая переехала в квартиру 30 Дома академиков в 1984 году.

С дипломом исторического факультета Ленинградского университета она пришла на работу в Эрмитаж в 1947 году. И проработала там больше 60 лет. Всю жизнь занималась изучением нидерландской и фламандской живописи, была доктором искусствоведения, написала несколько книг. Глаз у нее был уникальный, она легко запоминала мельчайшие детали и мгновенно узнавала манеру письма. На ее счету множество атрибуций картин, которые до этого считались или работами неизвестных авторов, или ошибочно приписывались не тому художнику. Но две картины Франса Хальса, «Святой Лука» и «Святой Матвей», наверное, самое известное ее открытие, — не в последнюю очередь и потому, что первая из них стала героем детективной истории, про которую впоследствии был снят фильм «Возвращение „Святого Луки“».

В 1958 году Ирина Владимировна отдыхала в Одессе и зашла в местный Музей западного и восточного искусства посмотреть фонды. И вдруг среди множества не представляющих особого интереса объектов она увидела две небольшие картины, почерком очень напоминавшие Франса Хальса. Вернувшись домой в Ленинград, она долго рылась в архивах и действительно нашла документы, подтверждающие покупку четырех картин Франса Хальса с изображением евангелистов на аукционе в Голландии по заказу Екатерины II, их прибытие в Петербург и включение в коллекцию Эрмитажа. В начале XIX века они были переданы в Новороссийскую губернию для украшения возводимых там для немецких колонистов церквей. Картины считались потерянными, и вот две из них всплыли в Одессе. Картины были переведены в основную экспозицию музея, где и находятся по сей день. В 1965 году «Святого

«Портрет искусствоведа И. В. Линник». Картина В. Орешникова. 1972 г. Хранится в Музее истории Санкт-Петербурга.

Луку» привезли на выставку в Москву в Музей изобразительных искусств имени Пушкина, откуда ее украли, варварски вырезав ножом полотно из рамы. Кражу долго не могли раскрыть, на след похитителя вышли случайно — им оказался работник музея, серый и незаметный, совсем не такой, как харизматичный Вацлав Дворжецкий, сыгравший роль похитителя в фильме.

Ну вот все ящики наконец разобраны, стол ждет отправки на реставрацию. А в другом углу комнаты стоит книжный шкаф, тоже старинный и тоже набитый бумагами. Скоро придет и его очередь...

Наталья Муништукова

Три поколения в Доме академиков

Мои дедушка Василий Ильич Чернышёв и бабушка София Александровна Чернышёва переехали в наш дом в 1929 году, в эту же квартиру № 10, где сейчас живут их потомки. Они вместе ездили в многочисленные диалектологические экспедиции, причем бабуля всегда старалась сопровождать деда в его командировках. Дед изучал народные говоры Владимирской губернии, по материалам своих записей издал труд «Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов». Им опубликованы статьи о московских, калужских, псковских, новгородских и других говорах. Кроме территориальных, он изучал также и социальные говоры сельского и городского населения: язык портных, кожевников, офеней (мелких торговцев).

Родился дедушка 10 января 1867 года (по новому стилю) в семье живописца-ремесленника, бывшего крепостного. В 1886 году окончил учительскую семинарию в городке Киржаче. С 1886 по 1912 год работал учителем в сельских, уездных, городских училищах, в том числе в Петербурге. Его научная и педагогическая деятельность была высоко оценена: он был избран почетным гражданином Санкт-Петербурга. В это время написал свой первый научный труд «Проект некоторых преобразований в дальнейшей обработке академического словаря». Эту работу он отослал в Петербургскую Академию наук академику А. А. Шахматову, с 1905 года возглавлявшему Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук. С 1897 года Шахматов начал трудиться над составлением академического словаря русского языка и к словарной работе привлек В. И. Чернышёва в качестве знатока русской словесности. С 1912 года дед полностью посвящает себя научной деятельности: составлению словаря и диалектологическим исследованиям. Круг его научных интересов постоянно расширялся: он занимался вопросами лексикологии, фразеологии, орфографии, культуры речи. Ему принадлежит не менее 250 трудов по русскому языку, литературе, фольклору, этнографии и педагогике.

С 1931 года он стал членом-корреспондентом АН СССР. В 1944-м был награжден орденом Ленина.

Василий Ильич Чернышёв

В 1936 году дедушка был назначен главным редактором семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка». Он разработал теоретические основы справочников данного типа. Под его руководством была закончена работа над первыми двумя томами, вышел в свет первый том. А всего в рабочем виде он успел подготовить семь томов. Издание словаря было закончено в 1965-м. В 1970 году он вместе с группой соавторов был посмертно награжден за эту работу Ленинской премией.

Дед был знатоком русской классической литературы XVIII–XIX веков. Он опубликовал работы о языке произведений Пушкина, Тургенева, Майкова, Глеба Успенского, Радищева, Баратынского, Кольцова, Кантемира, Крылова, Ломоносова... Занимался также историей просвещения и педагогики в России, написал воспоминания о своих учителях А. А. Шахматове и И. А. Бодуэне де Куртенэ.

Среди трудов Чернышёва одна книга занимает особое место. Она называется «Сказки и легенды пушкинских мест», в ней собраны фольклорные записи, сделанные в 1927–1929 годах в районах сел Михайловского, Большого Болдина и в ближайшем к Михайловскому Бежаницком районе. Эта книга, впервые с такой наглядностью показавшая фольклорные истоки творчества Пушкина, была выпущена в серии «Литературные памятники».

Неоценимы заслуги Василия Ильича в области культуры речи. Книга «Правильность и чистота русской речи», написанная им в 1911 году, выдержала больше десятка изданий и в наше время переиздается и раскупается. Он также является автором учебников, учебных пособий и трудов по правописанию, нормам русского произношения, стилистической грамматике.

В семье Чернышёвых воспитывались пятеро детей. Моя мама Нина – самая младшая (родилась в 1920-м).

Во время войны бабушку назначили начальником бомбоубежища, которое располагалось в подвале под нашей квартирой. Правда, эту почетную должность исполнять ей пришлось не очень долго: в конце октября дедушка и бабушка улетели в эвакуацию в Алма-Ату. Там дед преподавал в Казахском педагогическом институте (КазПИ).

Все вернулись в Ленинград в июне 1945-го. В свой родной дом. Дедушка умер 21 мая 1949 года, бабушка дожила до 1972-го.

Мой отец Григорий Агеевич Мунштуков родился 21 января 1918 года в деревне Дубокрай под Великими Луками, в Псковской области. В 1922 году его

семья переехала в Петроград. Семейство было большое – шестеро детей: Мария, Петр, Пелагея, мой папа Григорий, Евгений и Валентина. Дедушка Агей Иванович работал на Балтийском заводе. Бабушка Анна Федосеевна вела хозяйство и воспитывала детей. Жили они в полуподвальной квартире на 8-й линии Васильевского острова, дом 53. В том же доме проживало и семейство моей мамы со всеми братьями и сестрами. То есть мама с папой познакомились, будучи еще детьми. Просто жили в одном доме. Бабуля София Александровна, когда слышала голос моего будущего папы во дворе, говорила, что гуляет мальчик с красивым голосом. В шестнадцать лет детям выдавали паспорта. Вот тогда невнимательная паспортистка вписала лишнюю букву в фамилию отца. Когда папа указал на ошибку и попросил исправить, нахалка сказала: «Ни фига, так походишь!». Отныне он стал Мунштуковым. Поэтому все родственники Мунштуковы, а мы Мунштуковы. Такая «неграмотная» фамилия получилась.

После школы папа закончил фельдшерский техникум. О своей работе он хранил много приятных и забавных воспоминаний. Вот пример. Папу назначили санитарным инспектором по продовольствию. Для ускорения процесса инспектирования и солидности дали гужевое средство в виде одной кобылы, с кучером в придачу. После окончания первого же рабочего дня «водитель» заруливает к шалману. Заходит туда, выходит уже веселеньким и тащит «маленькую». Увидев бутылочку, лошадь начинает приплясывать и счастливо ржать. Добрый кучер открывает емкость и угощает животное, которое явно привыкло употреблять алкоголь (радость от этого «возлияния» была написана на его морде). После такой процедуры кляча со всех четырех копыт летела домой.

Перед Великой Отечественной войной, в 1939 году, отец поступил в Военно-Медицинскую академию, которую закончил уже в Кирове, в эвакуации. В 1944 году у папы был выпуск и он получил профессию хирурга. Основную специальность преподавал у него знаменитый профессор и гениальный хирург И. И. Джанелидзе. Во время практики отец ассистировал этому великому медику и удостоился высокой его похвалы. Тот сказал: «Молодой человек, из вас выйдет отличный специалист!»

Войну отец закончил в Кохтла-Ярве начальником госпиталя и ведущим хирургом. В то время там базировалась бригада торпедных катеров.

После войны папа несколько лет служил начальником госпиталя – ведущим хирургом на острове Гогланд и хирургом в военном госпитале в Ленинграде.

де, а затем, получив приказ переквалифицироваться в гигиенисты, он закончил специальные курсы. Работал в Управлении кораблестроения на приемке военных судов до самой демобилизации из Военно-Морского флота СССР в 1970 году.

Все окружающие папу очень любили: он был очень добрый, веселый, легкий в общении человек. И очень искренний, эмоциональный... А какой умелец!!! Все умел починить, смастерить... Не было, пожалуй, такой сферы домашней хозяйственной деятельности, где бы он ни применял свои умения и знания — шитье брюк, кулинария (вплоть до пирогов!), починка телевизоров (даже цветных), электрика... Причем делал это всегда с удовольствием. Когда служил на архипелаге Новая Земля, научился вырезать лобзиком по дереву, делал всякие милые штатулки, полочки, аптечки. Следующим увлечением (уже в Ленинграде) стала интарсия (мозаика по дереву). Картины висят по всей квартире и на даче. А красивый он был необыкновенно!!! Впрочем, как и все Муштуковы.

Умер папа 13 декабря 1997 года из-за болезни сердца, не дожив ровно сорок дней до своего восьмидесятилетия.

Моя мама, Нина Яковлевна Мунштукова, родилась 9 августа 1920 года в городе Тамбове, хотя после этого там ни разу не была. Деду Якову Петровичу Тихонову, первому бабушкиному мужу, отцу всех пятерых детей, предложили работу главного экономиста (бухгалтера) на каком-то тамбовском крупном заводе. Бабушка София Александровна и дедушка уехали туда в 1920 году, как я понимаю, уходя от голода, царившего тогда в Петрограде, ведь надо было кормить четверых детей — Валентину, Петра, Сергея и Веру, да еще бабушка была беременна Ниной. Когда они в Тамбов приехали, устроились на квартире, которую предоставил завод, им привезли на телеге продукты — полную телегу еды! А на самом верху повозки лежали красивые расписные деревянные ложки (одна до сих пор еще хранится дома). И что самое удивительное было для голодных петроградцев — стоило это благолепие всего один рубль!!! Вот такая бль-легенда рассказывалась дома.

Жили они в Тамбове недолго, до 1924 года, и вернулись на родину, в Петроград. В начале 1929 года от грудной жабы (стенокардии, как сейчас называется эта болезнь) умер Яков Петрович. Бабушка осталась одна с большой семьей — пятью детьми. Преподавать немецкий язык ей не разрешили, так как она была из купеческой семьи прибалтийских немцев (уже в 1929 году власти боялись шпионажа). Поэтому бабуля пошла работать на швейную фабрику.

Во время войны мама Нина оставалась в осажденном Ленинграде до марта 1942 года, то есть провела самую трудную зиму в голодном и холодном городе. Дома не оставалось никаких запасов: бабушка вместе со своим вторым мужем, Василием Ильичом Чернышёвым, собиралась в эвакуацию в Алма-Ату и думала, что Нина полетит с ними, поэтому все запасы отдала родственникам. Дома оставался только столярный клей, который мама подсушивала на сковородке и ела, приговаривая: «Как вкусно, почему же мы не ели это в мирное время?» Во время войны мама переписывалась с Гришей, Петей и Женей Муштуковыми, которые были на фронте, и общалась с Полиной и Марией, пока была в городе. (Младшая сестра Муштуковых Валентина умерла от заражения крови в госпитале на мысе Поркалауд, где работала во время войны, порезавшись осколками от пробирики на своем рабочем месте в операционной.) Эвакуировалась мама по Дороге жизни в начале весны, в марте; на льду уже виднелись полыньи, и было очень страшно всем, так как фашисты нещадно бомбили грузовики, где ехали люди.

Мама закончила Институт иностранных языков, изучала немецкий (почти родной) и английский языки и всегда помогала мне в учебе с английским, причем, как и с другими предметами тоже. Хотя дома мама и бабушка говорили по-немецки (бабуля была из рода Мецланг), мне знание это не передалось.

Умерла мама скоропостижно 17 марта 2011 года от болезни сердца в возрасте 90 лет.

Я, Наталия Григорьевна Мунштукова, родилась 8 декабря 1948 года в Ленинграде. В детстве мама очень хотела воспитать меня образованным человеком, поэтому запикивала в различные кружки, которых было очень много во всех домах и дворцах культуры (тогда так назывались всякие досуговые центры). Я занималась игрой на рояле, даже закончила музыкальную школу по классу фортепиано и несколько курсов музыкального училища.

Кроме того, мама водила меня на фигурное катание, на художественную гимнастику и на балет во Дворец культуры имени 1-й Пятилетки. Про балет я вспоминаю с большим удовольствием. Преподавали у нас в кружке хореограф, балетмейстер и прекрасный, хотя и очень строгий педагог Леонид Михайлович Молодяшин и его жена Анна Ивановна. ДК имени 1-й Пятилетки располагался как раз напротив Мариинского театра, через канал (где сейчас вторая сцена, будь она неладна: из-за нее снесли мою любимую Пятилетку). Там иногда проходили гастроли иностранных театров или звезд. Был там и кинотеатр, куда мы с родителями часто ходили. Однажды (мне было уже лет

шестнадцать, и свою балетную карьеру я уже давно закончила) встретили там Леонида Михайловича. Я подошла поздороваться, а он как ударит по коленке и как закричит: «Такие ноги пропали!!!» До сих пор как вспомню, смеюсь.

Изучала я в детстве и немецкий язык, никогда мне не пригодились, так как в общеобразовательной школе у нас был английский. И в вузе был английский. А музыканта из меня не вышло. Всё это музыкальное я делала из-под палки: ну не нравилось мне играть на рояле. Хотя я музыку люблю. Не люблю насилия над своей личностью.

Я закончила Педагогический университет имени А. И. Герцена (тогда он назывался Педагогическим институтом). Специальность у меня была довольно экзотическая: математика с правом преподавания на английском языке. Во как! Хотели сделать из нас учителей математики для развивающихся стран Африки и Азии. Просто, помимо нормальной для этого вуза программы по математике, нас гоняли (как сидоровых коз) по английскому языку. И слава Богу, что гоняли, потому что в дальнейшем это очень пригодилось — и во время моей работы гидом-переводчиком в «Интуристе» (так при советской власти называлась контора, которая обеспечивала приезжающих иностранных туристов толмачами), и во время работы над двуязычным справочником «Желтые страницы» (с 1993 года почти десять лет он выпускался на двух языках — русском и английском). В вузе обучили так хорошо, что иностранцы принимали за свою: англичане за англичанку, а американцы за американку, долго прожившую в Англии; произношение было поставлено великолепно. Спасибо преподавателям в институте!

Кем я только не работала! И гидом-переводчиком с английского языка, и экскурсоводом по Ленинграду и его окрестностям — так называемому жемчужному ожерелью города на Неве, и инспектором 2-го отдела Технологического института имени Плеханова, и инженером-экономистом финансово-валютного отдела в Балтийском морском пароходстве, но потом сбылась моя мечта, так как мне предложили замечательную работу корректором в газете «Смена». Тогда там как раз появился новый редактор Геннадий Селезнев (позже спикер Госдумы). Я так обрадовалась предложению о новой работе! И с тех пор я уже не сходила со своей любимой стези. Работа была очень тяжелая, но творческая, так как приходилось заниматься не только непосредственно корректурой, но и литературной правкой, а очень часто и смысловой. Таким образом, мое разностороннее образование весьма даже пригодилось. (И до сих пор я им пользуюсь.) После газеты «Смена» я работала в еженедельнике

«Ленинградский рабочий» и в главном партийном органе Ленинграда тех лет газете «Ленинградская правда», переименованной в годы перестройки в «Санкт-Петербургские ведомости». Здесь я дослужилась до заведующей корректорской — так сказать, вершины моей карьеры. Несмотря на то что я потом работала литературным редактором в серьезных научных и псевдонаучных журналах, любовью моей жизни осталась «Ленправда». Наверное, потому что это была моя молодость...

Я замужем за прекрасным человеком, Михаилом Никифоровичем Дмитриченко (родился 12 мая 1949-го в Ленинграде). Мы с ним в школе в одном классе учились и влюблены были с шестого класса. Он окончил Кораблестроительный университет (тогда институт) и Академию имени Макарова. Проработал долго старшим механиком на судах дальнего плавания. Он очень добрый и великодушный, вспыльчивый и отходчивый. Мы с ним ладим. Так что уже три поколения нашей семьи живут в Доме академиков.

Виктор Наумов

Сорок пять лет на берегах Невы

Скоро исполнится сорок пять лет, как моя семья живет в Доме академиков. Это много для одного или двух поколений людей, но в судьбе дома это очень небольшой срок.

Мы переехали в новую квартиру вскоре после моего рождения и через год после смерти главы семьи — моего деда Виктора Ильича Кочедамова⁷⁸.

По рассказам моей мамы, Ольги Александровны Биантовской⁷⁹, это был яркий, благородный и открытый человек. Более двух десятилетий он, декан архитектурного факультета Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, был любимцем студентов и коллег-преподавателей, отдавая работе все свое время вне семьи.

Помимо преподавания, он проектировал и строил дома: еще до войны — в Сталинграде, после Великой Отечественной — в самых различных уголках СССР. Виктор Ильич много сил отдал изучению истории архитектуры Сибири, Средней Азии и Санкт-Петербурга⁸⁰. В Омске, откуда он был родом, в августе 2016 года, в год празднования 300-летия города, была установлена мемориальная доска на доме по улице Орджоникидзе.

Жил Виктор Ильич со своей супругой, моей бабушкой, Александрой Викторовной Махровской⁸¹ счастливо, дед очень любил свою жену и дочь Ольгу, и его кончина в 1971 году очень многое изменила в жизни моей семьи. В частности, мы переселились с 1-й линии Васильевского острова в дом № 2 по 7-й линии.

После смерти мужа Александра Викторовна жила своей работой в градостроительстве и науке, общением с коллегами, друзьями и близкими, которых она бесконечно любила. Ее доброта и спокойствие помогли нам переживать сложные жизненные ситуации и перемены в истории нашей страны.

Бабушка родилась в Псковской губернии, но почти вся ее жизнь прошла в Ленинграде — Санкт-Петербурге. Здесь она училась, создала семью, работала, здесь она была свидетельницей исторических потрясений, которые переживала страна. В 1936 году, после окончания средней школы, поступила на архитектурный факультет Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры. Одновременно с учебой в Академии художеств Александра

Виктор Ильич Кочедамов

⁷⁸ Кочедамов Виктор Ильич (1912–1971) — архитектор и историк архитектуры, специалист по архитектуре Санкт-Петербурга, Сибири, Бухары и Самарканда, преподаватель.

⁷⁹ Биантовская Ольга Александровна (р. 1941) — художник-график, автор плакатов, книжных иллюстраций, серий эстампов.

⁸⁰ Статья о профессоре В. И. Кочедамове моей бабушки А. В. Махровской уже после ее смерти вышла в книге: Архитекторы об архитекторах. Ленинград — Петербург: XX век / Сост. Ю. И. Курбатов. СПб.: Иван Фёдоров, 1999. — 568 с. — Примеч. автора.

⁸¹ Махровская Александра Викторовна (1917–1997) — архитектор-градостроитель, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук (1995).

Мемориальная доска, посвященная В. И. Кочедамову. Скульптор С. А. Голованцев. Установлена в Омске, по адресу ул. Орджоникидзе, д. 16, в 2016 г.

Викторовна с 1937 года была студенткой немецкого отделения заочного института иностранных языков, которое закончила с отличием, получив диплом переводчика.

Война прервала учебу. Первую блокадную зиму Александра Викторовна провела в осажденном Ленинграде. В сентябре 1941 года родилась моя мама. Моя семья, включая моего прадеда, ученого-метролога Виктора Геннадьевича Махровского⁸², пережила в Ленинграде самую тяжелую блокадную зиму 1941/1942 годов. В июле 1942 года семья эвакуировалась в Самарканд. В Ленинград Махровские вернулись в 1944 году, а в 1945-м Александра Викторовна с отличием защитила дипломный проект на тему «Дворец выставок в Ленинграде» в мастерской профессора И. И. Фомина и получила диплом архитектора-художника.

Ее самостоятельная профессиональная работа началась в Ленгипрогоре. Главным объектом ее труда стал Петрозаводск: в 1947 году проект центра города, выполненный авторским коллективом, получил вторую премию на Всесоюзном конкурсе. По существу в Ленгипрогоре проявилась ее склонность к анализу архитектурно-планировочной организации городов, желание понять «язык» городского пространства. С тех пор она оставалась верной градостроительной специализации в своей профессиональной деятельности.

В 1951 году А. В. Махровская поступила в аспирантуру Ленинградского филиала Академии строительства и архитектуры СССР и в 1955 году под руководством профессора В. А. Витмана защитила диссертацию «Застройка и планировка набережных Невы», навсегда связавшую ее с Санкт-Петербургом и определившую сферу ее научных интересов.

За период работы в Ленинградском филиале Академии архитектуры СССР в должности старшего научного сотрудника она участвовала в решении проблем развития ленинградской системы расселения, формирования микрорайонов и районов городов, обобщая мировой опыт градостроительства. Изданные ею монографии и сборники с результатами научных исследований до сих пор не потеряли своей актуальности: «Ленинград. Планировка и застройка 1947–1957 гг.», «Пригородные зоны крупных городов», «Жилой район и микрорайон».

С 1964 года А. В. Махровская — заведующая отделом реконструкции городов научного отделения ЛенНИИП-градостроительства. Научно-исследовательская деятельность отдела — разработка современных проблем градостроительства — осуществлялась применительно к двум регионам: отдельно Ленинграду и всему Европейскому Северу СССР. Наряду с этим Александра

⁸² Махровский Виктор Геннадьевич (1886–1956) — ученый, специалист в области метрологии и механических измерений, доктор технических наук, профессор. Портрет д. т. н. профессора В. Г. Махровского с середины прошлого века висит в портретной галерее в главном здании Всероссийского научно-исследовательского института метрологии им. Д. И. Менделеева (на стене которого помещена знаменитая периодическая система), расположенном на Московском проспекте напротив Технологического института. См. статью директора Метрологического музея РОССТАНДАРТА при ФГУП «ВНИИМ им. Д. И. Менделеева» к. и. н. Е. Б. Гинак «Вклад сотрудников ВНИИМ им. Д. И. Менделеева в развитие стандартизации в России: Виктор Геннадьевич Махровский» (Экономика качества. 2015. №2 (10) // [http://eq-journal.ru/archive/2015/номер-2\(10\)/номер-посвящен-90-летию-росстандарта/st-10-7.html](http://eq-journal.ru/archive/2015/номер-2(10)/номер-посвящен-90-летию-росстандарта/st-10-7.html)).

Викторовна руководила несколькими более узкими темами, среди которых главным являлось исследование проблем и условий реконструкции исторических районов Санкт-Петербурга и охраны культурного и архитектурного наследия.

Результаты многолетних исследований А. В. Махровской отражены в печатных трудах, она является автором более 80 книг и статей, из них наиболее значимые посвящены Ленинграду — Санкт-Петербургу. Наряду с исследовательской работой А. В. Махровская как член Градостроительного совета Санкт-Петербурга, ученого совета ОблГИОПа вела большую общественную работу, являлась одним из учредителей Санкт-Петербургской Ассоциации исследователей города, руководила семинаром «Город и горожане»⁸³.

За заслуги в области градостроительства А. В. Махровская была награждена орденом «Знак Почета», в 1961–1964 годах она избиралась депутатом Октябрьского районного Совета депутатов трудящихся, в 1967–1972 годах была депутатом Ленинградского городского Совета.

В 1995 году Александра Викторовна Махровская была избрана членом-корреспондентом Российской академии архитектуры и строительных наук.

Если задуматься над тем, каким сейчас встает передо мной образ моей бабушки, то в первую очередь вспоминаются ее тонкая, открытая и добрая улыбка и энергия ее уверенных движений.

Наша семья была небольшой и очень дружной. Это уникальное сочетание: каждый мог заниматься чем хотел, но всегда был рад общению с другими членами семьи, рад помочь им.

Когда я был маленьким, бабушка, при всей ее большой занятости в институте и обожаемой ею исследовательской и градостроительной работе — даже во время каникул и редких отпусков она брала с собой рабочие материалы и рукописи, — бросала все, если я приходил к ней, и начинала со мной общаться и играть. Я до сих пор помню пластмассовых солдатиков, привезенных ею из Венгрии, которых мы расставляли по всему ее кабинету в нашей квартире в Доме академиков, ползая часами по полу или, наоборот, влезая с трудом на шкафы, чтоб там устраивать крепости. Позже, в средних классах школы, меня стали отправлять с бабушкой на школьные каникулы в Зеленогорск, в Дом отдыха Союза архитекторов, где бабушка вышагивала по дорожкам в черном кожаном пальто так спокойно и величаво, что окружающие нередко добродушно называли ее генералом.

Виктор Геннадьевич Махровский

Александра Викторовна Махровская

⁸³ Творческий путь, научные результаты в сфере реконструкции исторических городов, воспоминания друзей, коллег и современников о А. В. Махровской нашли свое отражение в книге «Александра Махровская: ученый и градостроитель. Воспоминания друзей и коллег» (СПб.: НП Принт, 2014. — 400 с., 42 ил.).

Ольга Александровна Биантовская

В конце 1980-х и в тяжелые 1990-е годы бабушка старалась по мере сил бороться за свою работу, исследования и поддерживать своих друзей и сослуживцев. Я помню, как тяжело бабушка переживала, что градостроительная наука становится ненужной и люди, жившие ею, уникальные результаты и наследие, создававшиеся десятилетиями и столетиями, исчезали на глазах.

Бабушка ушла из жизни в августе 1997 года и не дожила до того времени, когда отношение к науке и градостроительству стало меняться.

Моя мама, Ольга Александровна Биантовская, родилась в 1941 году и после окончания средней художественной школы при Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР в 1960 году поступила на факультет графики этого института, где училась у В. В. Смирнова, В. М. Звонцова и М. А. Таранова. Закончив этот факультет в 1966 году с отличием, сразу же была принята в Союз художников СССР, а затем с начала 1990-х около полутора десятилетий была членом Правления Санкт-Петербургского отделения Союза художников России.

Ольга Александровна автор и разработчик идеи серии альбомов, посвященных 300-летию Санкт-Петербурга «История и культура Санкт-Петербурга в графике петербургских художников». Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры 2002 года за создание альбомов эстампов «История и культура Петербурга в графике».

Всю жизнь Ольга Александровна занималась театральными плакатами и книжной графикой⁸⁴. Ее плакаты для Мариинского (тогда еще Кировского) и Михайловского театров объездили полмира, с ее иллюстрациями выходили издания детских сказок, которые она всегда очень любила перечитывать, и книги поэзии Золотого века и советской прозы.

Моя мама любит и восхищается красотой и гармонией Петербурга, его дворцовых и парковых окрестностей. У нее есть несколько серий работ о своей родине (литографии «Летний сад», «Путешествие в Ораниенбаум»), много раз в ее иллюстрациях к произведениям Пушкина, Апухтина, Льва Толстого и Алексея Толстого раскрывалась тема Великого города. На нескольких работах в качестве фона мама изобразила набережную Лейтенанта Шмидта и наш дом.

Мама и бабушка были людьми разных характеров, но глубоко любили и уважали мнения и жизненные взгляды друг друга и почти никогда не спорили между собой. Я вспоминаю, как в трудные 1990-е годы они стремились радовать друг друга любыми мелочами, как внимательно мама помогала орга-

Цветная литография из серии «Утро на Неве». Художник О. А. Биантовская. 2000 г.

⁸⁴ Творчество О. А. Биантовской сейчас широко представлено в Интернете, см.: <http://www.russianlaw.net/art/bia>. В 2010 году был издан большой иллюстрированный альбом «Ольга Биантовская. Графика. Плакат», в котором напечатана яркая статья заслуженного деятеля искусств, профессора СПбГУ Т. С. Юрьевой «Ускользящая натура» о творчестве Ольги Александровны. В 2012–2014 годах вышла серия CD/DVD-дисков с работами художника и архивом материалов и статей. В 2016 году вышла книга «Стихи и поэмы А. С. Пушкина с иллюстрациями О. Биантовской», приуроченная к юбилею Ольги Александровны, где представлена прекрасная статья в. н. с. Всероссийского музея А. С. Пушкина, члена Союза писателей Санкт-Петербурга Т. С. Мишиной-Буковской «Пушкиниана Ольги Биантовской».

А. И. Наумов, А. В. Махровская, Б. А. Наумов
и О. А. Биантовская на праздновании
юбилея А. И. Наумова. 1977 г.

низовывать приемы гостей бабушки, а бабушка старалась поддержать маму в любых ее творческих начинаниях.

У Ольги Александровны было очень много выставок в 1980–1990-е годы, в том числе персональных, и для всех нас эти вернисажи становились большими и ответственными событиями. Александра Викторовна всегда приглашала на них всех своих друзей и, появляясь чуть ли не первой задолго до официального открытия, ходила по экспозиции с гордо поднятой головой – статная светская дама, в глазах которой светилась материнская радость.

Мой отец, Наумов Борис Александрович⁸⁵, был на год старше мамы. Он учился и потом всю жизнь проработал в Ленинградском кораблестроительном институте (ныне Санкт-Петербургский государственный морской технический университет), читал лекции по электротехнике и теории цепей и сигналов, сотрудничал с несколькими научно-исследовательскими учреждениями и конструкторскими бюро по проектам в сфере гидроакустики и обработки акустических сигналов.

Отец был удивительно добрым и отзывчивым человеком. Он очень любил мою маму, своих родителей, меня, с глубоким уважением относился к Александре Викторовне; что интересно, во всех сложных семейных вопросах обычно их позиции совпадали. Отец пользовался большим уважением коллег и студентов, ему очень нравилось читать лекции и общаться со студентами. До конца своей жизни (отец ушел в 2013 году) он никогда не отказывал своим сослуживцам в бескорыстной помощи – построить математическую модель обработки сигналов, поучаствовать в придумывании новых приборов, помочь в написании научных работ.

Отец и вся семья очень любили домашних животных – с нами постоянно жили собаки и кошки. Так сложилось, что нескольких котят мы брали найденышами в нашем дворе или на набережной Невы, а последний пес – кокер-спаниель Рудик был найден уже взрослым, тоже во дворе в одну из зим прошлого десятилетия, забившимся от холода в щель подвала.

Отец много сил отдал благоустройству нашей квартиры, сам с любовью делал мебель, много интересного и полезного: отец был «рукодельником» и умел делать руками почти все – от отливки оловянных солдатиков для меня до сборки радиоприемников. Еще много времени отец отдавал постройке добротной дачи за городом (он делал ее сам с минимальной внешней помощью «с нуля»), где очень любил проводить время, выращивая овощи и фрукты

А. В. Махровская и О. А. Биантовская.

⁸⁵ Наумов Борис Александрович (1940–2013) – ученый-кораблестроитель, изобретатель, преподаватель.

и гуляя по лесам Карельского перешейка сначала с ризеншнауцером Олафом, а потом с Рудиком.

В нашей семье много десятилетий и всю мою сознательную жизнь с нами была еще Федосия Васильевна Гаврилова — моя крестная, прекрасный, добрый и близкий нам всем человек, который заботился о нас и ведал всем нашим домом. Именно она часто подолгу звала меня из окна квартиры, когда я заигрывался до ночи во дворе в футбол или в теннис: мы с ребятами со двора любили «стучать об стенку» по очереди, играя так в теннис, что не очень устраивало жильцов дома, поскольку эта стенка была обита деревом и грохотала при ударах мячиком.

Еще в моей памяти остались приемы, которые устраивала для всех бабушка в нашей квартире. Всегда прием гостей проводился в честь ее дня рождения в конце декабря, почти ежегодно в связи с Днем Победы и реже по случаю

дней рождения Ольги Александровны, Бориса Александровича и Федосии Васильевны, которые родились в сентябре друг за другом. Особенно все готовились в Новому году и к Рождеству, но это уже были семейные праздники, когда приглашались две-три самых близких подруги бабушки. Застолья в связи с днем рождения Александры Викторовны запомнились широким гостеприимством, весельем, огромным количеством друзей и знакомых. В юбилейные дни собиравались до сорока человек; если не получалось увидеть всех сразу, случалось, бабушка организовывала встречи в два этапа — для коллег и сослуживцев и для друзей семьи. Во всех застольях и встречах участвовала вся наша семья. Это никогда ни для кого не было обременительной обязанностью; все мы, Ольга Александровна, Борис Александрович, Феодосия Васильевна и я, с радостью помогали во всем. В детстве я очень ждал таких встреч, с открытым ртом слушал разговоры удивительных людей — архитекторов, художников, писателей, инженеров, моряков.

Для нашей семьи еще одной памятной датой был день снятия блокады Ленинграда: и Александра Викторовна, и Ольга Александровна, будучи блокадницами, всегда старались, чтобы в этот день мы обязательно собрались вместе дома и с несколькими гостями поговорили и вспомнили прошлое.

Таких воспоминаний сохранилось немало, и многие из них связаны с Домом, его духом и энергией. Долгое время я работал в Институте информатики и автоматизации РАН, из-за чего и лично ощущал причастность к «академическому духу», царившему в нашем доме, но когда эта страница жизни была перелистнута и я стал заниматься юриспруденцией, проблемами интеллектуальной собственности и преподаванием в СПбГУ, ничего для меня не изменилось — это все тот же близкий, родной Дом академиков.

Жизнь!

По законам Вселенной и Атома!..

Кто мы в ней — Миссия или Мессия?

Мы — Вечная Безумная Стихия —

Страсти... Страха... Разума...

И мы на все вопросы найдем правильный ответ...

Справимся с проблемами любимыми...

Если поймем — беззакония в жизни нет!..

Есть торжество одних законов над другими!..

Как нам избежать тернового венца?..

Покуда сердце продолжает биться,

Нам так нужно мужество — идти до конца!..

Нам так нужна мудрость — вовремя остановиться!..

Николай Тихомиров

Николай Тихомиров

Жизнь... чтобы жить...

Хочу выразить глубокую искреннюю благодарность моим любимым родителям, маме Наталье Ярославовне Тихомировой, папе Алексею Николаевичу Тихомирову, за то, что они подарили мне это чудо жизни на прекрасной планете Земля; Виктору Наумову за добрую помощь и поддержку, за прекрасную идею книги о нашем Доме академиков, за возможность публикации моей статьи в этой книге.

У каждого из жителей нашего дома был свой пропуск, свой входной билет, свои основания на жизнь в Доме академиков... Нашу квартиру в 1946 году Академия наук СССР выделила моему деду, астроному Григорию Николаевичу Неуймину⁸⁶, который на тот момент был директором Главной астрономической обсерватории АН СССР (Пулковской обсерватории).

К большому сожалению, я не застал его в живых (он умер 17 декабря 1946 года) и знаю о нем только из многочисленных рассказов моих мамы и бабушки, Марии Николаевны Неуйминой.

Для меня дед всю жизнь является примером бескорыстия и самоотверженности: он принял руководство Пулковской обсерваторией в апреле 1944 года; шла война, всего два с небольшим месяца назад была с Ленинграда снята блокада, обсерватория была разрушена. От далеко не молодого человека с подорванным здоровьем потребовалось сильнейшее напряжение сил, чтобы вернуть к жизни один из важнейших научных центров страны. И это при том, что многие сотрудники обсерватории погибли в блокированном городе, а эвакуированные смогли вернуться только значительно позднее.

Григорий Николаевич Неуймин родился в Тифлисе в семье военного врача 4 января 1886 года. В 1904 году окончил с золотой медалью 2-ю тифлисскую мужскую гимназию. В том же году поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который закончил в 1910 году с дипломом 1-й степени.

Учителями его по астрономии были профессора А. А. Иванов и С. П. Глазенап⁸⁷, по математике — академик В. А. Стеклов⁸⁸. С ними он сохранил дружеские отношения на долгие годы.

*Григорий Николаевич Неуймин.
Портрет работы Б. Харченко.*

⁸⁶ Неуймин Григорий Николаевич (1886–1946) — астроном, директор Пулковской обсерватории (1944–1946), первооткрыватель космических объектов.

⁸⁷ Иванов Александр Александрович (1867–1939) — астроном, член-корреспондент Академии наук (1925), директор Пулковской обсерватории (1919–1930). Глазенап Сергей Павлович (1848–1937) — астроном, почетный член Академии наук (1929).

⁸⁸ Стеклов Владимир Андреевич (1863/1864–1926) — математик и механик, академик (1912), вице-президент Академии наук (1919–1926); проживал в Доме академиков.

В 1910 году по окончании курса Неуймин был оставлен профессором А. А. Ивановым при университете, на кафедре астрономии, для подготовки к научной деятельности. Еще с 1908 года Григорий Николаевич начал работать в качестве практиканта при Пулковской обсерватории. Здесь он с первых же шагов наметил ту линию деятельности, которой затем следовал всю жизнь: он стал астрономом-наблюдателем.

В Пулкове его первыми учителями на этом поприще были Ф. Ф. Ренц и А. А. Белопольский⁸⁹. 10 декабря 1912 года Неуймин был назначен адъюнкт-астрономом Симеизской обсерватории, незадолго до этого ставшей отделением Пулковской обсерватории. В 1924 году Совет астрономов Пулковской обсерватории избрал его старшим астрономом, а в 1925 году – заведующим Симеизским отделением Пулковской обсерватории. В Симеизе он оставался безвыездно вплоть до эвакуации в октябре 1941 года.

За более чем четверть века работы в Симеизе с очень скромными средствами наблюдения он организовал регулярную службу комет и малых планет и наладил постоянную связь с зарубежными научными организациями, работавшими в той же области. Григорий Николаевич первым в России начал открывать новые планеты, получавшие затем международный порядковый номер. Он открыл за эти годы шесть новых комет, из них пять периодических. Им открыто 63 нумерованных малых планеты и свыше 400 нenumерованных. По его инициативе Пулковская обсерватория приняла участие в международной работе по перенаблюдению зон неба для фундаментальных каталогов германского астрономического общества (Astronomische Gesellschaft, или AG).

Г. Н. Неуймин проявил себя как талантливый наблюдатель и организатор масштабной научной работы в Симеизе. Эта работа сделала Симеиз одной из ведущих обсерваторий мира. Именно Неуймину Симеизская обсерватория обязана тем, что с 1912 по 1933 года она занимала второе место в мире по числу открытий малых планет. Здесь начинали свою научную деятельность многие крупные советские астрономы. Григорий Николаевич почти всегда отдавал летнее время работе с практикантами и аспирантами многих университетов и институтов Советского Союза. Его учеником был известный ученый Владимир Борисович Никонов⁹⁰.

Осенью 1941 года обсерватория была эвакуирована в Среднюю Азию, в город Китаб Узбекской ССР. Покидая Симеиз в октябре 1941 года, Григорий Николаевич своими собственными силами спас от разгрома ценное оборудование этой обсерватории и частично перевез его в место эвакуации.

Коллектив Симеизской обсерватории 1930-е гг.

С 1941 по 1943 года Неуймин по-прежнему возглавляет Симеизскую обсерваторию в эвакуации на Китабской широтной станции. Под его руководством продолжает работу служба малых планет. В благодарность за прием в годы эвакуации Григорий Николаевич дал одной из открытых им малых планет имя Узбекистана.

Условия жизни в Китабе были тяжелыми, и здесь здоровье Григория Николаевича было безвозвратно надломлено. Тем не менее 1 января 1944 года он вступил в должность заместителя директора Главной астрономической обсерватории, а 1 апреля 1944 года стал ее директором.

В это время Пулковская обсерватория лежала в руинах. Будучи директором, Григорий Николаевич провел в 1945 году реэвакуацию подчиненного ему коллектива из Ташкента в Ленинград, возглавил работу по составлению технического задания проектировщикам, под его наблюдением были выполнены и утверждены основные планы реконструкции и восстановления Пулковской обсерватории. На его глазах были начаты первые работы по ее восстановлению.

⁸⁹ Ренц Франц Францевич (1860–1942) – астроном, заслуженный деятель науки РСФСР (1935). Белопольский Аристарх Аполлонович (1854–1934) – астроном и астрофизик, академик (1906).

⁹⁰ Никонов Владимир Борисович (1905–1987) – астроном, доктор физико-математических наук.

Николай Федорович Погребов

Григорий Николаевич был очень открытым, благодарным, романтичным, эрудированным человеком.

Григорий Николаевич Неуймин скончался 17 декабря 1946 года и похоронен на Пулковском мемориальном астрономическом кладбище рядом с выдающимися астрономами России – Струве, Белопольским, Костинским и другими... В память о Григории Николаевиче малой планете 1129, открытой в 1929 году П. П. Пархоменко, присвоено название Неуймина. В его честь названы лунный кратер Неуймин, равнина Неуймина на открытой им в 1916 году малой планете (951) Гаспра.

Но память о Григории Неуймине сохраняется не только в каталогах небесных тел и астрономических музеях. Хотя на доме, где он жил, и нет посвященной ему мемориальной доски, его тут помнят. И в семьях его потомков он всегда будет эталоном настоящего ученого, непрерывно ищущего, преданного науке, бескорыстного и открытого. Является он таким и для меня, его внука.

Я родился в СССР, в Ленинграде, в нашем Доме академиков в сентябре 1953 года. Всю жизнь я считал и считаю себя ленинградцем и советским человеком, при всем моем уважении к Петру I.

Это было время настоящего социализма еще сталинской эпохи, еще чувствовалось эхо прошедшей войны, но уже всюю шла холодная война социализма с капитализмом и был опущен железный занавес...

Конечно, мне повезло: я родился в интеллигентной семье, в красивом городе, в великой стране, в замечательном доме, в мирное время, и я очень благодарен за это моим родителям и судьбе. Я очень благодарен своим родителям за счастливое, интересное детство, за мудрое воспитание и за те человеческие ценности, уважать которые они меня научили.

В нашей семье всегда царила атмосфера науки и творчества: мама занималась геологией во ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского, папа преподавал в Политехническом институте имени М. И. Калинина.

Кроме Г. Н. Неуймина, в нашей семье постоянно витал образ еще одного моего именитого предка по маминой линии – Николая Федоровича Погребова⁹¹, моего прадеда – отца моей бабушки Марии Николаевны Неуйминой.

Николай Погребов – легендарный ученый в области гидрогеологии, один из ее основателей. Он открыл и изучил сланцевые месторождения в тех местах, где позднее появился город Сланцы (там есть улица его имени); соз-

⁹¹ Погребов Николай Федорович (1860–1942) – геолог, специалист по подземным водам, горючим сланцам и другим полезным ископаемым; заслуженный деятель науки РСФСР (1940).

Геологический комитет. 1900-е гг.
В центре сидит А. П. Карпинский,
второй справа стоит Н. Ф. Погребов.

давал библиотеку Геологического комитета и был одним из его активных участников. В блокаду указывал как специалист места источников чистой подземной воды, – тогда боялись заражения Невы... Умер в возрасте 82 лет во время блокады, в 1942 году...

Разумеется, интересы нашей семьи отнюдь не ограничивались одной только академической наукой. Страсть к творчеству проявлялась и в других увлечениях моих родителей. Мама очень любила вкусно и много готовить, печь пироги, делать заготовки на зиму (варенья, грибы), и не только для нас самих, но и чтобы угощать родных и друзей, которых у нас было много. Папа был большой спец по технической части – много мастерил, все ремонтировал своими руками, у него была большая коллекция разных инструментов. Папа мало рассказывал о войне, хотя он прошел три войны (Финскую, Отечественную, Японскую) и имел много наград, которые надевал очень редко.

Кульминацией череды семейных праздников был, конечно, Новый год. Папа всегда заранее приносил домой большую пушистую елку, доставал коробки с игрушками и гирляндами, мы с детским восторгом ее наряжали и ждали праздничного чуда... В Новый год папа тихонечко уходил, переодевался Дедом Морозом, появлялся с мешком подарков, снова уходил и возвращался уже опять папой... Из-за этого я очень долго искренне верил в Деда Мороза.

Наталья Ярославовна и Алексей Николаевич Тихомировы с детьми Николаем и Марией. 1955 г.

Одним из памятных новогодних подарков для меня стал диаскоп с диафильмами — приключения, детективы, сказки... Это была магия маленького домашнего кинотеатра...

Домашний быт был простым и гениальным. Мылись в большой старинной медной ванне... Стирали руками, что-то в прачечной⁹²... Сушили на веревках в кухне-ванной или на чердаке... Штопали дырки... Перешивали старые вещи... Кстати, одна из хитростей того времени — белые рубашки со сменными воротничками — очень удобно! (Такие были у папы.)

Несмотря на все трудности того времени, о которых мы, дети, конечно, не знали, атмосфера в семье была позитивной, оптимистичной, деловой и творческой... И эта атмосфера осталась в моем сердце и в моей душе на всю жизнь.

Конечно, наше детство бурлило не только в семье, но и во дворе нашего дома... Двор у нас был большой, с садиком, свободный от машин... Только в двух противоположных углах двора стояли «москвич» и «победа»...

⁹² В отдельном помещении со двора для жильцов дома была устроена специальная прачечная, где можно было нагреть воду, постирать и выполоскать белье.

Новогодний маскарад в семье Тихомировых. 1959 г.

Детей было много, игры были простые, но очень подвижные и азартные: прятки со считалками (помню одну: «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой?» — и все это с детским серьезным видом и азартом), колдуны (это типа пятнашек), ножички, фантики... Летом, конечно, футбол. Бывало, и стекла били. Зимой — хоккей, снежки... Гуляли во дворе много и долго, ходили друг к другу в гости...

Одним из летних удовольствий были водяные пистолеты, которые тогда были в моде. За водой бегали в нашу домовую прачечную, которая всегда была открыта.

Помню своих дворовых друзей: Сережу Емельянова и Вову Иванова — потомка академика Левинсона-Лессинга⁹³. Вова как-то показывал нам потрясающую по объему и содержанию коллекцию монет своего именитого предка — впечатлило на всю жизнь.

Всеобщим детским увлечением того времени было коллекционирование — марок, значков, спичечных этикеток. Элитным (хотя такое слово тогда не употреблялось) считалось коллекционирование монет и денежных знаков. Среди моих сверстников шел постоянный активный обмен и обсуждение новинок.

⁹³ Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861–1939) — ученый-петрограф, академик (1925).

Символом порядка и дисциплины в нашем дворе (и не только для детей) был старший дворник дядя Федя — солидный, статный, с хорошо поставленным командным голосом, строгий, но справедливый, а вообще-то добрый и открытый. Именно он охранял наш дом от вандализма во время блокады, когда жильцы дома были в эвакуации. Светлая ему память и благодарность!

Мне очень запомнился один сюжет, символизирующий ту, еще далекую от бурной цивилизации эпоху: дядя Федя в центре двора целый месяц профессионально, спокойно и торжественно, перетягивал матрац. Да, такие были времена...

Был в нашем доме и особый орган общественного порядка — домовый комитет, состоявший из жильцов дома. Он занимался мелкими бытовыми конфликтами и проблемами. Я не знаю, как он формировался, помню только, что одно время в нем работали мой папа и наш сосед из квартиры № 13 — Николай Иванович Шарапов, видный ученый, изобретатель искусственного шелка, веселый, добродушный человек.

Были в нашем дворе и свои легендарные «гордости». Это, конечно, Наташа Мунштукова со своей сочной косой до пят... Это, конечно, Олечка Жадина — будущая балерина со своей лебединой шейкой и королевской балетной походкой...

В снежные зимы наш двор напоминал швейцарские Альпы — горы снега и узкие тропинки до подъездов. Весной во двор заезжали грузовики, и дворники лопатами закидывали снег в кузов. Я очень любил им помогать. Еще одним весенним удовольствием было колоть ломом зимний лед на асфальте. Во дворе почему-то тогда его было много, и он был толстый, как и на крыше дома: когда его сбрасывали, случались маленькие землетрясения.

Сильным впечатлением от детства и вообще от эпохи социализма остались праздничные демонстрации, майские и ноябрьские, проходившие мимо нашего дома, и военные парады, после которых мощная ракетная техника выстраивалась на Университетской набережной, а потом единым рывком с ревом двигателей направлялась через мост и дальше по набережной Красного флота (теперь Английской). Долгое время военные парады были три раза в году: 1 мая, 9 мая и 7 ноября, и каждый раз это впечатляло.

В любое время года из окон нашего дома можно любоваться видом на Неву, Английскую набережную с ее великолепными особняками. Летом — белые ночи, разведенные мосты, корабли-труженики, а теперь еще и океанские лай-

неры у причалов. Зимой — морозный пар, пока река не замерзнет полностью. Потом белоснежный лед и труженик-буксир, который не дает фарватеру замерзнуть — это затея последних лет. Весной — красавец-ледоход с воронами и чайками, путешествующими на льдинах. Осенними ночами — отражение звезд и лунная дорожка на темной воде.

Наш дом не раз испытывал на себе жестокие капризы петербургской погоды, страдал от наводнений, некоторые из них даже заливали его подвалы. Несмотря на свой почтенный возраст, дом успешно справлялся с буйством стихии.

Уникальным событием в жизни нашего дома было единственное в его новейшей истории общее собрание жильцов — еще не собственников. Оно состоялось по инициативе предприятия «Гостиничный комплекс „Наука“» в актовом зале Академии наук на Университетской набережной. Повестка была актуальная — продажа дома и выгодное расселение жильцов, поэтому пришли почти все. Реальный инвестор, серьезные деньги, шанс новой жизни для самого дома... Но, как говорится, не срослось. Многие жильцы не захотели уезжать и приватизировали свои квартиры. Дом остался в прежнем статусе.

В нашем доме отношения между жильцами всегда были, есть, и, я надеюсь, будут самыми добрыми. В течение всей жизни мне не раз приходилось обращаться за различной помощью и по разным причинам к своим соседям, и я всегда находил понимание и получал искреннюю конкретную помощь, за что всем им большое спасибо.

Из подлинных академиков, живших в нашем доме, я знал только одного — Владимира Павловича Линника. Он жил в нашем подъезде на первом этаже. Мы изредка встречались на выходе. За ним приезжала черная «Волга» (по тем временам это было очень круто!), останавливалась в арке прямо около нашего подъезда. Он садился и красиво уезжал.

Гораздо позже мне посчастливилось познакомиться с его дочкой Ириной Владимировной, главным научным сотрудником Эрмитажа, чрезвычайно эрудированным человеком и очень отзывчивой соседкой. Она в совершенстве знала семь языков и могла ответить с ходу на любой вопрос о живописи.

Думаю, Линник был последним жителем-академиком в нашем Доме академиков, и после него эпоха академиков окончательно стала легендой... А это была действительно целая эпоха.

В отношении того, кто юридически являлся владельцем нашего дома на протяжении всей его долгой жизни, выделяются три периода. В начале XVIII века это были два недостроенные дома, принадлежавшие частным лицам. Затем соединенным из нескольких построек домом распоряжалась Академия наук, ее администрация. В советское время это был административно-хозяйственный отдел (АХО) Академии наук, который в конце концов передал дом в управление «Гостиничному комплексу „Наука“». Теперь управлением и обслуживанием дома занимается выбранная на общем собрании собственников управляющая компания.

Нам немного известно о том, как происходил переход от первой эпохи ко второй, но мы точно знаем, когда дом с баланса Академии наук был передан на баланс города Санкт-Петербурга (на баланс жилищного агентства Василеостровского района Санкт-Петербурга). Это случилось после первого общего собрания новоявленных собственников помещений нашего дома, когда они голосованием выбрали управляющую компанию — ЖКС № 2 Василеостровского района. На этот момент в доме было уже три вида собственников жилых и нежилых помещений: физические лица, юридические лица и город. Теперь по новому жилищному кодексу все основные решения о жизни и судьбе дома решаются на общем собрании собственников простым большинством голосов, а по некоторым вопросам и двумя третями голосов. Это, конечно, добавило демократии в нашу жизнь, но и усложнило принятие оперативных решений по важным текущим вопросам.

Так или иначе, наш дом находится в рабочем жизнеспособном состоянии, и мы должны быть благодарны всем, кто о нем заботился в разные времена, и со своей стороны беречь его и заботиться о нем.

На своем веку я несколько раз был свидетелем ремонтных работ в нашем доме (помимо капитального ремонта кровли, водопровода, канализации, электрической сети и гидроизоляции подвалов в 2013 году). Первый раз на моей памяти, еще в советское время (год не помню), проводился ремонт фасадов (дворовых и уличных), я тогда через окно выходил на леса и гулял по ним. Второй раз — к 300-летию Петербурга ремонтировались только уличные фасады. Тогда провели гидроизоляцию фундамента дома по всему внешнему периметру: отрывали на полметра вглубь, покрывали фундамент гудроном, клеивали рубероидом, еще раз заливали смолой, засыпали и асфальтировали — это была важная и серьезная работа.

Но этих ремонтов, конечно, недостаточно. Наш дом нуждается в значительно более глубоком «лечении»: в арке проседает фундамент, сквозные трещины в капитальных стенах в нескольких местах проходят сверху вниз через все этажи, местами от наружных стен пластом отслаивается штукатурка, регулярно то здесь, то там обваливаются карнизы, кровля устроена с нарушением технологии. Нужны серьезное комплексное профессиональное обследование, тщательный мониторинг состояния дома, продуманный план ремонтных работ... И главное, необходимо, чтобы настоящее и будущее нашего дома находилось в ответственных и надежных руках.

Наш дом имеет высокие статусы объекта культурного наследия России федерального значения, памятника архитектуры XIX века, охраняемого государством объекта; в нем находится музей-квартира первого нобелевского лауреата России академика И. П. Павлова.

Наш дом расположен в старейшем квартале Санкт-Петербурга, где каждый дом является объектом культурного наследия России.

Наш дом является частью уникального парадного ансамбля набережных Невы – визитной карточкой Васильевского острова, Санкт-Петербурга и всей России.

Наш дом является достойным и логичным участником уникального парада академий по набережным Лейтенанта Шмидта и Университетской, равному которому нет в мире: Горный институт – Кадетский корпус Петра Великого – Академия художеств – Санкт-Петербургский университет, – Академия наук. Пять академий на одной прямой, на одном километре (ну, на двух–трех)!

И еще одна уникальная особенность нашего дома: он находится на перекрестке сухопутных (7-я линия – Благовещенский мост; Университетская набережная – набережная Лейтенанта Шмидта) и речной артерий нашего города.

Но самое главное богатство, которое хранит наш дом, – его человеческий потенциал. Наш дом живет активной разносторонней и по-прежнему научной жизнью. В нем рождаются дети, влюбляется молодежь, учатся, работают, отдыхают на пенсии. В нем живут астрономы и геологи, химики и биологи, музыканты и актеры, поэты и художники, юристы и менеджеры, строители и реставраторы, люди разных национальностей и взглядов на жизнь. Это такое сокровище, которое не раз еще принесет нашей стране и миру новые открытия, высокие достижения, уникальные результаты. Чего я нам всем и желаю!

И успеть!.. И суметь!.. И посметь!..

Сведения об авторах

Билибин Александр Юрьевич (р. 1942) – химик, профессор, заведующий кафедрой химии высокомолекулярных соединений СПбГУ.

Головачёва Екатерина Георгиевна (р. 1963) – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник Отделения респираторных вирусных инфекций у детей ФГБУ «НИИ гриппа» Минздрава России.

Громова Людмила Ивановна (р. 1951) – старший научный сотрудник Института физиологии им. И. П. Павлова РАН, главный хранитель Мемориального музея-квартиры академика И. П. Павлова.

Жуков Константин Сергеевич (р. 1964) – историк, краевед, писатель.

Левшаков Михаил Сергеевич (р. 1977) – системный администратор.

Мунштукова Наталия Григорьевна (р. 1948) – педагог, гид-переводчик, корректор и литературный редактор.

Наумов Виктор Борисович (р. 1971) – юрист, преподаватель, руководитель проекта «Сохраненная культура».

Проскурина Елена Витальевна (р. 1954) – сотрудник Конституционного Суда РФ, советник государственной гражданской службы РФ 3 класса, ведущий специалист 1 разряда.

Северина Вера Павловна (р. 1934) – электротехник и историк науки, член Российского научно-технического общества радиотехники, электроники и связи имени А. С. Попова, заведующая экспозиционным отделом Музея истории СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Тихомиров Николай Алексеевич (р. 1953) – поэт – философ – оптимист.

Толмачёва Марина Александровна (р. 1943) – профессор исторического факультета Университета штата Вашингтон (США).

Толмачёва Ольга Александровна (р. 1936) – редактор, библиотекарь, экскурсовод, путешественник.

Тоб Лев Гаврилович (р. 1929) – член семьи Б. А. Никитина, которого тот воспитывал в течение всей их совместной жизни; юрист, работал в суде и почти сорок лет в судостроительной промышленности.

Шилин Борис Владимирович (р. 1935) – доктор геолого-минералогических наук, профессор, лауреат Государственной премии (1996).

Шульман Борис Соломонович (р. 1949) – биолог-паразитолог, автор большого числа научных работ, посвященных исследованию паразитов рыб, в том числе монографии «Жизненные циклы некоторых микроспоридий рыб Кольского полуострова».

Шульман Лия Соломоновна (р. 1945) – художник (более 250 групповых выставок, 17 персональных), член Союза художников России, член Ассоциации искусствоведов, куратор автономной некоммерческой организации «Центр Культурных Программ».

Развитие проекта «Сохраненная культура»

Альбом
«Ольга Биантовская. Графика. Плакат»,
2010 г.

DVD-диск
«Художник Ольга Биантовская.
Творчество на рубеже веков», 2014 г.

CD-диск «Путешествия И. Г. Бухман:
архитектура в акварелях», 2012 г.

Прошедшие десятилетия истории России были полны драматических событий и свершений. Смена эпох и формаций многое поменяла в нашей жизни. За чередой изменений важная часть нашего прошлого и настоящего – отечественное культурное наследие – начинает стираться и, если не обращать на это внимание, может исчезнуть окончательно.

Больше всего страдают от перемен:

– создатели культурного слоя России XX века, те, кто исторически ближе всего к современной эпохе, но оказались ею невостребованными;

– юные россияне, не по своей вине теряющие целый пласт отечественного культурного наследия и знаний о своей истории и культуре в созданных авторами уходящего времени образах и произведениях.

Художественные произведения различных жанров, форм и средств выражения, будучи созданными отечественными художниками, писателями, поэтами, скульпторами, архитекторами, учеными и другими творцами интеллектуального богатства нашей нации в XX веке, оказались забытыми и невостребованными, притом что их работы не потеряли ни актуальности, ни силы выражения, ни социальной значимости.

По духу они более близки старшему поколению, но также могут и должны стать существенной частью знаний для формирования культуры будущего страны – юных россиян.

Помимо смены эпох, еще одним ударом стал переход многого в нашей жизни в ее цифровое представление, когда без оцифровки информации знания становятся все менее доступными, а затем теряются.

Самой прямой дорогой, которая может привести страну и общество к сохранению культурного наследия и формированию вокруг него новой идеологии России, может стать систематический поиск людей, творивших в прошлом веке или знавших их друзей и родственников, а также создание системы в информационном пространстве Интернета, с помощью которой страна и наши соотечественники в СНГ и мире получают возможность сохранить созданные с таким трудом культурные ценности. На решение этой задачи и направлен проект «Сохраненная культура».

Сверхидея проекта – активное вовлечение в этот процесс детей и молодежи, будущих граждан своей страны и носителей культуры, а также использование новых информационных технологий как для перевода культурного наследия в цифровой формат, так и для перевода его в общественное достояние.

Первым в рамках проекта в конце 2010 года вышел альбом ленинградского и петербургского художника-графика и плакатиста Ольги Александровны Биантовской «Ольга Биантовская. Графика. Плакат», позже, в начале 2012 года, вышел CD-диск с ее работами. Форма издания, диск с оцифрованными материалами, оказалась одной из самых оптимальных и затем повсеместно стала использоваться в рамках проекта.

Далее, в мае 2012 года, вышел CD-диск с акварелями архитектора и художника Ирины Георгиевны Бухман (1917–2002) – «Путешествия И. Г. Бухман: архитектура в акварелях».

Четвертым объектом проекта стал художественный альбом работ петербургского художника Георгия Николаевича Рашкова «Иронический реализм», выпущенный в июне 2012 года.

В декабре 2012 года в рамках проекта вышел CD-диск «Труды по истории градостроительства» с трудами и личными архивами декана архитектурного факультета Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, советского архитектора и историка градостроительства Виктора Ильича Кочедамова (1912–1971), приуроченный к 100-летию со дня рождения архитектора. В апреле 2013 года материалы «В. И. Кочедамов. Труды по истории градостроительства» были дополнены и переизданы на DVD-диске.

В это же время был издан буклет выставки «Ольга Биантовская. Графика и плакат» (с CD-диском), прошедшей в Государственной академической Капелле Санкт-Петербурга 15 апреля – 12 мая 2013 года. В июле 2013 года вышла книга Владимира Карлика «Сергей Григорьев, Любовь Чернышева. Двойной портрет», которая продолжает тему российского балета, нашедшую отражение в рамках проекта в плакатах О. А. Биантовской.

В сентябре 2013 года CD-диск «Путешествия И. Г. Бухман: архитектура в акварелях» был дополнен найденными работами И. Г. Бухман и переиздан. В декабре 2013 года вышло третье издание DVD-диска архивов В. И. Кочедамова, и его личные архивы по Сибири и Средней Азии переданы в дар Омскому государственному историко-краеведческому музею.

В 2014 году было осуществлено электронное репринтное переиздание всех монографий и основных статей В. И. Кочедамова в электронной форме,

Альбом «Георгий Рашков.
Иронический реализм», 2012 г.

Книга
«Сергей Григорьев,
Любовь Чернышева.
Двойной портрет», 2013 г.

DVD-диск «Виктор Ильич Кочедамов.
Труды по истории градостроительства»,
2012–2015 гг.

Книга
«Александра Махровская:
ученый и градостроитель.
Воспоминания друзей и коллег», 2014 г.

Фотоальбом «Выборг и Монрепо», 2015 г.

а также осуществлено опубликование в Интернете полного содержания альбома О. А. Биантовской (2010), CD-диска И. Г. Бухман и DVD-диска с архивами В. И. Кочеданова. В октябре 2014 вышел новый DVD-диск «Художник Ольга Биантовская. Творчество на рубеже веков», содержащий все основные серии произведений автора.

Завершила цикл 2014 года книга «Александра Махровская: ученый и градостроитель. Воспоминания друзей и коллег». В ней рассказывается о творчестве и жизни ученого и градостроителя, чл.-кор. РААСН А. В. Махровской (1917–1997), публикуются воспоминания о XX веке и архитектурной жизни того времени, а также фрагменты научных работ А. В. Махровской в сфере реконструкции исторических городов. Книга стала новой вехой в развитии проекта: она написана друзьями и коллегами архитектора, которые сохранили добрую память об А. В. Махровской, знание и понимание ценности исследований и трудов, фрагменты которых напечатаны в книге, и работа над ней велась в новом для проекта формате регулярных встреч и обсуждения воспоминаний об ушедшей эпохе.

В апреле 2015 года была закончена оцифровка всех архивов В. И. Кочеданова и вышел двойной DVD-диск «Виктор Ильич Кочеданов. Труды и архивы по истории градостроительства. Сибирь. Санкт-Петербург».

В августе 2015 года при поддержке «Сохраненной культуры» вышел фотоальбом А. С. Мысько и В. М. Станковского «Выборг и Монрепо».

В декабре 2015 года увидело свет издание «Серебряное кольцо России». В этой книге, основным автором и вдохновителем которой является Тамара Николаевна Чистякова, рассказывается об идее и реализации единой туристическо-рекреационной системы «Серебряное кольцо» на территории северо-запада России, избранных достопримечательностях его одиннадцати регионов, проектах организаций, волонтеров и энтузиастов, направленных на защиту и сохранение культурного наследия и развитие туризма на северо-западе страны. Второе издание книги (переработанное, дополненное и исправленное) было размещено в Интернете в мае 2016 года.

С 2012 года в рамках проекта осуществляется создание 3D-панорам выставок, интерьеров и объектов культурного наследия. Так, в 2015 году были созданы трехмерные панорамы Свято-Троицкого кафедрального собора города Саратова и храма Иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (Санкт-Петербург). В 2016 году это направление нашло свое развитие в разработке открытой технологии с учебным пособием, ориентированным на начинающих энтузиастов, которые хотят защитить пространство культурного достояния, со-

храняя его в форме электронных трехмерных объектов-экскурсий. Для реализации этой идеи ведется подготовка над бесплатным Интернет-сервисом.

С конца 2015 года была начата работа над несколькими короткометражными фильмами о деятелях искусства и науки, в которых живое общение с творцами дает возможность глубже взглянуть на их творчество и воспринять те проблемы и задачи, которыми живут главные герои. Первым в задуманной серии в октябре 2016 года вышел фильм «Поместье Рашкова», посвященный творчеству и юбилею художника Георгия Николаевича Рашкова.

В сентябре 2016 года вышла книга «Стихи и поэмы А. С. Пушкина с иллюстрациями О. Биантовской». Книга включает в себя стихи и поэмы великого русского поэта, иллюстрированные в конце XX века Ольгой Биантовской; выход книги был приурочен празднованию 75-летнего юбилея художника-графика.

Ход проекта «Сохраненная культура», сложности и проблемы его реализации и накопленные методические решения с 2011 года представлялись в рамках различных мероприятий и статей. В частности, были сделаны сообщения на конференции «Интернет: инновационные технологии и инженерные разработки» (Санкт-Петербург, 18 ноября 2011 года), на конференции «Культура: государство, бизнес и общество. Принципы взаимодействия по сохранению и развитию культурного наследия в информационном обществе» (Стрельна, 12 июня 2012 года), на всероссийской научно-практической конференции «Теоретические и прикладные исследования в области архитектуры, искусства, дизайна и медиатехнологий», посвященной 100-летию со дня рождения Виктора Ильича Кочеданова (Омск, 16–17 декабря 2012 года), на международной научно-практической конференции «Культура: государство, бизнес и общество» в рамках XVI Объединенной конференции «Интернет и современное общество» (Санкт-Петербург, 9 октября 2013 года). Летом пришла приятная новость из Омска: в августе 2016 года омичи почтили память архитектора и историка В. И. Кочеданова установкой памятной доски на доме, в котором он жил.

Работа над проектом продолжается, он открыт для единомышленников, ширится их круг, возникают новые идеи и форматы объектов и идет апробация различных методик их создания. Настоящая книга о Доме академиков — не исключение, поскольку она представляет собой сочетание научных исторических и культурологических исследований и воспоминаний жителей это знаменитого дома.

Виктор Наумов

Проект «Сохраненная культура», www.russianlaw.net

Книга
«Серебряное кольцо России», 2015 г.

Книга
«Стихи и поэмы А. С. Пушкина
с иллюстрациями О. Биантовской»,
2016 г.

ДОМ АКАДЕМИКОВ. ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Литературный редактор К. С. Жуков

Автор-составитель В. Б. Наумов

Художественное оформление,
оригинал-макет – И. А. Цветкова

Редактор А. С. Степанова

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 200x200 мм

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 800 экз.

Заказ №

Отпечатано в типографии «НП-Принт»

Россия, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

<http://www.npprint.com>